



реальность фантастики

1-2 2009

Проза:

Александр Хуснуллин
«XXII век. Карачи-век. Россия»

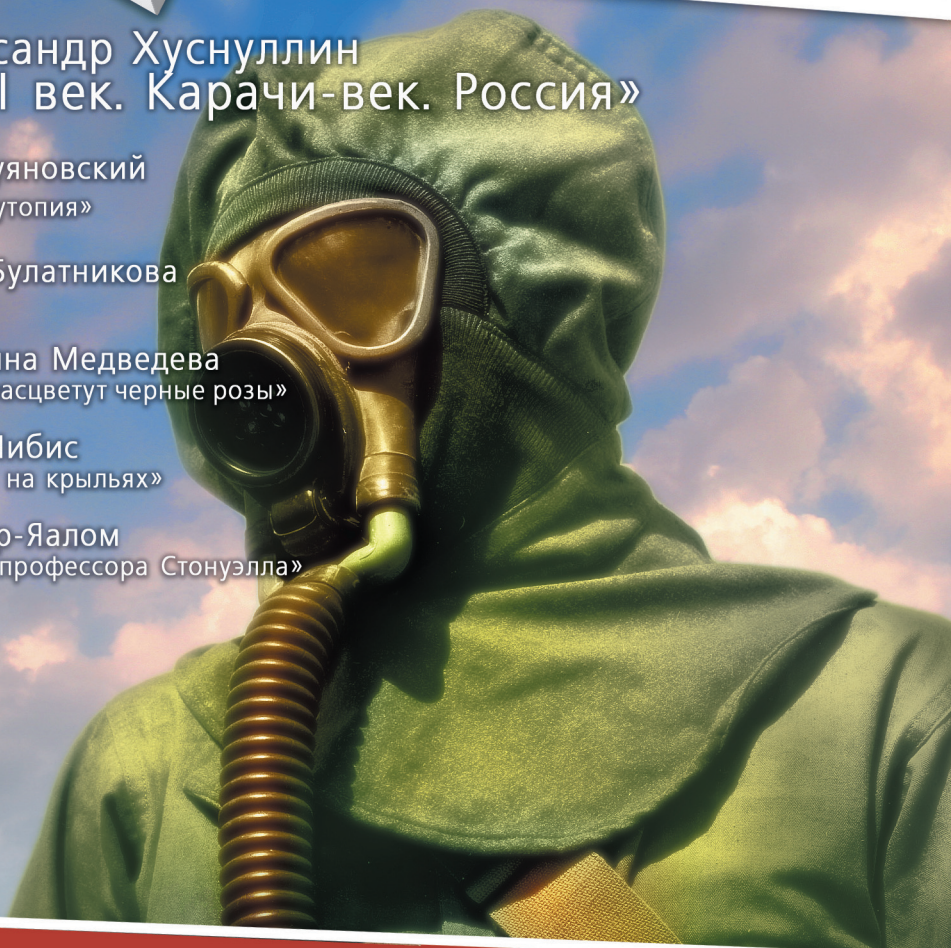
Илья Буяновский
«Новая утопия»

Дарья Булатникова
«Беяк»

Екатерина Медведева
«Когда расцветут черные розы»

Ольга Чибис
«Пыльца на крыльях»

Эли Бар-Яалом
«Голова профессора Стонуэлла»



Подпишись на журнал **hi-Tech PRO** с июня по декабрь 2009 года и выиграй приз!

**Главный приз –
компьютер**



Партнер акции — компания АБВУ Украина
www.ABBYY.ua, store.ABBYY.ua



Призы –
электронные словари **ABBYY Lingvo**
и система распознавания **ABBYY FineReader**

Я оформляю подписку на **hi-Tech PRO** с DVD
с июня по декабрь 2009 года

– 196 гривен*

Для того чтобы ежемесячно получать журнал, необходимо:

- перечислить на счет ООО «СофтПресс» 196 гривен. Выполнить перевод можно в отделении любого банка.**
Р/с 26006000001001 АО «Индексбанк» г. Киева МФО 300614, ЗКПО 22909834
- выслать по адресу: 03005, а/я 5, Киев, ООО «СофтПресс» копию квитанции об оплате и заполненный купон.

Адрес

Ф.И.О. или организация

e-mail

Телефон

* – без НДС согл. п. 5.1.2

** – за перечисление денег банк возьмет небольшую плату



СОДЕРЖАНИЕ

№ 01-02 (65-66) 2009

Проза

- | | | |
|------------------------|---|-----|
| 1. Александр Хуснуллин | / XXII ВЕК. КАРАЧИ-ВЕК. РОССИЯ
«Внезапно перед глазами всё расплылось...» | 6 |
| 2. Илья Буяновский | / НОВАЯ УТОПИЯ
«В моей квартире — три комнаты, и ни одного...» | 67 |
| 3. Никита Красников | / ТРОЙНОЙ ОБМЕН
«Держи, новорожденный! — Джимми передал...» | 96 |
| 4. Екатерина Медведева | / КОГДА РАСЦВЕТУТ ЧЕРНЫЕ РОЗЫ
«Ленивое солнце рассеивало по улицам города...» | 122 |
| 5. Ольга Чибис | / ПЫЛЬЦА НА КРЫЛЬЯХ
«Ходила сдавать пыльцу. Очереди не было, и я...» | 149 |
| 6. С. Бескаравайный | / СПРАВЕДЛИВОСТЬ
«Холм был мерзкий, тяжелый, от него несло...» | 172 |
| 7. Наталья Колесова | / СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР
«Она застонала, заслоняя глаза от солнечного...» | 190 |
| 8. Мария Парфенова | / СКОРЛУПА ДЛЯ НЕБА
«С небом что-то происходило. Что-то непонятное...» | 203 |
| 9. Юлиана Линк | / НОВЫЙ ПОВОРОТ
«Простым инженерием! Со средним достатком!..» | 214 |
| 10. Михаил Зипунов | / ОПЕРАЦИЯ «ЗЕЛЕННЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ»
«Это такое счастье? Возможность почесать там...» | 224 |
| 11. Илона Самохина | / СЕМЕЙНЫЙ ОБЫЧАЙ
«Да бог с ним, с луком-то! — взмахнул рукой...» | 231 |
| 12. Игорь Свиньин | / ЧУЖАЯ НЕНАВИСТЬ
«Зима подкрадывается все ближе, и вечера...» | 237 |
| 13. Алла Северинова | / ПАЛЬТИШКО ОТ КАРДЕНА
«Художник-модельер Виктор Самохвалов перевернул...» | 243 |
| 14. Дарья Булатникова | / БЕЛЯК
«Беляк, сволочь, опять пришел ночью со своим...» | 247 |



15. Анна Береза / НЕЗНАЧИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ
«Да затрахали вы меня своей занимательной...» 252
16. Сергей Карлик / ОТ КАЖДОГО ПО ЖЕЛАНИЮ
«Новый день разбудил меня телефонным звонком...» 257
17. Татьяна Плихневич / КАЗАКИ В ТЕНОЧТИТЛАНЕ,
 ИЛИ ЖЕ ГЕНИАЛЬНЫЙ РОМАН
«И назывались они тараски, потому что был у них...» 262
18. Эли Бар-Яалом / ГОЛОВА ПРОФЕССОРА СТОНУЭЛЛА
«В начале появился стон, хриплый, мерзкий и...» 266

**Места, где Вы всегда можете
 приобрести журнал
 «Реальность фантастики»:**

Киев

Киоски «Пресса», «Факты», торговые точки «СН-Столичные новости», книжный рынок «Петровка», ТЦ «Интервал-Плаза» рядом со ст. метро «Либідська», бутик № 23, киоски и раскладки на ж/д вокзале.

Харьков

Газетный рынок, магазин «BOOKS».

Одесса

Киоски «Пресс-служба Одессы».

Крым

Киоски «Союзпечать» в г.г. Севастополь,

Симферополь и др. городах Крыма.

Донецк

Киоски «Союзпечать», магазин «Мир прессы», ул.Горького, 59-а.

Львов

Киоски «Торгпресса», «Интерпресс».

Луганск

Магазины и киоски «Луганскпечать».

Полтава

Киоски Полтавского почтамта.

Марнуполь

Киоски «Союзпечать».

Сеть магазинов «Буква» по Украине, киоски и раскладки в разных городах.



Призовая подписка «Реальность фантастики» круглый год!!!!

В призовом фонде:

***Книги фантастики всех направлений
Фэнтезийная и историческая миниатюра
Коллекционные карточные игры
Настольные игры***

Правила участия:

- ✓ Розыгрыш призов проводится среди подписчиков журнала «Реальность фантастики»
- ✓ Подписчик присылает копию подписной квитанции и контактные телефоны в редакцию журнала
- ✓ В розыгрыше принимают участие копии подписных квитанций в виде ксерокопий, присланных письмом по почте или факсом
- ✓ Розыгрыши проводятся в редакции журнала
- ✓ Розыгрыш проводится 20 числа каждого месяца с января по октябрь 2008 года
- ✓ Имена и фамилии победителей будут напечатаны в журнале «Реальность фантастики»

Призы выдаются при наличии документа, удостоверяющего личность, в магазине «МОДЕЛКИТС» в Киеве, по адресу:
ул. Красноармейская 143/2 рядом с метро "Лыбидская"
ТЦ "Интервал-Плаза", 1-й этаж, магазин №23.

***Подпишись на журнал в течение года!!!
Фантастические призы ждут тебя!***



АЛЕКСАНДР ХУСНУЛЛИН

XXII ВЕК. КАРАЧИ-ВЕК. РОССИЯ

В

НЕЗАПНО ПЕРЕД ГЛАЗАМИ ВСЁ РАСПЛЫЛОСЬ. РАДУЖНЫЕ блики дрожали вокруг неясных двоящихся контуров. Солнце яростно жгло щёки и лоб. Глаза щипало. Егор потрянул головой, в разные стороны разлетелись капли пота. Несколько мокрых пятнышек темнели на прикладе.

Егор хлюпнул носом и осторожно, стараясь не дёргать рукой, промокнул обгоревший лоб рукавом, а потом, неестественно вывернув кисть, поочерёдно прикоснулся манжетом к закрытым глазам. Кожу жгло так, что на секунду ему представилось, как рукав начинает дымиться от кислоты, но, осторожно приоткрыв глаза, он снова увидел всё ясно и чётко.

Дело было дрянь. Чёртовы карачи копошились метрах в ста, не обращая на него никакого внимания. Егор легко мог всадить пулю в одного из них... да только что ему эта пуля? Так, вздрагивает туловищем, замирает на секунду... глядываается, что ли? Глаз-то у них не видно.

Дед говорил, — да упокоит его Господь-Аллах на тенистых пажитях! — мол, раньше были у них глаза. Много, но были! Можно было дёрнуть по ним из калаша, ослепить... А сейчас, шайтан их возьми, совсем смотреть не на что. Даже ноги у них стали тоньше, но зато намного прочнее.

Конечно, если бы динамит...

Егор вспомнил, как в город притащили на железном тросе двух подорвавшихся на фугасе карачи. Дядя Ахмат за рулём грузовика что-то орал, — уж наверное, не молитвенные песни, всегда был пьяный, — упокой его Господь-Аллах с миром, — только зубы весело блестели на чёрном от пыли и гари лице. Мама в толпе кричала что-то вместе со всеми. Они били карачи чем попало, а те только дергались перебитыми лапами и бормотали: «Мы не сделаем вам ничего плохого... Мы не сделаем вам ничего плохого...»

А потом дядя приставил ствол калаша к сочленению малого щупальца, — оно слабо обвилось вокруг сбитой мушки, — и выстрелил... только брызнуло из туловища во все щели. Народ закричал, запрыгал, а муллатбашка сказал: «Не жалея патронов, Ахмат! Мало им одной пули, оживёт, проклятый!»

Эх... так то ж когда было-то! Егору, поди, едва пять лет исполнилось...

Карачи продолжали копошиться. Из песка они то ли вырывали, то ли творили своим нечестивым дьявольским обычаем какие-то смутно угадываемые в пыли тонкие плетения. Вроде сетки, перекрученной и шевелящейся... растущей?.. чёрт, в этой кутерьме не разберёшь. Слава Господу-Аллаху, вроде, они не собираются двигаться в сторону города. Даже бесовская их сеть



извивается и дёргается явно в сторону старой мечети. Говорят, там третьего дня двух карачи видели. Гнезда у них там нет, это точно. Егор сам проверял.

Может, уйдут? Были же такие случаи, Егор сам слышал!

Егор облизнул палец, помахал им в воздухе, чтобы тот высох, подышал на окуляр бинокля и осторожно протер его. Карачи были видны, как в двух шагах. Пыль, проклятая пыль не давала ничего разглядеть.

Эх, второй окуляр разбит... жаль! Отец даже выругался, когда вытащил его из песка — вот невезение! Обидно — у трупа даже блок компа уцелел. Офицер, сразу видно! Экран смяло комочком слежавшийся ветхой ткани — не оживишь. Элементы питания вытекли, но на вид-то комп — хоть куда! Хоть бы одна кнопочка выпала... Старые Люди умели делать...

А у бинокля линза разбита! Чёрт бы с ним, с компом, на кой он нужен? Есть два у старосты Володи и ладно. Вот экран бы запасной! Наш и так был старый — сколько себя Егор помнит — на сгибах повытерся и цвета искажает, а сейчас и вовсе вместо красного тускло-оранжевый выдаёт... и буквы расплываются... шрифт хоть до 28-го увеличивай... речевой ввод лет пять, как накрылся...

Перед глазами сам собой появился староста, аккуратно подвешивающий уголок экрана, отцепившегося от гвоздя в стене. Экран беззвучно менял картинки каких-то зданий. Сгибы экрана тусклыми расплывчатыми линиями пережёвывали изображение... как прутья клетки...

Егор дёрнул головой. Надо же, чуть не задремал. Каково, а? На пекле таком, в ста метрах от карачи... а чуть было не заснул! Записать, что ли ихние пляски? Да ну... что там записывать? Не видно ни черта... да и аккумуляторы у камеры жаль. На пять минут хватает, а потом калаш начинает пищать, мол, подзарядить надо.

Егор осторожно проверил, прикрыт ли объектив камеры калаша колпачком. Ага, на месте. Это хорошо. Родного колпачка уж сто-лет-в-обед-какнет, вот и приспособили кусочек полиэтилена на ниточке... херня собачья, прости меня, Господь-Аллах!

Интересно, а в Челябинске есть аккумуляторы? Должны быть, гори они в аду, еретики-гяуры-блядь! Староста по три месяца от греха отмаливается, по пять раз на дню намаз делает, лишь бы в Челябине самое необходимое брать. В прошлом году в Храме Господа-Аллаха перед алтарём двое суток лежал, прощения молил... еле выходили потом... В апреле уже и собрались ехать, да так и не поехали. Жалко, слов нет! Отец-то хотел Егора вместо себя послать... в охрану. И то сказать, больше года прошло... много чего надо! Аккумуляторы те же... лекарства бы... справочники поновее... да много чего... и Маринкиной Маме-Гале бы протез достать... недорого говорит Маринка, можно поторговаться и б/у купить... и Маринке игрушку какую-нибудь привезти... вроде «Нечестивые против ниндзя Господа-Аллаха»... она так чудесно смеётся, когда играет... и коса небрежно заплетена... расплетается... а Маринка только плечом дёргает — некогда, ниндзя наступают!..



... Маринка... красивая такая... глазки светятся...
... «а говорят, что Старые Люди на Луне были!»... «врут они всё, Маринка»... «а мне Руслан говорил!»... «я вот твоего братца Руслана поймаю и напинаю так, чтобы ходить не мог»...

Тьфу ты, спаси Господь-Аллах, опять глаза слиплись! Может, позвонить, сказать, что всё спокойно? Без малого два дня тут парюсь, может, смену пришлют?

Нет, нельзя. Наверняка карачи звонок перехватят... кто их знает, какой вывод они из этого сделают?

Егор открыл фляжку и сделал два больших глотка. Как обычно, тело умоляло пить — ещё и ещё... и ещё!.. но он аккуратно завинтил крышку и стал ждать. Через минуту пришло привычное ощущение свежести. Рот наполнился слюной, — он языком провёл по всей полости рта, смачивая зубы. Ну и лето в этом году! Солнце шпарит, как никогда, комбинезон едва справляется.

* * *

Домой он ушёл ночью, когда уже совсем ничего не было видно. Карачи всё ещё возились в своей яме — ну, вылитые пауки с когтистыми длинными лапами. Егор видел, что яма стала немного шире, но все подробности по-прежнему скрывало пылью. Наверное, карачи всё-таки что-то откопали, иначе кой чёрт они вообще тут делают?

«Пусть Совет разбирается... там любят про Старых Людей поспорить, — думал Егор, осторожно пробираясь в темноте. — И так-то они думали, и этак... а если не так, то разэтак... Лучше бы в Челябинск разрешили съездить. Ромка-джи там был. Так с той поры надулся, как бурдюк — я, мол, среди еретиков-гяуров-блядь ходил, как Господь-Аллах среди демонов в пустыне! И Веру-Истину в себе сохранил... непорочной. Забыл, засранец, как я его зимой тащил на горбу. Если бы не я — лежал бы сейчас Ромка-джи на городском кладбище... если бы волки не растащили. А сейчас, конечно — круче Ромки-джи никого нету... просто Демон-Магеллан какой-то!

Егору вдруг стало смешно. Он представил себе Ромку-джи в виде Демона-Магеллана из учебника: рогатая корона на голове... длинные одеяния, расшитые безобразными знаками... и над головой надпись на зазубренной ленте: «На горе людям открыл я сатанинские дали!» Эх, если бы вместо Ромки-джи съездил бы в Челябину он, Егор! Так нет же! Шайтан побери, умудрился сломать ногу, можно сказать, на ровном месте! Теперь, вот, даже Маринка Ромку-джи слушает, раскрыв рот... а тот и рад стараться — цедит в час по чайной ложке — цену своим байкам набивает, хитрожопый. И ведь не проверишь — врёт или нет!

Эх, нет уже с нами деда Николая, жаль-то как! Сколько знал человек! Сам мулла-батюшка его уважал, староста только с ним и советовался. Даже древневеры, — еретики-гяуры-блядь, — с дедом почтительно разговаривали!



Да-а...

Небось, вкушает он сейчас на небесах райское блаженство и со своим тёзкой, святым Николаем-угодником, глюкозу пьёт и халву кушает, да на нас, грешных, сверху поглядывает...

Егор привычным жестом поправил на плече ляжку автомата. Идти было совсем уже недалеко — часа три, не больше. Вон она, вдали высится башенка... остатки храма древневерского. Крестоносцы построили — теперь уж и не знает кто и когда. Крест ещё на Егоровой памяти наверху стоял. Узорный такой крест, красивый. Небось, лунатики и сбили, — они крестоносцев спокон веку ненавидят. Дед говорил, раньше это место Касли называлось. И жили тут у подножия Уральских гор по чугуно-железу знатные мастера.

Да что говорить... вон из песка торчат развалины. Пацанами Егор с Ромкой-джи здесь однажды красивую решётку выкопали. Метра два — остальное круто вглубь уходило, не докопаешься. Хотели отломать кусок — ан нет! Хотелось домой притащить, чтобы матери не ругались... вот, мол, красоту какую нашли — любуйтесь, чего Старые Люди делать могли!

Ох, и попало же тогда от отца — вспомнить страшно!

Краем глаза Егор уловил какое-то движение. Поздно! Поздно! Размечтался, дурак!

Егор плюхнулся на слежавшийся песок, судорожно дёргая левой рукой предохранитель калаша. В ушах застучала кровь. Проклятый предохранитель не поддавался! Скосив глаза, Егор увидел, что дёргает за переключатель системы целенаведения. Шлем с щитком-дисплеем ещё при отце отказал и небольшая плоская коробочка СЦН мёртвым грузом липла к калашу... но энергии она не потребляла, не весила практически ничего, и ни отец, ни Егор так и не удосужились снять её с автомата.

Эх, дурак!

Егор судорожно сдвинул-таки рычажок и замер...

Неужели вляпался?

Из-за обломка стены, торчащей из песка метра на три, выдвинулся человек в таком же, как у Егора комбинезоне-песчанке. Ствол калаша твёрдо смотрел Егору в лицо. Человек мотнул головой в потёртом армейском шлеме, — экая вмятина на правом виске! — и отчётливо произнёс короткую фразу — явно вопрос — на тарабарском языке.

«Ну, шайтан, недаром мне дядько Саша звонил... говорил, что засёк двух человек с севера. Там больше всего тайных видеокамер уцелело... говорил, что старосте, мол, не волнуйся, я уже всё сообщил...»

Дядько Саша, — мужик лет тридцати, — жил в городе с позапрошлого года, но староста по-прежнему относился к нему с плохо скрываемым недоверием — всё-таки Саша был из староверов. В лоно Господа-Аллаха его мулла-батюшка привёл... народу в городе раз-два и обчёлся, каждые рабочие руки на счету. Дядько Саша от армии ушёл, — а светило ему гоу-гоу на се-



веро-восток с тамошними хунхузами за Эко-терем-бург воевать. Вот и дёрнул он напрямик из Полевского на юг, ближе к пустыне. Оно конечно, «Москва и с Китая дань берет» — за Сургут, за нефть... только дикий там народ, хунхузы, одно слово. Им и Пекин-то, считай, не указ, сами промышленяют, бандиты...

А в Полевском мэр-бай крут! Ему и на восток и на север двигать хочется, земли прибирать. Ему сами хунхузы-лошадники из степей северных, тянущихся аж до самого Ивделя, — дань платят! У него в армии не отъешься — сплошь походы, да вылазки. Вот и сделал дядько Саша вместо северо-востока гоу-гоу на юг, в пустыню. И у нас под крылом Веры-Истины прижился.

Человек нетерпеливо повторил вопрос. Лица его не было видно за блестящим щитком шлема, но, судя по тому, что автомат он держал у бедра, Егор понял, что уж его-то СЦН в полном порядке и мужик чётко видит на экране щитка красную точку где-нибудь на переносице Егора... туда-то он пулю и всадит, только на курок нажми.

— Не понимаю я, — отчаянно сказал он и оглянулся.

Поднять руку и активировать ларинги на режим переводчика было страшно. Дёрнешь рукой — тут тебе и прилетит гостинец... от Ангела Смерти Азраила — да не будет он назван!

Никого вокруг не было. Однако кто его знает, сколько ещё солдат прячется за стеной? И чего им надо? Дезертиры, что ли? Так, вроде, вокруг грабить толком нечего...

— О, по-русски говоришь? — обрадовался человек. — Старовер? Лунарик... то есть, мусульманин? Или христианин-крестоносец?

— У нас Вера-Истина, — мрачно сказал Егор; ствол всё ещё, как припаянный смотрел ему в лицо. — Мы во единого Господа-Аллаха веруем. А вы сами кто?

— Автомат за спину закинь! Руки покажи... глушилки есть?

— Нет.

— Ну ладно, — весело сказал человек и щиток его шлема с жужжанием открыл мокрое от пота лицо. — Мы тоже пребываем в лоне святой Веры-Истины, да славится Господь-Аллах и все присные его! Мы тут кругалю дали... не то, чтобы заблудились, просто нам нужно здесь где-нибудь перекантоваться денька три-четыре.

Из-за стены выдвинулся второй человек. Тот, видно, уже снял шлем. Мокрая жидкая шевелюра прилипла к розовому черепу. Человек был белокрыс, краснолиц и мрачен.

— Чего ты с ним возишься, Зия? — недовольно сказал он. — Напугал ребёнка до полусмерти.

— Не испугался он, — возразил Зия, стаскивая шлем и блестя круглой лысиной. — Он сам кого хошь напугает. Вон, смотри, как вызверился... орёл!

— Не испугался я! — возмутился Егор. — Это вы сами испугались.



Страх прошёл.

— Ты каслинский?

— Чего?

— Отсюда, говорю? Из Каслей?

Чудно он это название выговаривал... с ударением на первый слог... сразу видно, издалека.

— Нет, я из города.

— А название у города есть или так... в беззаконии пребываете?

— Город и всё... что его называть... вон в той стороне, если Иртяш по левой стороне обойти. Часа три-четыре ходьбы.

— Видимо, на месте бывшего Озёрска... карта, чёрт, говно! Мэр-бай у вас есть? А-а... староста... Слушай, Зия, хватит нам парня пытаться, дуи палатку, — ну его на хрен, отдохнём часок-другой.

— А можно и палатку дуть! — весело сказал Зия. — Вот нам абориген компанию-то и составит. Там мы его высушим, выпотрошим... и всё-то он нам с тобой, Савва, расскажет...

Лысый сноровисто сдернул рюкзак, отстегнул с его боковины какой-то свёрток-курдюк защитного цвета, оглянулся, зашёл в тень стены, бросил курдюк на песок и небрежно ткнул носом ботинка. Курдюк зашевелился, захрюкал и стал дуться.

Егор, забыв всё на свете, молча таращил глаза. Белобрысый — и чудно же его звали — Савва — строго сказал ему:

— Рот закрой, карачи насерет!

Егор покраснел. Бурдюк тем временем распучило со страшной силой — явно вырисовывалась палатка.

— Сейчас прекратится надувательство и мы все вместе изрядно отдохнём, — крикнул Зия, устанавливавший на верхушке стены крошку-камеру.

— Готово... сторож на месте! — сказал он и ловко прыгнул. — Мы всех видим, нас не видят... не заметят, не обидят! — и подмигнул Егору.

Ткань окончательно надувшейся палатки вдруг уплотнилась, зарябила разноцветием, — аж смотреть больно, — и вдруг стала прозрачной. Несколько смутных засаленных пятен слегка колыхались на невидимой ткани.

— Полежай, отрок... кстати, а звать тебя как? Как-нибудь замысловато? Типа Демон Пустыни?

— Егор меня звать, — буркнул отрок и опять открыл рот.

Савва, не дожидаясь приглашения, нырнул в клапан палатки и исчез. Палатка-невидимка... надо же! Егор о таких только слышал. Эх, мне бы такую, в дозор, а?!

— Полежай-полежай, — сказал Зия и втокнул Егора внутрь, где Савва уже тыкал пальцем в пятнышки клавиатуры на ткани стены.

— Идентификация, — пискнула стена.

А затем, совсем как в компьютере старосты Володи:

— О`кей.



Проявился экран, распался на несколько изображений, — похоже, что камера на развалинах была не одна. Егор видел совсем близко обрыв Иртыша, заросший кустарником ген-саксаула.

— Музыка хочу, — простонал Зия, расшнуровывая ботинки, — хочу сладостных напевов!

— Отстань со своим дутаром, — не оборачиваясь пробурчал Савва и вызвал что-то незнакомое, но красивое и чуть тревожное. — Моцартом тебя буду глушить.

— Савва, ты консервативен!..

— Я должен старосте позвонить, — сказал Егор. Интонации, против воли получились какими-то просительными, чуть ли не со слезой. — Можно?

— Валяй, — ответил Савва. — Какой там у вас канал?

— SQWD/4793.

— Я и сам знаю, что эс-ку-вэ-дэ... Подканалы есть?

— Н-нет... не знаю.

— Всё с тобой ясно! — воскликнул Зия, снимая второй ботинок. — Савва, друг мой, да продлит твои дни в сладости всемилостивейший Господь-Аллах! Разблокируй ты уже, наконец, весь канал целиком и пусть мальчик успокоит родных и близких!

Савва проворчал что-то непонятное, экран согласно пискнул. Музыка стала тише. Рядом с краем экрана появилась полоска с бегущей строкой. Ниже неярко засветился таймер.

— Звони... лишенец. Как закончишь, блокировка обратно активизируется.

Егор торопливо переключил ларинги на режим телефона...

Чёрт их знает, какой у них компьютер... но, похоже, что, — ах, шайтан! — всё перехватывается, пишется, архивируется, анализируется...

Словом, придётся идти с Зией и Саввой в город.

* * *

— Вот, мрачно сказал Савва, — живём накануне двадцать третьего века — полюбуемся.

— Го-о-ород... — с непонятной интонацией протянул Зия. — Впрочем, нам-то, что за беда? Может, в этом и есть великий философский смысл? Может, на руинах былого зарождается новый мир?

— Вон он, твой новый мир, — сказал Савва, — с водонапорной башни, балбес-шайтан, в нас целится. Слушай, Зия, ты бы опустил щиток, не выёживался, а? И обзор включи. Двое сзади... за ген-саксаулом прячутся.

Егор подумал, что, уж кто-кто, а Ромка-джи с башни в голову Зие не попадёт — хоть убейся. Стрелок он неважный, да и калаш у него со сбитой мушкой. Ещё от дяди Ахмата остался — старьё.

— Это мы! — крикнул он. — Староста Володя где? Выходите, всё равно они вас всех видят...



Сзади затрещали кусты. Вышло пара мужиков — смех на палочке, прости меня, Господь-Аллах! Один старее другого... не хватало им ещё Мамы-Гали для полного позора... дружина боевая...

О, Гагарин-шайтан, о-о-о!!!

Вон она, тут как тут... за стеной Установки прячется!!! Ну, позорище...

Ага, вот и староста Володя. И Ромка-джи с башни спускается. Надеюсь, он калаш на предохранитель поставил всё-таки. Если нет — вечером отпашаю. А где же мулла-батюшка с прихожанами? Не захотел, значит. Зато весь Совет тут как тут, в полном составе в тенёчке прохлаждается...

Егор шагал впереди и не оглядывался. Щёки его горели. Знакомый — до последней трещинки в стене Установки, до каждого обломка стены, до каждого кустика ген-саксаула и карагача, — а некоторых из них он сам трудолюбиво высаживал пацанёнком, — до вечно пахнущей верблюжьей фермы и загородок овечьих площадок, прикрытых сверху дырявой пыльной, засиженной вечными мухами маскировочной сетью, — родной город вдруг как-то разом поник и обветшал. Присел в испуге... и развалился... в пыль, песок и колючие кривые растения...

Пыль, песок, мухи, испуганные люди, прячущиеся в тени и вытягивающие шеи им вслед. Лабиринты, образуемые ген-саксаулом, руинами и карагачами. Удобно, если придёт враг...

Но вот, пришли незнакомые, пусть и не грозные на вид люди... и ясно, что не отгородишься от них, не спрячешься.

И идут за ними гуськом люди... десятки людей... и хоть впереди староста — но кажется, что именно за незнакомцами покорно в страхе идут горожане... и храбрый Ромка-джи с ними...

...и Мама-Гали с выбитым глазом... а выбил ей его своим щупальцем карачи, когда не отдавала она ему своего годовалого ребенка.

Город... родина...

Спасибо тебе, Господь-Аллах, пришли. Вот они, колонны над треугольной крышей; лестница, выдирающаяся из песка и пыли, степенно поднимается вверх щербатыми ступенями. Загадочные лица над дверью — с пустыми глазами и узкими подбородками... одно лицо плачет, а другое жутко смеётся... и непонятная надпись «...атр им. Мак... Горько...»... и маленькие окошки, заложенные мешками с песком во времена незапамятные, неведомые. Быть может, ещё и Старыми Людьми. Потому, как слежались эти мешки так, что между верхней балкой окна и верхним мешком два кулака просунуть можно...

Вот мы и внутри. Теперь вниз, вниз, по широкой лестнице, мимо большой статуи человека-Ленина с отбитой рукой... в спасительную прохладу старых знакомых стен. Ну их, этих гостей! Пусть пока староста Володя им втирает...

Уф... теперь можно отключить комбинезон, быстро-быстро содрать его с себя в тёмной, облицованной кое-где белым кафелем комнате, вымыть ноги и переодеться в обычную одежду...



Хм... это, наверное, Маринка рукав зашила...

Боролись с дядькой Сашей аккуратно перед выходом в дозор, ну и покалечили одежонку — так по шву и затрещала. Спасибо, Маринка! Хорошо бы, конечно, чтобы комбез домашний так же сам себя латал, как и военный... да и поддув прохладный во все места также не помешал бы...

Да, вот, не дал Господь-Аллах, — зашивать, да штопать приходится. Ну, ничего, не маленькие...

Егор торопливо ополоснул лицо, вымыл ноги. Армейские ботинки, конечно, не те говноступы из верблюжьей кожи, что приходится носить в городе, но и от них устаёшь. Он сунул комбинезон в шкаф — кто там у нас следующий в дозор? Карим? Эх... опять он калаш не смажет! Ну, да ладно, это всё потом...

А теперь — бегом в зал Совета, мимо закрытых дверей, мимо жмущихся к стенам любопытных людей — прямо по коридору. Эй, разойдись!

Вот и надпись «Гардеро...». Теперь слёту поворачиваем мимо старого Кима... — Привет, Ким! Всё власть охраняешь?.. А это что у тебя? Господь-Аллах, опять штаны расстегнулись?! Да ладно тебе, никто ничего пока не заметил... Извини, потом всё расскажу! После Совета!

Егор осторожно толкнул дверь. Изнутри, естественно, к ней прислонилась задницей Лада-оглы, а если по настоящему — Лада Макова — все-то уши она городу прожужжала о том, что сам Великомученик Тагил-мэр-бай, Танк-Веры-Истины, да благословит его Господь-Аллах! — ей приходится предком.

Нет, ну не сидится ей, как всем нормальным правоверным... обязательно надо стоять, прислонившись задницей к двери!

— Ой! Извините, Лада-оглы... я вот тут...

— Выкинуть бы тебя, мальчишка, шайтан! — прошипела Лада-оглы. — Сядь вон там, не мешай!

Егор, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в полумраке, прополз на четвереньках в угол, сел и затих. Никто не обратил на него никакого внимания... а могли и шугануть. Странно... даже Лада-оглы возмущалась только тем, что он ей под зад дверью двинул. А что на Совет припёрся без приглашения — слова не сказала...

Странно...

* * *

Егор осторожно пошевелил ногами — затекли. Пол-то каменный, да ещё и расположиться поудобнее не получается. Совет на подушках сидит, им-то что... а тут майся. Ромка-джи пыхтел над ухом и постоянно пытался навалиться ему на спину.

Староста продолжал плаксиво, но с какими-то внезапными визгливыми похвалами, бубнить об Установке. Всю историю гнал подряд, старый хрыч: о том, как в великом бою наши отцы и деды отбили Установку чуть ли



не у самих демонов... как искал нужные режимы Борис-оператор, да упокоит его Господь-Аллах на тенистых пажитях! Как получили они фирман-Москва от самого Президента-эмира на владение и установление границ. Как школу Веры-Истины утверждали. Про договоры и клятвы с Комбинатом затянул, — где сплошные атомы и радиация, — Господом-Аллахом проклятое место, — спаси и сохрани нас от тамошних сватов — пусть в других местах ищут. И вообще, мол, Комбинат, — а его ещё человек-Ленин строил, — через нашу голову с Полевским стукнуться норовит, еретики-гяуры-блядь...

Тоска!

А Зия с Саввой — ничего. Терпят. Сидят на высоких подушках, слушают, только ген-кумыс иногда прихлёбывают. Даже вопросы норовят встать... да где уж там! Староста, как пойдёт про политику, так его только мулла-бабушка осадить может. О, Господь-Аллах, теперь про верблюжью чуму затянул... подвиги зоотехников... сплошная самоотверженность предков...

Это я ещё не сразу пришёл, не иначе он прямо со времён Святого Джихада, Иисуса-Любви начал!

Егор в сотый раз двинул локтем куда-то наугад и Ромка-джи зашипел от боли.

— Балбес-шайтан... больно же! — но на спину наваливаться перестал.

Егор, стараясь не кряхтеть, переменял положение.

— Руку убери! — вдруг выпалила Маринка, и сидящие перед ними люди стали оборачиваться.

Ромка-джи запыхтел ещё сильнее. Егор было удивился, но тут же сообразил, что Маринкина фраза относится не к нему, а к проклятому Ромке-джи. Хотя белеющие в полумраке круглые лица Аллы-оператора и её мужа дяди Ани явно смотрели именно на него.

— Выгоню! — коротко сказал дядя Аня и отвернулся.

Егору было обидно, хоть разворачивайся и лупи Ромку-джи в ухо прямо тут, в Совете. Однако — выгонят сразу. Одного-то, может, и простили бы, а втроём...

Маринка, молодец, тихонько так, как крыска, вежливо просочилась. Зря только Ромку-джи с собой взяла, шайтана дурацкого! Тупой, блин, как верблюжья задница, а туда же! Подумаешь, в Челябинске был... ходжа задрипанный... руки распускает...

Егор закусил губу и стал смотреть на светящийся тусклыми пятнами потолок. Глянь-ка, ещё несколько тёмных пятен появилось... Вон там раньше пятно было на голову человека похожее, а теперь не пойми чего получилось. Дед говорит, что потолок раньше просто сиял, а теперь выдыхается, пятнами идёт. Прав был дед. В этой комнате школа была... потому что самая светлая... ещё мы сюда бегали... а теперь школу в другом месте держат, где солнце через маленькие окна под потолком светит.



Поутру, бывало, занесёт их песком и мулла-батюшка гонит наверх пару дежурных — отгребать... Раз они с Ромкой-джи, — а ведь здоровые уже были, лет по тринадцать! — добаловались и высадили стекло. Песок на школьный комп посыпался. Мулла-батюшка прочёл молитву о кающихся грешниках, засучил рукава своего комбинезона... и ка-а-ак врезал своим посохом по задницам обоим дежурным... ох и больно было! Не приведи Господь-Аллах под его камчу попасть — в его руке сила праведная, солдатская... и каш у него именной, собственный. Ещё от Первосвященника... реликвия!

— Слышь, Егорка, где ты их нашёл, а? — зашептал сзади Ромка-джи. — Там, где капище?

— Нет, — сухо ответил Егор.

— Так там же крест торчал! Куда мог деться? Карачи стащили?

— Какой крест, дубина! — не выдержал Егор и повернулся. — Это не крест совсем... а так, обломки какие-то. Нечестивое капище в другом месте!

— Тише ты! Смотри, аминь уже начали!

Егор посмотрел на старосту и вдруг понял, что тот замолчал и омывает руками лицо. Все в комнате нагнули голову:

— Господь-Аллах, Вера-Истина!

— Аминь, — закончил Зия по праву гостя. — Теперь, как я понимаю, наша очередь?

— У тебя фирман-Москва, ты говоришь — мы слушаем. Москва — сорок добродетелей, Москва всё видит, престол её у врат райских, семь холмов её — семь твердынь Веры-Истины! — забубнил староста Володя.

Ох, и хитрый же он у нас! Савва всё пишет, всё подряд — это уж точно. «До Москвы далеко, Казань неблизко, но слово не воробей, — хоп! — и пошло гулять по свету», — говаривал дед.

— Я вот что предлагаю, сказал Зия, улыбаясь во весь рот, — Сейчас мы закрулимся и дружно пойдём отдыхать. Полномочия, как вы поняли, у нас самые широкие, в городе мы дней пять пробудем и всё сами увидим. Спасибо Совету и старосте — историю вашего рода мы уже знаем, а что не знаем — вы нам и покажете.

— Потом, солдат, поди, приведёте! — дерзко выкрикнула Алла-оператор и народ зашумел, задвигался. Ей с мужем можно дерзить — их семья при любой власти пригреется — Установка-то всем нужна. Комбикорм верблюдам, овцам пойло, ген-галеты, аккумуляторы... всё от неё, Установки-матушки, благослови её Господь-Аллах! Секреты у них семейные, хрен кто ведает... без них, операторов, никуда!

— Не приведём, если лукавить не будете, — спокойно ответил Савва, а Зия засмеялся. — Мы в Святой Академии Наук не военная разведка.

— Ага, не разведка они, — нагнувшись к уху взмокшего Егора, горячо дышала Маринка. — А сами с ног до головы во всём новеньком... Мама-Галя говорит...

— Тихо! — крикнул староста. — Разгалделись! Совет окончен. Завтра вечером соберёмся — опять гостям слово будет.



Народ стал подниматься, кто-то закашлялся и звучно пукнул. Старый Ким уже торчал в дверях, кланяясь. На шее у него болтался тревожно попискивающий ветхий анализатор, среагировавший на оружие гостей.

— Егорушка, пойдём, попробуем с ними поговорить? — блестела глазами Маринка. Ромка-джи виновато топтался рядом. — Пойдём, а? Про Москву спросим... там всё-таки моя прабабка жила!

— Не жила, а бывала, — буркнул Егор.

— Тебе-то что, ты с ними два дня общался! — тотчас надулась Маринка. — Ну и иди... мы с Ромкой-джи сами... раз ты такой...

— Ладно-ладно, — торопливо сказал Егор.

Не хватало ещё, чтобы его оттёрли в сторону! А кто их сюда привёл, скажите на милость? Оно конечно, компьютер у Саввы тот ещё, довёл бы... но всё-таки!

У колонн уже толпился народ. На лестницу не поднимались — всё ж таки Совет! Но стояли плотно, старики в первых рядах, — и кто-то из молодых уже сажал на плечи девчонок. Разнокалиберная детвора облепила близлежащие стены. Какой-то сопливый шкет уже умудрился сверзиться и вопил, как недорезанный. Его с проклятиями выковыривали из колючек. Было душно. Солнце садилось, жёлтым выпуклым диском пристально глядя прямо в глаза выходивших. Безголовый идол человека-Ленина чёрным пузатым силуэтом торчал над угловатыми верхушками ген-саксаула. Небо пламенело. Неподальёку взревел верблюд — говорили, что, мол, приехали аж с Куяша... но это было явной брехнёй — не ближний свет!

Впрочем, фирман-Москва не каждый день на голову падает... могли и приехать.

— Кончилась наша прежняя жизнь, — неожиданно спокойно сказал староста.

— Рано или поздно, так и должно было случиться, уважаемый, — рассеянно ответил Савва, глядя куда-то поверх толпы.

Зия поднял руки и крикнул:

— Привет!

— Мир тебе, человек добрый, хан-батюшка, — разногласо загудела толпа. — Мир тебе!

Совет стал чинно спускаться с лестницы.

* * *

— Я знаю, — неожиданно заявил Ромка-джи, укладываясь спать. — Это ген-солдаты. Они могут руками бетон крошить и на лету пули зубами ловят. Как ниндзя Господа-Аллаха.

— Ген-солдаты запрещены, это демонское проклятие, — сказала из соседней комнаты Маринка.

— «Всякое изменение генетики человека — насилие над Верой-Истиной!» — процитировал Егор. — Ерунда всё это. Нормальные мужики. Я с ними два дня шёл...



— Да слышали мы уже, — перебила его Маринка. — Прикройтесь там, если голые, я к вам иду.

Егор поспешно завернулся в одеяло. Маринка появилась в дверях, закутанная с ног до головы и аккуратно присела, прислонившись спиной к косяку. Из-под одеяла смешно высунулись босые ступни.

— Вот смотрите, ген-саксаул — это же генетически изменённое растение, — гнул своё Ромка-джи. — Или ген-галеты.

— Ген-галеты и саксаул — это совсем другое! — решительно заявил Егор. — А человек — создание Господа-Аллаха по образу и подобию своему.

— Саксаул тоже... — тихо пробормотал Ромка-джи, но Егор сделал вид, что не слышал.

С Ромкой-джи всегда так. Он как-то давно к операторам пристал, мол, почему корни Установки гонят наверх только глюкозу, комбикорм для верблюдов и поило для овец. Ему ответили, что так задумано было ещё Старыми Людьями... и шагай отсюда, не путайся под ногами. Но Ромка-джи обнаглел и заявил, что коль скоро Установка умудряется из-под корки болота, из вонючего чёрного иртышского ила вытягивать комбикорм, так, поди, сможет и сыр с маслом... ежели настроить, конечно.

Операторы подняли его на смех, а Ромка-джи возьми, да и ляпни, что, мол, операторы уже которое поколение из года в год одни и те же кнопки нажимают, а на это большого ума не надо!

За что и был оттаскан за уши... а чуть позже выпорот муллой-батюшкой.

«Ты, Ромка-джи, поостерегайся такие слова говорить, — напоследок сказал ему, распаяясь, мулла-батюшка. — С таких разговоров ересь и начинается. А неймётся — гони в Челябинск самоходом, не заплачем. Там каждой твари по паре: и крестonosцы, и лунатики, и хунхузы... одни еретики-гяуры-блядь... вот и составят тебе компанию — пошёл!» — и, взяв дурака за ухо, поволол к выходу... на ночь-то глядя!

Ромка-джи представил себе, как в пустыне его, одинокого, пожирают огромные карачи и взвыл так, что Мама-Галя подумала — всё! — её приёмного сына мулла-батюшка насмерть засёк. Влетела в комнату — и на священника! И норовит в глаза вцепиться...

— А палатка у них тоже генетически изменённая? — спросила Маринка.

— Палатка — это нанотех, тут ума большого не надо.

— А компьютер? Ты его в глаза видел? Почему у Зири прямо из ладони все схемы и картинки в воздухе показываются?

Это было действительно чудо. Всё такое яркое, объёмное... живое просто.

Старики за пришельцами по городу не бродили. Из гордости и для солидности. Зато молодёжь и ребятня им проходу не давали, лезли с вопросами — что, мол, да как, там на белом свете? А правда, что в Москве на Луну летают? Кто-то даже клялся, мол, видел своими собственными



глазами новые блестящие пятна на Луне... дескать, только что добавились к старым.

А правда, что в морях демонские корабли в воду карачи запускают?

А правда, что в Москве тоже карачи есть?..

Все сразу притихли, а Зия неохотно сказал, что карачи — они везде есть, но в Москве их не в пример меньше. И всем стало почему-то неловко...

Но ребятня не унималась. А правда, что у президента-эмира такой компьютер есть, что всё-всё на свете видно? А правда, что в Челябине Москву не признают? А правда, что в Москве все-все могут в Сеть входить, а не только старосты и муллы-батюшки? А правда, что...

Зия смеялся и отвечал охотно. Савва, тот всё больше хмурился и что-то бормотал на ходу. «Соображения свои записываю... а то память дырявая», — ответил он на вопрос и все засмеялись.

А теперь, вот, никому не спалось. «Ну и денёк!» — подумал Егор, плотнее заворачиваясь в дышащее прохладой одеяло.

— Компьютер у него в теле зашит, — разглагольствовал тем временем Ромка-джи. — Или где-нибудь в заднице...

Маринка прыснула. Егор нахмурился.

— А вот мне другое интересно, — воодушевлённо продолжал Ромка-джи, не замечая, что из-под одеяла уже видать исподнее. Он размахивал руками и то и дело зверски ерошил шевелюру, невидящими глазами глядел на пустую ладонь, и снова запускал её в густые чёрные волосы. — Они же так и не сказали, куда после нас пойдут! Егорка, спорим, что им в Эко-терем-бург надо?

— Там в песке всё, — неохотно ответил Егор. Желание спорить у него пропало. Ишь, как Маринка на Ромку-джи уставилась, аж глаза сияют. — Люди говорят, только у Шарташа нормальная власть есть. Почти, как наш город. А по пескам вокруг одни еретики-гяуры-блядь мудохаются. Хунхузы там... полевские, лунатики... Верблюдов угоняют, людей воруют.

Неподалёку заорал какой-то младенец. В стену с той стороны со злостью стукнули.

— Потише говори! — сказала Маринка. — Побудешь все ясли.

К орущему младенцу тотчас присоединился другой.

— Ну, завели... — проворчал Ромка-джи и улёгся на бок, подперев голову рукой.

— Я спать пошла. Мальчики — пока! — и Маринка грациозно помахав рукой, удалилась.

Малыши продолжали орать. Эх... угомон вас возьми, мокрозяды! Поскорее бы в другое место перебраться, как взрослым. Эти ясли кого хочешь с ума сведут. Опять же, как без них?

Известное дело — храни грудного до полутора лет. Если карачи его у людей не украли — молись Господу-Аллаху — пронесло! Дед говорил, в ранишние времена целые битвы происходили. Ромкина семья, например, отбилась,



не отдала сына. Мать его только пострадала... при взрыве глушилки. Болела долго и умерла. А отец Ромку-джи выходил... укрыл от карачи... уберёг...

Мысли стали путаться. Перед Егором вдруг прошла Маринка... кокетливо завёрнутая в одеяло, как в плащ... потом пошёл дождь и Егор удивился — вроде, не время для дождя... лето в разгаре... а потом карачи рылся в песке и вдруг рассыпался на целую кучу маленьких муравьёв... «Нет, не муравьёв — маленьких карачи!» — спокойно подумал Егор...

И уснул. Как в чёрный ил провалился.

* * *

Ничего хорошего не сказал им мулла-батюшка при встрече. Вызверился только на пришельцев, мрачно головой кивнул на их приветствие. Огромный, заросший бородой по самые глаза, он был выше даже Саввы... да и в плечах пошире. Странный его комбинезон — армейский, но какого-то зелёного цвета с жёлтыми и тёмными пятнами, не песчаной раскраски, казалось, был ему тесен. Хотя, как может быть тесной нано-ткань?

— Мы пришли поговорить о Комбинате, — спокойно сказал Зия.

Мулла-батюшка повернулся и махнул рукой куда-то внутрь храма.

Егору до смерти хотелось зайти, но он боялся. Сзади переминался с ноги на ногу Ромка-джи, а чуть в стороне стояла Мама-Галя. Платок на ней был повязан на мужской манер — сзади. Выбитый глаз прикрыт... веко запало. А так, если привыкнуть, она всегда была красивой. Маринка вся в неё — и волосы такие же буйные, чёрные. Только Маринка их в хвост забирает, а Мама-Галя всегда распущенными носит... чёрная комета, как однажды назвал её дядько Саша. И выбитый глаз, и мужской комбинезон её не портят, и даже самодельные мягкие сапоги из верблюжьей шкуры — всё равно, на зависть всем женщинам города, все мужики на неё поглядывают.

— Николай, — позвала она муллу-батюшку и тот тяжело обернулся в дверях. — Мы тоже все зайдём, ладно?

— Зачем? — помедлив, спросил мулла-батюшка

— А вот там и узнаешь, — с вызовом ответила Мама-Галя.

Мулла-батюшка засопел, насупился, а потом отвернулся, буркнув:

— Двери Храма для всех открыты. Денно и ночью, — и прошёл внутрь.

Храм в городе был хороший. Егор сказал бы даже — знаменитый Храм. Ежели кто в город приезжал — все восхищались. Далековато стоял, на отшибе, но «путь к Господу-Аллаху коротким не бывает», говорил мулла-батюшка.

Войдёшь в Храм — мозаика бликами тонкими, огоньками живыми льнёт. Люди какие-то... планеты... флаг красный...

Из древневерского только одна надпись и понятна: «Кино». Вот, поди, компьютер-то здоровенный здесь стоял! Ромка-джи говорит, что тогда фильмы с запахом показывали. Врёт, конечно, но здесь, перед красотой такой поневоле поверишь...



Один молебельный зал чего стоил! Огромный, красивый! Со сценой-алтарём для избранных; с белым экраном во всю заднюю стену алтаря, с небольшой комнаткой за противоположной экрану стеной, два небольших окошка которой выходили прямо в зал над головами молящихся, рассаживающихся на вытертых добела креслах, стоящих строгими ровными рядами.

Бывало, как включит священник энигму — просто плакать хочется. А на экране святые картины плывут: Москва, космос со звёздами и планетами, Господь-Аллах на серебряном облаке руку Адаму протягивает, Иисус на горе проповедует, Давид-Микеланджело хмурится, Святая Мона-Лиза улыбается, Великомученик Тагил-мэр-бай Танк Веры-Истины пламенем объят, Имам-отступник на ветке, иуда, болтается, Гагарин-шайтан весело смеётся...

Егору всегда его жалко было — чего, вот, к солнцу стремился? Хотя, в принципе, всё хорошо закончилось. Господь-Аллах строг к дерзким... но милостив. Вот, погиб Гагарин-шайтан, а ведь вся Земля оплакивала! И дал ему Вседержитель место у трона своего... за красоту душевную, и простил прегрешение... только молиться Гагарину-шайтану людям запретил. Сам-то он за путешественников и странствующих молится, а вот ему помолиться — не положено...

А ведь мог Гагарин-шайтан жить да жить... президентом-эмиром России стать, да?

А вот и святая картина Эмира-Казань. Смеётся... прямо, как живой! В одной руке крест, а в другой полумесяц. Это его Господь-Аллах живым на небо взял... за Великое Прозрение Веры-Истины.

Ромка как-то сунул любопытный нос в комп муллы-батюшки. Тот его на урок принёс, да что-то заговорился с родителями после вечернего намаза. Там, в компе, все святые картины были... ох, и много же! Пацаны с девчонками до этого и половины не видели, оказывается! И мученики, и демоны (только и отличишь от людей, что надпись «демон» внизу), и какие-то города и храмы. Не иначе — Град Небесный, сказала тогда Маринка. И Мария-Мать красавица, и Иисус на кресте, и зверо-демоны — глаза разбегаются!

А в отдельных файлах — энигма-псалмы. Не просто так, а подписанные все не русским, а демонским компьютерным языком: Enigma-Voyager, Enigma-Remember The Future, Enigma- Metamorphosis... А по-русски нет ни одного названия. Бессмыслица какая-то... но до чего же красиво звучит энигма, когда её слушаешь!

Когда энигму поёшь, на душе светлее. А иногда тревожно так становится... хоть плачь, пусть и не понимаешь ни слова... Мулла-батюшка, когда вернулся, на удивление не рассердился. Дал Ромке подзатыльника и сказал, мол, подрастёшь, всё сам в Храме и увидишь. Энигму пойте, хоть до утренней зари, а в святые картины пока нечего любопытный нос совать — не доросли ещё. А надписи, мол, хоть и демонские, но не злобные. Господь-Аллах может и демонов на службу поставить — не пикнут, будут повиноваться.

Разговора взрослых ребятам послушать не удалось. Мулла-батюшка сразу же попросил их принести воды, — водопровод в Храм так и не протяну-



ли, далеко! — и пока они брели к ближайшей колонке, да там ещё пережидали небольшую очередь, да ещё и обратно тащили бурдюки с водой, как верблюды, по жаре на собственных горбах...

Егор услышал только, как мулла-батюшка закончил разговор:

— ... мало ли, что было раньше! Раньше, вон, холодно было, а сейчас до сороковых широт жарко. Глобальное потепление — спасибо Господу-Аллаху — вовремя закончилось, дав нам возможность жить в Вере-Истине.

— Не похожи вы на простого деревенского священника, — вкрадчиво, как показалось Егору, сказал Зия. — Армейская заквасочка, знаете ли... Бывший десант-сплох?

— А я не бывший. Я и сейчас на войне. Только война эта — за путь праведный, — отрезал мулла-батюшка, а Мама-Галя тихо сказала:

— Николай у нас и опора, и защита, и утешение. Уж и не знаю, что было бы, если бы не он был священником... — и вдруг положила руку на огромную ладонь.

Егору стало неловко и он, отвернувшись, преувеличено громко заорал:

— Пошустрее, задохлики! Маринка! У тебя воды всего-ничего, не копайся!

— Блин, бугай какой, — пропыхтел Ромка-джи, затаскивая в Храм свой бурдюк с водой. — Тебе-то легко говорить...

— Эй, молодёжь! — поднялся мулла-батюшка, — тащите всё, сами знаете — куда. И пошустрее обратно! Разговор есть!

* * *

Грузовик дяди Ахмата так и валялся неподалёку от Совета. Скрыт побегам ген-саксаула — только кабина торчит и суставы лап.

— А что лап-то... всего пять? — спросил, морщась, Савва.

— Таким и был... изначально таким! — отозвался старый Ким. — Ахмат его пригнал сюда году этак в восьмидесятом... так он уже и был на пяти лапах... да! На пяти, точно помню, на пяти! Староста ему говорит...

— Спасибо, господин Ким, — прервал его Зия. — Мы тут сейчас повозимся немного, авось, удастся взбодрить, а? А вы пока удалитесь... э-э-э... на время. Если что — мы вас позовём, хорошо?

И не дождавшись ответа Кима, он раскрыл рюкзак.

Серёжа-слесарь с женой и сыном Егором-вторым принесли свои сумки. Егор-второй важно достал нано-тестер.. важничает, засранец, как будто что понимает...

— Эх! — воскликнул Серёжа-слесарь. — Фирман-Москва... что не сделаешь для президента-батюшки!

Егор и Ромка-джи переминались с ноги на ногу в двух шагах. С одной стороны было ужасно любопытно... а с другой — Зия честно предупредил их о том, что, скорее всего раскуроченный пятилапый грузовик ремонту не подлежит. Ребятам не терпелось вернуться в Храм, где староста и мулла-батюшка перед намазом обещали москвичам прокрутить файл с новостями о мире, и где Маринка обещала им занять лучшие места.



То, что староста обычно показывал, было как правило, непонятым и до ужаса ненужным: какие-то войны на окраинах России, а то и пуще — в непонятных местах... почти у самой Стены-Европа. А то заставлял их смотреть ежегодные обращения президента-эмира к народу... причём говорил тот всегда о делах закрученных, московских... иногда упоминал о Казани... а об Урале — ни слова! Как-то раз обмолвился о Пермском-буфер-каганате... так это тоже далековато! Нет, конечно, Урал — граница, но всё-таки!

Зия с Саввой сказали, что файл свежий, — только-только из Москвы.

— Так мы пойдём? — не выдержав, спросил Ромка-джи.

— Валайте! — рассеянно сказал Зия и улыбнулся. — Вечером, после намаза встретимся.

Егор хлопнул Ромку по плечу и они наперегонки рванули к Храму, петляя лабиринтом ген-саксаула. Егор на ходу сорвал веточку карагача и крикнул отставшему Ромке:

— Кто последний — тому в задницу!

Ромка пыхтел, но упорно старался догнать.

У самого Храма сидел староста Володя. Он что-то бормотал себе под нос, прикрыв глаза. Старенький молитвенный коврик был аккуратно расстелен в тени козырька над входом в Храм. Неподальёку важно стояли несколько стариков из Совета. Запыхавшийся Егор перевёл дух и вежливо поздоровался.

Староста приоткрыл глаза и кивнул. Подбежавший Ромка-джи сложил руки на груди и поклонился. Говорить он всё равно не мог — бежал быстро. Ребята уже попытались обойти старосту по длинной дуге и пробраться в храм, как староста, закричав, поднялся и негромко сказал:

— Егор, ты мне нужен. Поговорить надо. А ты, давай, шуруй в Храм... началось уже всё.

Егор чуть не взвыл — вот тебе, здарсьте! А как же просмотр файла... и Маринка... и лучшие места в Храме?!

Ромка-джи довольно хихикнул и пулей умчался внутрь.

— Пошли, Егор. Присядем в Храме... только не в зале... чтобы не мешать никому...

Когда они уселись в маленькой комнате с двумя недействующими руко-мойниками на стене, староста долго молчал. Вот, ведь, как издевается... старый хрыч! Отец его недолюбливал... не зря видно!

— Москвичи провожатого требуют, — вдруг сказал староста. — Я-то тебя хотел в Челябинск направить. В охране. Караван собираем... шкуры пове-зём, ген-кумыс, двухлеток погоним. В этом году с верблюдами у нас хорошо. Ромка-джи был там, а теперь и тебе вместе с ним пора...

— А кто в дозоре останется?

Староста Володя прикрыл глаза и нехотя пробормотал:

— Я-то тебя сроду бы не отпустил... кроме, как в охрану до Челябин. Но москвичи — еретики-гяуры-блядь — Ромку-джи не хотят в провожатые.



Любопытен он без меры... глуп. А ты им подходишь... да и с калашом ты управляешься лучше других...

— Э-э-э... ну... спасибо... А куда идти-то? Не в Челябину что ли? А куда?

— На Комбинат им надо, — прошептал староста и вдруг остро глянул прямо в глаза Егора. — На Комбинат они хотят, понял?

— Так там же атомы и радиация?

Староста перестал прожигать Егора взглядом и снова закрыл глаза. После долгого молчания он сказал:

— Печень болит. Болит и болит... вот уже два года скоро. Сдохну, поди. Рано или поздно все мы перед Вседержителем предстанем — кроме демонов. Денно и ночью Господа-Аллаха молю о народе нашем, под сенью Веры-Истины пребывающем...

Издадала еле слышно донёсся многоголосый смех... город смотрел файл...

— Сдохну... ответ буду держать. За всех. За всех, понял?! За весь город! И простит мне Господь-Аллах этот грех — простит! Ибо отправляю я тебя с этими лукавыми, сам не ведая — куда. И отправляю я тебя, надеясь, что Вера-Истина в тебе... и ты с нею. И что спасёт она тебя от путей ложных, от соблазнов неверных...

Староста Володя замолчал. Егор перевёл дух. Ни хрена себе... на Комбинат идти.... Да ещё и с Саввой и Зией! Да ещё и с молитвенной помощью старосты! Ох...

Староста открыл глаза и буднично спросил:

— Грузовик они починят? Как ты считаешь? — И видя, что Егор опешил от того, что с ним советуются, как с равным, прикрикнул: — Чего рот открыл? Починят или нет?

* * *

— А ваш мулла-батюшка тот ещё фрукт! — крикнул Зия.

Сидеть на месте водителя было неудобно и Зия весь скособочился, держась за джостик-штурвал управления.

Грузовик заметно хромал на две лапы из оставшихся пяти и скрежетал при каждом шаге. Дело было не в нано-смазке — скрежетали мышцы грузовика... и тут, уж, поделаться ничего было нельзя. Во всяком случае, в городе... и с такими помощниками, как Серёжа-слесарь и его благочестивое семейство, сказал сердитый Савва.

— Очень загадочный мужик! — продолжал Зия.

Грузовик остушился и Егор с размаху ударился лбом о ствол собственно-го калаша.

— Ё-о-о-о! — промычал сзади Савва, прикусив язык.

Именно в этот момент перед кабиной и справа от неё возникли тёмно-коричневые стены...

...и не успел Егор удивиться, как в уши туго ударил взрыв.



* * *

География России (учебник для детей).

Вводная глава «История нашего мира».

Так было. Так мы должны знать. Так мы будем рассказывать детям своих детей.

Земля наша, сотворённая Господом-Аллахом, не всегда была такой, какой ты видишь её на картах. Когда-то на месте пустынь зеленели леса и текли полноводные реки. И полушария Земли назывались просто Восточным и Западным.

И разгневался Господь-Аллах на грешных, и напустил на Землю Великую Сушь, которую учёные называют глобальным потеплением. И отступила жизнь в те места, где ранее стояли трескучие морозы.

Так было. Так мы должны знать.

И начались войны между людьми за право жить и растить детей.

И начались войны за землю и воду.

И начались религиозные войны.

И верили люди во что угодно, и убивали друг друга христиане-крестоносцы и мусульмане-лунатики, идолопоклонники Будды-предтечи и Конфуция-лжепророка.

И было Откровение, которое принёс нам навеки Эмир-Казань о единой всеобъемлющей Вере-Истине, крылами своими покрывающей и ислам, и христианство, и Господе-Аллахе Вседержителе, безграничной милостью своею давший миру последний шанс.

И прошёл он огнём и мечом, устанавливая единое, низвергая раздробленное, искореня нечестивое. И был установлен священный мир по всей России, и принял бразды правления Эмир-Казань, став первым президентом-эмиром.

И закончился Святой Джихад за Веру-Истину великой победой правоверных.

И началась эра мира и благоденствия.

Так было. Так мы должны знать.

Тем временем Демонское полушарие вело свои войны, приняв сторону христиан-крестоносцев. И не было мира в демонских землях.

И в гордыне своей отделились демоны от человечества, укрывшись за океанами.

И Господь-Аллах сделал так, чтобы всякие контакты между Полушарием Веры-Истины и Демонским полушарием прекратились до Страшного Суда.



И теперь Россия мирно и счастливо процветает под крылом Веры-Истины!

Так было. Так мы должны знать. Так мы будем рассказывать детям своих детей.

* * *

... перед кабиной и справа от неё возникли тёмно-коричневые стены... и не успел Егор удивиться, как в уши туго ударил взрыв.

Нано-плёнка, натянутая Зией ещё в городе вместо выбитых стёкол кабины, вогнулась внутрь и мгновенно покрылась налётом песчинок и мелких осколков, вдавленных снаружи ударной волной. Раскалённый ржавый гвоздь на треть длины пробил плёнку и застрял в ней, блеснув под содранной ржавчиной сизым отливом. Егор ударился головой о дверцу и на мгновение ослеп...

Савва что-то орал, выкручивая джостик-штурвал, Зия судорожно тыкал локтем в бок Егора, поправляя монитор, висящий перед ним. «Комары» переориентировались на ходу, показывая теперь бородатых людей в песчаных комбинезонах, торопливо выбирающихся из открытого схрона. Экран дрожал, изображение прыгало. В левом углу паучком копошился грузовик, раскорячив лапы... изображение пошло полосами и смылось, — грузовик наискосок метнулся через весь экран. В кадр рывком въехала чья-то бородатая потная физиономия в защитных очках.

«Напоролись... — мелькнуло в голове, — ничего, раз не под грузовиком фугас грохнули — значит просто грабить... шайтан, где же эта чёртова ручка?!»

Егор наконец-то нащупал ручку дверцы и вывалился наружу. Зия схватил его за плечо, что-то крича. Егор рванулся, рука Зии соскользнула, дёрнув его напоследок за рукав, и Егор упал не на живот, а на спину.

Зия! Балбес-шайтан!..

Так, на живот, за лапу грузовика... ага, вон они откуда высовываются. Спокойно... главное — чтобы Ромку-джи в фургоне не задело... Нет! Вон он, лупит очередь с борта... молодец! Патроны только не жалее, засранец...

Ах ты... гадёныш... скovyрнулся... теперь второго... ага! Перекатываемся...

Слева от нас из песка наверняка вылезло несколько... но это уже Саввы забота... его сторона!

Др-р-р... прогрохотало по борту над головой. Не страшно... Взвизгнуло, срикошетировав от лапы... ничего-о-о! Это нам по фигу... мы умные... А теперь, суки, глушилка...

Егор, не глядя, привычно вдел пальцы левой руки в кольца кастета-глушилки. Неподальёку грохнуло... осколки дробно пробарабанили по кузову. Ничего... ничего! Там тоже нано-плёночка напылена... А мы, вот, — хоп! — под этим дымком и перебежим... перекатимся..



Из-за бархана вывалились двое и очумело запрыгали вниз по склону. Наркоты, поди, под самые уши приняли... морды поганые! Егор снял их глушилкой, только брызнуло... а заодно и третьему снесло полголовы, которые он успел высунуть из-за бархана. Самый гребень бархана мгновенно сдуло, как пыль... хорошо бы по глазам этим тварям... Эх...рука заныла, кисть онемела... ничего, заживёт до свадьбы!

Осторожненько... ага, вот и верх... горячо, блин, после глушилки... давай-давай, пока не очухались! Ромка-джи, милый, ты, главное, прикрывай меня!

Сзади зашипело. Егор не успел обернуться, потому что чуть ли не нос к носу столкнулся с людьми, корчившимися на песке. Ага! Глушилочкой вскользь задело — это страшное дело, сволочи! Вдали чернел вход в схрон и в угольном проёме бился злой огонёк. Боковым зрением Егор видел несколько человек, нерешительно топтавшихся поодаль.

Шипение нарастало. Егор успел выпустить короткую очередь, пытаюсь загасить огонёк, как внутри схрона что-то оглушительно лопнуло... и на месте схрона вымахнул чёрный дым. С размаху ударило по ушам. Егор неловко упал ничком, открыв рот и воткнулся мордой в раскалённый песок.

Спасибо Господу-Аллаху, в глаза ничего не попало! Егор перекатился в сторону и смахнул с век горячие песчинки. Бой, похоже, подходил к концу. Подоспевший Ромка-джи с гребня уже выкашивал уцелевших. Слева короткими очередями поддержал Зия. Из воронки на месте бывшего схрона валил дым и метался красный лоскут пламени, выпрастываясь и снова исчезая в дыму, как человек, отчаянно борющийся за жизнь. Господь-Аллах! Чем это их Савва шарахнул?

Егор метнулся к одному из уцелевших, тянущих вверх руки. Калаш тот откинул в сторону. На грязном лице блестели безумные глаза. Из носа ручьями текла кровь. На груди болталась пыльная стеклянная призма, внутри которой темнел отрезанный человеческий член.

Ага... держим на мушке... ларинги на режим переводчика — быстрее же!.. Главное — короткими фразами...

— Кто такие? Кто?! Говори быстро! Быстро говори, гад!!! Говори и я сохраню тебе жизнь! Кто вас послал? Комбинат?! А?! Говори!!!

— Господин, не убивайте меня, господин!.. — захрюкал в ушах монотонный перевод. — Мы просто хотели дань взять... мы люди из клана Прокопа-аги... Прокоп-ага, он... не стреляйте, господин, клянусь, я буду служить вам...

— Прокоп-ага с вами? Говори! Жизнь сохраняю! Говори!!!

— Он был в схроне... господин... господин!... Не надо!!! Ненадобенна!..

Егор выстрелил ему в лицо.

И пошёл добивать раненых и собирать трофеи. Слава Господу-Аллаху, простая шатун-банда... сброд.



* * *

— Говно твои «комары»! — хмуро сказал Савва. — Старьё. Прошлый век. Они сидели в фургоне грузовика. Мерцали экраны компьютера, выведенные на стены. «Комары» болтались над барханами в радиусе полукилометра, оглядывая окрестности. На одном из экранов длинной полосой чадила воронка. Любопытные ген-тушканчики прыгали где-то на пределе видимости «комаров», не решаясь подойти ближе. В небе к трупам уже приглядывались, нарезая круг за кругом, три здоровенных стервятника. Савва возился с печью, раздражённо пытаясь настроить её на оптимальный режим.

— Саввушка, и где же я тебе возьму что-то поновее? — весело ответил Зия, обрабатывая Егорову физиономию. — Схрон есть схрон. На то он и придуман на этой дороге. Не надо было кругала давать — пёрлись бы из города напрямую, на Комбинат!

— Я к тому, что у «комаров» твоих только и есть, что видео...

— А нюхалку мы им настраивать не можем, Саввушка... не та модель.

— Вот я и говорю — старьё!

— А что, есть и с нюхалкой?! — живо заинтересовался Ромка-джи, терпеливо ожидающий своей очереди на врачевание, — расшиб о борт колено, когда с грузовика слетел на помощь Егору.

— А как же! Конечно, есть! — весело ответил Зия. — Однако, Егор... ну ты, блин, и десант-сплох! На кой чёрт было шатуну ухо отрезать, а?

— На память, — зашипев от боли, ответил Егор. — Все так делают.

— Не шипи, сейчас закончу... Ухо-то, поди, Маринке подарить? — с непонятной интонацией спросил Зия.

— Ещё чего! Кто же девушкам такое дарит? — удивился Егор. — Нет... хранить буду... на воинскую память...

— И много их у тебя? — прогудел Савва.

— Три... это четвёртым будет.

— А у меня два... вместе с нынешним! — похвастал Ромка-джи.

— Эх... ниндзя Господа-Аллаха... — проворчал Савва. — Озверел народишко... пустыня!

— Да, идеи гуманизма здесь не в ходу! — пробормотал Зия, осторожно ощупывая онемевшую кисть руки Егора.

— Почему не в ходу? Просто они действуют в пределах рода... города, наконец! — возразил Савва. — Так, готово! Через три-четыре минуты можно ужинать.... Долго вы там ещё возиться будете?

— А почему у «комаров» нет иглы с ядом? — жадно спросил Ромка-джи. — Я бы их снабдил жалами... раз! — и готово!

Егор вздохнул. Кисть здорово ныла, да ещё и пальцы начали покалывать неприятные тонкие иголки... онемение проходит. Блин, Ромка-джи сейчас начнёт донимать Савву...

— Нету и нету. И хрен с ними! — пропел Зия, смазывая Егору пальцы какой-то приторно пахнущей дрянью. — Зачем нам это? У нас Егор-шайтан сам-один всех врагов поразгоняет... только покажи!



Егор против воли улыбнулся. Зия всё-таки хороший мужик... и от мази его легче становится, да!

Позвонить надо, кстати... успокоить муллу-батюшку, мол, у нас всё в норме и всё цело... даже трофеи есть!

* * *

«Кругаля» они, конечно, дали немалого. А всё староста Володя — умолил-таки Зию пройти по старой дороге вместе с караваном как можно дольше. Оно и верно — чем ближе к Челябине, тем больше порядка, хоть и движешься на юг. Отмахать до тракта километров двадцать, пройти по нему ещё столько же, а потом оставить караван в относительно безопасных местах и забирать вправо и вправо, делая круг, стараясь идти пустыней — право, это выгоднее!

Да и к комбинату подходить с юго-восточной стороны удобнее, не надо будет петлять между могильниками, — вот уж где сплошные атомы, шайтан их дери! Да и Карачай там рядом, вместе с комбинатовской шайтан-установкой... уж лучше обойти.

Но и предлагал староста немало: грузовик берите, Егора впридачу, еды-воды... короче, размахнулся! Только обратно всё пригоните — и будет над вами тогда полное благоволение всех святых и угодников впридачу. Мало ему, стяжателю, того, что Савва помог операторам наладить несколько барахлящих режимов на Установке... мало, что Зия насовсем оставил ему четыре следящих камеры в Каслях, — да ещё и подключил их к компу муллы-батюшки... мало, что накачал файлов свежих, а ребятишкам несколько игрушек-стрелялок подарил, — только попроси и в школе после урока можно до одури наиграться... так он ещё нано-плёнку выклянчил! Осталось — пшик! А ведь она не самовоспроизводящаяся! Регенерирует, конечно, — вон, как гвоздь из себя выталкивает, а песчинки да мелочь уже почти все осыпались, — но только в пределах места, куда натянута или набрызгана. А в баллончике она не растёт... не может.

Самое смешное — Зия с Саввой отдали полный баллончик! Оставили себе уже траченный. И значил староста Володя заветное сокровище... поди, теперь до самой смерти хранить-скопидомничать... и одарил гостей «на радостях» ещё двумя бурдюками с ген-кумысом.

Нет, ну, обязательно надо людям руки выкручивать и последнее отнимать!

Впрочем, Зия и Савва особенно-то и не торговались. Наверное, им тоже не шибко улыбалось в Комбинат с его атомами и радиацией соваться. Однако, они, хоть и учёные, а не солдаты, но приказ президента-эмира и Святой Академии Наук — это не шуточки! Гоу-гоу, и не жужжи.

Конечно, в таких случаях за компанию — всегда веселей! Вот и выпросили себе Егора.



Маринка ревела — куда Егора чёрт несёт, в самую радиацию к этим диким комбинатовским? Да они же там совсем чокнутые, язвами все покрытые, с мозгами, как у шатунов! Не успокоило её даже то, что Савва показал ей на своём компьютере радиационные поля — оказывается, и это берут его датчики! Мол, не бойся, дорогуша, обойдём мы все зловредные места! Не успокоило её и то, что мулла-батюшка выдал ей хороший калаш. Мужики, де, уходят с караваном — так у нас теперь в городе каждый ствол на счету — владей, красавица!

А ведь, Маринка с детства мечтала в дозоры ходить. Маму-Галю вконец замучила ещё маленькой — покажи, да расскажи где чего у калаша... и непременно стрельнуть дай.

В общем, грустные вышли проводы... даже Русланчик, Маринкин братишка, заревел под конец...

Общая молитва — староста всё просил Господа-Аллаха простить им грех общения с неверными, «которых гнездо нечестивое в Челябинске обрело себе демонскую поддержку» — долгая возня с погрузкой на верблюдов бурдюков со стерилизованным мясом и сублимированным молоком, возня с верблюдами-двухлетками, которых вели на продажу... словом, вместо радостной суеты, о которой мечталось Егору, вышло нечто почти похоронное...

Даже и вспоминать не хочется.

Правда, Маринка на прощание поцеловала Егора прямо в губы. Но, как на грех, губы у него были пересохшими... волновался тоже, чего уж там! А Маринкины — горячие, мокрые...

Эх!.. Так бы и остался!

А после Куяша, когда простились они с караваном, полдня уж прошло... обнаруживается в фургоне Ромка-джи... да ещё врёт напрапалую, что, мол, староста его сам отпустил... шайтан-врунишка...

Господь-Аллах его надоумил, это точно! Иначе сегодня, — вполне возможно, — схлопотал бы Егор пулю в лоб...

Ну, созвонились — чёрт с ним, радиомолчанием — утрясли...

Нет, хорошо, что он с нами!

Егор улыбнулся, засыпая... скатываясь по широкой спирали... туда, где прохладные руки Маринки легли ему на плечи... и светило незлое солнце...

А на экранах размеренной тенью, гуськом след в след прошли трое карачи... остановились на секунду около одного из трупов... и снова пошли. И видел их только Ромка-джи, дежурный с 02-00 до 03-30.

А Егору снились озёра.

Савва, — храни его Господь-Аллах за это! — вечером видео показывал... три прекрасных сестрёнки: Иртяш-озеро и два озера поменьше — Малая и Большая Нанюги — полтора года лет назад... и белые какие-то нереально прекрасные штуки — «яхты» — на их синих-синих волнах...



* * *

В скрипящем фургоне пахло ген-кумысом и сухим тленом. Через дырочки в потолке тонкими пыльными лучиками выпаливало солнце. Лучики синхронно качались — в такт шагам грузовичка. Ромка-джи упрямил-таки Савву дать ему порулить, и теперь вся оставшаяся экспедиция пристроилась в фургоне на контейнерах и потягивала через трубочки холодную кислую благодать.

Егор устроился лучше других — спина уютно привалилась к печи. Время от времени печь бормотала: «Напитки готовы!» — и мелодично звякала. Каждый раз Егор, повернув голову, тихо командовал: «Продолжить режим!» — и печь принималась мелко вибрировать, продолжая охлаждать шесть стаканчиков. Спине было приятно.

Какие там напитки! Савва с Зией сцепились.

Руками размахивают, машинально поглядывают на экраны «комариного» обзора, орут, показывают друг другу кукиши и прочие неприличные жесты и фигуры... а ген-кумыс у них в стаканчиках давно уже нагрелся. В порыве раздражения Савва иногда встаёт и, нависая над ехидно улыбающимся Зией, тычет пальцем в один из экранов, вытаскивая на свет какие-то картины и формулы, раздражённо отмахиваясь от звукового сопровождения файла. Зия только хмыкает и в две коротких фразы ответа заставляет Савву побагроветь. Тогда Савва уже который раз принимается орать:

— Ты мне факты, факты давай! А то у тебя, как у этого дикарёнка — сплошная Вера, а Истины нет! — и обвиняюще указывает на Егора.

В первый раз Егор попробовал, было, возмутиться — какие-такие мы, мол, дикари?! Химию знаем, биологию, нанотех понимаем, историю проходили... староста новости показывает... нашёл, тоже, дикарей — тыфу! Но Савва только нетерпеливо отмахивался и зывал, наседа на Зию:

— Валяй, доказывай! Морду лыбить каждый умеет, а ты пробори, пробори меня, доказательствами! Насквозь пробори, чтобы у меня каждая кишка поверила! Каждая!

В ушах пискнуло.

— Что там у вас, нормально всё? — пропыхтел Ромка-джи.

— Нормально! — хихикнул Егор, привычным жестом активируя ларинги. — Зия с Саввы шкуру снимает.

— А что спорят-то?

— А хрен его знает, прости Господь-Аллах! Научное что-то...

— Научное? — завистливо вздохнул Ромка-джи, посопел и отключился.

— ...как я тебе это докажу? — вдруг, побагровев, вскидывается Зия. — Святым духом?! Мы уже который год вокруг да около топчемся, всё никак подобраться не можем!

— Значит, твои программисты — говно! — парирует Савва.

— Сам ты говно, Савва! — шипит Зия. На шее и лбу его страшно вспухают вены. — Там программирование, возможно, на квантовом уровне идёт! Чтоб тебе...



Савва тоже шипит, как шайтан. Оба сидят друг напротив друга, наклонившись вперёд и прожигая глазами оппонента. Егор испуганно вытягивает в рот ген-кумыс и трубка громко и неприлично хрюкает. Ссорящиеся не обращают на это никакого внимания... и замерший было Егор делает глоток.

Первым откидывается Савва. С отвращением он смотрит на экраны и громко гнусаво тянет что-то непонятное, — явно обращаясь к Зие:

— Мальчишки о-то-бра-ли копе-е-ечку. Вели их зарезать, как ты велел резать царевича Дмитрия!

После чего стучит в стену фургона, велит Ромке-джи остановиться, и пересаживается в кабину водителя, на пассажирское место.

Этим свара и заканчивается.

— Что-то я не понял,- через некоторое время говорит Егор, — кто у вас главный?

— Президент-эмир! — не глядя на Егора злобно отвечает Зия, оторвавшись от трубочки.

— Нет, я говорю о тебе и Савве... кто у вас главный? Ну... кто командир?

Зия несколько раз хрюкает трубочкой, потом встаёт, запихивает стаканчик в боковую дверцу печи, достаёт из другой дверцы холодный стаканчик ген-кумыса, вставляет трубочку и, наконец, нехотя отвечает:

— Савва у нас теперь командир.

— Почему «теперь»?

— Ты что, не курсе? — мрачно удивляется Зия. — Тебе староста ничего не говорил что ли? Сбили нас, понимаешь? Пермские сбили! Мы и грохнулись в горах... на склоне Сугомака. Пять человек погибли... машина всмятку... только мы и уцелели. Потоптались, потоптались и решили пешком идти.

— А президент-эмир знает?

— Знает, конечно, доклад мы сделали, — машет рукой Зия. — Только толку от этого мало. У Москвы с Пермским буфер-каганатом свои заморочки... а мы — народ маленький. Живы... и хорошо! Савва, конечно в чём-то прав — ковыряемся на уровне конца прошлого века, когда ещё Москву Мурманском звали и нефть в печках гзгли... Вот, например, представь себе, что мы ваш грузовик починили бы оригинальным образом... заставили бы, например, ходить его на задних лапах и кланяться каждому встречному. И всё. Больше бы ничего он делать бы не умел.... В смысле то, для чего его сконструировали! Хорошо бы это было?

Егор представил себе грузовичок, шагающий по тропинкам города и кланяющийся Маринке... а передние лапы к груди прижаты, как у старосты Володи... и забулькал в стаканчик.

— Вот и мы с компьютерами и с Сетью — что-то можем делать... и что-то там делаем. Прикладные программки, игры. Только это так — грузовичок кланяющийся — не больше. И с нанотехом такая же дрянь — изучаем на уровне «а почему это он так делает? А что будет, ежели е-зет-прим-наноро-



ботов в кислую среду поместить, а не в щелочную?» не больше! И в тетрадку записываем, как древние.

Зия, похоже, разговорился не на шутку.

Егор вздохнул. Ну, теперь только держись... началось.

Вообще, слушать Зию было интересно. Только очень уж непонятно. Всё равно, что с древневерами разговариваешь — отдельные слова ясны, а в целом — смысл ускользает. Вот, например, мулла-батюшка тоже иногда, бывало, разговорится на уроке, так он хоть более или менее понятные вещи рассказывает, из истории, в основном. Как человек-Ленин начал атомный Комбинат строить, приняв имя человека-Сталина... как мусульмане сторону Веры-Истины принимали и какие войны из-за этого бушевали. Далеко ходить не надо — вон, из-под песка ствол танка торчит, песком отполированный... а у Каслей и вовсе, если в песках порыться, что угодно можно откопать, там самое сражение и разгорелось. Даже вертолетная кабина у старой мечети торчит, вместе с лопастями.

А Зия всё больше о науке...

Грузовик прохромал по осыпающемуся склону бархана и встал передними лапами на гребень. Пол фургона слегка накренился назад. Зия замолчал.

«Комариные» экраны на пределах обзора показывали какой-то замысловатый механизм, копавшийся в песке. Видно было плохо, но в облаках пыли угадывалось нечто вроде грузовика, опрокинутого на спину и сучащего лапами.

— Это ещё что за чушь? — пророкотал в громкой связи голос Саввы. — Идентифицировать не могу... нет файлов.

— Это большой карачи, — подал голос Ромка-джи, — или матка-карачи.

— А ты видел когда-нибудь матку-карачи? — включился в разговор Зия.

— Нет, — смущённо ответил Ромка-джи. — Староста говорит, они сами собой из песка рождаются... в смысле... нанотех.

— Внимание! — напряжённый голос Саввы прервал разговор. — Засёк... минуточку... вот! Чужие «комары»!

— Ромка-джи, Егор — из машины! Быстро! — скомандовал Зия резким скрипучим голосом. Лицо его моментально осунулось. — Савва! Наведение?

— Пока нет, — сосредоточенно сказал, почти пропел Савва, — на мушке нас пока не держат... наблюдают... Ромка-джи, вали отсюда, кому говорят!

Егор выпрыгнул из кузова и, пригибаясь, отбежал в сторону. Из кабины вывалился Ромка-джи и нехотя поплёлся к Егору.

— Пригнись, чучело!

— Пригибаться ещё... нет никого! Экраны...

— Экраны тебе схрон не обнаружат! — оборвал его Егор. — Держи левый сектор, а я сейчас...

Егор перекатился вправо, пробежал, петляя, метров тридцать и залёг в кустиках ген-саксаула. Эх, хорошая всё-таки штука — Саввин комп! Нам бы такой в дозор...



В ушах вдруг скороговоркой пробормотал Зия:

— Пацаны, лежите спокойно, договориться пытаемся! — и отключился.

Егор пролежал довольно долго, вдыхая сладковатый запах колючек. Неосторожно повернувшись, укололся. Чёрт, как только этот кошмар верблюды едят? Не переставая следить за окрестностями, поглядывал на рукав комбинезона, где маленькая дырочка от колючки уже затягивалась сама собой. Перед носом пробежала ящерица, остановилась на секунду, глядя бусинками глаз Егору в лицо... точь-в-точь карачи! Те, тоже, замрут на бегу и не то принохиваются, не то прислушиваются... жутковато этак...

Егор осторожно взял камушек и после долгой паузы, резко бросил его в ящерицу. Как всегда, реакция ящерицы была лучше. Егору показалось, камень ещё не вылетел из его руки, как ящерица мгновенно метнулась в сторону и убежала.

Ишь ты... опять обставила!

Вспомнилось вдруг, как в прошлом году они работали с Маринкой и Ромкой-джи и прочей ребятнёй на грядках. Скучная работа — ходи да поливай вонючей бурдой-бродилом грядки — аккуратные холмики песка, внутри которых посаженные месяц назад пустые обоймы от калаша уже пустили временные корни и качали кремний, железо и прочие элементы, формируя патроны.

Маринка была отчего-то грустна, и они с Ромкой-джи пытались её разве-селить. Ромка-джи изобразил, как староста гоняет Русланчика из зала Совета, а Егор рассказал, как старый Ким приплёлся в Храм с расстёгнутыми штанами и был высмеян женщинами.

В конце концов, Маринка рассмеялась и обняла Егора за шею и от души звонко чмокнула в обе щёки. Ромка было заворчал, но Маринка поцеловала и его. Ребятня вокруг заголосила, заулюлюкала... а Ромка-джи изобразил «разрыв сердца от восторга» и упал на грядки, плюхнувшись спиной в лужу бродила, отчего месяц потом ходил с чешущейся и облезающей кожей...

А по осени дозорный в районе Каслей напоролся на шатун-банду и сгинул. И мулла-батюшка выдал Егору калаш и комбинезон... дедушкин, как новенький, прямо со склада! И стал Егор совсем взрослым.

— Егор, в машину!

* * *

— Значит так, молодёжь, — хмуро сказал Савва. — Сейчас комбинатовские нас примут. За час доползём. Рта не раскрывать, лишние вопросы не задавать. Ромка-джи — это к тебе в первую очередь относится, понял? Держитесь пока тупо и молча...



— Вы у нас дикие туземцы-проводники, — весело сказал Зия. — Мы этих комбинатовских с трудом уломали на разговор... фирман-Москва помог. Мы представляем интересы президента-эмира и Святой Академии Наук — вот и всё, что вы знаете...

— Да мы и на самом деле только это знаем, — кисло сказал Ромка-джи.

— Вот и прекрасно! Меньше знаешь — меньше грешишь. Потерпите пока! Изображайте смирных ручных обезьянок при красивых и богатых путешественниках...

— Очень весело! — проворчал Егор. — За дикарей каких-то держат... за хунхузов диких... ха-ха-ха, щас описаюсь...

— Не надо описываться, надо молчать и хмуро смотреть по сторонам тупым взглядом. Кстати, оружие ваше при вас останется — это я выторговал... а вот «комаров» пришлось отозвать. Ну, да и хрен с ними... главное теперь — переговоры.

Зия был весел — ну, дальше некуда. Он, можно сказать, светился... С чего бы только? В самые атомы тащимся, в самую радиацию, чтоб её!.. нашёл, тоже, радость святую, великую...

Егор вздохнул, и прочёл про себя краткую молитву. Так, мол, и так, Господь-Аллах, убереги нас от чёрных дел Комбината, спаси душу и тело наши, аминь!

Эх, совсем взрослым стал... молиться совсем разучился. Всё на ходу, да бегом. Раз-два, трали-вали, хлоп-шлёп — вот и помолился.

В детстве, бывало, сидишь рядом с дедом в Храме, в темноте, смотришь на экран и энигму слушаешь. Светло на душе... и плакать хочется.... И Ромка-джи, друг верный, рядом сопит, глаза таращит...

Ох, вроде и всего-ничего времени, а как будто в прошлом веке всё это было! И дед ещё крепкий — седой и весёлый, и он, Егорка, вместе с Ромкой-джи... ковыляют босиком по песку, собирая верблюжий навоз в ведёрко... и Маринка-две-косички с вечно расцарапанными коленками... и мулла-ба-тяшка весь в повязках, только-только в городе появился, с дедом за столом по вечерам тихонько толкуют... два Николая...

— Давай-давай, Егорушко, нос не вешай! — хлопнул его по плечу Зия. — Разгони печаль-тоску нечестивую, у нас впереди жизнь интересная, не пресная! Правду говорю, Саввушка? А?

— Её, её, родимую, — проворчал Савва. — Угомонись, Зия, к чёрту в пекло лезем, угомонись. Я в кабине, Егор — со мной на всякий случай. А вы с пацаном сидите, бдите. «Комаров» нет, так что придётся нам на сканировании попотеть... Эх, чёрт, там ошибки-то... ошибочки... дырочки в полях ползут... — вдруг забормотал он, явно обращаясь уже не к ним. — Вот, дьявол-шайтан... а мы их по градиенту, по градиенту... по вероятностным... эх, жал, что по градиенту, дьявол-шайтан... там тоже худо...

Так и бормотал невесть что, вылезая наружу.



— Угробит он нас! — вскричал Зия, воздев руки к небесам, как монах-дервиш.- Точно угробит! Нельзя ему за джостик-штурвал в состоянии научного поиска!

— Заткнись ты, ради Господа-Аллаха! — послышалось уже снаружи. — Ромку-джи подопни, что он там ковыряется?..

* * *

Егор старался не смотреть на расплывчатую татуировку, — «R», — на потном лбу кобинат-мастера. Старухи говорили, что это — атом-заклятие... плохо на него смотреть! — а здесь, внутри, у себя в логове, комбинатовские закрывающих повязок на лбу не носят. Вон оно, на самом виду, демонское клеймо, — спаси, Господь-Аллах, — так и синее!

Однако неплохо пристроились древневеры, а? Пользуются всей этой благодатью, что наворотили Старые Люди! Длинные коридоры-переходы, полы из нержавеющей стали, бесконечные уровни комнат и тоннелей, соединяющих разные залы, битком набитые странными механизмами....

Комбинат-мастер показал им реакторный зал, где копошились несколько роботов, ковыряясь в потрохах комбинатовской Установки. Вид у роботов был какой-то усталый. У одного из них рабочий манипулятор двигался рывками, неуверенно... и Егор видел, как иногда робот помогал ему другим манипулятором, лишённым рабочих захватов. Вроде, как инвалид култышкой левой руки пододвигает частично парализованную, уцелевшую правую руку. Досталось бедняге... уж очень у него вид древний, — Егор таких только в Сети видел, когда староста Володя файлы про историю показывал.

Народу было мало. Все хмурые и делающие вид, что заняты — прямо некуда. Один из них демонстративно и зло грохнул железные цепи подъёмника прямо под ноги Егору. Да в потёмках, да на железный пол... зараза! Егор аж подскочил. Как только не выпалил с перепугу в придурка, сам не знает! Спасибо Савве, отвёл ствол...

— Ещё раз увижу такое, Лёня — отправишься в Челябинск, — негромко сказал комбинат-мастер и небритый Лёня сразу увял.

Старика боялись — это было видно. Они, хоть и древневеры все... крестоносцы... но порядок чётко знали, сразу видно. Кресты кругом — от атомов, наверное, огораживаются, еретики-гяуры-блядь. Священник у них щупленький такой, всё глазами зыркает... бородой зарос по пояс... как так? Наверху-то, поди, от жары сдохнешь с этакой бородищей!

И всё крестится. Ромка-джи его внимания не привлёк, а Егора так глазами и прожигает... спаси, Господь-Аллах, того и гляди порчу напустит... радиацию. Он-то с ней, поди что, как демон с карачи — заодно.

Но всё-таки здесь не так страшно, как наверху. Сейчас-то Егор немного отошёл от ужаса. Карачи, кругом карачи, ещё на подходах к Комбинату! Де-



сятки... а с перепугу кажется, что тысячи! В песок ногами вросли по колено. Малые щупальца непрерывно шевелятся. Стоят неподвижно, раскалённые полдненным злым солнцем. Да всё в тех местах, где наружу торчат вентиляционные трубы, доты-автоматы, входы в Комбинат... жуткая такая.

А один стоит у самого главного входа. Песком занесён до половины... а живой!

Зия строго-настрого запретил встречать в разговор, но Егора поначалу, на нервах, так и подмывало спросить у встречающихся мужиков, мол, что же вы, еретики-гяуры-блядь, совсем оскотинились?! Расплодили тут карачи, как песчаных блох! Или вам своя душа бессмертная не дорога — с демонами стакнулись, уроды? И в морду бы прикладом, в морду!

А вообще, врут всё про Комбинат... нет тут никаких страшных тварей, да и атомов-радиации не видно. Зия с Саввой непрерывный контроль держат. Нет-нет, да и выскакивает из ладони Зии объёмный файл — хорошо видно всё! Там, где атомы-радиация, там тускло красным светится. Есть, например, один коридор, так в глубине его всё малиновым налилось. Вход до половины мешками слежавшимися заложен. А в мешках, Савва сказал, дробь свинцовая. Хорошо видно, как от малинового зарева тень по полу тянется — значит там радиации меньше... мешки заслоняют, как солнечный свет. И кислотой какой-то воняет... да тошно так от этого запаха, хоть прямо тут и вылёвывай завтрак! Но, слава Господу-Аллаху, комбинат-мастер им это место, видимо, из бахвальства показал... не пошли они к этому перекрёстку, издалека смотрели

— Новая разработка? — довольно равнодушно спросил комбинат-мастер про комп Зии.

— Ну, не такая уж и новая... — проворчал Савва и старик ничего больше спрашивать не стал.

У него самого в мастер-зале комп несколько не хуже, вот, что интересно! Все планы в объёме, все переходы и залы видны. Ну, естественно, круговое слежение по периметру... и прочее там. Ромка-джи, засранец, не утерпел, ткнул-таки пальцем в то место, где они многоногий механизм видели. И спросил благоговейно:

— А там что такое?

Зия было нахмурился, но комбинат-мастер спокойно увеличил изображение и сказал:

— Робот. Лет десять, как потеряли. Хунхузы ему в бок из базуки влили. Я ходил... но ничего уже не сделаешь.

— Почему? — тотчас спросил Ромка-джи... вот, ведь, верблюд непослушный, говорили же помалкивать!

— Нано-программа сбита, — проворчал комбинат-мастер. — Слишком долго в радиационных полях был. Я его посылал по пустяковому делу, а хунхузы ночью подобрались и прибили. У него, родимого, самовосстанов-



ление уже тогда утеряно было... однако, мутации всё-таки потихоньку прут... вон, сколько лап раскидал за эти годы...

Ишь ты, роботы на основе нанотеха тоже мутируют, не врал дядько Саша! Небось, всё атомов влияние, будь они неладны.

— Я роботов в Челябине видел, так они совсем не такие были! — шепнул Егору Ромка-джи, когда очередным переходом они медленно поднимались по ступенькам вверх, на второй, жилой уровень.

Интересно, а с чего бы это комбинат-мастер, вдруг, всё-всё стал нашим Савве с Зией показывать, да объяснять? Неужто всё-таки фирман-Москва такую силу имеет? Пожалуй, больше Святая Академия Наук подействовала. Старик-то, как расхвастался, что, мол, их род от самого Бай-Конура происходит. Дескать, ушли тогда учёный с Бай-Конура, чуть ли не во времена человека-Сталина... да так и до Комбината с боями и прошли. И теперь хранят всякие тайны-секреты, упаси хоть нас-то Господь-Аллах от этого нечестивого знания! А на Комбинате тогда атом-бомбы делали, чтобы с демонами воевать. Кое-где, — это уже мулла-батюшка рассказывал, — их и по России использовали... но это давно было. В общем, сошлись тогда Бай-Конуровские с комбинатовскими и свой клан образovali. Учёные сплошь... по сию пору.

А мужики, это так... мелочь. Из Челябины приезжают на год — на заработки. Ну, конечно, их там проверяют-перепроверяют. По нанотеху спецы. А сам род, оказывается, тоже в Челябинске... только атом-мастера здесь постоянно живут, кто бы мог у нас в городе подумать!

И ставят себе атом-заклятие на лоб... мол, здесь теперь навеки жить буду, здесь и помру. Ромка-джи даже выпытал из Саввы, что и в роду Бай-Конуровских-комбинатовских тоже далеко не все мастерами становятся. Так... живут себе, кто чем занимается, там же, в Челябине.

А старик, конечно, страшный. Силища в нём чувствуется демонская. В железном кулаке всех держит, даже охрану комбинатовскую, толстожопых бездельников. Тем и вовсе лафа — отдежурил три месяца — вали на один в отпуск, в Челябину. Говорят, тут даже из Эко-терем-бурга солдаты есть... в смысле, бывшие солдаты. Завербованные. Хе-хе... дядько Саша прогадал! Ему бы тут понравилось... хоть и древневеры сплошняком. Однако есть и Веры-Истины правоверные.

Странно... и как они все вместе уживаются, еретики-гяуры-блядь? Ромка-джи говорил, что в Челябине даже мусульмане-лунатики есть... вот ведь, Вавилон какой, а? Нет, ну правильно, население чуть ли не шестьдесят тысяч... каждой твари по паре.

Ладно, пусть они тут хоть на голове стоят и на карачи молятся, а наше дело дозорное: смотреть, слушать, запоминать, записывать. Жаль, что позвонить нельзя — заблокировано всё... даже у Саввы комп разблокировать не может. Но это, уж, по-честному комбинат-мастер их с самого начала предупредил... так что жаловаться нечего.



— И чего ты мне спать не даёшь? Чего тебе не спится? Иди, вон, по коридору походи, если не ложится, а от меня отстань, а? — взмолился Егор. — Ну тебя к демонам с твоими «выводами»!

— Нет, подожди, — шептал Ромка-джи, горя, как в лихорадке. — Зия мне сейчас такое рассказал — с ума сойти! Тут, оказывается, даже в цехах кое-где карачи стоят! Ты, вот, с Зией не пошёл, а он мне многое чего рассказывал, пока мы у Установки работали... и с комбинат-мастером он на связи постоянно был...

— Нечестивое место! — отрезал Егор. — Здесь не только карачи, но и сами демоны запросто могут водиться, спаси Господь-Аллах. Запросто! Вот и спи. Надейся, что здесь всё перекрыто — мы с Саввой проверили.

— Так вот, — не слушая его, гнул своё Ромка-джи, дыша Егору в ухо генкумысом, — они в Москве хотят здесь станцию научную строить. Нанотех проверять. Запустят нанороботов прямо в радиацию и будут ждать, когда они мутируют — вдруг, мол, какие-то новые свойства прорежутся? Слышь, Егор, здорово, да? Это, говорят, Савва придумал, ещё давно. До такого даже в Казани не додумались, поэтому всё так секретно!

Егор и сам это уже понял. Савва обмолвился, что Москва давно уже тайком Комбинат обхаживала, да прежний комбинат-мастер наотрез отказывал. А сунетесь, мол, разнесу здесь всё к демонам... и отвалите от меня. Нынешний-то, похоже, будет не против. Только Сеть он, как и предшественник его, так и не разблокировал, поэтому до него не дозовонишься. Вот, значит, московские и вылетели на переговоры.

Из-за стены печально бренчал дутар... Зия сидит сейчас, поди, на своей лежанке, ноги скрестил и, закрыв глаза, музыкой наслаждается. А Савва, естественно, с компом возится. Считает что-то, итоги подводит... вроде Ромки-джи. Учёные кругом... прохожу от них нет...

— А ещё Зия говорит, что на южной стороне карачи возятся, делают что-то. Помнишь, ты рассказывал про...

Егор сел.

— Что же ты мне сразу не сказал, дубина-шайтан?

— Да я говорю-говорю, а ты спишь на ходу. Карачи такую же штуку, похоже, мастерят, как ты в Каслях видел... и никто не знает, зачем...

Егор вспомнил, как взметались ввысь струи песка и пыли... как жутко шевелился клубок лап...

Постойте, а чего это он так взволновался? Ну, строят, и шайтан с ними... мало ли что им в голову взбрело? Наверное, это староста с муллой-батюшкой его своими смутными страхами заразили...

— И что Зия говорит?

— Зия сам не знает! — зашипел Ромка-джи. — Говорит, на новую технологию переходят. Никогда, мол, карачи ничего такого не строили...

Егор снова лёг. Заснуть, видимо, не удастся... до тех пор, пока Ромка-джи не свалится...



* * *

С утра... хотя, какое тут утро... так, по часам только и знаешь, что оно наступило, комбинат-мастер пришёл к ним и долго толковал о чём-то с Зией и Саввой. Пацанов, конечно, не пригласили и Ромка-джи, надувшись, поплёлся в санпропускник — умыться. В санпропускнике торчали несколько небритых личностей. Двое плескались в душе в «грязном отделении». Со смены, значит, приплелись, работяги. В «чистом отделении» один тощий, по пояс голый волосатый мужичок пытался торопливо соскоблить с лица жгуче-чёрную щетину, кривляясь и приплясывая перед зеркалом. Ниже пояса юбкой болтался комбинезон. «И что выламывается? — хмуро подумал Егор. — В сортир, что ли приспичило?» Он так и не выспался... и теперь голова была чумной, как будто вместо мозгов в неё был насыпан горячий слежавшийся песок.

Егор сидел на лавке, поставив калаш между колен и исподлобья глядел на бреющего торопыгу. Господь-Аллах, долго ещё Ромка-джи будет там возиться? Решил весь кусок мыла известить?

Мыло было особенным: зелёное и пахнущее илом, оно щипало кожу... а если, уж, попало в глаза — только держись! Зато комбинат-мастер сказал, что оно хорошо чистит кожу и даже, мол, выводит из её пор атомы-радиацию... во что Егор не поверил сразу и бесповоротно. Чистит оно, как же... дождёшься! То-то окрест дурная слава идёт про комбинатовских. Мама-Галя говорила, что у них и дети-уроды рождаются... правда, и сами-то они далеко не красавцы, чего там... откуда от таких тощеногих здоровые-то родятся?

Егор вдруг представил свою свадьбу. Всё, как тогда, когда женился Ахмат... только вместо смущённого и улыбающегося щербатым ртом Ахмата и удивительно спокойной Алии он увидел себя и сияющую от счастья Маринку. И одежда у него новая, и Мама-Галя слезу утирает... и мулла-батюшка дарит им от имени прихожан пару верблюдов и десять овец... и калаш становится его, Егора, личным... именованным.

А что? Почему бы нет? Маринку он давно любит. Мама-Галя сама их с Ромкой-джи «женихами» с детства зовёт. Говорит, что, мол, Маринке здорово повезло, спасибо Господу-Аллаху — целых двое женихов по возрасту подходящих...

А как она на дядьку Сашу вызверилась, когда тот свататься притащился, жуть! Мол, единственную дочку не отдаст... и если ты, дядько Саша, не выметешься отсюда, считай, что жениться более ни на ком не сможешь.

— Ну, шайтан-огонь... — уныло проямлил тогда дядько Саша и поплёлся свататься к развесёлой Райке-джан.

Райка-джан тётка хорошая... только на мужей ей не везёт. И двойню у неё карачи забрали... но это давно было, когда она ещё до города не добралась. Муж тогда сгинул где-то в песках. Мама-Галя с соседками судачила, что просто бросил её вместе с двойней и — привет, любовь моя, иди на все четыре стороны...

Несмотря на жизненные трагедии, была Райка-джан весёлой, разбитной и похотливой. И к мулле-батюшке подъезжала, было, и Ромку-джи однажды



притиснула в каком-то закутке так, что бедняга прискакал к Егору весь красный и потный... долго открывал рот — хотел рассказать, а потом разревелся...

Егор хмыкнул, тряхнул головой и расправил затёкшую спину. Разрвёшься тут... Райка-джан, в принципе, тётка не старая и довольно симпатичная... и тату у неё на щеках красиво! Только не хватает у неё в голове какой-то маленькой деталюшечки. Временами несёт непонятно что... песни поёт...

Староста Володя, было, заикнулся, что её карачи испортили, а мулла-батюшка ка-а-ак цыкнет на него... тот и заткнулся сразу. Ничего, гремит мулла-батюшка, демонского в этой женщине нет! Мол, немного тронулась по причине несчастной жизни и пылкости организма... и закройте свои рты, засранцы болтливые.

Говорили, что мужа её позже под Куяшом нашли. Он из древневеров был... крестоносец... вот его на кресте и распяли. На самом солнцепёке. Комбинезон сняли... а без него на жаре больше суток не вытянешь...

Да что за шайтан! Долго там ещё этот чистюля плескаться будет?! Рад, что до душа дорвался, карачи-сын?

Ткнув Ромку-джи во влажный бок и сделав ему страшные глаза, Егор отдал калаш и зашёл в душевую. Калаш Ромка-джи поставил у стены, а свой положил на колени, усевшись, не надевая комбинезона, на скамейку.

Егор аккуратно прикрыл за собой дверь и прислонился лбом к стене, закрыв глаза. Ромка-джи оставил тоненькую струйку мутноватой воды, со звонким плеском стекающую в глубокое корытце. Он уже понял, что Егор никак не может избавиться от привычки экономить... и предпочитает поплескаться в корытце, чем под душем. Комбинат-мастер хвастал им, что водоносный слой у них независим от иртяшского, питающего город, и по расчётам, мол, способен нормально выдержать потребление не менее тысячи человек в течение десятков и десятков лет. Но... себя не переделаешь. Егору всегда было жалко расходовать воду попусту...

От стены пахло влагой и илом, и она приятно холодила пылающий лоб. Шайтан поberi, заболел, что ли? Вот, уж, не было печали... совсем не во время...

За дверью послышался приглушенный крик. Егор открыл глаза... что за чушь? Ромка-джи?!

Он присел на корточки, — если целятся, то целятся в грудь, спасибо мулле-батюшке за обучение, — и рывком распахнув дверь, перекатился вправо... успев мгновенно понять всё...

Двое голых мужиков, — у одного по спине стекало зелёное мыло, выкручивали лежащему Ромке-джи руки, пытаясь вырвать калаш. Лицо Ромки-джи было окровавлено. Худосочный «недобритый» зажимал ему одной рукой рот, а второй споро и страшно бил Ромку-джи в живот. Неподальёку валялась бритва.

Егор вскочил на ноги и на долю секунды замер.

Грохнул выстрел калаша... пуля с визгом коротко метнулась между толком, стеной и полом. Один из голых, увидев Егора, оскальзываясь, испу-



ганно потянулся на коленях за калашом Ромки-джи, который в борьбе закатился под широкую скамейку. Егор в два прыжка догнал его... за ногу уцепилась чья-то мокрая рука... и с размаху ударил в затылок ножом. Лезвие обломилось у самой рукоятки. За ногу дёрнули и Егор плашмя грохнулся на живот, сильно ударившись подбородком. В шее что-то хрустнуло, а рот моментально наполнился солёным и вязким. Носу повыше колена обожгло...

Егор судорожно бил свободной ногой, стараясь ударить каблуком, — спасибо Господу-Аллаху, он ещё не разулся! Под ударами подавалось мягкое... как матрас... в ушах стоял дикий визг... но вот каблук ударил во что-то твёрдое и ногу отпустили.

Егор поднялся на колени, оборачиваясь назад. Голый мужик отползал от Ромки-джи, зажимая рукой разбитое лицо. Между пальцами просачивалась кровь. «Недобритый», скорчившись, лежал на боку, держась руками за голову. Лезвие бритвы торчало в левой руке, наискосок и вверх... лучик лампы блеснул Егору прямо в глаза.

Егору стало весело... какие-то нежные тоненькие колокольчики зазвенели в голове. Он легко поднялся на ноги, слегка пошатнувшись, шагнул вперёд, тщательно примеряясь... и ударил ногой лежащему в основание черепа. Бритва по дуге улетела вбок. Ноги «недобритого» дёрнулись... руки разжались...

Отползающего Егор нагнал в три шага. Между окровавленными пальцами рабочего блеснул остановившийся от ужаса глаз. Одышливо, с привизгом, лежащий пытался что-то сказать.

— Кто? — коротко спросил Егор, схватив за шею и притянув прямо к глазам... запахло кислым... — Кто отдал приказ? Говори, жизнь сохраню.

— Ко... комби... ат... мас... мастер... тро... трое детей... не уби... вай...

Комбинат-мастер... ясно.

Егор отпустил лежащего, поднялся на ноги... с удивлением увидев у левой ноги лужицу крови. Вот оно что... полоснул-таки, бритвой...

Он вполсилы пнул скорчившегося в лицо... потом повернулся, подошёл к Ромке-джи, взял из его трясущихся рук свой калаш, откинул приклад, привычно зафиксировал его и с разворота, в два плавных, размеренных шага двинул подвывающего в грудь, а когда руки того разжались, наступил ему на шею и коротко, как на учениях, сильно ударил в лицо прикладом.

* * *

Потом они сидели рядом с Ромкой-джи. Тот сморкался... пыхтел и всё порывался рассказать Егору о том, как всё случилось... Ступни «недобритого» коротко дрожали и это было неприятно.

— Уби... убивать зачем? — плюясь кровью, распухшими губами спросил Ромка-джи, когда, поглядывая на дверь, ведущую в длинный коридор про-



хода к санпропускнику, Егор осматривал труп полуодетого и ворошил одежду, болтающуюся в шкафчиках. Насколько помнилось — до следующей смены ещё, как до Китая пешком... а видеокамер здесь нет. На кой они нужны... в санпропускнике-то?

— А ты как хотел? Чтобы я сам под бритву шею поставил? — рассеянно ответил Егор.

— Они... они бы нас могли и проще... убить... они только... об... б-безор-ружить...

— «Отдал калаш — копай могилу!» — пословицей отрезал Егор, поморщившись.

Голова по-прежнему гудела... и жгло порезанную бритвой ногу... еретики-гяуры-блядь... прости им Господь-Аллах их вольные и невольные прегрешения...

* * *

Чёрт бы побрал этого комбинат-мастера с его повальной блокировкой! Егор уже второй раз машинально активировал ларинги... и чертыхался. В ушах снова коротко пискнуло — сигнал перекрыт. Пришлось ждать, пока подтянется Ромка-джи. Чёрт, даже не свистнешь — тишина могильная — сразу эхо в потёмках гулять пойдёт.

Ромка-джи появился вовремя и бесшумно.

— Ты тоже ларинги включал? — шепнул он Егору. — Я уже три раза... по привычке...

— Ларинги-то ещё полбеды, — ответил Егор. Пластырь наконец-то начал действовать — жжение в ноге прекратилось, но перед глазами тошнотворно мельтешили чёрные мошки и бухало сердце. — Тоннелю конца не видно... а дойдём — наверняка охрана на выходе. Воевать придётся...

— Ты, Егор, довоюешься, — сказал Ромка-джи уже нормальным голосом, — напоремся мы на кровную... итак уже троих уложил. Как понаедут из Челябины — весь город вырежут.

Вот тут, уж, Ромка-джи прав. Кровная месть — штука такая... шайтан их знает, кого он там убил, — может шишка важная. С другой стороны атом-заклятия у мужика на лбу не было. Да и не стали бы посылать больших людей убивать... в смысле, обезоруживать двух пацанов из пустыни...

— Не напоремся, — ответил Егор. — А вот расслаживаться нам некогда.. Комбинат-мастер со своей блокировкой всю внутреннюю связь вырубил... зато и мы пока целы. Выбираться надо — и в пустыню. Или здесь отсидеться — найти уголок, а ночью попытаться уйти.

Зия с Саввой ещё по пути на Комбинат, — да будет проклято это место во веки веков! — показывали им карту, чуть ли не Старыми Людями составленную. Более или менее приличный файл... можно разобраться. Егора тогда только и интересовало, что как бы отсюда смыться, ежели прихватит. Нет, действительно, мало ли что... случись беда — хотя бы будешь знать, ку-



да бежать. Тоннель этот он тогда заприметил сразу, благо, что попасть в него можно было аж целыми пятью путями... в том числе и из жилой зоны... а тянулся он далеко — к развалинам большого цеха, где никакой атом-радиации отродясь не было, как объяснил Савва.

Вот именно этим путём они и воспользовались. Пришлось открыть две решётчатых панели, протиснуться через длинный ход, совершенно закопченный. Кабели здесь горели когда-то. Сажа так и висела в воздухе, дышать нечем... и крючки эти, — вот уж наказание, — торчали из стен, цепляясь за всё, что только можно. Однако, хорошо, что два предыдущих дня он не слушал нытьё Ромки-джи и осторожничал... рюкзаки они везде таскали с собой. Как, кстати, и Савва с Зией, упокой Господь-Аллах их души на тенистых пажитях! Наверняка их и в живых уже нет... вот, шайтан, мысли путаются. Так... вдох, задержал дыхание... мантра... вы-ы-ыдох... фу, полегче, вроде! В общем, шли бы сейчас, как идиоты, без рюкзаков. Как нагишом... Так что, хоть и цепляются они за все выступы и ржавые крюки, но это, уж, как Господь-Аллах сподобил — во всём есть шайтан-сторона — ноши своей не лишились, зато и пробираться неважно.

А когда миновали зону пожара и чёрные, как демоны, пробрались короткими коридорами к лючку, ведущему в тоннель, обнаружили, что тот забит высохшим до хрупкости мусором. Видать, не один год его швыряли... еле-еле проковыряли себе дорогу. Ромка-джи какую-то штуку нашёл. Стальная, причудливая, ржавая, и хотел её с собой прихватить — Егор запретил. Мало ли что, может эта штука вся малиновым светится, ежели её Савиным компом сканировать? Ромка-джи с сожалением вынул таинственную железяку из рюкзака и аккуратно положил на пол, к стене. Хорошо, хоть, не оглянулся и рукой не помахал, прощаясь...

Одно время в тоннеле попадались боковые помещения и каждый раз Егор действовал по всем «Правилам ведения разведки в условиях военных действий», вдолбленным в них муллой-батюшкой с самого детства — оттого и шли долго... хотя, честно говоря, положение было аховое и особенно торопиться было некуда. Комбинатовские «комары» там, наверху, выследят их в два счёта... не говоря уже о системе наблюдения комбинат-мастера. Одна надежда на то, что старик просто не станет высылать за ними погоню — ничего тайного они здесь не видели, ничего им не рассказывали. А дома могут только подтвердить истину — прав староста Володя, нечистое это место... проклятое! Эх, Господь-Аллах, помоги, к тебе взываю... из бездны!

Егор закрыл глаза и прочёл короткую молитву. Ромка-джи сидел рядом. Шершавая стена тоннеля, покрытая смутно видимыми потёками шайтан знает какого происхождения и давности, давила на спину. Глубоко же они забрались... не слышать ничего... и пахнет чем-то горьким, сухим... вроде, как от старинного трупа, давным-давно высохшего в песках до ломкой трухи ...



На головы чешуйками осыпался чёрный прах. На стенах угадывались ровные ряды кабелей, — каждый толщиной в руку, — покрытых корявой потрескавшейся корой изоляции. И тянутся, и тянутся... конца-краю не видно. И в каждом кабеле ещё много-много отдельных жил... их можно увидеть там, где изоляция осыпалась почти полностью... если посветить, конечно...

На Егора это почему-то давило больше, чем сам тоннель... а его же ещё и вырыть надо было! Вырыть — это понятно. Но столько проводов... сотни... тысячи километров проводов! Нет, не могли Старые Люди сами всё это сделать, не могли! Демоны, демоны ходили тут, где сидят сейчас Егор и Ромкаджи. Они выпускали из себя длинные кишки многожильных кабелей... они крошили гранит своими жуткими когтями... зубами... постой, Егор, демоны, они — те же люди, только в гордыню впавшие, сказал мулла-батюшка... «А я знаю, как у Старых Людей Демонское полушарие называлось!» — Ромкаджи... нет, ну неймётся тебе! Мама-Галя, бабушка, чего он ко мне пристаёт со своей ересью! Господь-Аллах, священно имя твоё... отстань Ромкаджи, молюсь я, не хочу из-за тебя грех на душу брать... не хочу слышать... «Америка! Америка!» — дразнится друг... и надо встать и накостылять ему по тощай коричневой шее... Только чтобы карачи не видели... А то... Но только почему карачи здесь? Что им от нас надо... и калаш, калаш мой где, Маринка?!!

— Егор, Егорка... Егор, открой глаза!
 — Калаш мой... где?!!
 — Да тише ты, не дёргайся... фу... и напугал же ты меня! Заболел, что ли?
 — Задремал чего-то...
 — Ну, ты даёшь... задремал... я вперёд ушёл, жду-жду тебя. Нет никого. Возвращаюсь, ты тут сопишь и стонешь. Постой, ты слышишь?
 — Не слышу, — сказал Егор, борясь с тяжестью наваливающихся стен. Глаза, казалось, разбухли горячими твёрдыми шариками. — Не слышу...
 — Ага, как же — не слышу... вон оно... бухает.

Стена чуть заметно дрогнула. Сверху осыпались целые гроздья мерзости. Егор закрыл глаза. Бухнуло... и бухнуло... шайтан с ним...

И как-то боком, сразу же, ввалился в сон, в горячую тухлую яму.

* * *

— Егор! Егор! Вот говнюк! Егор, открывай глаза! Открывай, сейчас легче будет!

Легче? Вот, уж не надо... сели на грудь и давят... какое там легче... и в ушах трещит и бухает... во рту, как карачи насрали. Стоп... карачи, где я видел их так много?..

Комбинат!

Егор открыл глаза. Оказывается, он лежал на боку всё там же... ха-ха! А ты хотел бы лежать дома, да? Неподалёку в темноте коротко взрывывал ка-



лаш и тени от вспышек прыгали по стенам. Вот и второй заработал... Теней стало больше. Егор открыл рот, чтобы что-то сказать... и его вырвало густой однородной струёй... как илом. Хорошо, хоть не на ботинки сидящего рядом на корточках человека.

— Во-о-т, — удовлетворённо сказал голос. — Через пару минут совсем оживёшь. Садись, хватит разлёживаться! — и крепкие руки поддёрнули его вбок и вверх.

— Зия? — тупо спросил Егор, опираясь спиной о стену и машинально вытирая рот рукой.

Правый рукав почему-то был закатан... ах, да... укол.

— Зия... укол? Ты?

— Так точно! — усмехнулся Зия. — Запомни — первые минут двадцать ещё может тошнить. Зрение восстановится полностью где-то через часик. Но соображать, ходить и даже бегать ты уже можешь. Держи, отпей глоток...

Егор аккуратно хлебнул из фляги. Ему действительно становилось легче.

— Что там... такое?

— Там, братец, целая война.

Знакомо зашипело, только слабо, — на расстоянии, — и через пару секунд бухнуло так, что, трянуло весь мир. Стены мгновенно вскипели облаками пыли и мусора. Из тоннеля вымахнуло чёрным прахом. Щиток шлема Зии был теперь опущен, а Егор замешкался, надевая повязку и заперхал, вдохнув бушевавшую в воздухе дрянь ...

— Ромка-джи... где? — со страхом спросил Егор, откашлявшись.

— Сейчас будем! — хрипло сказал в ухе удивительно знакомый голос, а второй, запыхавшись, сообщил. — Не пальните сдуру по нам, мы уже рядом...

Ромка-джи... его голос — жив, шайтан-дурак, жив! Эй, ребята, постойте... ларинги, выходит, заработали?

В клубах пыли, как в тумане, запрыгал мутный огонёк. Ближе... ближе... вот они, оба-два, спаси и сохрани нас всех Господь-Аллах, — грязные, как последняя шатун-банда!

— Егор! Егор! Ты в порядке?

— Ромка-джи... живой я!

* * *

— Да, не повезло комбинат-мастеру, не повезло, — сказал Зия, шагая по песку впереди группы. Из-за развалин стен выглядывала огромная луна, блестя демонскими квадратиками. Ровными прямыми огоньками шли своими путями спутники. — Вы-то ему были так... вроде мух. Прихлопнул и всё. Да и не прихлопнул — горяшка никакого. А вот нас ему надо было убирать спокойно и без особого шума.

— Из-за Москвы? — спросил Егор, глотая вязкую слюну.

— Ну... не столько из-за Москвы, мой юный убивец, сколько из-за Челябинска.

— Скажем, из-за Урала вообще, — пробормотал Савва.



— Ну, — легко согласился Зия, — пусть из-за местных тоже. Никому не интересно иметь под боком московскую военную базу. Политика!..

— А почему военную? — встрял Ромка-джи, шедший последним, и Егор подумал, что теперь-то тылы у них не закрыты... сейчас Зия начнёт говорить и Ромка-джи развесит уши и перестанет замечать всё вокруг. Впрочем, «комары» бдят.

Мысли его ушли в сторону. Вот, оно, значит, что... права была Алла-оператор! Да и сам бы мог догадаться — раз, уж, учёные хотят на Комбинате нанотех изучать, так их не один будет и не два. А охрана? А есть-пить-умышаться? А семьи? Не налетаешься туда-сюда вахтенным способом. Это из Челябины рабочие приезжают... три дня пути всего...

И мэр-бай всполошится, мало ли чью сторону комбинатовско-московская наука примет? И Полевской не так уж далеко... а там спят и видят, как солдат дополнительных найти, чтобы на Эко-терем-бург идти можно было... а при случае и Куяш прихватят, и на саму Челябину пойдут — почему бы нет? Политика — тут Зия прав. Эх... а разместятся они все у нас на Иртыше. С одной стороны — хорошо. Больше народу, безопаснее. И в дозоры можно не ходить...

А ушей отрезанных у меня уже пять... замечательно!

И у Ромки-джи — три... с неудовольствием подумал он. Хотя, если бы не я — сидел бы он сейчас где-нибудь в яме с атомами-радиацией, а старый комбинат-мастер заставлял бы его до самой смерти, — а она, гнойная, бы-ы-быстро бы пришла, — ковыряться там, куда старику роботов жаль посылать. Хвастал старый... показывал такое видео из каморок смертников... лучше, уж, сразу под пулю...

...

— ...ничего я не понял, Зия! Ты заорал, как безумный, за воротами — выстрелил. Я подумал, что тебя режут, и с калашом наперевес кинулся отбивать. А ты навстречу выскакиваешь... я чуть было в тебя пулю не всадил. А потом, знаешь ли, мне было не до воспоминаний, — вдруг горячо проговорил Савва и Егор очнулся. Что, опять сцепились? Им молиться надо, Господа-Аллаха благодарить, — живыми вышли — и неизвестно — надолго ли... а они опять за своё, тьфу!

— Ясно, — нервно ответил Зия. — Вот что, мужики, привал. Ненадолго.

Оказывается, только Егору досталась отравка. Ромка-джи не то невосприимчив, не то в капризах своих толком ничего не съел. Да и отравка была слабой — не убивать же хотели.

Зия с Саввой с утра нашли комбинат-мастера в добром здравии. Старый, — он же, как карачи... хрен что прочтёшь на его лице, — отправился вместе с ними в одну «хитрую дыру», как он сам выразился. Мол, радиационные уровни там таковы, что никому и не снились. И по всей России, дес-



кать, такого не отыскать. Что, уж, там Старые Люди наворотили — мало кому ясно. Савва говорит, что там, похоже, хранилище было. Что-то шибко активное, упаси нас, господь-Аллах! Не наврал старик. Такие уровни разवे в самом кошмарном сне приснятся, добавил Зия.

И пока оба учёных с горящими глазами лазали со своими компами по огромному цеху, старик потихоньку исчез.

— Ну, исчез и исчез... кто знает, может ему отлить приспичило. А я в соседнем помещении одну любопытную штуку увидел. Вроде перископа. Система зеркал и линз... и два окуляра, как у бинокля. Видимо, Старые Люди использовали вместо видео. «Комаров» тогда точно не было. Пока ты там со сканер-полями возился... Ромка-джи, не перебивай, потом объясню!.. я пошёл на эту систему любоваться. Не поверишь, но действует. Мутновато, конечно, однако видно почти всё. Иду, а у ворот карачи стоит. Пыльный, аж ключьями на нём висит, но видно, что работает. У нас в Академии точно такие же... помнишь, Шулгатый доказывал, что, мол, здесь на Комбинате они хоть немного, но другие? Врал... на самом деле и этот — точь-в-точь, как наши, московские... или тиксинские. И на Дудинке аналогичные. Во всяком случае — внешне. Стоит и стоит, мне-то что? Полюбовался перископом... глядь, а в соседней комнате за вывалившейся дверью — комнатка с пультом. А в стене — технологический лючок. Толстенький такой, свинцовый... с облицовкой из нержавеющей стали. Ага, думаю, проверим мы это чудо... открыл, стал замерять — глазам не верю. Именно то, что нам нужно!

Хотел тебя позвать, да подумал, что ты недостойн присутствовать при торжественной минуте и распаковываю NTUS... Ромка-джи, это контейнер с нанобульоном, понял? Ну, то, что мы облучать хотели. И именно в диких условиях, на выживание. Сейчас, думаю, спущу его в лючок, прикрою и маячок поставлю. И тут мне сзади ка-а-ак двинут по башке!.. оборачиваюсь, а сзади карачи стоит... расшеперился... и самое главное, уже в щупальце контейнер держит! Тут я со страху и взвыл... кто же знал?.. И рванул к выходу, пока он меня не убил. Ну, пальнул с перепугу... слава небесам, он за мной не погнался...

Ну, тут уже, видимо, у нашей засады нервы не выдержали. Ввалились они всей гурьбой... Савва, помолчи, это я уже для ребят рассказываю, — и начали шмалять, как безумные. И потом мы только и делали, что бегали, как тараканы, и галопом прорывались к тому же тоннелю, что и вы...

Зия и Савва прошли к тоннелю другим путём, разворотив стену в одном из цехов. Мужики, однако, попались упрямые и сидели у них на пятках до самой той поры, когда учёные наткнулись на Ромку-джи, который так ошалел, что чуть ли не на шею им кинулся. С одной стороны хорошо, что не начал стрелять, а с другой... в общем, растерялся наш Ромка-джи... и отобрал бы у него Егор третье трофейное ухо, если бы не остался он с Саввой прикрывать Зию, всадившему Егору верблюжью дозу антидота. Остался и вёл себя вполне достойно. Ладно, пусть дома хвастается... только далеко ещё до дома!



— Значит, отобрал...
— Да, Савва, отобрал.
— Выходит, мы нащупали-таки путь... тот самый прорыв! — вскричал Савва и вскочил. — Покажи файл с теми полями, давай, покажи!
— Остынь, — тоскливо ответил Зия. — Нет у меня этого файла. Стёрт.
— Как нет? Когда?.. Ах ты, шайтан-скотина, погань проклятая! — застонал Савва и снова сел, уткнувшись руками в лицо. На лысине его, просвечивающей сквозь редкие волосы, отблескивала луна. — Ну, суки... суки!..
— Стёрт. Ни хрена не держит наша защита, не в обиду будь сказано. А заодно и почти всё, что по Комбинату накопили... это, уж, он на всякий случай... а в Москве, может, уже и бульон изъят, если о самом плохом подумать.
— Зия! Как ты можешь так спокойно говорить?! — Савва снова вскочил и забегал вдоль стены, за которой они укрылись от ночного ветра. — На кой чёрт мы тащились сюда? На кой чёрт погибло столько народу? Для чего?! Чтобы этот наш дикарёнок смог побольше ушей набрать? Чтобы починить грузовичок для старосты, чокнутого на религиозной почве? Привести местной шантрапе новые фильмы про Ивана-батыра?

Лицо Зии вдруг сморщилось... он нервно всплеснул руками и вскочил. Губы дрожали:

— Я — «спокойно»? Я... да ты...
Ох, что же это он? Шутил, ведь, видно было, что держался!
— Фильмы нам староста запретил смотреть, — внезапно сказал Ромкаджи. — Так только... из истории Святого Джихада, да игры... больше ничего не разрешает.
— О-о-о! — совершенно неожиданно для Егора застонал Зия и ушёл в темноту неверными шагами. Калаш он оставил прислонённым к выкрошенному кирпичу стены.

Савва тотчас пробормотал команду. Несколько «комаров» перегруппировались, зона слежения вытянулась в сторону ушедшего Зии... изображение стало немного хуже.

— Зия, я прошу тебя, не уходи далеко, — негромко попросил Савва, перестав бегать, и неуверенно потоптавшись перед экраном.

Видно было, как Зия остановился... он стоял и размахивал руками... погрозил луне кулаком... потом ларинги всё-таки пискнули и Зия прошипел:

— Куда тут уйдёшь? Куда?! — выругался... и отключился.

Ребятам грустный Савва сказал, что всё объяснит завтра, а пока: Егор — на дежурство, личному составу — спать. И то сказать, ухайдакались все. Ромкаджи не утерпел, задал какой-то вопрос, но уснул, так, похоже, и не договорив до конца. Савва уже сопел. Неподдалёку, на торчавшей из песка печной трубе, на диво крепкой, сложенной из красного кирпича, шлифованной и заваленной тоннами песка и годами ветра, понуро сидел Зия, и на экране видно было, что включил он ларинги на свой любимый дутар и только качает головой, что-то бормоча.. Луна освещала его... Зия был похож



на печального песчаного шайтана, тоскующего по тем временам, когда ещё не разгневал он Господа-Аллаха, а был лёгким и нежным Ангелом Небес.

Ромка-джи сменил Егора в четыре ночи, когда небо светлело. Егор дал ему поспать лишние два часа. На поблѣкшей луне яркими солнечными зайчиками отсвечивали демонские квадраты. Зия сидел, прислонившись спиной к трубе в закрытом шлеме. Голова его свешивалась на грудь. Где-то часа в три он внезапно включил связь и пробормотал:

— Хоть стреляйся... — и отключился.

Слава Господу-Аллаху, калаш он с собой не взял, а глушилки они с Саввой извели все напрочь, когда воевали в Комбинате. Нечем ему стреляться.

Савва, видимо, не отключал ларинги, но не проснулся, а только промямлил что-то во сне. Что касается Ромки-джи, то он лежал в обнимку со своим калашом и видел, наверное, что-то грустное во сне, потому что хмурился. Несколько раз он стонал... и Егору его было жаль... ничего, спи Ромка-джи, друг верный, спи! Всё уладится.

* * *

Егор проснулся от знакомых хрюкающих звуков. О, Гагарин-шайтан, палатку дуют!

— Мы что, никуда не идём? — хриплым от сна голосом спросил он.

— Нет, — хмуро сказал Зия.

Глаза его густо обвела синева, щѣки ввалились.

Егор хотел спросить, почему, но удержался. Ромка-джи впервые видел, как дует палатка, и во все глаза таращился на разбухающий тючок. Даже рот приоткрыл. «Закрой рот, карачи насерет!» — вспомнил Егор и ухмыльнулся.

Палатка палаткой, а надо было заняться собой — чернее чёрного! Зная, что если Ромка-джи чем-то увлечѣн, то оторвать его от предмета разглядывания может, разве, сам Господь-Аллах, Егор принялся чистить оружие, оттирать лицо и руки... словом, «на танцы прихорашиваться», как сказала бы Маринка. Хороши, однако, танцы... полночи прокуролесили, а до этого и вовсе сплошь гоу-гоу... под страхом смерти... да и сейчас не пойми-возьми чего.

Неужели комбинат-мастер так легко их выпустил? Нет, ясно, что в туннеле комбинатовским крепко досталось — отбило охоту на рожон лезть, но здесь-то... как на ладони! Ох, не к добру всё это, охраните нас святые угодники, не к добру!

Палатка зарябила и стала невидимой — Ромка-джи издал восхищённый вопль. Интересная, конечно, штука, врать не станем. Вообще, нанотех — наука та ещё! Взять, к примеру, комбинезон — каким-то божественным промыслом за ночь то ли впитал в себя, то ли стянул почти всю мерзость, обшарпавшую ткань. К послезавтрему и вовсе как новенький будет. На брючине, например, где бритвой полоснули, разрез уже практически рубцуется... тоже



быстро дело идёт. На солнце, как всегда, процесс активнее происходит... ну, это, понятно, с «песчанкой» всегда так. На то комбинезон и придуман.

Нет, зря нас Савва, «дикарятами» зовёт. Уж что-что, а в нанотехе мы разбираемся... Ромка-джи уже нырнул в палатку, — его восторженная болтовня моментально стихла... значит, звукоизоляция уже работает.

Егор активировал нарукавное зеркальце и критически осмотрел себя. Морда, только, опухла слегка, — видать, зараза комбинатовская ещё действует, — а так — хоть куда! Красавец, одно слово, хоть сейчас в храм — энигму распевать. Зеркало, однако, барахлит немного... полосами иногда подёргивается. Но это уже грех врождённый. До Егора дед ещё жаловался, мол, на правом рукаве в зеркало хоть не смотришь — вся морда в пятнах и полосах... чисто верблюд. Эх, дедушка, дедушка... поглядел бы ты сейчас на дела наши нынешние...

Над ухом тихо прожужжал «комар». Что это он так близко от палатки делает? Их и так осталось меньше малого... а тут ещё один отлынивает. Хоп! Второй пролетел... видать Савва чего-то колдует...

Из ничего высунулась сияющая физиономия Ромки-джи и скосила глаза, пытаясь увидеть себя сбоку.

- Егор, сними меня на калаш, а?
- Там у камеры заряду секунд на десять...
- Да сними, сними! Не поверят же!
- А чего тут верить... подумашь, задницы нет...

Они ещё немного посмеялись, а потом Егор всё-таки снял Ромку-джи на камеру калаша. Зрелище и впрямь было забавное — висит посреди песков и руин весёлая голова и зубы скалит, язык показывает. Городской ребятне будет что показать. Жаль, только, мало всего. Ну, там кое-что Егор втихомолочку снял, конечно. Даже комбинат-мастер крупно есть. Но буквально по кадрику, по два. И карачи — крупно... каждое малое щупальце на «морде» видно. Не по-людски, конечно, но будем надеяться, что Зия с Саввой своими файлами поделятся. У них, наверняка, много чего отснято... не всё же подряд стёр им проклятый карачи!

Надо сказать, странная штукавина, конечно. Опять же... только и остаётся жалеть — нет с нами деда! Сидит он сейчас на сияющем престоле, — с Господом-Аллахом радостно беседует... не до нас ему теперь. Уж дед-то объяснил бы, наверняка, что почём! О карачи он всё-всё знал, до самых тайных тонкостей. Считал, кстати, что спутники и карачи между собой в Демонскую Сеть связаны. Ромка-джи как-то спросил деда, есть ли, мол, карачи в космосе? Дед поразмыслил и сказал: «В космосе вряд ли, а вот на Луне и на Марсе — точно есть!» — и Егор потом ещё долго гордился, какой у него дед разумом сильный.

* * *

«Автоматическая долговременная огневая точка (дот) — поганая штукавина. Сидит себе в земле, тянет вниз корни автономной установ-



ки, боезапасы нанотехом себе выращивает, сторожит. Сто лет сидит — сто лет патроны и снаряды копит; оружие в порядке держит, склады расширяет. Чем старее, значит, тем и опаснее. Уничтожение — только тяжёлым оружием!

И пишите — есть два вида дотов! Обычные, сторожевые — те сами себя от песка очищают, сектор обстрела постоянно поддерживают в уставном порядке... и показывают себя, не таясь, — мол, не суйся!..

... и «хитрые». Вот, уж, всей погани — погань. Наружу только рецепторы едва-едва видны... под песок маскируются. Но как только цель показалась... считай, в пыль размолотит! Точность на первых порах невелика — пока он там высунется, осмотрится по-настоящему, — но с каждой минутой она всё лучше и лучше! Так что, засранцы, — Господь-Аллах, упаси — напоретесь — давайте дёру, как можно дальше... если времени хватит, конечно, за охраняемые им границы успеть смыться!

Возблагодарим Господа-Аллаха, мало их! Дорогая была штука... да и ненужная, в общем-то. Против глубинных фугасов — и вовсе никчёмная. Как «шайтан-червей» в серию запустили, так и доты потеряли своё значение. Ну, правда, к тому времени и война к концу подошла...»

Из уроков муллы-батюшки

* * *

Аминь всем ушедшим. Не нам их судить — ни врагов, ни правоверных. Аминь!

* * *

На «хитрый» дот они напоролись часа через два после того, как снова двинулись в путь.

Ох, недаром Егору дедушка снился, недаром! Плакал старый... и всё руки к внуку протягивал, помощи, мол! Он, хоть и горбатый был, — ещё в юности взрывной волной о стену шарахнуло, — но сильный... красивый. Глаза синие... как небо...

До самых последних дней никому за собой ухаживать не позволял... сам, всё сам...

А тут плачет и не может ген-галеты краюху разломить... и мулла-батюшка рядом стоит, скорбно так... и не помогает старику.

«Прощайся с дедом, Егор, — говорит, — отходит он!» — и мертвецкую начинает... это при живом-то!

«Господь-Аллах — пастырь мой; веки теперь я ни в чем не буду нуждаться! Только Ты упокоишь меня на тучных полях и уведёшь меня к водам тихим, обильным, — укрепишь душу мою, направишь меня на пути Правды ради имени Своего.

И когда я пройду долиною смертной тени, я не убоюсь зла, потому что Ты со мной!



Твоя власть, Твоя любовь — они успокаивают меня.
Ты приготовил предо мною трапезу в виду бессильных врагов моих; Ты гладишь голову мою; вот и чаша Судьбы моей преисполнена.
Благость и милость Твоя, они сопровождали меня во все дни жизни моей.
И я пребуду в доме Господнем — многие дни!»

Тут Егор и проснулся.

Скрипели борта грузовичка. Ромка-джи, откинув дверь-полог фургона, пытался помочиться на ходу прямо через задний борт. Грузовик остушился, и Ромка-джи с проклятием окатил, как и дверь, так и собственные колени...

Пахло свежими ген-галетами. Савва тут как-то объяснил мимоходом, что «ген-галетами» их кличут по невежеству. Ничего генетически изменённого в них нет. Нанотех нанотехом... от Установки. Просто прижилось такое название, вот и всё.

После кошмара есть совсем не хотелось и Егор, свернувшись калачиком, просто молча смотрел. Комбинезон потихоньку поддувал приятную прохладу. Под головой уютно покачивался рюкзачок. Зия опять слушал дутар... а приятная, надо сказать, у него записана музыка! — и проглядывал какие-то научные файлы, одновременно потягивая ген-кумыс с двойной дозой глюкозы — это он любил, не меньше, чем науку свою...

Вчера, считай, весь день то с Москвой переговаривались, то с Комбинатом, то со старостой Володей. Слава Господу-Аллаху, на кровную месть они не напоролись, что бы там ни болтали Ромка-джи и перепуганный староста.

Да и рассудить здраво — на кой ляд эта самая месть тому же комбинат-мастеру? Его дело привычное — все секреты только у него... — кто ещё в полцены на Челябинск и Полевской аккумуляторы гнать будет? Много ли их надо? Вон, у Егора в комбинезоне три штуки стоят... ещё от деда. Так они и до внуков, поди, доживут, — благо, что дед их ставил ещё на памяти Егора. Полураспад у них двадцать девять с половиной лет — а прошло всего лет восемь. Тем паче, что это так... на подкачку нанотеха... а солнце сколько даёт? Да всё основное и даёт!

В общем — убралась они с Комбината, и благодарение Иисусу, — а другого, мол, счастья комбинат-мастер, — паразит старый, еретики-гяуры-блядь! — и не ждал от враждебного мира!

Замечательно! Это не нас, значит, травили и давили, и гоняли по вонючим шахтам?

Староста Володя весь день клянчил, чтобы Зия с Саввой на тракт повернули — городской караван встретить. Три раза они от шатун-банд отбивались, — один раз по пути в Челябину, а два — только за последние полтора дня... дядько Саша в бреду лежит. Почитай, полтуловища — сплошной сляк, кровью мочится... эх, Райка-джан — до чего же невезучая баба!



А торганули неплохо, да! И по Сети на счету зашевелилось, и золотыми динарами казанскими взяли — хорошая пожива для всех «ножиков засапожных». Да, мол, ещё и из бывших сполох-десантников по пустыне не меньше двух групп шастают... но это уже явно староста Володя врал!

Грузовичок остался там, где его и оставили. Судя по отсутствию трупов, не тронул никто, — и хорошо. Комбинат-мастер, может, и прибрал бы... да кишка тонка у него против Саввы с Зией! Те ещё заранее договорились... а больше — объяснили поганому атом-старикашке, что грузовичок дополнительно прикрыт «комарами» и, — в случае чего, — Комбинату уж точно не достанется!

Перед глазами Егора снова прошёл мулла-батюшка... Маринка проскакала с новеньким калашом. Косички так по спине и прыгают... экая егоза... и Мама-Галя... и оба глаза у неё! А зелёные-то какие!

И — оба!

«Опять сплю...» — подумал Егор...

У Д А Р !...

...

И не спасли «комары», не спасли, ведь!..

* * *

— Нет, всё-таки Савва успел сдать назад. Он как на гребень вывалил, так и засёк этот проклятый дот. Времени только не было из кабины вывалиться. Вот и влепили...

— О-о... он н-н-не хот... хот-тел... — пробормотал Ромка-джи, со всхлипыванием. — Н-н-нас п-п-прикры... вал.

— Смерть, значит, как мужик настоящий принял, упокой его Господь-Аллах на тенистых пажитях, — согласно пропыхтел Егор. — Стой, отдохнём маленько..

Тянуть на себе кусок обшивки, на котором лежал умирающий Зия, было тяжело. Да ещё много чего там уместилось... тяжёлого. «Бери всё! — говорил дед, — в пустыне живём — каждая мелочь может пригодиться.

«Хитрый» дот ещё минут десять забрасывал их развороченный грузовик навесными минами... прямо через гребень бархана. Слава Господу-Аллаху, достал он грузовик на пределе зоны охраны, — и прямо в кабину, гад, врезал, не промазал! Компьютер дота, видимо, счёл нерациональным долбить наугад и теперь просто ждал, появятся ли на гребне другие враги. Он так может и год простоять, озираясь. А может, и сразу в песок ушёл, только ре-



цепторы выставил повыше. Старинный дот... без «комаров». «Комаров» у него не было, это точно... иначе бы им не уйти никогда. Дождался бы наиболее точной информации, определил, что цель одна и... хоп!

Егор плюхнулся на песок и деактивировал ларинги. Зия бредил... и слушать его бесконечный монолог было невыносимо. Ромка-джи, правда, свои ларинги не отключал, слушал. Но это — известное дело — Ромка-джи, что с него взять! Контуженный, — по сию пору под себя ходит, как прижмёт. Бредёт-то еле-еле, заикается... да ещё приступы эти, шайтан их сгнои... а всё слушает и слушает.

- Умрёт Зия, — устало пробормотал Егор.
- Ум... м... мрёт, — тихо согласился Ромка-джи. — П. п... п...
- Позвоночник, — не выдержал Егор, — позвонок переломан, да?
- Угу... — буркнул Ромка-джи.

Солнце палило неимоверно. Комбинезон едва справлялся. Егор почти сразу после обстрела перевёл его в режим сбора влаги и теперь за спиной неприятно хлюпал влагосборник. Дышать через повязку влагосборника было погано... но куда деваться? Почти вся вода и ген-кумыс давно впитались в песок пустыни... испарились невидимыми капельками... паром небесным, ангелам в радость...

— С-с...спи, — выдохнул Ромка-джи.

Ага... спи! Начнёт Ромку-джи припадок крЮчить, и кто ему поможет? Да и сторож из него в такой момент — как из верблюжьего дерьма — пуля. Да и Зия очнётся, как всегда, не вовремя, когда Егор трупом лежит... нельзя спать. Встали... пошли! Пошли, говорю! Что ты там роешься? Не видишь — одни клочья остались от Саввы, упокой Господь-Аллах его душу среди праведников! И голову, голову оставь, дурак! Что? Нет, Маринка, мы атомы-радиацию несём... комбинат-мастер нам её подсунул... да вы не волнуйтесь, Мама-Галя, двухлеток продали... будет вам глаз... и Маринка умывается... капли под солнцем дрожат на ресницах и носике. Скоро ей пятнадцать, Мама-Галя... замуж пора... а дед дутара не любит, зря Зия ему включил... ангелы...

«Ангелы в небесах — всю Россию крылами объяли» — сказал мулла-ба-тюшка.

Егор проснулся оттого, что Ромка-джи мычал. Натужно мычал, страшно. Выгибало его дугой, сворачивало всё худое тело жгутом... эх, шайтан, язык! Язык бы не прикусил! Ах, как же это я заснул-то, а?

Болело всё тело, а особенно ломило в висках... вот беда.

Ромке-джи мы поможем... и Зию дотащим, хватит сил...

Кто, вот, только поможет мне — Егору? Дед, ты помоги! Умоли праведников просить Господа-Аллаха! Один я... тяжело...



* * *

Старосте Володе Егор сказал всё, как было: грузовик теперь напрочь из строя выбыл, Савву в ключья разорвало, да и Зия — не жилец; что могли, мол, собрали, тащимся теперь к городу. Староста Володя только охал. У них там дядько Саша загибается, тоже, скорее всего, помрёт... и Господь-Аллах вам в помощь, а мы, дескать, дня через три подойдём. Быть может, Егору лучше у тракта дожидаться? Где-нибудь в сторонке зайти и ждать?

Егор обещал подумать.

А что тут думать? До города и до тракта — приблизительно одинаково. Но до тракта тащиться через поганные места... да и шатун-банды всегда у тракта пасутся, караваны перехватывать...

Нет, уж, пойдём мы напрямки и пусть староста там муллу-батюшку предупредит, чтобы получше следил и выслал им навстречу хотя бы одного-двух человек. И с водой чтобы... и с верблюдом одним!

А Ромка-джи пишет и пишет... пишет всё, что Зия говорит. Мол, надо это знать. Пишет, хотя у него — малый комп... детская игрушка. Часов на сто записи, не более... память маловата. Впрочем, пусть слушает, пишет и запоминает. Меньше о контузии думать будет. А то после его приступов и воды уходит не меряно — отпаивать его... да и при деле всё-таки. Тянуть постромку всё равно толком не может — так, одна видимость...

Долгий же в этот раз дозор получился.

Где-то болтаются сейчас осиротевшие «комары». Переключились, поди, на комп Зи... а толку что? Из Зи комп не вытащишь — имплантирован... аккуратно в нервную систему... навечно. Так и будут годами «комары» над его могилой болтаться? Наверное...

Песок шуршит... песок-песок-песок-песок...

Яхты. Они здесь плавали. Неподальёку, во всяком случае. Белые яхты...

* * *

— Егор... Ег-г-горка! — голос Ромки-джи болезненно ввинтился в голову заикающимся визгливым переполохом.

— Ну, чего тебе? — устало сказал Егор.

Идти было не так уж и далеко, но Егор чувствовал, что страшно вымотался. Дед как-то говорил ему, что доводить себя в дозоре до истощения может только дурак. Какой из тебя воин, если голова, как колючками набита... и все мысли только о том, чтобы напиться вдоволь воды и уснуть где-нибудь в тени развалин, накинув кашпошон комбинезона и подняв повязку по самые воспалённые веки...

— Что там опять?

— Зия... от...от-тходит он...

Егор никак не мог привыкнуть к новой манере Ромки-джи разговаривать. Какие-то слова он произносил на вздохе, как бы задыхаясь... ка-



кие-то — выпаливал ломаной скороговоркой... поди, разбери его, когда в висках и затылке вырос шипастый ген-саксаул... и тычет, сволочь, прямо изнутри...

Егор остановился. Стараясь не делать резких движений, он устало снял с себя ляжку. Место было хорошее — меж двух невысоких барханов. Переменится ветер и прикроет могилу толщей песка — не доберутся ни звери, ни люди. А на сороковой день, когда душа окончательно уйдёт и предстанет перед престолом Господа-Аллаха на суд праведный и беспощадный, останется в могиле только высохшая до хрупкости мумия... телесная оболочка, не нужная более никому, кроме Времени и Тлена.

Егор тяжело встал на колени у изголовья умирающего.

Ромка-джи, — Господь-Аллах, не дай ему снова впасть в судороги! — опустился по другую сторону. Егор приготовился — дел впереди было много: могилу копать, покойного раздевать, молитву читать... комбинезон Зии, шлем его и оружие упаковывать...

«Эй, Егорка, у тебя дед твой, горбатый, помер!» — полузабыто, похоронено и завалено... но знакомо и весело прокричали где-то в голове... прямо за веками... и они внезапно стали тяжёлыми... и мокрыми... шлем Зии с опущенным щитком расплылся... защищало глаза.

Егор промокнул рукавом комбинезона лицо и веки... ткань жадно впитала в себя влагу.

Ромка-джи открыл щиток умирающего. Лицо Зии было красным и сердитым. Он судорожно всхлипывал. Всё его жилистое тело дрожало. Руки вдруг вскинулись к груди беспомощными лапками ген-тушканчика. Лицо напряглось... рот открылся... Зия закричал... и обмяк.

Ромка-джи плакал, поскуливая, как двигатель грузовичка, если заставить его поднять лапы резко вверх. Егор стал укладывать руки покойного. Всё должно быть по правилам... по правилам и по чести...

... Зия дёрнулся и открыл глаза...

— Где я? — хрипло, но спокойно спросил он и закашлялся.

— Ч-что?.. — заикнувшись от неожиданности ответил Егор.

— Где это «ч-что»?

— И-и-и... и... и... и... — Ромка-джи утирал нос рукавом; глаза его, круглые и бессмысленные, дико блестели из-под пропотевшего жёлто-пятнистого солдатского платка, косо съехавшего узлом набок.

* * *

— А Савва?

— Его и комп не спас бы... вы же говорите — в ключья. Эх, беда-беда, спаси и сохрани душу его неумёмную, безгрешную... — Зия шумно вздохнул.



Он уже мог немного поворачиваться, хотя и жаловался на постоянное покалывание по рукам и всему телу ниже груди.

— Пальцы толком, может, и не восстановятся, — сказал он. — Слишком много чего в средней части позвоночника наворочано. С месяц только и смогу, что ложку в ухо нести... да и то — трясущейся рукой. Вот ноги, те должны быстрее...

Ну, это-то понятно. Медицинский нанотех неуклонно сшивал оборванные нервы, пытался изолировать многочисленные кровоизлияния, проращивал новые связи, взамен утерянных... но не святым же духом! А там, в позвоночнике, как в толстенных кабелях на Комбинате — миллионы жил, жилков и проводков!

Ох, и исхудал Зия — сколько же приходится нанотеху энергии с его тела брать? Ген-кумыса бы ему сейчас, воды побольше, мяса и ген-галет! Ну, ничего, ждать немного осталось. Не утерпел Егор, сразу же сообщил старосте Володе... под несвязные крики Ромки-джи говорил — тот всё пытался неуклюже, как покалеченный верблюжонок, скакать и прыгать, а потом взял Зию за руку и заревел... смешной такой...

Впрочем, у Егора у самого глаза на мокром месте были. Не каждый день видишь, как человек из лап Азраила, Ангела Смерти вырывается. Буквально из самых лап его загребущих, когтистых, — да не будучи они названы долгие годы!!

Конечно, пострадай мозг, ничего бы нанотех, направляемый вживлённым в Зию компьютером, не сделал бы. Получилось бы из Зии, — в самом страшном случае, — нечто вроде зомби. Дед рассказывал, как бродили по земле такие, когда он совсем пацанёнком был. Тело, — возблагодарим Господа-Аллаха за медицинский нанотех! — живо и процветает, да только кроме простейших рефлексов — нет ничего. Умерли мозги — души вместилище. Нет человека. Труп ходит. И не гниёт... жуть какая... спаси и сохрани!

Говорили, что даже карачи их стороной обходили. Мол, привяжи такого рядом со стоянкой — ни один карачи и на милую не сунется. Врали, конечно. Дед такого ни разу не видел... чтобы кто-то где-то зомби привязывал. Наоборот, шарахались, как от огня. Даже стрелять побаивались — было в этих «живых умерших» что-то столь страшное... «и живое ещё, да только без души» — обычно заканчивал дед. А уж тогдашние-то батыры не из трусливых были — многое чего повидали — Святой Джихад, знаете ли... чай не с тушканчиками воевали!

— ...И если бы вы, дикарята мои милые, бросили меня там, рядом с грузовиком — была бы мне полная крышка, — шептал в ларингах Зия, когда Егор засыпал.

После такого чуда обязательно надо немного поспать... правда, дед?.. пусть Зия с Ромкой-джи наговорятся. Один еле жив, а второй заикает-



ся — надолго же у них разговор затянется... огради их святые угодники от бед и напастей...

А всё-таки скрытные мужики эти учёные. Святая Академия Наук... та же военная разведка и есть.

* * *

Из промежуточного доклада Саввы Оной-вана, сполох-десантника тайнороты «Динар» в чине имама-доктора Святой Академии Наук.

Файл от: 16 июля, 2198 г.

Начитка. Не обработано.

«...сам факт представляется мне вполне тривиальным. Суть развития института карачи за сто лет нисколько не изменилась. От миротворцев-наблюдателей они стремительно деградировали до банальных полицейско-шпионских функций. Сообщения из Автономии Якут-Соха, Тикси, Дудинки, Капуст-Яра... э-э-э... и так далее, включая, кстати, и наблюдения туземца Егора в районе Каслей, складываются в единую картину, и вполне укладываются... чёрт-шайтан... «складываются-укладываются»... ложатся... кхм... прогибаются... э-э-э...

Эти сообщения укладываются в общую картину — карачи прекращают деятельность на уровне макро-роботов автономно-зависимых от Демон-сети. Теперь на сцену выходит новый тип — глобальное нано-присутствие. И это — уже свершившийся факт. Споры окончены.

(пауза, слышно, как поскрипывает двигатель)

Наверное, это означает крах всех наших надежд вырваться из опекаемо-охраняемых пелёнок.... А точнее — прутьев клетки. Если ранее ряд наших мер по изоляции научно-политических обсуждений и принятия решений приносил свои плоды, то теперь об этом можно забыть... можно уже вскоре забыть. Нано-карачи отныне будут присутствовать везде. Естественно, что наши страхи по поводу мгновенной, в масштабах полушария Веры-Истины, перестройки карачи на повальное истребление людей, от этого становятся только сильнее. Однако, принимая во внимание почти столетнее наблюдение и изучение карачи, я склонен предполагать, что имам-учитель Офеня был прав — в обозримом будущем положение дел не изменится — мы по-прежнему будем переносить унижительное положение туземцев, к которым при- был Демон-Магеллан.

Мы принимаем от него бусы, иголки и пустые консервные банки... и несём ему ракушки, рабов и золото...

Отменить последнюю фразу. Ничего мы ему не несём... да и получаем безнадежно устаревшее старье... если получаем.

Последнюю фразу убрать.

Итак, в обмен на бусинки и иголки мы не отдаём ничего. Зато и не мешаем.



При попытках определённого прорыва в технологии — подчеркнём, в технологии, а не в теоретических изысканиях... шайтан, как звучит-то унижительно!.. мы тотчас оказываемся в жопе, дорогой и любимый президент-эмир — вера, опора, надежда.

Убрать последнюю фразу.

Текст переслать. Кодировать по сегодняшнему стандарту. Доступ: Елена, Зия, Шульгатый.... Отмена «Шульгатый»...

Дополнительный доступ: Президент-эмир, лично. Президент-эмир Академии, лично. Особый доступ: Фатима-джан. Вместе с удалёнными фразами. Прочтение Фатимой-джан данного файла — не регистрировать, перезапись без перекодирования запретить, пароль прежний. Добавить: Фатима, солнышко, я тебя люблю! И нежно-нежно целую. До связи, милая моя зайка!

М-да...

(пауза)

Так.... Едем дальше. Касаемо фокусировки зет-полей сканирования. Ага... пишем: при введении переменной фита-прим с плавающим коэффициентом дивергенции в систему ходжа-уравнений, попытка интегрирования по всем обтекающим кривым в диапазоне от... э-э-э... оставим пока пробел... пусть Зия не выёживается и конкретненько так, нам это скажет... хе-хе!.. значит, эта попытка приводит к определённому математическому парадоксу... который я ехидно назову «дурак-парадокс имени Зии»...

* * *

Мулла-батюшка удивил Егора. Даром, что грозен и нелюдим. Но, ведь, лично прибыл, как раз в момент окончания привала, когда Егор тоскливо подумывал о том, чтобы продлить его ещё на полчаса.

И слава Господу-Аллаху, что прибыл, а то Егор совсем уж вымотался. Да и Ромка-джи еле-еле тащился. Дошли бы, конечно, что там говорить, — ползком, но добрались бы... но... всё равно — молодец мулла-батюшка, истинный воин и священнослужитель!

Самое смешное, что вместе со священником и Маринка прикатила. Вот уж не было печали! Перед девушкой её красоты надо орлом смотреться. Этаким крепеньким ген-саксаулом... зелёным и в пупырышках. Чтобы кудри по ветру и грудь колесом! А Маринка спорхнула с верблюда именно в том момент, когда у Егора болезненно ворочалось в животе нечто неужённое... и тошнило, как Иуду.

Одно утешение — Ромка-джи и вовсе спал в надвинутом капюшоне и укутанный повязкой по самые глаза. Дёргался во сне, стонал... бедолага. А за компанию и не так обидно паршиво выглядеть, правда? Тем паче, что выходили они с Ромкой-джи кругом героями. Так сказать, по самые уши. Теперь на всю жизнь будет что рассказывать!

Мулла-батюшка сразу же начал осмотр Зии. Подивился тому, что тот крепко спит. Потом прикинул, что, скорее всего, именно сейчас медицинс-



кий нанотех взялся за наиболее болезненные жилки и посему усыпил пациента надолго. Егора похвалил за то, что тот обильно поил Зию, не поскупился на воду. Заворчал, когда Егор попытался, было, выглянуть орлом и, — вкальвая что-то Зие в шею, — велел Маринке Егора не щадить и проделать с ним всё то, о чём он ей в дороге говорил. Егор напрягся, но ничего страшного не произошло. Маринка просто воткнула ему иглу прямо сквозь рукав, а потом наклонилась над его лицом и, надавив на плечи руками, спросила:

— Сколько Маринок видишь?

— Одну... — недоумённо ответил распростёртый на песке Егор.

Нос у Маринки остренький, чуть-чуть курносый. На лбу крохотные капельки пота... так бы и попробовал на вкус... и солнце вокруг головы, как нимб у святого сияет. Красивая...

— Одну он видит! — серьёзно сообщила Маринка мулле-батюшке, — Других, говорит, таких, на свете нет!

— За периметром лучше следы, — заворчал священнослужитель, осторожно открывая лицо Ромки-джи. — Поди, не дома. Вот в городе нашуткуешься со своим милым...

Ромка-джи застонал.

— Ну-ну... тихо, тихо... Слышь, Егор?!

— Да, мулла-батюшка!

— Он кровью мочился?

— Вроде, нет... — смущённо ответил Егор, скосив глаза на Маринку. Вставать не хотелось. Хотелось лежать и смотреть, как она оглядывает окрестности с торчащего из песка раскалённого валуна, в тени которого раненная и контуженая троица отлёживалась вот уже второй час.

Ромка-джи закашлялся.

— Всё-всё... спокойно... — прогудел мулла-батюшка и поднял Ромку-джи на руки. — Маринка? Как там? — выпрямившись во весь рост, спросил он

— Чисто... вроде.

— «Вроде»... учишь вас, учишь... овцы кур-р-рдючные!

— Да чисто, чисто, дядя Коля!

— Дома я тебе «дядя Коля»... а здесь — командир!

— Чисто, командир! — Маринка спрыгнула с валуна и отдала честь розовой ладошкой.

Егор, кряхтя, сел.

— Зря кряхтишь! — сказала ему Маринка, помогая встать. — Я в тебя верблюжью дозу впрыснула! Ты теперь как ниндзя скакать и прыгать можешь... и вместо верблюда всё на своём горбу тащить!

Из-под её армейского шлема выскользнула коса и Егор, сам того не ожидая, вдруг развернул Маринку за плечи и быстро поцеловал её куда-то в скулу.

— Потом начеломкаетесь! — рявкнул мулла-батюшка. — Маринка, шайтан-девка, быстро в дозор!

Совсем, как Мама-Галя, когда упрячилась, Маринка отвернулась от священника, капризно дёрнула плечиком, поцеловала Егора в губы — едва кос-



нулась... но Егору показалось, что земля и солнце на мгновение прокрутились вокруг него, слившись в огненное колесо... — и вскинув калаш по всем правилам, прикладом к правому плечу, опустила щиток шлема и быстро скользнула вперёд, в дозор.

На песке остались её маленькие аккуратные следы.

Иисус-любовь! Егор бы упал и поцеловал их... но было неловко перед открывшим глаза Ромкой-джи.

* * *

Тихо бренчал дутар. Зия допил ген-кумыс и трясущейся рукой утёр губы. За стеной привычно заорал младенец. Егор, потупившись, смотрел в пол. Полоса жёлтого света тянулась через всю комнату к стене. В углу комнаты, в темноте мерцала невиданной красоты башня. Белые облака над ней сияли. «Гонконг» — непонятно темнела надпись... и дальше что-то совсем уж несуразное на демонском языке.

Зия остановил запись.

— Саввы нет, — сказал он. — Тот был великий знаток истории. Жаль, не успел он с вами, ребятнёй, толком поговорить.

В противоположном углу шевельнулся староста Володя.

— Соплякам мудрого не открывай, — скрипуче произнёс он, — не доросли ещё.

— Не мудрее нас будут, — прошептал Зия, откинувшись на подушки. — Ты сам говорил... — он осторожно кашлянул и голос его окреп, — вот чёрт, в почках ещё пока отдаётся... Ты, староста, сам говорил, что жизнь ваша прежняя прекратилась. Не уйти от жизни-то...

— Посмотрим, — спокойно ответил староста и встал. Он повздыхал, прошептал короткую молитву, похлопал Ромку-джи по руке и убрёл, обронив на прощание:

— Во многие мудрости многие печали. Пусть живут, пока молодые, — жизни радуются.

— Ничего, боевая юность России... их не так-то просто правдой сковырнуть, — сказал Зия слабым голосом. — Маринка, дай-ка мне ещё чашечку?

— Угу... — Маринка сняла с плеча руку Егора.

— И м-м-мне... — подал голос Ромка-джи.

— Описась! — отрезала Маринка. — Лежи и не жужжи! Дядя Коля сказал, что ещё два дня лежать надо. А ты опять ночью до ветру потащишься!

— Да всего-то третью чашку прошу, — недовольно заворчал Ромка-джи. — Зия, вон, уже четвёртую пьёт! И потом, что бы мне до ветру не сходить? Что я должен, в чайничек сикать?

— Именно, — рассеянно сказала Маринка, помогая Зие поправить подушку. — В чайничек, в баночку, в штанишки... постельный режим! Зия, вам удобно?

— Удобно, красавица, удобно. Спасибо! Ну-с, сполох-десант деревенский, поехали дальше! Здесь у меня файл есть... специально для вас вытя-



нул. Но учтите, староста не зря ворчит. Это, так сказать, не для детского ума! И вообще, запрещённая тема. В Москве меня могли бы запросто прижучить... так что не болтайте потом, где ни попадя.

— Спаси Господь-Аллах! — тотчас горячо отозвался Ромка-джи. — Что мы, не понимаем, что ли?

Егор молчал. Маринка снова уселась рядом с ним, и он обнял её за плечи, укрыв прохладным одеялом. Говорить и думать не хотелось. Хотелось целоваться.

Эх, Ромка-джи, не видать тебе теперь Маринки, как своих лопоухих ушей!

Ну, да ничего... он теперь горит весь! Каждый вечер Зия что-нибудь новое рассказывает и показывает. Говорит, что нельзя, мол, более в дикости жить. Надо, говорит, и о мире больше знать, и о нашем месте в нём.

А наше в нём место хорошее... с Маринкой рядом...

Егор украдкой поцеловал Маринку в шею и почувствовал, как вспыхнули её щёки. Она повернула голову и еле слышно жарко прошептала Егору в ухо: «Руки убери!» ... отчего Егора как будто пробил разряд — так это было замечательно!.. И захотелось сграбастать Маринку целиком и утащить куда-нибудь подальше от файлов, Зии, истории и Ромки-джи...

* * *

...Ох, сколько всего может за три месяца произойти! Господь-Аллах, и не поверишь! Дядьку Сашу похоронили... Райка-джан плакала-плакала, а потом вдруг закинулась — еле-еле старухи её от тела оттащили... вот жуть-то была!

На Установке пришлось неделю вкальвать, пока аврал не закончился — попёрла непонятно откуда вонючая дрянь, — пока её откачали, да все корни-каналы промыли, да новые режимы задали — приходил домой уставший и перемазанный, как шайтан... Мама-Галя кормила. Смешно, но протез глаза у неё оказался синим — зелёных-то не было. Привыкает. Говорит, что отвыкла от объёмного зрения. Красивая стала — просто ослепительно... несмотря на разные — колдовские прямо! — глаза.

В дозор шесть раз ходил. Недалеко, правда. Но благодаря Саввиным камерам целый сектор теперь на движение просматривается, можно и ближе дозорить.

Верблюды ничейный забрёл — еле поймали. Здоровый такой... рваная рана в боку. Но выходили. Куяшские мужики за него хорошую плату дали. Овцы болели... но, это, уж как водится летом и осенью. Дождь, вот, три раза был. Ген-саксаул сразу зацвёл и теперь по вечерам даже голова кружится от благоухания.

Слух прошёл, что опять хунхузы в степях с Полевским сцепились из-за пастбищ. Другой слух появился, как всегда, к осени — мол, Китай хунхузский Москве в очередной раз платить дань за Сибирь отказывается. Да, похоже, опять брехня.



А самое главное — свадьбу сыграли с Маринкой! И весь мир теперь был теперь где-то рядом... но не совсем.

А рядом всегда-всегда была она, — сумасшедшее счастье и радость каждого дня и каждой ночи. Повязала Маринка повязку на манер Мамы-Гали, фыркнула на старух, пытавшихся ей втолковать, что, мол, не по-женски это, — и не расставалась с калашом — гурия-воительница, да и только!

И любил её Егор, как никто никого и никогда на свете.
Хор-р-рошая жизнь началась!

Зия на поправку пошёл, с палочкой теперь ходит. В Совете заседает, — сам староста помалкивает, когда Зия речь говорит. Ждёт весны, чтобы уйти... авось через Полевской на Ивдель проберётся, а там самолётом вполне можно и до Москвы двинуть. Да только к весне он не оправится — нет. Не для похода. Так что, лучше, уж, осени пусть дожидается. Ну, это мы ещё с ним поговорим...

Ромка-джи смирился с тем, что теперь ему два года Наташу-маленькую ждать, пока та до положенных пятнадцати лет вырастет... но это и к лучшему. «Наташка — девчонка спокойная и красивая, — рассудительно, как и полагается женатому взрослому мужчине, думал Егор. — Немного сдержит его порывы... а пока, пусть попрыгает, пока холостой!»

Словом, многое чего произошло за три месяца... а карачи по-прежнему возятся с давешней странной штуковиной.

Только теперь они встали кругом, зарывшись в песок. Над сетчатым куполом воздух дрожит... а ночью едва заметно светится и переливается. И пахнет окрест кислотой какой-то.

— Нано-карачи гонят. Выдувают в атмосферу, — мрачно сказал Зия, когда после второго дежурства Егор показал ему несколько секунд записи на калаше. — С годик поработают, а там всё. Исчезнут в том виде, к которому мы за сто лет привыкли.

— И как они теперь детей воровать будут? — тихо спросил Ромка-джи, пришедший с дежурства на ферме.

— Да мало что изменится, — пробормотал Зия, привычно морщась и поглаживая поясницу, — просто раньше они напролом шли и забирали нужно-го им ребёнка, а сейчас, может, усыплять людей будут... а потом уже и ребёночка заберут.

Ромка-джи вздохнул.

— Ну, чего ты? — обнял его за плечи Егор. — Мы же не знаем, зачем им это надо? Может, им твоя печень на обед бы пошла. Или рабы нужны...

Ромка-джи скинул его руку:

— Чего ты н-н-еёшь? Или совсем с... с... со своей с-с-вадьбой ничего не слышал, что м-м-мы с Зией г... г- говорили?!



От обиды Егор оцепенел. Ромка-джи упрямо сопел, не глядя ни на кого. Зия молчал, откинувшись на подушку и прикрыв глаза. Егор встал и быстро вышел. С той поры он дня три не заходил к Зие, зная, что Ромка-джи пока целыми пасётся у него.

Даже теперь, в дозоре, воспоминания об этом царапали и грызли его, и жгли, и кололи... Господь-Аллах, как же это противно!..

Егор смотрел, как воздух дрожит над куполом.
Нано-карачи...

Давным-давно Демонское Полушарие намного обогнало другое в технологии и науке. Поди, и можно было догнать... но — отказ от нефти, как энергоносителя.

Но — глобальное потепление... а вместе с ним войны...
Святой Джихад — борьба за единую религию... ..

«И в гордыне своей отделились демоны от человечества, укрывшись за океанами.

И Господь-Аллах сделал так, чтобы всякие контакты между Полушарием Веры-Истины и Демонским полушарием прекратились до Страшного Суда.

И теперь Россия мирно и счастливо процветает под крылом Веры-Истины!» — знакомо зазвучало в голове Егора.

Но контакты не прекратились.
Во-о-он они, карачи...

«Это не просто роботы-наблюдатели. Это, брат, те ещё сволочи! Помнишь, сколько их у Комбината? Смотрят... гады. Следят. Вдруг мы чего учудим? — сказал Зия. — Мудрое решение! Никакой гонки вооружений, никакой — даже гипотетической — конкуренции! Мечта Конфуция-лжепророка!»

«А Демонская Сеть?» — спросил его Ромка-джи.

«А мы, мой милый дикарёнок, её никак вскрыть не можем! — яростно отозвался Зия. — Она есть. Валяй, настраивайся! Только уровень программирования там другой, понял?»

«Так значит, я мог к демонам попасть...» — с непонятной интонацией сказал Ромка-джи.

«Мог. И должен был. Потому что единственное, чего, по моему разумению, не могут пока в Демонском Полушарии — так это выращивать гениев. А гений — это работа штучная и ценится во все времена. Это, брат, от Господа-Аллаха и никак иначе! И это — наша единственная и самая невосполнимая дань!» — зло... чересчур зло ответил тогда Зия...

«А что, у них своих нету что ли?» — пробормотал Егор.

«Есть. Генетически они ничем от нас не отличаются. Те же люди, что бы там ни говорил ваш староста. — Зия осторожно повернулся на спину и зак-



рыл глаза. — Однако таланты и гении, пропадающие без дела — слишком большое расточительство».

...и Ромку-джи с тех пор, как подменили.

Егор отполз назад. Ладно... пусть карачи стараются. В конце-то концов, дело не в том, летают демоны в космос, или живут так же, как и мы. Пусть летают. Луна... Марс, орбитальные заводы.

А по Егору — так, вон, мулла-батюшка, правильно говорит — мол, все мы из земли вышли и в землю прахом уйдём. Души наши, ежели безгрешны, силу ангелов обретут — и безразличие к делам плотским, земным. А сила у ангелов много больше, чем человеческая. Вот тогда-то и налетаемся... взявшись с Маринкой за руки.

Егору вдруг представилось, как вместе с Маринкой они взмывают ввысь, мимо Луны и Марса... прямо к тёплому, не жгучему солнцу... оставляя внизу Землю с её зелёными полосками лесов вдоль Северного Ледовитого океана... с неизвестной оттаивавшей Антарктидой. Землю, с её войнами и набегами, раздорами и чересполосицей, талантами и бесталанными.

С её разделением на людей и демонов... которые вовсе и не демоны. И есть там, у них, — наверняка, — свои демонские Маринки и Егоры...

Егор активировал ларинги и сообщил старосте, что возвращается. Сменщик Карим уже должен был ждать его в условленном месте. Время дозора подходило к концу, и ноги сами несли в город, где ждала самая прекрасная девушка на свете... где ждал ещё не рождённый сын.

Зия говорил, есть племена, где детей специально относят к карачи. Карачи-культ. И если те не забирают ребёнка — все поют и пляшут. Мол, — ура! — считай, крещён и право на жизнь получил.

— Не-е-т, — громко протянул Егор, — это уж хрен вам!
Калаш привычно оттягивал плечо.

«А вдруг сыночку нашему будет там, у демонов, намного лучше, чем здесь, в пустыне?» — тихо-тихо прошелестел голос Маринки.

«Мы не сделаем вам ничего плохого! Вашему ребёнку ничего не угрожает!» — тотчас воззвали карачи из другого уголка памяти.

«Нет, любимая моя девочка, — ответил ей Егор, — нет. Не отдам!
Это — мой — сын!»

Декабрь-2006



ИЛЬЯ БУЯНОВСКИЙ

НОВАЯ УТОПИЯ*

И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял так же от дерева жизни, и не стал жить вечно.

Книга Бытия, глава 3, стих 22

I

В

МОЕЙ КВАРТИРЕ — ТРИ КОМНАТЫ, И НИ ОДНОГО ОКНА. Двери у меня тоже нет. Есть только приплюснутый сверху параллелепипед непроницаемых стен, обитых мягким желтым покрытием, да тонкие, прозрачные перегородки между них. Есть ванная, где я навожу чистоту. Есть главная комната, в которой я сплю и ем. Есть еще... О третьей комнате я расскажу позднее.

И каждый день, из года в год, всю свою жизнь, я просыпаюсь на белой постели, всегда чистой до хруста, и раз за разом иду к синтезатору готовить завтрак.

Я живу в этой квартире столько, сколько я себя помню, и никогда мое тело не покидало этих стен. Я живу абсолютно один, и лишь, опять и опять задевая рукой эти незыблемые преграды, я задаюсь одним и тем же вопросом:

А как я вообще попал сюда?

Мои дни одинаковы, как капли воды, падающие из не до конца закрытого крана в душевой кабине, а вся моя жизнь сытна и безопасна, но я...

Я живу. Это все, что тут можно сказать.

И вот уже в которой раз я просыпаюсь, свешиваю ноги, и касаюсь вечно теплого пола. Отталкиваюсь рукой от кровати, и иду запускать синтезатор. Сегодня, как и в любой из этих бесчисленных дней, меня ждет сытный завтрак, и я удивляюсь, каким образом я не разжирел за все эти годы.

Синтезатор вытянут вдоль стены перпендикулярно кровати, и представляет собой длинную трубу, одним концом выводящую к столу, а другим — к пульту управления, и украшенную ярко-зеленой надписью, призывающей меня возвращать в синтезатор остатки пищи в целях экономии атомов. Что я, впрочем, и делаю — не хватало еще, если человечество переведет все атомы во Вселенной.

Каждый день я вижу эту надпись, и каждый день задаю себе один и тот же вопрос:

А есть ли оно, человечество?

И если есть, то неужели все оно живет в этих каменных ящиках, не покидая их пределов?

В синтезатор заложено пять миллионов наименований продуктов и их ингредиентов. Заказать можно что угодно! Вот, скажем, на «ом» — что у

* Лонг-листер «Премии Дебют» в 2002 и 2006 гг. (по номинациям «Крупная проза» и «Малая проза»).



нас есть? Омары или омлет? И то, и другое нравится мне почти в равной степени, но сегодня я больше расположен к омарам. А еще — к черной икре с черным хлебом, и ковбойскому чаю мате. Заказать это все — пять минут. Синтезировать — около часа. Остается только нажать на «Пуск».

Синтезатор вздрагивает, и начинает часто-часто вибрировать, слегка награваясь, и издавая пронзительный свист: идет термоядерный синтез. Пусть машина приготовит пока кислорода, углерода, азота — а я пойду в душ.

И вот, стоя под теплыми струями, вдыхая воздух, свежий, как в первозданном лесу Мезозоя, я размышляю о том, до чего хороша моя жизнь.

Ведь правда — в Холодной войне я не раз слышал о двух изобретениях, что изменят лицо человечества: термоядерный реактор и интернет. Первый должен был раз и навсегда положить конец нищете и несправии, второй — поставить крест на людском одиночестве. В конечном счете, они это и сделали, но на то, чтобы провести интернет в каждый дом, потребовалось всего тридцать лет, а на то, чтобы термоядерный реактор стал бытовой техникой — в десять раз больше. И вот уже я считаю, что омлет вкусней, чем омары.

Когда я возвращаюсь в комнату, синтезатор уже не свистит — теперь из его недр доносится громкое, резкое, ядовитое шипение. Это идет химический синтез, и внутри машины рождаются белки и липиды, АТФ и НАДФ+, и даже дезоксирибонуклеиновая кислота. Синтезировать пищу без ДНК — быстрее на треть, вот только вкус будет совершенно не тот.

Вскоре шипение сменяется хлюпаньем — пошел биологический синтез. Неизвестная сила собирает молекулы в клетки, а из клеток, как из кирпича, строит почти что живой организм. Это, в общем-то, долго, но я предпочитаю есть омара, а не бесформенную кашу.

Словом, один час от нажатия кнопки — и мой омар лежит передо мной, теплый, сочный и мягкий. Есть вилка, но я ем руками. Ем, как всегда, наслаждаясь, и думая о том, что еда — это, как ни крути, а прекрасно.

Но иногда меня берет жуть, стоит только мне задуматься о том, *что* я ем. Я вдруг понимаю, что этот омар *никогда не был живым*. Он родился уже разделанным и приготовленным, и не знал, что есть боль и что есть продолжение рода. В нем никогда не было потрохов, а в его сосудах не текло крови. Но он будто бы настоящий... Я видел омаров в Полинезии, и знаю, о чем говорю. Иногда я думаю, что если бы я мог поместить спешащие следом икринки в воду, из них бы вывелись настоящие осетры.

Я уже знаю: на обед я съем пять-шесть дим-самов, три суши с тунцом, авокадо и икрой летучей рыбы, и личинку саранчи по-эфиопски. Но это будет не скоро, так как сейчас я иду в третью комнату.

Ведь третья комната — сетевая.

II

Так уж повелось, что не первый раз я и Санчес назначаем друг другу свидание в Макондо. То ли это от того, что мы здесь впервые встретились, то



ли из-за моды на все латинское, то ли потому, что мой ник — Аурелиано Буэндиа (для Санчес — попросту Аури), но наше традиционное место встречи — центральная площадь в Макондо.

Вообще-то я не люблю этот мир. Мне нравится перемещаться на огромных пространствах в едином моменте, здесь же от меня хотят, чтобы я ходил по столетью, замкнутому между стен леса. Нет, сама по себе идея не плоха, но меня Макондо как-то не привлекает.

Чего не скажешь о Санчес.

Которой я, между прочим, в тайне завидую. Санчес — она во всех отношениях сильнее и счастливее меня, и она не раз смеялась надо мной, говоря, что моя жизнь в Сети — это забивание гвоздей микроскопом. Она говорит, что я использую потенциал сетевых миров процентов на семь или восемь, и, честно сказать, спорить с ней глупо.

Ведь как: я ни разу не дрался на Арене, никогда не балдел в Раю и не ощущал на себе муки Ада, не дискутировал с Сократом о судьбах бытия, и не проводил ночь в объятиях Клеопатры. Почти не участвовал в сообществах, и не играл в те игры, в которые так любит играть совокупность людей, привыкшая называть себя «человечество».

Я вообще почти ни с кем тут не общался — уходил в какие-нибудь глухие и дикие миры, вроде Палеозоя или Сибири, или гулял по сказочным городам, вроде Праги и Самарканда, но почти везде я был в мат-привате. Иногда другие юзеры находили меня, и пытались странствовать вместе со мной, но я был откровенно скучен, и они меня оставляли.

И вот я шел в Прагу четырнадцатого века, где заразился чумой и умирал под звуки органа. Или толкался на самаркандских базарах, пока меня не настигала бегущая вдоль улицы лошадь хромого Тимура. Или садился в танк на Прохоровом поле и пер в атаку, чтобы меня разорвал на куски летящий мне в лоб кумулятивный снаряд. Как бы то ни было, я везде умирал. Я топил свою тоску в крови, потому что не мог ничего больше с ней поделать.

Однако Санчес оказалась настырнее прочих, и не бросила меня, даже когда я два месяца заставил ее скучать. По утверждению самой Санчес, она обнаружила меня совершенно случайно: просто ее IP всего на одну цифру не совпадал с моим: у меня 12-279-904-371-С, у нее — 12-279-905-371-Е, а нашла она меня, когда искала в Сети информацию о самой себе — случайно ввела не ту цифру.

С тех пор мы странствуем по мирам вместе, и сколько бы я ни пытался вновь остаться один, Санчес не желает покидать мою жизнь. Впрочем, у нее всегда находится время развлекаться так, как она привыкла, и без меня.

Санчес — она роскошна. Она любит и умеет жить.

А я — не умею.

Но вот и она сама появляется на том конце площади, и идет ко мне сквозь толпу быстрым шагом. Идет мимо старика с его внуком, что-то разглядывающим в лимонадном киоске, и мимо гринго, который вот-вот изрубит на куски их обоих. Санчес, впрочем, это не страшно даже в мат-онлайн, так как она входит в Первый Миллион на Арене.



Санчес красива. Точнее, нет, на фоне всех этих клонов Артемиды, Нефертити, царицы Савской, Клеопатры или Таис Афинской она смотрится весьма неказисто: полная, коренастая, коротконогая. Но эта ее полнота и коротконогость подобраны с таким вкусом! Такие пропорции найдены между ее слишком широкой талией, слишком угловатыми плечами, слишком короткими ногами, что ее тело даст сто очков вперед телу любой из цариц и богинь. И тем более удивительно видеть такое тело в мире, где каждый создает себе внешность по вкусу. Но у Санчес вкус совершенен, а от того ее несовершенное тело прекрасно. Впрочем, Санчес и сама говорит, что совершенством можно не более чем восхищаться, а любовь можно испытать лишь к чему-нибудь несовершенному.

А еще она всегда одета в красное, и ее волосы всегда пышные, густые и пепельные. Ее внешность — лучшая из всех, что я видел.

Санчес уже заметила меня, и шла навстречу уверенно и прямо. Когда меня и ее разделяли несколько шагов, она вскинула руку, и звонко прикрикнула:

— Хов до йоу до, Аури!

— Чего? — растерялся я, она же встала передо мной, глядя на меня пусть снизу, но насмешливо и бесстрашно. Ее волосы трепал искусственный ветер.

— Да не «чего» тут говорят, а «Фине, тханкс!». Это английский!

— Английский, — задумался я, пытаюсь понять, что значат эти слова, и бросил догадку, — это древний язык, но котором говорили в Англии?

— Именно! Ну что, понял? Это они так здоровались. Слабо достать слово на древнем?

— Слабо, — согласился я, отталкиваясь от стены, которую подпирает все время ожидания, — а где ты могла это достать? Ведь...

— Да элементарно: в Веллингтоне двадцать второго века на одной площади, извини, название запамятовала, есть дисплей, а на этом дисплее...

— Понятно, — вздохнул я, а Санчес кивнула на перспективу улицы, и повела меня, схватив за руку.

Да ведь и правда, задумался я, когда-то люди говорили на языках. Когда-то жители разных стран не могли понять друг друга. Теперь понимают все, и лишь неотвеченным остается вопрос: а на каком языке мы все говорим? Каким языком владею я сам?

Я не могу этого знать. Я вообще знаю о себе слишком мало. Что за женщина или машина рожала меня? Что за сила поместила меня в ящик меж непроницаемых стен? Что за благодетели воздвигли мой дом и написали все эти семь тысяч четыреста тридцать миров? Миров, в которых смерти нет.

Кстати, а ведь в древности были еще и народы и нации. Интересно, кто я: американец, индеец, араб, латинос, русский, китаец, японец? Я не могу это знать — ведь я ни разу в жизни не видел своего лица.

— Нрависься ты мне, Аури! — не отставала Санчес, — вот нравишься — и все. Ты такой...

— Скучный.

— А вот за это и нравишься. Сейчас с кем не поговори — все люди интересные. А ты совсем не интересный — и поэтому мне с тобой не скучно. На-



доели мне эти все мачо, самураи и мрачные таинственные черные всадники. Хочется поговорить с серым скучным человеком! Это здорово, а? Ладно, Аури... Что у тебя нового? И есть ли что?

— Ничего... Что у меня может быть нового?

— Как всегда. А я вот вчера вступила в литературное сообщество девятнадцатого и двадцатого веков. С завтрашнего дня будем моделировать «Преступление и Наказание» Достоевского.

— Почему Достоевского? Ты же не любишь русских.

— Не люблю — это не то слово! Они оскорбляют мой художественный вкус! Больше меня раздражают только американцы, японцы и африканцы. Да только кто у меня будет спрашивать? Я у них новенькая, пока придется слушаться, но может, через пару месяцев... Моя мечта — смоделировать «1984» Оруэлла или «О, дивный новый мир» Хаксли. Обожаю антиутопии!

— Помню.

— Еще бы!

— Угу.

— Конечно, «еще бы»! И киберпанк обожаю. Нам столько ужастей наобещали — и тебе тоталитарные режимы, и тебе общество абсолютного потребления, и тебе восстание машин, и чего только не обещали. А мы живем — в лучшем мире!

— Конечно.

— А чего тебя не устраивает, я никак не могу понять! Если уж спорить о достоинствах и недостатках, то: много ли ты видел обществ, в которых мирно сосуществуют абсолютное равенство и абсолютная свобода?

— Да права ты, Санчес, права, — я замолчал, и на секунду мне показалось, что моя кожа становится броней, а рука обращается в танковую башню. Энтузиазм Санчес всегда меня выводил из себя, но я терпел. Тем более своими истериками я бы точно не смог убедить ее оставить меня в покое.

— Осто-рожно! — Санчес отскочила к стене какого-то особнячка, схватив меня за рукав и сдернув с места. Там, где мы только что стояли, по улице неслась, грохоча сапогами о мостовую и голосами о стены, разъяренная толпа. Стало быть, гринго уже обезглавил мальчика.

— М-да... Не погуляешь! — Санчес, а следом и я, ушли в немат-приват, — по-моему, мы хотели встретиться годом раньше. Пойдем-ка лучше отсюда в какой-нибудь другой мир.

— В какой?

— А не знаю! Куда захочешь — туда и пойдем. А?

— Тогда... — я задумался, — хочу в Москву 1994 года.

— К русским? — Санчес скривилась, — не пойду я к русским! Но ладно. Я сегодня добрая. Пошли лучше на Украину. Какие ты там города знаешь?

— Донецк, — бросил я наугад.

— Вот и пошли в Донецк. Там все то же самое! Согласен?

— Ладно...



В Донецк я попал во второй раз — первый был лет десять назад, когда я входил в этот город вместе с солдатами вермахта в их сверкающих касках. Они, и я вместе с ними, сражались холодно и расчетливо, почти как машины из Других планет, но сам Донецк мы преодолели за один день, и я совершенно ничего не запомнил.

Теперь же мы с Санчес шли по ночной улице в мат-привате, вдоль облезлых пятиэтажных домов с заколоченными окнами, и погасших фонарей, лишившихся ламп, а вдалеке, за океаном проржавевших крыш, торчали бесконечные частоколы черных заводских труб с красными сигнальными огнями, плыл белесый дым, да глухо грохотали металлургические комбинаты.

Мы шли быстрым шагом, а мимо то и дело пробегали или проползали ползком пьяные русские — щетинистые, загрубелые, беззубые, крепко пахнущие потом и перегаром.

— Гадость! — прикрикнула Санчес, и снова заговорила о мире, — вот, Аури, зря ты не доволен, что тебе выпало счастье жить в информационно-синтетическом обществе. Не веришь ни во что. Ходишь надутый на всю жизнь — а зря! Вот, посмотри, — она обвела рукой крыши домов, и указала на мрачную панельную башню, темную, как провал в облаке белого дыма. У подножья башни, меж двух пятиэтажных домов, тускло поблескивал памятник лысому человеку с протянутой рукой, а над башней обгорелым скелетом повис насквозь проржавевший строительный кран, — видишь? — Санчес замолчала, дожидаясь, пока я скажу «нет» или «да», но, не дождавшись, продолжила, — это социализм. Система индустриального общества, высшей ценностью которой ставилось Равенство. Справедливость. И ради того, чтобы один человек, не дай Бог, не пробился наверх, сбросив вниз десяток-другой менее сильных, социалисты отняли у людей Свободу. А теперь посмотри, — Санчес махнула рукой вдоль улицы, и мой взгляд сам собой остановился на перевернутом мусорном баке с выкатывающимся из него языком разноцветного мусора, трех оборванных ботах-бродягах в вонючих лохмотьях, и разбитых окнах одной из квартир, — это капитализм. Другая система индустриального общества, где высшим благом считалась Свобода. И чтобы каждый мог добиться всего, что он может — «может», заметь, а не «хочет» — капиталисты поделили весь мир на богов и убогих. А теперь посмотри сюда, — Санчес звонко стукнула себя кулаком по груди, — это синтетизм, в котором каждый может добиться всего, и в котором все абсолютно равны. Скажи мне, что это прекрасно!

— Угу. Прекрасно, — кивнул я, а она схватила меня за плечи, заговорила мне прямо в лицо.

— Но тебе ведь не нравится! Не нравится! Почему?

— Не поймешь, — процедил я, и она отошла.

— Ну и не надо, — Санчес обиженно прикусила губу, — жил бы ты лучше как я... Знаешь, сходил бы на Арену, взял бы самурайский меч, срубил бы головы этак две или три. Или пошел бы с огнеметом, сжег бы пару десятков юзеров — и стало бы тебе легче! Знаешь, как они красиво горят?

— А если тебя саму?



— Да меня, кстати, сжигали раз пятьсот. Поначалу я боль отключала, а теперь и не отключаю уже. Даже нравится! Ну а после Арены сходил бы в церковь, или в мечеть, или в буддийский храм, помолился бы там. Исповедовался бы в Кельнском соборе. Разве не здорово?

— А от чего мне исповедоваться?

— Тут ты прав... А я вот после ночи с Калигулой исповедовалась долго. Калигула — это нечто, я тебе скажу: в постели та-а-акой! Знал бы ты, что он выделяет... Ладно, не смущайся!

— Да я и не смущаюсь.

— На его месте ты можешь оказаться хоть сейчас. Но ты и не пытаешься. От чего?

— Не хочу.

— Вот всегда так. Скучный ты, Аури! Жутко скучный!

— Но тебе нравлюсь.

— Ага. Давай хоть поцелуемся, а? Почему не хочешь?

— Потому что... Все равно не поймешь.

— Да и не надо тут ничего понимать. Давай, а? — она остановила меня, и обхватила руками за плечи, хотела уже целовать, но тут произошло непредвиденное.

В проулке между панельных домов взревел вдруг мотор, завизжали колеса, и из темноты двора на середину улицы вылетел черный джип с тонированными стеклами. Одно из стекол лопнуло, и оттуда показалось тонкое дуло, повернувшееся в нашу сторону. Конечно же, Санчес не растерялась — в ее руке возник скоростной пистолет, но у бандита была та секунда, которой не было у нас. Автомат затрещал, выплюнув огненно-желтую струю, ответ мелькнул по стенам, а в груди и животе Санчес возникло несколько красных дыр. Очередь отбросила ее и прибила к стене, а она успела лишь полоснуть из своего «Узи» по небу. Со мной обошлись гуманнее — одним точным выстрелом вдребезги размозжили голову.

— Ну и сволочи! — услышал я дрожащий от злобы голос Санчес, поднимаясь над своим мертвым телом.

Вместе я и она, бесплотные призраки-обсерверы, висели у окон третьего этажа, глядя, как из машины вылезает бритый бандит с канистрой бензина.

— Ну и сволочи! — повторила Санчес уже спокойнее, в то время как рыцарь фени и понятий заливал бензином два наших трупа: мой, обезглавленный, и ее, лежащий у стены в луже почти черной крови, — нет, Аури, ты меня скоро и впрямь доведешь! Чтоб я еще хоть раз пошла гулять в Россию, или на Украину, или еще куда к русским! Противно!

— Да ладно, что, собственно...

— Как «что»? Они мне всю романтики испортили! Вот ведь гады! Не-на-ви-жу!

В это время тела охватил огонь, по невидимой полосе устремившийся к джипу. Бандит захохотал, и принялся палить из автомата в разные стороны, а сам джип рванул, и лысую голову срезало летящим обломком.



- Пошли-ка лучше отсюда! Черт с ними! И больше чтоб про русских не заикался. Понял?
- Угу.
- Вот и пошли.
- А куда?
- Не знаю. Давай в Самарканд!

III

На самом деле Самарканд четырнадцатого века — мой любимый из всех миров. Не передать словами, до чего нравится мне атмосфера этого великого, богатого и кипучего города, купающегося в роскоши в самом сердце туркестанских пустынь. Меня восхищают его узкие улочки, глубокие и изломанные, но все равно светлые, его желтые глинобитные стены, пускающие волны жара друг навстречу другу, его жители в белых плащах и тюрбанах. Здесь кипят и бурлят базары, ревут двугорбые верблюды, груженные шелком, хлопком и пряностями, стучат копытом кони, несущие кочевников из далеких степей. То и дело за поворотом открывается дворец с синими стенами в разноцветной глазури, а в небе перекликаются голоса муэдзинов. Где-то кричат стражники, и раб-славянин раскатывает по переулку персидский ковер, а по ковру этому ступает... Или сам Тамерлан верхом на вороном коне, мрачный, надменный и гордый. Или капризная принцесса в шелковой парандже, чье лицо недозволенно видеть никому из смертных. Или жирный продажный министр, а то и вовсе коварный визирь — непременно Джафар. А над всем этим, над плоскими крышами, над лабиринтами переулков, над текущей по улицам толпой, над ревом и гамом, возносятся, сверкая на солнце, голубые, как маленькие ребристые небосводы, купола самаркандский мечетей, и толстые расписные минареты, в закатных лучах так похожие на трубы капиталистических фабрик из начала двадцатого века... И все это — в пределах такой же желтой, неприступной стены, за которой — пустыня. А далеко-далеко, за песками и глинами, за соленой водой и горами, за ковылями и ивами, за дубами и липами, за поросшими пихтой гребнями темных Карпат, лежит другой любимый мной город — мрачная, островерхая Прага. Туда, в эту Прагу, я как-то раз доходил из Самарканда пешком. В самый разгар чумы.

А теперь я шел по базарным улицам за руку с Санчес. В немат-онлайн — уж конечно, за подобный внешний вид в Самарканде ее бы побили камнями.

- Слушай, Аури, а вот ты умный — может быть, знаешь?
- Что знаю? — не понял я.
- Вот слушай, Аури, я тут гуляла недавно по Сан-Паулу двадцать второго века, и вдруг увидела вывеску: «Молельный дом технотеистов». Ты не знаешь, кто они такие?
- Зашла бы — и узнала.
- Что-то я не догадалась. И ты сам не знаешь?
- Нет... Сектанты какие-то. Что-то от христианства или иудаизма. В общем, не помню — надо будет узнать. Может, сходим туда посмотреть. Словом, не спрашивай...



— Да я вот не знаю... Технотеисты эти появились только в двадцать втором веке. Скажем, в конце двадцать первого я их еще не видела. Вот я и не знаю, кто такие.

— Мы вообще в двадцать второй век редко ходим. Я даже не знаю, что там. Какие-то города, небоскребы по пятьсот этажей, токамаки в каждой стране. Нищеты нет вообще, все сыты и довольны, и только державы противостоят друг другу.

— Исламстан и Китай, — вставила Санчес, — вот ты и оживился! Ты, видать, турист по складу характера. Поехали в двадцать второй век! Год этак в 2154? А?

— Пробовал, — отмахнулся я, — нельзя там подняться выше 2133. Не знаю уж, почему.

— Как? — на лице Санчес нарисовалось явное удивление, — я думала... А в двадцать третий век что, тоже нельзя?

— Нет. Я пробовал. Отсылают в 2133 год.

— Обидно!

— И мне обидно. Много бы отдал, лишь бы посмотреть, как человечество дошло до такой жизни.

— Как возник синтетизм, ты имеешь в виду? Так это известно! Токамаки были — были. А я в 2125 году читала газету, где писали о том, что в лабораторных условиях удалось синтезировать живую клетку, имея в качестве исходного материала только атомы водорода и кислорода.

— Живую?

— Ну то есть как — живую... Мертвую, конечно! Они синтезировали мертвую клетку, но такую, будто она умерла бесконечно малый отрезок времени назад. Так что синтезаторы еще тогда зародились. Виртуальная реальность появилась еще лет на сто раньше. Так что вполне логично считать — просто человечество развивалось, развивалось, развивалось — и родился синтетизм. А в итоге мы все получили общество бесконечного счастья и абсолютной свободы.

— Бред, — огрызнулся я, и почувствовал, что вновь завожусь. Санчес упоминает сегодня «абсолютную свободу», наверное, пятый раз, а я выхожу из себя при мысли, что она называет «свободой» жизнь в ящике пять на пять метров! И снова мне показалось, что моя рука обращается в танковую башню, — бред, — повторил я, стискивая зубы.

— Ничего не бред! — запротестовала Санчес.

— Бред! — уже крикнул я, вскинув голову, и замолчал: навстречу нам по улице двигалась огромная, ослепительно белая процессия, оказавшаяся ханской свитой, в центре которой, на высоком помосте под балдахинном, восседал и сам хан — миниатюрный человек с маской презрения, застывшей на монгольском лице, и узкими, холодными, но в то же время огненными глазами — «железный хромец» Тимур Ленг.

— Да почему? — Санчес дернула меня за рукав, и мы встали у стены.

— Потому, что наше общество — это не «общество бесконечного счастья и абсолютной свободы», а общество бесконечных иллюзий и абсолютного



одинокости, и вот сейчас мне кажется, что эти азиаты, которым стражник через пять минут посрубает головы — они гораздо счастливее нас.

— Да что ты за ерунду понес?! — воскликнула Санчес, а я, бросив на нее взгляд, сам удивился недоумению, возникшему на ее широком лице, — как они могут быть счастливее, если сейчас их затопчут кони? Или если их пустят по миру, и они перемерут от голода? Да ты сегодня, я погляжу, крепко не в себе.

— А потому что нечего мне про абсолютное счастье. И если я...

В это время мимо потянулась белая свита, и перед моим лицом один за другим проплывали тюрбаны с орлиными перьями, хлопали белые плащи, вздувались мускулы на ногах лошадей. Мимо меня десяток славян уже несли помост Тамерлана, и вдруг, не знаю уж, от чего, мои нервы не выдержали.

Все произошло за секунду виртуального и пару минут реального времени.

Сначала — пауза. Весь мир, и даже Санчес, замирает. Вызов меню — прозрачный квадрат перед самым лицом, и курсор, который я вожу глазами.

«Настройки юзера». Так... Номер — не надо. Имя: Аурелиано, Изгой, Мрачный, Кепервеем. Не то. Снаряжение — уже лучше. Навыки — тоже уже лучше. Пусть в моей руке будет пистолет, и пусть пуля в этом пистолете будет самонаводящейся.

Снять с паузы. Выйти в мат-онлайн.

Разом все те в белой свите, кто могли меня видеть, повернули в мою сторону головы. Я вскинул руку со скорострельным «Узи», навел прицел между глаз Тамерлана, и молча нажал на курок. Пистолет затрещал, и люди в свите бросились в разные стороны. Славяне не были исключением, и помост, зашатавшись, упал — я увидел, что голова железного хромца разбита вдребезги, и белый плащ стоявшего рядом визира в крови.

— Аури! — вскрикнула Санчес.

— Пошла ты! — снова пауза, и снова мат-онлайн. Но я больше не человек. Я — танк Т-34, быстрый и неуязвимый. Стою посреди толпы, вращая башней. Вперед!

Я понесся по улице, видя, как исчезают люди под моим корпусом. Я не смотрел назад, но хорошо представлял, что там осталось. Улица делалась все уже, и мои борта высекали искры из глиняных стен, а ко мне приближалась глазурированная поверхность дворца Тамерлана.

Удар! Лучшие камни, какие только можно было найти в туркестанских пустынях, не выдержали столкновения с моим корпусом, и стена дворца начала проседать. Кирпичи, щебенка, куски глазури, балки из саксаула — все это сыпалось сверху, барабаня по моей обшивке. Я же развернул оружие, и увидел сверкнувшее мне в глаза белое солнце, а точнее, его отражение в голубом куполе Соборной мечети. Вот оно-то мне и нужно...

Оружие выдохнуло струю серого дыма, и я успел увидеть, как в поверхности купола отразился мой снаряд, а потом...

Купол покрылся сеткой черных трещин, как слегка надбитое яйцо, если его синтезировать в скорлупе, но пока еще это был только удар. Впрочем, взрыв не заставил себя долго ждать: внутри купола вспыхнуло черно-крас-



ное пламя, и синие черепки брызнули в стороны, разлетаясь над городскими крышами. Ну что, нравится? Нравится?!

Конечно, нравится! Мой танк исчез под грудой обломков дворца хромого Тимура, но моя злоба была гораздо сильнее упавших камней. Теперь я буду топить свою тоску не в крови, а в пламени.

Бесконечное счастье!? Как Санчес смеет говорить мне о счастье?! Как смеет она открывать рот, чтобы сказать *такие* слова?! Как смеет?!

Я не могу быть счастливым в том мире, где я *никому не нужен*. И уж тем более не могу быть счастлив в том мире, где я *ни в ком не нуждаюсь*.

Дайте мне владыку-тирана, что запретит мне пить воду. Дайте мне друга-предателя, что отнимет мой дом. И дайте мне Санчес, ту же самую Санчес, которую можно просто потрогать руками.

Дайте мне боль и тьму, но только чтобы я знал, что эти боль и тьма — *реальны*.

Дайте мне раз в жизни взглянуть на Настоящую Прагу и Настоящий Самарканд!

А эту иллюзию, эту насмешку, этот город-спектакль, я сотру с лица Земли.

Наконец, я встаю из под обломков. Но я уже больше не танк. Я — боевой робот. До чего это пошло! Не зря Технотрон считается уделом юзеров с дурным вкусом. Но сейчас робот — именно то, что мне надо.

И вот уже я топтал этот город ногами, давил подошвой глиняные крыши, и оставлял от толп людей бесформенные пятна. Кулаком разбивал купола, и вырывал из земли минареты, поднимал их над головой, ломал на части или как копья вышвыривал в пустыню. Жег город ракетами и протонным лучом. Убивал людей — всех, всех, кто здесь есть. А здесь было двести тысяч...

Я не помню, сколько я бесновался, но помню, что успокоился только когда от всего города, почти в прямом смысле, не осталось и камня на камне. Наконец, я поставил робота на самоуничтожение, а когда вал яда и пламени прокатился над руинами, вновь спустился в переулок, в гигантский отпечаток стопы моего Технотрона.

— Так вам и надо! — я стоял меж двух стен, завалившихся навстречу друг другу, и меня всего била дрожь, — так и надо! — во всем Самарканде не уцелел ни один бот или юзер.

— Аури!

Я обернулся, и увидел Санчес. На ее лице не осталось ни единой пылинки, а глаза горели от восхищения.

— Что?! Что?!

— Слушай, Аури, это же здорово! Да у тебя талант! Ты бы мог и на Арене драться. Что ж ты раньше такого не делал?

— Пойду громить Прагу, — вздохнул я обессилено, привалившись к стене, — наломаю шпилей от Собора Святого Вита.

— Да брось. Зачем ты это сделал? Так просто?

— Да... Разрядил лишнее напряжение.

— И как? Легче стало?



— Ну... — я хотел уже ответить, что стало, но в эту секунду произошло то, что заставило кровь в моем теле — том теле, что лежит в пронизанной лучами сетевой комнате в Бог-весть где скрытой квартире — вскипеть!

«Окончание отчетного периода. Все несохраненные данные будут при этом утеряны».

— Что-о? — надпись перед глазами, и...

Гам и звон самаркандского рынка забились в ушах. Взревели ослы и верблюды, и заорали, прославляя в веках свой товар, продавцы в лавках. Сверху послышалось «Ал-л-ла Акбар!», а со стороны дворца уже доносилось: «Дорогу Тамерлану!».

Самарканд жил! Не умер ни один из убитых! Да они и не могли умереть. Не могли потому, что никогда не рождались.

— А-а-а-а-а! — я заорал во все горло, и Санчес тут же подскочила ко мне, зажала ладонью рот.

— Ты чего, Аури? Ты что, не знал, что отчетный период истекает? Ты бы на часы посмотрел, прежде чем все ломать!

— А... Ненавижу! — крикнул я сквозь ладонь, державшую мои губы, и Санчес наклонилась к моему лицу.

— Кого ненавидишь? Этих, что ли?

— Пошла ты! — крикнул я, и вышел из Сети.

IV

В сетевой комнате всегда темно, и вся она всегда пронизана тончайшими лучами. Я могу стоять, сидеть, лежать на полу — но лучи исходят из любой точки поверхности в комнате, и регистрируют все, что происходит с моим телом.

И снова вопрос: откуда я это знаю? Ведь об этом нигде ничего не написано — но почему-то мне известны все механизмы работы Сети и синтезатора. Я знал их всегда. Знал их дольше, чем самого себя. А когда я узнал себя, я уже не был ребенком.

Дети вообще есть только у ботов.

Так откуда, откуда я взялся? Откуда же...

Встав с пола, я прошел в главную комнату, запросил у синтезатора вьетнамский арбуз, а сам ушел в душ. И вот уже снова я стоял под теплыми струями, размышляя о том, где я живу...

Синтетизм. Информационно-синтетическое общество. Общество, где прогресс доведен до абсурда. Абсолютный прогресс.

Здесь нельзя заразиться даже самой банальной простудой. Нельзя попасть под машину или вывалиться из окна. Здесь тебя никто никогда не убьет, и даже покончить с собой невозможно: стены мягки, дыры в полу поглощают воду, а яд и взрывчатка в синтезаторе не предусмотрены.

Общество абсолютной свободы. Абсолютного равенства. Абсолютной стабильности.

Общество, где все абсолютно и все доведено до абсурда.

И где все люди одиноки.



Или только кажутся одинокими? Санчес счастлива. Многие из моих случайных компаньонов были счастливы. Несчастен лишь я один.

Но я ведь знаю себя одного! Санчес — не спутница жизни. Для меня она вообще не есть человек. Для меня Санчес — партнер по игре, и я не знаю, что у нее на душе.

Быть может, она живет в соседней квартире, за этой стеной. А может — ее нет вообще. Пробить мои стены невозможно, а значит, мне никогда не узнать истины.

Я закинул голову, поймал ртом струю, начал с жадностью глотать горячую воду. После того, что я сделал в Самарканде, болезненно хотелось помыться — казалось, что вся моя кожа в пыли. Но пыли не было — и быть не могло.

Почему же я одинок?

Почему прогресс и свобода за без малого тысячу лет уничтожили общество? Общества больше не существует. Есть только совокупность людей.

Я хочу сломать этот мир. Хочу вырваться из этих стен. Хочу идти по улицам Настоящего Самарканда, и хочу, чтобы меня до смерти забил в отделении узбекский сотрудник милиции.

А впрочем, это бред. Запуганная русская женщина, живущая в Узбекистане двадцать первого века, не смела бы даже мечтать о подобной жизни. Миллиарды людей тысячи лет умирали от голода и болезней, холода и огня, мечей и пуль. И с моей стороны это — скотство, низость, подлость — ненавидеть информационно-синтетическое общество.

Ведь здесь *смерти нет*.

Здесь равенство и свобода, и в то же время абсолютная индивидуальность каждого.

Здесь люди автономны. Здесь никто ни от кого не зависит. Никто никому и ничем не обязан. А от того — не нужен.

Я не нужен Санчес, а Санчес не нужна мне. И я никогда не поверю, что ее счастье искреннее.

А, плевать!

Я выключил воду, и, мокрый, распаренный, пошел в сетевую комнату. Синтезатор уже успокоился, и на столе лежал большой красный шар, под которым возникла лужа прозрачного сока. Но я не хочу есть арбуз, который никогда не был зернышком.

Я хочу уничтожить этот мир! Взорвать мою квартиру, и оказаться там, в Настоящей Праге. Пускай больной и голый, пускай беззащитный. Но я хочу прикоснуться к настоящим камням, и вдохнуть настоящий, естественный воздух.

Сейчас я начну разрушать!

V

Холодная война прекрасна. Прекрасна уже потому, что здесь всегда есть хотя бы иллюзорные боль и страх. Палец на кнопке, глаз у прицела, мозг наготове — любая секунда для этого мира может оказаться последней, и только на моей памяти ядерные войны здесь начинались четырнадцать раз.

Так... Вселяюсь в президента США.



Режим полного повиновения.

Приказ о начале ядерных бомбардировок Советского Союза. Вот так...

Пусть стрелы Свободы и Демократии поражают Москву и Ленинград, Прагу и Бухарест, Белград и Гавану, а вместе с ними — Пекин и Шанхай, Улан-Батор и Пхеньян. И пусть обратно летят стрелы Равенства и Справедливости, и пусть горят в белом пламени Нью-Йорк и Чикаго, Париж и Лондон, Токио и Сеул, Бангкок и Гонконг. Не выживет никто.

Покончить с собой, уничтожив весь мир! А по сути — просто сорвать злобу.

Ну а когда я понимаю, что ракеты запущены, и что Конец Света не останется, я пускаю пулю себе в лоб, и обсервером сажусь на крышу Эмпайр-Стейт-Билдинг — к подножью шпиля.

Сейчас я буду наслаждаться зрелищем краха цивилизации. Наслаждаться тем, что могло бы предотвратить синтетизм. Ведь эта война уничтожит все живое на Земле шесть с половиной раз. Да, только сначала надо замедлить время стократно.

Итак, над Нью-Йорком возникает ракета. Крошечная черная точка, падающая из-за пределов атмосферы, оставляя за собой белый след. Наверное, ничего особенного, и спующие внизу ньюйоркцы даже и не заметят ее.

А потом на небе зажигается второе солнце, еще более яркое и прекрасное, чем первое. Я в этот момент ныряю в пропасть нью-йоркских улиц.

Что такое ядерный взрыв? Это мощность, эквивалентная мощности трех миллионов тонн тротила — подобной горой можно засыпать всю эту улицу. От одного только света воспламеняются углеводороды, а на стенах домов и асфальте навсегда отпечатываются тени. Наземный ядерный взрыв оставляет воронку глубиной триста метров, а воздушный — убивает все живое на полторы сотни метров в глубь земли.

Первым земли достигает свет, и весь мир погружается в белое сияние. На деревьях обугливаются листья, на птицах — перья, на собаках — шерсть, а на людях — одежда и волосы. Глаза выгорают даже у тех, кто смотрел в этот момент в землю. Световая волна достигает земли моментально.

Полминуты моего времени, и доли секунды виртуального я жду, когда придет тепловая волна, и эта волна уничтожает все живое. Нет ни огня, ни дыма, ни предсмертных криков, но когда третья, ударная волна достигает земли, на нью-йоркских улицах стоят лишь обугленные скелеты.

Стоят потому, что кости еще не успели упасть.

И вот, наконец, ударная волна. Небоскребы Манхэттена нагибаются и клонятся к земле, как степная трава в грозном порыве, а потом здания рушатся. Грандиозные башни по четыреста метров высотой странно деформируются, вытягиваются, как будто разжижаясь, и превращаются в струи пыли, которую ударная волна уже разносит над Атлантическим океаном. Через несколько секунд здесь не останется ничего.

Но я не хочу.

Когда волна уже почти коснулась земли, почти обратила в песок мостовые, я перехожу в мат-онлайн.



Спустя неделю виртуального времени я лежал на дне бездонной воронки, некогда называвшейся «Каир», и смотрел то на остовы Египетских пирамид, почти не пострадавшие от взрыва, то на затянутое пылью небо.

Земля мертва. Земля уже остыла. На Земле нет ничего живого, и только юзеры самозабвенно изображают радиационных мутантов в захосшей сельве.

Я сорвал злобу. Я уничтожил весь мир лишь для того, чтобы мне стало легче. И как — стало ли? Стало ли? Стало ли?!

Ни на секунду... Мое бешенство только злей. Я помню, чем закончился погром в Самарканде: «Все несохраненные данные будут при этом утеряны». Как бы их сохранить! Но нет. Через пять или семь часов вновь здесь начнут снова потертые машины, вновь начнут что-то кричать арабы в белых галабях, вновь тупые туристы из всех стран мира будут с остервенением жать на кнопки фотоаппаратов, указывая пальцами на верхушки Египетских пирамид, и восхищаться дыханием «вечной пустыни»...

Я не в силах сломать этот свет. Я просто не в силах... Шестикратно уничтожить жизнь на Земле — это не катастрофа. И то, что я сделал только что, делается как минимум в пятнадцатый раз.

Проклятие...

— Аури!

Я и не заметил, как закрыл глаза, а теперь, разомкнув веки, увидел Санчес, как всегда самодовольную и капризную, уверенную и бесстрашную. Санчес висела надо мной, глядя вниз — мне в лицо.

— Что тебе надо?

— Аури, да что ты, прямо? Вчера Самарканд погромил, сегодня весь мир. Завтра, того и гляди, хакнешь Систему.

— Я бы с радостью. Если бы я умел...

— Слава Богу, что ты не умеешь, — засмеялась Санчес, — слушай, Аури, тебе надо что-то делать. Сходи к психологу! Фрейд, или Юнг, или Фромм — примут. Или лети на Тибет, учись искусству медитации, освобождению души. Или...

— Да пошла ты! — заорал я, вскакивая, и попытался ткнуть Санчес кулаком в живот, но она без труда уклонилась, отбив мою руку ногой.

— Да что ты нервничаешь, Аури?! Все ведь нормально, а? — она перевернулась, и села на дно воронки рядом со мной.

— Что тебе?

— Аури, я от тебя ведь не отстану! Давай-ка лучше расскажи мне, что тебя тревожит. Неужели ты так бесишься от того, что тебе не нравится наш мир?

— Ты не поймешь.

— Да все я пойму, Аури! Рассказывай!

— Нет, ты не поймешь. Потому что если бы ты могла понять, ты бы поняла меня сразу.

— Да брось.

— Отвяжись! Санчес, оставь меня! Ты мне противна!



- Да ну?
- Ты — обывательница. Таких, как ты, в девятнадцатом веке русские называли «мещане».
- Весело, весело... Это я-то мещанка? И почему?
- Потому, что тебе нравится это противоестественное, информационно-синтетическое общество.
- Ага, вот как... Значит, «мещанин — это тот, кто доволен своим миром». Так? Но если я — мещанка, то ты — дурак. Чем тут быть не довольным?!
- Не для твоих мозгов!
- А все-таки расскажи. Тебе не нравится, что ты одинок, и тебя окружают мещане? А ты мог бы...
- Замолчи, Санчес... Хорошо, я тебе расскажу, чтобы ты наконец оставила меня в покое. Так вот, знаешь, зачем я разгромил Самарканд? Я сделал это потому, что он *ненастоящий*. Я разрушил его потому, что его попросту нет. Ну? Я же говорил, что ты не поймешь!
- Так, Аури, это уже интересно! — воскликнула вдруг Санчес, — пойдем отсюда в более приличное место. А?

— Нет.

— А кто тебя спросит! — прикрикнула Санчес, а в следующую секунду пыль сменилась светом, а холод — теплом.

Теперь мы сидели в тех же позах на белоснежном песке, в тени кокосовых пальм, и над нами лежало темно-синее небо с белым экваториальным солнцем, а перед нами подрагивала теплая и чистая лагуна.

На наших телах не было никакой одежды, и вообще в окружающем нас мире не было ничего искусственного или рукотворного. Здесь все было естественным, кроме лишь одного — самого этого мира.

VI

- Значит, Аури, мир «ненастоящий». Да?
- Да, — обессилено ответил я, отдыхая глазами на теплой пульсирующей синеве лагуны — до чего же приятный цвет! Необитаемый остров в Полинезии — один из самых лучших миров, которые только бывают. Впрочем, я здесь раз третий или четвертый.
- Но вот, Аури, объясни тогда мне: а почему этот мир нереальный?
- А ты разве сама не знаешь? Все эти миры — виртуальные, и никто этого от нас не скрывает.
- Да я не о том. Смотри, — Санчес зачерпнула ладонью горсть песка, пропустила сквозь пальцы, и протянула ладонь мне — на коже остался десяток песчинок. Я пригляделся, и понял, зачем Санчес показывает мне их — каждая песчинка отличалась размером, цветом и формой, — видишь? Синтезируй у себя в квартире сахар, и увидишь, что реальный сахар ничем не лучше виртуального песка. Хочешь истинных звуков — сравни свой голос здесь и там. Хочешь истинных запахов — понюхай рыб в этой лагуне, и поймешь, что они пахнут ничуть не слабее и не приятнее, чем селедка из синтезатора. А если



этот мир ничем не отличается, и ни в чем не уступает реальному, так какая, по большому счету, разница — настоящий он или не настоящий?

— Это так, — согласился я, — но меня пугает и злит другое. Скажи, веришь ли ты в то, что такой остров был? Веришь ли ты, что существовал Самарканд? Веришь ли ты, что Египетский пирамиды, пережившие ядерный взрыв — когда-то действительно были? Я ненавижу этот мир за то, что все, абсолютно все здесь может оказаться иллюзией. Я реален — это все, что я могу сказать наверняка. Пони-маешь, Санчес, — я перешел на шепот, — я не уверен даже в том, что *ты* есть.

— Вот здасьте! — Санчес всплеснула руками, и даже рот открыла от удивления, — приехали! Ты хочешь, чтобы я на тебя обиделась, так что ли? Как это меня — и нет?

— Смотри — боты ничуть не уступают юзерам. С каждым из них, абсолютно с каждым, можно говорить, как с живым человеком. У каждого есть свои чувства и переживания, своя боль и судьба, свои чаяния, свой характер. Так неужели же тот, кто создал сто двадцать миллиардов характеров и сто двадцать миллиардов судеб, не смог бы создать тебя?

— Да что ты городишь?!

— Ну хорошо, — я натянул улыбку, пытаюсь изобразить как можно больше ехидства, — докажи мне, что ты не бот. Давай!

— Ну слушай, Аури, не наглей. Ведь я могу точно так же сказать, что ты — бот!

— Можешь. А я никак не смогу доказать обратного.

— Почему же? Если тебя назвать ботом, ты обидишься.

— Во-первых, я не обижусь...

— А я вот — обиделась. И сильно, — Санчес сделала вид, что отворачивается, но вместо этого только ближе придвинулась ко мне.

— А во-вторых, Санчес, сказала бы ты Цезарю, что его нет, так он бы не просто «обиделся», он бы тебя на Арену послал в голом виде.

— И посылал, — призналась Санчес, — так и начался мой взлет на Арене. Может, еще и до Первой Тысячи дойти успею. Но неужели ты не веришь в то, что я есть?!

— Я верю. Но меня одолевают сомнения. Пойми: иногда я боюсь оказаться единственным живым существом во Вселенной.

— А все-таки, Аури, с тобой явно что-то не так. Пошли к Фромму!

— Нет, Санчес. Расскажи мне лучше про свою квартиру. У тебя там три комнаты, ванная, кровать, синтезатор, нет окон и дверей тоже...

— Аури! — Санчес вскочила, и глаза ее вспыхнули, но тут же она снова села, — да ты, Аурелиано, оказывается, хам, каких мало! Не ожидала я такого! Полетть к юзеру с расспросами о том, что у него в Реале! Я возмущена!

— Радуйся. Я стал ближе к мысли о том, что ты не бот.

— Слушай, Аури, хватит наглеть, а? Я ведь и уйти могу.

— Уходи, — кивнул я.

— Да черта с два! — прикрикнула Санчес, и вдруг подалась вперед, обняла меня за плечи, и, сев верхом, повалила, — и этого ты тоже не хочешь по-



тому, что меня нет? — ее тело было объемным, гладким, упругим, и таким приятно теплым. На секунду мне захотелось сделать то, что она хочет, но вместо этого я сказал:

— Именно.

— А зря, Аури. Я же есть! Я есть!

— Но мне неприятно думать, что ты где-то там. Быть может, нас разделяют тысячи километров. Я бы с радостью сделал это с тобой — но именно с тобой. С тобой, а не с машиной. Так что отпусти!

— У, какой же ты сложный, — Санчес выпустила меня, и легла рядом со мной на песок, — пойду завтра к Калигуле.

— Иди.

Мы лежали на песке, и песок грел — я кожей чувствовал каждую песчинку, которых здесь миллионы! Теплые лучи пронзали нас, грея кожу и внутренности, и я думал о том, что это Солнце ничем не отличается от настоящего. Но настоящее Солнце — я ведь не видел его!

И может быть и Полинезия, и Самарканд, и Донецк — все это существует лишь виртуально. Лишь в воображении того, кто написал все это. Что, если Земля мертва? Если там, за пределами наших квартир, лежит ледяная пустыня, где Солнце не греет, а жалит, и где среди голых камней не осталось ни единого намека на жизнь.

— Интересно, какой сейчас год? — спросил я, скорее у неба.

— Две тысячи восемьсот какой-то, — ответила Санчес, и замолчала.

— Две тысячи восемьсот?

— Ну да. Синтетизм наступил году наверное в две тысячи двухсотом, я родилась уже при синтетизме и ни разу в жизни не встречала юзера, жившего до синтетизма, а значит, сейчас не раньше две тысячи восьмисотых или девятисотых.

— Или много позже. Ведь прогресс стал абсолютным, и дальше развиваться просто некуда. Понимаешь, в чем дело, Санчес — ведь могло пройти и десять миллионов лет. И пройдет еще сто миллионов — а мы ни о чем не узнаем.

— Люди теперь живут триста лет, и в двести девяносто молоды, как в шестьдесят.

— Мне, я думаю, лет тридцать пять. А тебе?

— Не хами, — Санчес отвесила мне подзатыльник, — а вообще-то, Аури, ну какая тебе разница — с машиной ты или со мной? Ведь машина передаст тебе ощущения от меня. От меня, и ни от кого другого!

— А как ты думаешь, Санчес, — говорить о сексе я не хотел, — кто всеми нами управляет?

— Откуда мне знать?! Думаю, никто. Да и кто может?

— Мне кажется, есть избранные. Какие-нибудь модераторы и админы. И вот они, управляя всеми нами, греются на настоящем песке и любят на настоящие Пирамиды. Наверное, им...

— Им ужасно! Ведь они могут, например, утонуть вот в этой лагуне. А мы — не можем. Понимаешь: смерти нет!



— А я бы лучше умер — но хоть один раз по-настоящему.
— Так! — Санчес одним движением вскочила на корточки и встала, схватила меня за руку и заставила подняться, — Аури, ты невыносим! И если так, я буду выбивать из тебя эту дурь.
— Каким образом, любопытно?
— Как? Я покажу тебе, как надо жить! Я тебя научу! Так что...
— Не хочу я...
— А кто тебя спросит! Пошли на Арену?
— Да мне твоя Арена...
— Не отпирайся, — Санчес на секунду замерла, а глаза ее остекленели — влезла в меню. Она успела воскликнуть: «Я покажу тебе семь кругов Рая!», и вместе мы покинули Полинезию.

VII

Культурную программу Санчес сочинила мгновенно, но этой программы, я понял сразу, хватило бы на несколько недель. Она пообещала сводить меня на Арену, в Рай, в Ад (если я захочу), к Клеопатре, в церковь, на литературное моделирование, в мир снов, и еще Бог знает куда.

К чему мы и приступили немедленно.

На Арене решили драться три раунда и «без поддавок». Я на Арене был абсолютным новичком, Санчес же по трем видам боя — рукопашному, холодному и огнестрельному, балансировала на грани Первого Миллиона, и только по магии была не более чем в первых десяти-двадцати миллионах. Ее на Арене уважали, и почитали поединок с ней за честь, но Санчес сказала, что сегодня она дерется со мной. В первом раунде она настроила себе одну, а мне три жизни, себя снарядила в самурайские доспехи и вооружилась катаной, а мне дала короткий лук и шпагу. Сражались мы не очень долго, и в первую жизнь я растратил все стрелы, но так и не смог ее достать, она же настигла меня и обезглавила. Во вторую жизнь я опять пытался ее подстрелить, и, похоже, случайно, попал ей в бедро — в упор, что меня не спасло — она метнула катану, и отсекала мне руку. Наконец, в третью жизнь я сумел догнать ее, хромавшую и обессиленную, и вонзить шпагу ей в живот. А впрочем, мне так кажется, она просто поддалась.

Во втором раунде мы сидели в окопе, она с пулеметом, я с огнеметом, и косили наступавших ботов. Очереди разрывных пуль резали их тела на куски, а под струей огнемета они и правда очень красиво горели. Наконец, кто-то забросил в наш окоп гранату, огнемет взорвался у меня в руках, и горел уже я. Правда, с выключенной болью это было даже красиво — смотреть на поле битвы сквозь огонь. Санчес, впрочем, перебила всех и одна.

Наконец, в третьем раунде Санчес, вооруженная силой огня, и я вооруженный силой холода, столкнулись с ядерным магом из Первой Тысячи, за пару минут уложившим нас обоих.

Но в целом бои на Арене мне очень понравились. А больше всего понравилась Санчес: ловкая и бесстрашная, сильная, непобедимая. Она могла



иногда увернуться от пули, и совершенно свободно владела искусством боя с мечом или без меча. Но даже тот ядерный маг не сравнился бы с ней во владении собственным телом. Я завидовал Санчес.

После Арены мы отправились в Рай, и долго лежали там в тени нежно-зеленых незнакомых деревьев, и наслаждались блаженством. Принцип работы Рая я знал — здесь просто стимулировался центр удовольствий, и от того действительно становилось прекрасно. Чистое блаженство, без причины, без примеси, без сомнения и желания что-то делать еще. Разумом я уверял себя, что это отвратительно, и вспоминал тех крыс, но все равно продолжал наслаждаться. Впрочем, через пять часов нас изгнали из Рая, заявив, что мы можем лежать тут вечно, и в конце концов умрем от голода или жажды.

— Ну что, Аури, скажи, что там здорово?

— Да уж, — вздохнул я, поняв, что пять часов моей жизни убиты не понятно, на что, — пошли в Ад?

В Аду, в черной пустыне мертвых камней и огненных струй, стимулировался центр страдания, и я разом испытывал страх, отчаяние, стыд, депрессию, истерику, ненависть, зависть, отвращение к себе и к миру, да еще и физическую боль. Санчес не выдержала в Аду и двадцать минут, я же терпел два часа. А выйдя вслед за ней в город, я почувствовал, что в Ад стоит заходить снова и снова.

Город оказался Сан-Паулу двадцать второго века. Меня и правда окружали небоскребы по пятьсот этажей, светящиеся в небе вывески компьютерных корпораций — производителей виртуальной реальности, и далеко-далеко, между башен, поблескивало тусклое Солнце. Я и Санчес стояли в чистом, пустынном дворе, и перед нами была лестница, ведущая к окну на шестом этаже и надписи: «Молеальный дом технотеистов».

— Пойдем? — спросила Санчес.

— Нет, не хочу. Сходи одна, а потом расскажешь. Я пока отключусь и пойду поем.

Еще час или два я сидел в квартире, уплетая виноградных улиток и пекинскую утку, и переваривал не столько еду, сколько впечатления.

Я помнил, как вонзил шпагу Санчес в живот, и как она замерла, выгнувшись и закинув голову. Как у нее пошла кровь изо рта и носа, и как она упала к моим ногам. Она никогда не отключает боль. Она совершенна и умеет жить.

Санчес... Этот мир для нее. Она правит этим миром. А я — напротив, жертва синтетизма. Но что делать — ведь в каждом обществе есть люди, не способные жить по законам этого общества. Изгой, отшельник... И просто дурак!

Внезапно, я поймал себя на мысли, что хочу видеть Санчес здесь. Вот прямо здесь, на этой кровати. Хочу видеть ее такой, какой видел в Полинезии — сильной, молодой, здоровой. Прекрасной и несовершенной. Наслаждаться этим телом, таким объемным в моих руках, этой кожей, гладкой, крепкой и теплой. Живым теплом... Которого я не ощущал никогда.

И что мне мешает переспать с ней там? Ничего. Дурацкий принцип, отвращение к половому акту со сложной машиной. Вот если...



Она прекрасна! Нет слов. И я хочу снова драться с ней на Арене! Хочу убивать ее вновь и вновь. Ведь это действительно сексуально! Не зря одна из моих спутниц, не помню, как ее звали, помешанная на сексе и не признававшая никакой одежды, любила вспарывать себе живот, и показывать мне, что у нее там.

Хочу убить Санчес в Сети.

И хочи сойтись, сойтись с Санчес — но уже тут, в Реале.

Доев, я вышел в Сеть, и сразу застал Санчес в Стамбуле времен Османской империи. Оттуда мы отправились в Рим второго века, а оттуда — в Афины времен эллинизма. Вскоре мы сидели на белоснежной террасе, дышали бризом Средиземного моря, отдыхая глазами на сложных и изящных очертаниях скал, и на белых гребнях волн, разбивающихся об эти скалы и о нос дремлющей у берега голубоглазой триремы.

— Я, Аури, зато узнала, кто такие технотеисты.

— И кто?

— Сектанты, ты был прав. Причем они считают себя «единобожниками», и не относят свое учение ни к христианству, ни к исламу, ни к иудаизму. Ну так вот, слушай — технотеисты являются порождением прогресса. Они пытались адаптировать религию к реалиям «Термоядерной революции» двадцать второго века. Их еще называли тогда «атомные клерики». И учение их базировалось на трех основных принципах. Тебе интересно?

— Да, да, — закивал я, удивившись, что мой лед и злоба дали трещину.

— Первое, что они утверждали: мир — это полностью замкнутая в себе, автономная система, потому что таким его создал Бог. Иными словами, мир можно полностью, от начала и до конца, объяснить его внутренними законами, но это не отменяет божественного творения.

— Вот как.

— Отсюда следует второе: если Бог вмешивается в жизнь этого мира, он подчиняется его законам. Чудес не бывает! А отсюда следует третья, главная формула технотеизма: «Все в мире делается *по воле Божьей руками людей*». Мне их священник, доктор синтетических наук, даже кое-что толковал из Библии. И приводил пример, что Туринская плащаница — это, надеюсь, ты знаешь, что такое — так вот, что Туринская плащаница радиоактивна. То есть представь: Воскресение Христово сопровождалось ядерной реакцией! Можешь такое представить? Но поговорить с ним я не успела: истек отчетный период, а начинать все сначала мне уже было лень.

— Интересно.

— Ага. Ну что, куда дальше?

Дальше мы отправились к Таис Афинской, в ту же Грецию, но уже времен Александра Македонского, и вскоре снова шли по белым афинским улицам, мимо теплых домиков, увитых виноградной лозой, мимо Акрополя с белоснежным Парфеноном на плоской вершине, спустились к берегу, где



застали саму гетеру — Таис Афинская, невысокая и очень красивая девушка с медной кожей, роскошными черными волосами и исключительно широкими бедрами, лежала на песке, отдыхая после непременно у древних греков морского купания...

Там, на этом песке, я первый раз познал страсть женщины, а точнее, страсть умной машины. На следующий день Санчес обещала сводить меня к кому-нибудь еще, но я ответил, что не хочу:

— До сих пор противно.

Последующие пять или семь дней мы провели вместе, и обошли множество миров. Мы каждый день дрались на Арене, и наслаждались невероятными картинами мира снов, мы становились зверями и птицами, рыбами и микробами, мы моделировали великую классику дальнего прошлого, и Санчес, бедная, простая, наивная Санчес, искренне верила в то, что открывает мне что-то новое.

В этом мире нет новизны. И поток впечатлений способен лишь забить мою тоску, похоронить ее под грудой чего-то, но не уничтожить совсем.

VIII

И вот уже я и Санчес вновь грелись в лучах полинезийского солнца, лежа на теплом песке, белом, как снега Московии, и вновь Санчес говорила со мной о том, нравится ли мне этот мир.

— Ты хочешь знать, — отвечал я, — стал ли я после всего этого лучше относиться к нашему информационно-синтетическому обществу? Что ж, я отвечаю: не стал.

— Почему?! — едва не вскричала Санчес, и я понял, что сделал ей очень больно. Она вдруг поняла, что ее семь кругов рая пошли прахом, и что все ее усилия тщетны. А может, она поняла что-то совсем другое.

— А с чего я должен был изменить отношение к миру? Я стал лучше относиться к тебе. Но только к тебе. Я готов странствовать по мирам с тобой — но только потому, что с тобой мне будет не так одиноко и холодно.

— Так чего тебе не хватает, я не могу понять?! — воскликнула Санчес, чуть не плача.

— Тьмы.

— Так сходи в Ад.

— Это не то... Совсем не то. Как же тебя объяснить... Санчес, дело в том, что... Все эти бои на Арене, прогулки в мире снов, блаженство в Раю и муки Ада, беседы над Эгейским морем — это... Это сказка. Но когда я возвращался в Реал, чтобы есть или спать, меня брало отчаяние. И хочешь знать, от чего?

— Да?

— Я хотел *тебя*. Я хотел, чтобы ты оказалась в моей квартире. Ты — живая, материальная. Чтобы мы жили вместе меж этих стен. Чтобы пространство квартиры было для нас двоих, а не для меня. А еще знаешь ли ты о том, что ты способна рожать детей?



— А еще я бы заразилась чем-нибудь, и умерла бы. А следом бы умер ты и эти рожденные дети. Наше «внеобщество» — это единственная система, при которой все могут быть счастливы. Ты можешь понять, что смешай людей — и люди будут резать друг друга, заражаться один от другого, доставлять друг другу страдания? Представь себе только, что я, я-реальная, умираю у тебя на руках.

— Санчес, вот что... Мы знаем друг друга уже очень близко, и я прошу, не называй меня хамом. Мне просто очень важно это узнать.

— Что узнать? — Санчес говорила как-то обессилена, и я подумал, что мне надо было сказать неправду.

— Санчес, а все-таки расскажи мне про *свой* Реал. Про то, что у тебя есть не в Сети.

— Ладно, Аури! — произнесла она уже тверже, а дальше я понял, что она отключила эмоции, и говорила теперь ровно и холодно, — я расскажу тебе все. Я унижусь. Слушай. В Реале у меня есть квартира — куб с мягкими желтыми стенами. Без окон и без дверей. Три комнаты. В одной комнате — кровать, без одеяла и всегда чистая, и синтезатор, делающий еду из воздуха, на котором зелеными буквами написано «Экономьте атомы!». В квартире всегда тепло и свежий воздух. В другой комнате — душ, чтобы я могла быть чистой, и туалет. Ты знаешь, что делают в туалете? Должен знать. А третья комната — темное помещение, пронизанное лучами. Оттуда я выхожу в Сеть. У тебя так же?

— В точности!

— Что ты еще хочешь узнать?

— Санчес, скажи мне тогда другое: какая ты сама в Реале? Как выглядит твое настоящее тело.

— Мое тело в Реале выглядит омерзительно. Гораздо хуже, чем твое. И сейчас я расскажу тебе таких мерзостей, что ты будешь ненавидеть Реал. Хочешь?

— Хочу.

— Тогда слушай. В Реале я, во-первых, потолще. Сильно потолще. Во-вторых, у меня очень плохая кожа: сухая, неровная, с морщинами и прыщами. Знаешь, такая серая и ломкая? И, наконец, там, в Реале, я *стара*.

— Стара?

— Мне, на самом деле, лет двести. Я ближе к концу, чем к началу, а конец, я знаю это, неизбежен.

— Ты старая? — переспросил я, — да разве...

— Нет, конечно, в мире Холодной войны в шестьдесят лет женщина выглядит старше, чем я сейчас, в двести. Но я старше тебя в пять раз. Тебе противно?

— Нет... — ответил я, а сам почувствовал несказанную радость при мысли о том, что никогда даже не целовался с Санчес. И что ее прекрасное и не совершенное в Сети тело в Реале серое, толстое и старое.

— Но это еще не все. Главное вот что: уже сотню лет я хромая.

— Хромая? Как это? Это же невозможно! Ты не могла родиться с дефектом!



— Нет. Я родилась здоровой, и сто восемьдесят лет назад мое тело было почти таким же, каким ты видишь его здесь и сейчас. Но лет сто назад я поскользнулась в душе, и, не могу понять как, сломала ногу. Нога просто переломилась, как палочка. До сих пор я отчетливо помню, как я несколько часов валялась на полу, корчась от боли, а потом ползала до кровати и лежала там. Представь себе: два месяца я не могла встать. Два месяца я не выходила в Сеть. Два месяца я была *абсолютно одна*. Единственным голосом, который я слышала, были мои собственные мысли. Я ела раз в два-три дня, так как путь к пульта синтезатора, ползком, доставлял мне невыносимую боль. Реальную боль. Я не могу понять, как, но одна и та же боль в Сети доставляет наслаждение, а в Реале заставляет корчиться и плакать. В Сети я до этого согну раз ломала ноги, даже бедра, но мне это было приятно. В Реале же... Тебе не понять. И вот представь: два месяца боли, голода, грязи и одиночества. Два месяца вне жизни. Мне потребовалось пройти это, чтобы осознать: я люблю Сеть. Я ненавижу Реал. Ведь в Сети *смерти нет*. Вообще нет. Умереть можно только вне Сети — в проклятом Реале. Ты видишь, что сделал со мной Реал даже при синтетизме? А представь, что Реал мог сделать с тобой, если бы синтетизм не наступил?

— Но...

— А еще я расскажу тебе историю о смерти. Ты ведь никогда не знал, что такое реальная смерть. А я знала. Давай расскажу. Лет сто пятьдесят назад у меня была подруга под ником Клодия. В те времена была мода на киберпанк, и мы дни и ночи проводили в Тиба-сити. Меня тогда звали Когашима, и я была шлюхой-самурайкой на ночных улицах. С тех пор ненавижу японцев. Ну а Клодия — она была рукотворной вампиршей, возникшей в результате каких-то генетических реакций. Она летала между небоскребами, убивала людей, пила кровь, и уверяла меня, что она бессмертна. Но однажды она просто не вышла в Сеть. Не вышла она и на следующий день, и на следующей неделе, и вообще никогда. Ее просто не стало.

— Умерла?

— Да. Но сама смерть — это совершенно не страшно. Ведь я могу, например, так, — Санчес встала, постояла секунды две, а потом со стороны океана прилетела тонкая стрела, поразившая Санчес в грудь — моя спутница упала и умерла, но пролежав несколько минут, встала вновь, — смерть — это не страшнее, чем перелом. Но пугает то, что будет после. Представь себе: *несуществование*.

— А загробная жизнь?

— Я не знаю, верить в нее, или нет. Ведь в нашем мире нет ни праведников, ни грешников. Ты не сможешь причинить другому зло, сколько бы ты не пытался, а твое добро никому не будет нужно. Может быть, есть хотя бы реинкарнация? Но ладно, Аури... Неужели даже эти слова не убедили тебя?

«Бедная Санчес, — подумал я, глядя на нее, — она действительно думает, что способна кого-то в чем-то убедить... Но в том-то и дело, что информационно-синтетическое общество так устроено, что здесь никто ни на кого не влияет, и не способен ни в чем убедить». Санчес же продолжила.



— Аури, я тебя умоляю: скажи мне, что ты боишься смерти, скажи, что Реал страшен, а в Сети ты защищен от всего. Скажи, что ты хочешь жить в Сети. Скажи мне это.

Я вздохнул и поднял голову. Лазурное небо казалось мне холодным, а Солнце — ледяным шаром. Песок и впрямь показался мне снегом. Я хотел соврать, но не смог. И ответил:

— Санчес, я не хочу говорить тебе неправду. Я, быть может, хочу пережить настоящую смерть. И это мгновение, после смерти, но еще до несуществования — я бы отдал за него весь мир. Я хочу увидеть Настоящий Рай или Настоящий Ад.

— Тогда! — Санчес встала, и я встал следом, — тогда, Аури, больше не проси меня ни о чем, — к ней вернулись эмоции, и ее голос дрожал от злобы, отчаяния, разочарования, — я тебе помогу сделать то, что ты хочешь. Я тебе дам IP одного юзера, называвшего себя Незнакомец — я знала его лет сто назад, и этот самый Незнакомец мечтал о том же — вывести всех людей из квартир! Его IP я уже перекачала в твою записную книжку. А теперь... Его я точно так же пыталась переубедить! И так же не смогла! Я вообще не умею убеждать! Возьми этот номер — и иди! Ищи его! Вместе ломайте этот свет. Вместе бегите из Рая! Говори с ним! А меня оставь!

— Санчес... — я сделал шаг к ней, — это не ты бессильна, это весь мир...

— Оставь меня! Не подходи ко мне! Ты мне противен! Идиот! — кричала она, отскочив назад, — прощай навсегда! — под ее ногами взвился язык зеленого пламени, поглотивший ее с головы до ног, а через несколько секунд от прекрасного, но ненастоящего тела Санчес не осталось следа.

«Только бы в игнор не поставила...» — подумал я, и прочитал номер Незнакомца в записной книжке.

IX

Домашний мир! Это было уже действительно интересно. Освоить конструирование хоумворлдов дано отнюдь не каждому, но вот Незнакомец умеет. И как же мрачен его мир! Я стоял на вершине одинокой, угольно-черной скалы среди бесконечного, тусклого, зеленоватого моря с чересчур летучей водой — это и не вода... Небо над головой было черным, чуть-чуть багровым, и напоминало скорее дым над нефтяными пожарами. Скала имела очертания правильного креста, и середина ее лишь чуть-чуть возвышалась над узкими перекладинами.

— Здравствуйте! — позвал я, спускаясь с вершины, и ощупью находя тропу между черных обломков — настолько черных, что не было видно, где здесь бугор, а где расщелина. Наконец, я вышел на одну из перекладин, и над моей головой раздался голос:

— Стой, Кепервеем! — голос был холодный, ровный, властный — эмоции отключены.

— Здравствуйте! — повторил я, — вы — Незнакомец?

— Я.



— И вы сражались с Системой?

— Я.

— И я хотел спросить...

— Кепервеем! Сядь на самом конце скалы, свесив ноги, и спрашивай у меня все, что ты пожелаешь.

Я хотел сначала узнать, где здесь он сам, но послушался, и сел на мыс. Меня обдувал ледяной ветер, а бьющиеся внизу волны пенились и шипели. «Точно не вода!», — подумал я, понимая, что до низу — метров двести.

— Задавай вопрос, — продолжил голос над головой, — ты ведь пришел ко мне, чтобы перенять мой опыт, — не вопрос, скорее, утверждение.

— Да.

— Ты — пламенный борец с Системой. Волк-одиночка. Изгой.

— Да.

— Ты — тот, кто хочет разбить ненавистные стены, и выйти отсюда. Или вывести из каменных ящиков весь свой народ. Увидеть Истинный Рим и Подлинный Вавилон.

— Да!

— Тогда у меня есть для тебя лишь один совет: брось! — голос резко упал, я же едва ли не крикнул:

— Что?!

Отправляясь за Незнакомцем, по совету Санчес, я ожидал услышать чего угодно, но только не этого! Тот, кто за сто лет до меня сражался с Системой — тот призывает меня не бороться.

— Но почему?!

— Это пустое.

— Как это «пустое»? Или вы боитесь, что Система меня покарает?

— Покарает? Нет. Ведь это даже смешно. Конечно, Системе ничего не стоит уничтожить тебя: например, отключить синтезатор в твоей квартире. Но Система не будет этого делать — зачем ей расходовать ценный ресурс?

— Но я же... Я могу ей навредить!

— Ты опасен для Системы не больше, чем компьютерный вирус — для твоего организма.

— Но как же... Ведь я... Ну то есть не я... Теоретически я могу...

— Взломать код? Брось. Не будь смешным. Код не смог взломать ни один юзер — а таких, как ты, были миллионы. Для нас открыта слишком малая часть возможностей Системы. Хакеры есть только в красивых легендах.

— Тогда...

— Разрушать миры вновь и вновь? Но Системе это безразлично. Система восстанавливает их по принципу несохраненных изменений, и ей не нужно ни малейшего усилия, чтобы исправить то, что ты поломал.

— А если...

— Бойкотировать Сеть? Попробуй-ка ты, что ли, сам пожить без Сети неделю-другую.

— Но я могу...



— Ты ничего не можешь. Ты не можешь даже покончить с собой. А если сможешь, то знай — Система без труда восстановит твое тело. «С» в твоём номере — значит, ты умирал уже дважды. Или двадцать восемь раз — цикл мог пойти заново. А может, за твоей спиной сто тысяч жизней — возблагодари того автора Системы, что дал нам возможность не помнить бессмертия. И я говорю тебе: отступишь. Твоя борьба с Системой не даст ничего ни другим юзерам, ни тебе.

— Так что же такое Система? Избранные?

— Никого. Все люди равны, без единых исключений. Нет ни админов, ни модераторов. Система подчинена машинам, и Система полностью автономна. Люди запустили ее много тысячелетий назад, и с тех пор Система не дала ни единого сбоя.

— Но тогда кто кем правит? Люди машинами, или машины людьми?

— Этот вопрос глуп. Никто и никем не правит. В синтетизме отсутствует само понятие «власти». Ты — высшая власть для самого себя. Так что можешь идти, и жить спокойно. Или задашь мне еще вопрос?

— Незнакомец... А откуда вы все это знаете? И есть ли в Реале Самарканд или Прага? Они...

— Я узнал это исключительно методом логических заключений. Если будут избранные — равновесие нарушится, и синтетизм падет. За те тысячелетия, что существует информационно-синтетическое общество, это бы неминуемо произошло. Поэтому власти не существует. А вот о Самарканде и Праге я знать не могу. Поверь мне, я знаю не больше, чем знаешь ты. Но Самарканд, Прага, Каир, Норильск — мы не можем знать, есть ли они. И более того, Кепервеем, а не думал ли ты о том, что нет вообще ничего?

— То есть как?

— Не приходило ли тебе в голову, что твоя квартира — это вся Вселенная, а ненавистные тебе стены есть границы мироздания? Не думал ли ты, что вся Сеть — плод твоего воображения? И что ты — единственное существо во Вселенной.

— Думал! Думал! — крикнул я, — это же моя мысль!

— И не находишь ли ты символичным, что я говорю тебе твою мысль. Что я — тоже плод твоего воображения.

— Но я не могу в это поверить... Это же абсолютное одиночество! Я не могу верить, что вся Вселенная — это параллелепипед пять на пять на два метра! Это не так!

— Но ты не сможешь доказать себе обратного. И ты будешь жить в своей тюрьме вечно, пока не наступит Конец Света. А можешь приблизить его — умори себя голодом.

— Так и сделаю... — прошептал я.

— А теперь допусти другую мысль. Не приходило ли тебе в голову, что тот мир, который ты видишь в Сети, тот мир *реален*. Что Сеть — это не иллюзия. Что ты занимаешься сексом с женщиной, а не с машиной.



— Но это невозможно! — вскричал я, вскочив, и тут же голос пропал. Пять секунд простояв, вертя головой из стороны в сторону, я догадался, что мне вновь нужно сесть, и услышал конец фразы Незнакомца:

— ...что Бог стал просто добрее, и позволил людям самим творить чудеса, и жить без страха смерти.

— Что?

— Скажи лучше вот что: веришь ли ты вообще в Бога? Кто ты: христианин, мусульманин, буддист, индуист?

— Никто.

— Я — технотеист. Узнал об этой секте в Шанхае двадцать второго века, и сразу стал ее членом. Ты знаешь суть их учения?

— Да.

— А слышал ли ты о Рукотворном Рае?

— Нет.

— Согласно технотеизму, Апокалипсис тоже совершался руками людей, и именно люди строили Царство Божие на Земле. Кто сказал, что ботов не существует — быть может, это настоящие люди, все те сто двадцать миллиардов человек, что жили на Земле с тех пор, как возник род человеческий.

— Мы живем после Конца Света?

— Мы живем в Царстве Божием на Земле. И правда только одна: ты живешь неправильно. Ты должен быть счастлив. В твоих страданиях виноват лишь ты сам. Ты не должен ни бороться с Системой, ни боготворить ее — пользоваться ей. Ты можешь это понять?

— Да. Но Незнакомец, как же тогда...

— Все услышал? — раздался за спиной вкрадчивый голос. Вскочив и обернувшись, я увидел на скале, прямо передо мной, маленького-маленького человека с желтыми волосами. Кожа его была мягче женской, но это явно был мужчина. Ребенок!

— Вы и есть Незнакомец?!

— Ну, я, — он шагнул ко мне, а я понял, что говорил не с самим Незнакомцем. Голос с неба — это был макрос, искусственно заданная команда.

— Я хотел спросить...

— Ты все спросил, что можно было. Больше нельзя, — Незнакомец подошел ко мне вплотную, и толкнул крошечной рукой, оказавшейся сильной, как паровозный поршень.

Я не удержался на краю скалы и полетел вниз, а когда достиг поверхности океана, успел увидеть под пленкой воды свои белые кости.

Отключившись, я направился в главную комнату, шатаюсь и спотыкаясь. Добрался до кровати, и упал на нее со всего роста, хлопнув нечаянно ладонью о стену. Приподнялся, и приложил к стене ухо. Крепко задумался...

Я не помню своего бессмертия.

Бороться бессмысленно. Система непобедима.



Я — один во всей Вселенной. А может, напротив, Сеть реальна. Боты существуют, а Бог стал добрее, и позволил людям творить чудеса.

Царство Божие на Земле и Рукотворный Рай.

Мир, который *сотворил* Человек, став в этом мире одиноким Богом.

Санчес, Незнакомец, кто угодно — есть ли они? И кто они?

Что здесь правда? Чему здесь верить?

Все равно я никогда не узнаю. И никогда не получится у меня пробить эту стену, и вырваться в Настоящий Самарканд или Настоящую Прагу.

А что там, что там, за этой стеной? Да и есть ли там что-то? Да и есть ли что-то здесь, перед стеной?

Я не знал. Я просто не знал.

Х

За слоем бетона и узким коридором была другая квартира. За ней еще, и еще, и еще. Сверху и снизу. Миллиарды таких же квартир, в одной из которых, на девятьсот пятом этаже двести семьдесят девятого блока двенадцатого города, сидела у края кровати и плакала уверовавшая в возможность смерти женщина, когда-то давно называвшая себя Когашима, позже Скпышник, а в последние сорок лет — Санчес.

И не передать словами, сколько тут было этих квартир, уходивших на пять километров вниз, вглубь Земли, к урчащему в толще базальтов термоядерному реактору, и на полкилометра вверх, почти к самой поверхности, за которой...

За которой лежала Земля, бескрайняя, девственная и зеленая. За которой колыхались океаны, и с грохотом налетали на берег тяжелые волны, обтачивая уже не первый миллион лет вечные скалы. Наверху гудел ветер в горных долинах, и шелестела листва миллиардов древесных крон. Там, на преображенной Земле, не осталось ничего привычного человеку, когда-то покинувшему этот мир.

Египетские пирамиды сделались горным хребтом посреди непроходимых джунглей Сахары, а между шпилей Кельнского собора укоренились березы. Трубы металлургических комбинатов сверху донизу покрыл разноцветный лишайник, а угольные шахты кишели слепыми рачками. В небоскребах компьютерных синдикатов копошились муравьиные кучи, а в остывших то-камаках пели цикады, и даже воронки от атомных бомб давно уже стали озерами, полными рыбы. Активы Всемирного банка превратились в осиные гнезда, и Земля уже и помнить забыла о том, кто такой Человек.

Москва
Март 2006



НИКИТА КРАСНИКОВ

ТРОЙНОЙ ОБМЕН



ЕРЖИ, НОВОРОЖДЕННЫЙ! – ДЖИММИ ПЕРЕДАЛ ЖИР-
ный дымящийся конус.

Косяк был мягкий, с подпалинами. С днем рождения, подумал Валера, до отказа всасывая дым. Задержка дыхания – раз, два... Фых! Трава отдавала мылом и драла горло, как наждак.

Они сидели на холодных ступенях, перед входом в трехэтажный brownstone, плотно притертый к соседним домам – жилые кварталы нижнего Манхэттена набраны из таких блоков, как тюремные бирюльки из кусочков цветного оргстекла.

Фредди принял косяк у Валеры, провел серию заливчатских затяжек; на последнем такте застыл, усваивая дурь. В его глазах зажглись золотые звезды, уличный свет утяжелил черты лица, превратил схваченные гелем волосы в монолитную шапку – для полного сходства с Тони Монтаной не хватало только шрама и автомата.

– Вон машина стоит, – праздно сообщил Джимми, – через дорогу, без фар, не смотри. Это копы. Они нас пасут.

– Э, пасут! – фыркнул Фредди. – Кому ты нужен?

– Точно говорю. Подъехали, фары погасили, стоят и не выходят. Копы, это факт. Выкидывай, на хрен!

– Может, жильцы стукнули? – Валера оглянулся на темные окна.

Травяная химия работала: по гудящим в спине струнам побежали цепкие жучки, расплетая узелки, ослабляя натяжение; процессу не хотелось мешать. Подозрительная машина ничем не отличалась от прочих: навозного цвета «олдсмобиль» с отвислым задом. У Джимми паранойя, вряд ли это копы. А было бы смешно.

Дверцы «олдсмобилля» хлопнули. Двое долговязых двинулись через дорогу – шорты, сандалии, белые футболки, – по расхлябанной походке, по нарочито-затрапезному виду все сразу стало ясно. Валера вздохнул, жуки разбежались, под ложечкой заметался веселый зверек. Страха не было: приключение, веселый переплет.

Фредди шулерским щелчком запустил косяк через плечо. Повернулся к Джимми:

– Как, говоришь, звали того актера?

Джимми не отвечал, блестел очками. Двое подошли, стали вплотную, сузив значимый мир до двухметрового пятачка.

– Привет, парни. Как дела?

Жилистый блондин, прямая ирландская физиономия. В руке черный фонарь, не вяжущийся с легкомысленным нарядом. И правда полиция.



Его напарник, блеклый крепыш, выпростал бляху из-под футболки:

— Эн-Уай-Пи-Ди. Ручки показали.

— Ха, пожалуйста! — Фредди с энтузиазмом подставил ладони под световую струю. Остальные скопировали движение.

— А в чем дело, офицер? — шершавым голосом спросил Джимми. — Мы просто сидим, отдыхаем...

— Так, раздвинулись. — Блондин сунул луч фонаря между Фредди и Валерой.

На крыльце, в ярком эллипсе, с хулиганским нахальством дымил жирный косяк.

— Это что?

— Где? Не знаю! — Фредди повернул голову. — А что там?

Блондин выключил фонарь и заговорил негромко, глядя вдаль, в желтую хмарь над крышами, где скакал по облакам виногрет рекламных сполохов, и брезгливо, как в общественный туалет, заходил на посадку сочащийся светом самолет, и дрожали бусинки сиреневого огня на летучих паутинках подвесных мостов. Нудный голос накатывал отовсюду: казалось, что бормочет дряхлый ноябрь.

— Странные люди, бу-бу. Столько лет дежурю — одно и то же, бу-бу, одно и то же. Не отпирайтесь, парни, экономьте время! Нарушение пустяковое, зачем делать из себя дураков? Мы пятнадцать минут сидели, любовались, бу-бу. А ты, — фонарем в сторону Фредди, — бычок за спину. Какой смысл бу-бу-бу?...

Валера дернул плечом — показалось, что полицейский сделан из резины, а сквозь дыры в его лице глядит внимательный толстый зверь. Метеором шарахнуло важное и нехорошее предчувствие — слишком быстро, чтобы понять его смысл; рассудок наугад щелкнул фотоаппаратом, надеясь несколькими днями позже проявить и предъявить гадкие улики — уже без толку, без пользы...

Копы подняли их, построили в шеренгу, распотрошили кошельки. Ирландец хлопывал фонарем по бедру, внимательно изучал лица и одежды, мусолил водительские карточки. Дыры на честном лице затянулись, дежурные движения мысли отлично читались по рисунку губ и бровей. Три нарушителя, слева направо. Первый — чижик чистенький, в очках, сыночек папенькин, юность, трепет, и республиканская готовность лизать крепкую руку закона; номер два — мужик мутноглазый, заморский, мается, не поймешь, что на уме, лучше не миндальничать; третий — жгучий жук-латинос, живой, подвижный, тут все ясно.

— Вы двое (твердый палец тык, тык) марш к машине. Мартин, прими! А ты, пенчик (отчески шлеп Джимми по плечу), рассказывай. Как же ты докатился?

— Из-звините, сэр, — Джимми, желтый, как луна, посверкивал линзами очков. — Я первый раз... И вообще случайно. Больше не повторится, честное слово!

— Твое счастье, что в машине места на двоих. На, держи! — Ирландец бросил ему кошелек. — И бегом отсюда! Десять секунд, чтобы тебя не стало. Раз! Два!... Стой! Вернись.



— Д-да, сэ. — Джимми подошел, преданно поднял подбородок.

Ирландец хмыкнул. Повернулся к пленникам, которых его напарник уже застегивал в наручники (Валеру веселил нежный холод металла).

— Парни, мобильники есть? Отдайте своему другу. Затрахаетесь потом получать.

Дверца машины захлопнулась — полумрак, теснота. Сказочная смена декораций, детский спектакль, полустертое воспоминание. По плечам гуляли волны, зарождааясь в желудке, нагруженном жирным ужином. Частота и амплитуда волн коррелировали с окружающими звуками. Модуляция. Валера неуклюже покрутил скованными руками: боль от наручников казалась сладкой.

— Хей-хей! — прохрипела теснота. — Как живем, мужики!

Машина заурчала и поплыла. Снаружи закружили пятна света, замелькали миражи листьев, побежали тени узловых объектов, задающих ритм: деревья, здания, столбы. С боков уютно поджимали чьи-то плечи. Валера щурил глаза — представлял, что едет на карусели. Тошнота способствовала. Он улыбнулся и прошептал «карусель», но вместо милой картинки нарисовался замшелый диск, лязгнул металл, дохнуло ледяным ужасом...

— Офицер! — веселый Фреддин голос. — Просьба, офицер. Браслеты распусти, туго затянул.

— Подожди, сейчас выйдем.

Машина остановилась под ярким фонарем. Полицейский участок бодрствовал: моталась входная дверь, бурлила суета, реготали энергичные копы. Голоса маслом лились на душу и гасили волнение. По радужной пленке растекались пятна ночи, качались потешные пузырьки растаявшего ужаса. Меня арестовали, думал Валера, глотая неуместный смех. Какая чушь! За траву, как студента. Американская система приняла в жернова, теперь уже не сбежишь. Ну и слава богу, можно ослабить струны.

Приключение выпячивалось из пучины черной змеей, выкладывало кольца, кодировало утомленный ум: плыви по маслу, ничего не решай, не следи за часами. Происходящее сыпалось в память кое-как, бессвязным коллажем.

— Что стал, раздевайся! Одежду сюда клади. Не спи, ты не один у меня. Труссы до колен. Повернись... Так. Одевайся и в коридор.

...

— Палец расслабь, расслабь! Ч-ч-черт, техника... Нет, сорвалась. Давай еще раз... Ага, вроде скушала.

— Это у вас новая машина? Раньше, я читал, чернилами снимали.

— Новая, новая. Давай безымянный. Да расслабь же!

...

— Йо, браз! Сигареткой помоги. Не куришь? Жаль. За что взяли?

— Гм... За траву.



— Курил, что ли? А говоришь, не куришь! Меня за драку. С шестерыми бодался, прикинь! Первый раз такое. С двумя, с тремя — было. А с шестерыми никогда... Парни, сигаретку?

...

Шершавая стена царапала затылок. В теплых масляных волнах зарождался беспорядок: открывались нехорошие прорехи, выглядели нахальные мерзкие мысли, будто не свои.

В среду будет звонить Наташка.

Хорошо, если это кончится до среды.

Враждебный мир копировал сознание, в нем тоже открылась прореха: дверь камеры визгнула, и запустили партию нахальных, мерзких типов.

— Друг, курить есть?

Валера помотал головой. Закрыв глаза.

— Йоу! Глухой?

Ч-черт... Ответить легкой ухмылкой, не открывая глаз: матерый усталый зек, все на свете повидавший. Не драться же будут, при охране.

Типов окликнули из угла, они радостно пошли здороваться. Запахло сигаретным дымом.

Валера вздохнул, придвинулся к спящему Фредди. Ерунда, лишь бы выйти до послезавтра! Кажется, имеют право держать трое суток. Если сейчас понедельник... нет, уже вторник.

...

— Офицер! Попить можно? В горле сухо... Офицер! — Фредди отступил от прутьев. — Вот козлы!

Валера облизнулся. Да, попить бы не помешало. Угомонившиеся типы храпели в три пилы, терзали больную голову.

— Фредди, сколько нам еще сидеть?

— В кутузке? Пфф! До рассвета, не меньше. Когда у них дежурство кончается? А потом в центр повезут. Курить будешь? На, меня угостили.

Фургон затормозил. Двери распахнулись, ударил жидкий свет. Люди вывалились на воздух — бледные, сморщенные, как незрелые горошины. От светофоров хотелось закрыть руками. Городская заря вымочила вселенную в голубоватом растворе, полицейские подбородки отливали мраморным равнодушием. Фредди сощурился, повел глазами снизу вверх. Валера сделал то же самое.

Вау!

Массивный коричневый монолит о множестве этажей, кажущийся криком из-за боли в затылке — уродливые завитушки, плоские колонны, продолговатые поры окон, — наступает, как бегемот, со стороны солнца, заслоня божий свет, нависая плоской пяткой, потрясая каменными кудрями...

— Что это?

Не сводя с чудовища глаз, Фредди ответил сакральной фразой, и ошалевший Валерин распознаватель, давно научившийся на лету спекать чу-



жую речь в смысловые кирпичики и перекладывать на русский лад, в этот раз замешкался и пропустил сырое созвучие: Central Booking.

Сэнтрал Букин. Миф сделался реальностью, перед ними царил и громоздился знаменитый Манхэттенский Централ, он же «Гробница» — тюрьма предварительного заключения, немислимый трехмерный лабиринт, бетонный айсберг, прячущий под землей большую часть своего чрева, маскирующий казематное уродство благопристойным наростом — зданием суда первой инстанции; киборг-левиафан, гоняющий в пузе поршни тяжелых лифтов, цедающий человеческий планктон сквозь стальные решетки, ревуший сотнями надзирательских глоток; прямоугольно-проктологический Замок, при виде которого Кафка улыбнулся бы горькой улыбкой прозорливца, а Том Роббинс, родился он на полвека раньше и окажись в тот момент поблизости... Тьфу! Валера тряхнул головой, разгоняя конопляно-алкогольную заморочь.

Копы сковали их в цепочку — Валеру, Фредди, еще нескольких статистов — и повели по ступеням, через шлюзы с лязгающими дверями, по коридорам, куда не заглядывает солнце и не вползает ощупью ночь. Мертвящие флуоресцентные трубки, господство серо-зеленого цвета. Стены, лица, мебель, пища, воздух — все окрашено в страшный загробный цвет. Как его описать? Да очень просто, мы же живем в жутком княжестве жеже, в царстве цифры и Интернета, где ничего не надо распознавать и сравнивать, потому что звуки, формы и цвета имеют однозначный код. Вот, пожалуйста: цвет #acdaac. Задайте в любом графическом редакторе и все поймете.

Трава, упакованная в дайм-бэг, имеет тот же цвет, только поживей и поинтересней — веселый огонек на вершине холма, куда забираешься в три вдоха, не чувствуя ног, и пару часов наслаждаешься нездешними далями, но потом неизбежно надо спускаться — в темноте, спотыкаясь на каждом шагу, и огонек уже не виден, только черная птица кружит над оврагом.

Скользя по правому склону травяного прихода, Валера плохо запомнил перипетии погружения в пучину #acdaac. Усталость, железный холод на запястьях, казенные вопросы кикимор в кителях, сонные лица, в которые смотришь, как в пыльные зеркала. Их цепочку разомкнули, Фредди отделился и пропал в потоке уголовного улова. Вокруг крутились чужие, преобладала черно-коричневая масть, однако встречались и пепельно-бледные сородичи, которых в этой части света почему-то называют кавказцами.

Скольжение по склону закончилось одновременно с коридорным движением — в просторной нише, забранной зоосадными прутьями.

Валера огляделся мучительно, словно мешок ворочая. Голову ломило, в сочетании с тошнотой получался убийственный коктейль. Клетка травмировала взгляд прагматичной простотой: безусловным центром интерьера был санузел — крупный металлический унитаз с автосливом, огороженный металлической же Гэ-образной ширмой, а рядом, заканчивая идеальную композицию, висел куб питьевого фонтанчика. По периметру шли нержавеющие сиденья — широкие прилавки, заваленные непутевым человеческим мясом. В углу на стене блистал банальный телефон-автомат.



Валера облюбовал пяточок на полу, возле лежащего ничком тела в майке. Сел по-турецки, стараясь не думать о светлых брюках. Полюбовался богатыми наколками на чахлах соседских плечах. Наташка, Наташка... Если б ты знала! Жаль, прислониться не к чему. Что за день, господи, что за день!

А началось вполне безобидно, после работы, тысячу лет назад, в опустевшем операционном зале. Духота, мозаика мониторов, шарканье щеток старого Арманьо, престарелого сына брокерского полка... Валера повесил трубку и потер вспотевшее ухо. К чертям все эти праздники, хлопоты, обязательное веселье! Взять да уехать домой. Метро скрипучим червяком проползет по мосту, булькнет в бруклинский туман — ищи-свищи! Никаких звонков, пара пива, диск с «Наемным убийцей» Джона Ву. Можно свинины пожарить, отдохнуть напоследок по-холостяцки.

Его хлопнули по плечу.

— Э, биг рашен! Почему сидим, почему скучаем?

Дружище Фредди жмурился радостно и устало — пять минут назад он закончил тянуть провода у валютчиков, этажом выше, и домой идти явно не хотел. В обед ему звонил Джимми, недавно перебравшийся в соседний квартал, в фирму-близнец. Предпраздничное дрожание эфира давало себя знать: бывший сослуживец предлагал обмыть начало недели.

За окном что-то грохнуло, фыркнул ломовой грузовик. Арманьо собрал сапожные щетки, сторбился и выбежал прочь, попрощавшись по-польски — он знал азы множества языков, верил в магию приветствий, но в славянской группе постоянно путался.

Валера задумчиво повозил мышью. На экране светилась ошибка рендера: «Daemon has found an unknown resorce. Lock-down condition». Поработал, что называется...

В хорошо прорисованных Фреддиных зрачках скакали веселые черти нетерпения. Память подсунула постылую квартиру, пыльный телевизор, нестиранные тряпки. Позвоночник напрягся, в душе лопнула одна из вертикальных струн. Язык неожиданно брякнул:

— А у меня, знаешь, сегодня день рожденья.

Получасом раньше позвонила Наташка — во-первых, поздравить, а во-вторых, подтвердить, что забронировала билет. Прямой рейс. Как ни крути, это была победа: зыбкий результат многомесячной мутной дипломатии, выматывающих разговоров, дозированных эмоций. Валера взял жену практически измором, осада началась зимой, когда ее ненаглядный Игорек, хлющик-очкарик, башку бы ему разбить, неожиданно взбрыкнул и сделал решительное заявление, по времени совпавшее с чистками в Наташкиной конторе. Валера повел себя мудро, не упрекал, часами безропотно угукал в телефон, выслушивая бурливые исповеди, хмыкал при упоминании художеств хлющика. В паузах давал рекламу собственного благополучия: трезвость, повышение жалования, новый телевизор. Положив трубку, садил кулаком в стену, обзванивал потенциальных собутыльников — выпускал пар. Главное не давить. Пусть знает,



что дверь открыта, адюльтер может быть прощен. Пусть решает сама. Постепенно они оба привыкли к мысли, которую Наташка обронила в шутку, а Валера вцепился мертво, мягко, как беззубый бульдог: разлука временна, и к концу года, когда тесть выйдет из больницы... В сентябре привычка оуклилась и превратилась в конкретный план. Полетели через океан документы, начались визиты в посольство, Валера часами кудахтал вокруг рабочего ксерокса, роняя страницы анкет. Хлющик опомнился и снова замелькал на полях разговоров, но было уже поздно. Визу дали как по маслу, билет Валера попросил подгадать к дню рождения. Получилось тремя днями позже.

В последние две недели задор несколько поуявл, Наташка в бездонных глубинах телефона скорбно вздыхала, изредка пускала ядовитые фразы. Сути это уже не меняло. Точку невозвращения, как правило, проходишь незаметно, и только потом, когда уже поздно, оглядываешься и вспоминаешь безобидную фразу, переиначившую все на свете.

Валера эти дни ходил как наэлектризованный, осунулся, работой стал манкировать с особым цинизмом — жирному банку, впрочем, было плевать, тихие пешки тоже нужны, лишь бы посещал и не выпендривался. Дальнейшая жизнь рисовалась сполохами, нечетко. Он старался особо не пить, чтобы не попасться на похмельной хандре и не облить Наташку пессимизмом. Вертикальные струны гудели от напряжения, в голове скрипели колки. Из подготовительных задач оставалась только генеральная уборка — делов на три часа. Почему бы не расслабиться, не отдохнуть?

Расслабился.

Два пласта рыхлого белого хлеба, колбаса «болонья» — пародия на докторскую, подушечки с майонезом и горчицей. Хрупкий стакан розовой жижи. Валера сглотнул клей-слюну. Тошно, тошно... И присесть некуда, только на пол. Перед ним на лавке ерзал дедок: кофейная плешь, голодный кадык, обсыпанные паршой корявые ноги, бесстыже разутые, тыфу, лучше не смотреть... Почему он так дышит?

— Хочешь мой сэндвич?

Дедок мигнул бульдожьими глазами, принял подарок, сразу отъел половину. Валера с внимательностью мазохиста следил за судорожно жующей челюстью. Дедок фыркнул, подвинулся, освободил местечко — отблагодарил. Валера брезгливо присел. Выхлебал хлорную жидкость, поставил стакан на пол. Попытался принять позу кучера: руки на колени, подбородок на грудь. Сон не шел, мысли метались мухами. Снаружи, наверное, уже сумерки. Зацвели неоновые узоры, созрел вечерний час пик. Другая вселенная.

Валера покрутил головой: усталость перекатывалась раскаленными камешками. Жрущий дед шуршал над ухом, как таракан.

В подводном царстве #асдаас, не существовало смены суток — Сэнтрал Букин жил, игнорируя земные ритмы, подчиняясь собственной системе метрономов: придремывал, ворочался, надувал кишки, бултыхал зеленой тиной. По изломанным коридорам пробегали вихри, тасуя содержимое клеток, под-



нимая людей, как придонный хлам. Закрывать глаза — и покажется, что в мире есть только самоуверенный монолит, а вокруг ничего, ни города, ни бодрых авто, лишь мерцают небеса цвета жидкого компота, да руины хрупких зданий торчат осколками зубов, да мокрый ветер гонит осенние листья, вздымаясь и опадая в унисон с хороводами тюремных разводов. Манхэттенский Централ, ветер северный... Прилетит самолет, сделает круг, посмотрит Наташка из окошка — плохое, мертвое место — и окунется опять в книжечку. И станет самолет облачком. И растает на солнце.

— Ха, я отсюда выйду в любой момент! Вон, девушке подмигну и выйду.
— Ну давай, подмигни!
— Дурак, что ли? Вечером тут знаешь, какой компот? Дождусь, потом подмигну.

По клетке ходил-похаживал юный негр — тощий, подвижный, перехваченный на живую нитку. Его жесты завораживали, по лицу гуляла глянцевая гордость, яркая одежда моталась, как на скелете. Валера много лет работал с цветом, изучал законы сочетаний, но наука комбинировать на теле пеструю ткань хоронилась от него за семью печатями, пижоны вызывали глухое раздражение, и кричащий аккорд сконструированного негром гардероба не задевал душевных струн, хотя объективный внутренний оценщик подсказывал, что все атрибуты — и покорный пиджак, и туфли с фасетчатым рисунком, и однотонный галстук — идеально соответствуют критериям того фильтра, который люди с незапамятных времен называют красотой.

Юноша, проходя мимо рассевшегося на пол-лавки грузного хряка с седой щетиной, вытянул руку. Хряк молча шлепнул ладонью — поздоровался.

— За что теперь, Принц? — интересовались из угла.
— Офицерша приревновала! — Юноша по-птичьей плеснул локтями. — У меня бумажник в электричке подрезали, смотри, без обмана! — Он продемонстрировал атласную подкладку, эффектно распоротую. — Ну, я у попутчицы занял на билет, попалась хорошая девчонка. А тут бац — толстуха эта. От ревности аж почернела: мошенник, говорит, пройдемте...

— Хрена ты ей нужен! От ревности...
— Ну, я же Принц, — парень приосанился. — Она уже одумалась, два раза извинялась. Давай, говорит, Принц, выходи скорее, поедем ко мне.
— Ага, принц Аким!

— Она ж тебя раздавит, Принц!
Народ смеялся. Лысый дедка, прикончив бутерброд, качал головой, шлепал себя по ляжке.

— Принц подземного царства, — комментировал сухой русский голос.
Валера удивленно повернулся. Худощавый пожилой мужик. Жуткий ожог на пол-лица. На голове нелепая красная бандана. Белая футболка с динозавром, надпись «Jurassic park». Когда он успел подсесть?

— О, соотечественник! Здравсьте.



— Да, очень рад. Можно сказать, крупно повезло, — сосед кивнул, улыбнулся, как ящер. В его глазах ходили листопадные карусели, качался драгоценный хлам, зачарованные отражения флуоресцентных ламп сосали ночь из черных скважин. Валере стало зябко, захотелось отодвинуться. Он отлепил взгляд, уставился в стену. Спросил самое очевидное, чтоб не молчать:

— За что вас?

— За что. Хм... Грандиозной сложности вопрос. Начали бы с чего-нибудь полегче. Например, кого я здесь ищу. Хотя ответ тоже будет казаться... Впрочем, это ерунда. — Ящер с нехорошим звуком всосал воздух, кашлянул, будто выстрелил: — К-ха! Поразительная вещь. Понимаете, он ведь абсолютно прав!

— Кто?

— Принц, конечно! Можно уйти в любой момент, было бы желание. Правда, в его случае еще не факт, что будет польза.

— В каком смысле?

— Ну, помните, как у Бродского? Важно знать, не откуда бежишь, а куда. Или что-то в этом духе. Перемещение из пункта А в пункт Бэ. К-хе! На самом деле, конечно, важно и то и другое.

— Я вообще-то не люблю Бродского, — буркнул Валера, растирая пульсирующий лоб. На душе было гадко, странный разговор поддерживать не хотелось. — Вообще, какая разница, куда уйти? Лишь бы отсюда подальше.

— Ну, не скажите. Это еще здорово зависит от самочувствия! — Сосед вдруг грубо толкнул его локтем.

Валера дернулся, вскинул глаза. Ящер смотрел с живым интересом, розовые веки дрожали, келоидные рубцы шевелились, как личинки. Безгубый рот растянулся:

— Конечно, а что вы удивляетесь? Когда тонкое тело в разладе, любой дворец кажется тюрьмой. — Он снова пихнул костлявым локтем. — Но как-то Принц, а! Хорош, правда?

Валера пожал плечами и слегка отодвинулся, поджавшись к спящему деду. Ящер хмыкнул, зеркально повторил движение, между ними образовался просвет. Они некоторое время молчали.

— В тюрьме, я думаю, по-любому плохо, — сказал Валера, чтобы смягчить неловкость.

— Э, тюрьма — вздор, частный случай! — живо ответил сосед. — Бывают места и похуже. Фокус в том, что из любой неприятной ситуации можно уйти. Даже из самой безнадежной.

— Было бы здорово, — бормотнул Валера сквозь зубы, борясь с дурнотой. — Меня эта тюрьма уже достала.

От Ящера вдруг прикатила волна, непостижимым образом объяснившая, что он ищет контакта глазами. Валера подчинился, не успев даже подумать. Два черных луча ударили вполсилы, изучающе:

— А зачем вам торопиться? Вы же случайно попали, да? За какую-нибудь глупость. Ну вот, посидите и выпустят, даже дела не заведут, вы же первый



раз? На работу, наверное, уже звонили, все уладили. Приключение, будет что вспомнить. — Он подмигнул. — Тем более что отходняк уже кончается.

— Да уж, приключение, — Валера безуспешно попытался отвести взгляд. Жутковатый сосед нравился ему все меньше. На работу он действительно звонил пару часов назад, по карточке. Сказался больным до конца недели. Биллу было, конечно, наплевать.

— Конечно, приключение! Оглянитесь, привыкнете. Здесь по-своему уютно. А голова скоро пройдет, можете не сомневаться. — Ящер прикрутил фитили зрачков, откинулся на стену — должно быть, выяснил, что хотел. Ну и черт с ним, чудик какой-то.

Валера огляделся: в самом деле, лучше пересесть от греха. Мало ли что у него на уме? Пихается еще.

Камера была забита, все спали вповалку. Сэнтрал Букин превратился в сонное царство. Квелье тела, равнодушные лица... Никуда не перейдешь. Ладно, попробуем вздремнуть. Ох, почему же так муторно! Валера зажмурился, пытаясь успокоить желудочную бурю. От места на плече, куда сосед сунул локтем, расходились теплые круги. В волшебном мареве ума сложился целокупный визуальный образ без фиксированного ракурса: студенистая черная надзирательница перевозит заключенных на грузовой тележке, человек по двадцать — увядших, утративших умение двигаться. Куда она их везет, выяснить не хотелось...

Забывье длилось не более пяти минут, но тошнота успела утихнуть. Желудок разложил содержимое по полкам, в голове тоже начались многообещающие перестановки. Валера выпрямился, осторожно вздохнул. Только бы не спугнуть!

— А уйти очень просто. Надо осознанно отдаться подходящему демону.

— Гм... что?

— Вы спрашивали, как уйти из неприятной ситуации. — Ящер говорил, не открывая глаз, привалившись к стене. — Я отвечаю: надо отдаться демону. Хозяину какого-нибудь процесса. Посулить ему душу. Это и есть «куда», если пользоваться терминологией Бродского.

— Не уверен, что понимаю.

— Пробую объяснить. Смотрите: человек рождается, обретает сознание. Утыкается в парадокс собственной смертности. Понимает, что весь этот балаган, — сосед вяло повел головой, — лишь краткий фрагмент бессмысленного и бесконечного фильма, где ему отведена такая, простите, дрянь, которую даже ролью статиста не назовешь. А вокруг бурлят, режутся разные процессы: стяжание денег, творчество, гедонизм, познание природы, борьба за власть, духовный рост, продолжение рода... Вечные, мудро устроенные процессы. И человеку просто ничего не остается, как нырнуть в этот поток, отдаться приглянувшемуся занятию. Надо же что-то делать, пока живешь... К-хо!

— Ага... Ну и что в этом страшного? — Валера хрустнул пальцами. Головная боль отцепилась, это было невыразимо сладко.

Сосед приподнял розовые веки. Слезящиеся глаза, совсем неопасные. Болен он, что ли? И грудь вдавленная... Да, лихая вещь эта трава, болтает



душу, как на качелях. Паранойные вставки до сих пор проскакивают. Почему я его испугался? Даже забавно, интеллигентный собеседник... Боже, как хорошо, когда не болит голова!

— Страшного, действительно, ничего. — Сосед лизнул черепашью губу. — Просто у каждого процесса есть хозяин. Управляющий демон. И человек, выбирая призвание, фактически отдается демону. Происходит это, как правило, бессознательно, в нежном возрасте, но некоторые трезво анализируют свои таланты, прежде чем сделать выбор. В любом случае выход один: стать слугой демона. Вернее, на практике служишь сразу нескольким, как Труффальдино. Это накладывает обязательства, как любое рабство. Но и привилегии дает: уверенность в себе, осмысленность будней, доступ к демонической силе. Возможность выступать от лица хозяина. К-хы! Подумайте, о чем в России вспоминает каждый мужик, когда выпьет?

— Не знаю... Об армии?

— Правильно. О том, как служил одному из могучих демонов — злomu, тупому, корявому. Однако для многих это остается единственным светлым пятном.

— Да, наверно. На танке довелось поездить... Но при чем здесь Принц? Вы говорили, он может уйти в любой момент.

— Действительно, Принц. Интересный случай, перспективный. Видите ли, демоны тоже конкурируют. Каждый пытается заполнить как можно больше душ.

— А зачем демонам души? — Валера невпопад хихикнул: память зачем-то подсунула коллежскую секретаршу Коробочку. — Какой от них прок?

— Самый прямой. — Сосед прищурился, под веками прошел глубинный свет. — Понимаете, человеческая душа невыразимо красива. И вообще, на многое способна. Бесценный ресурс, так сказать. Сам по себе этот ресурс ничего не значит, польза от него может быть только в контексте процесса. Такова, гм... архитектура.

— Ну, это довольно популярная модель.

— Разумеется! Все лежит на поверхности, давно подмечено... К-хе! К-хе! Вы, наверное, «Розу мира» имеете в виду?

— Какую еще розу? Нет, стандарт такой есть. Называется «Айдеф-ноль». Способ описания э-э... жизни. — Валера покрутил головой, разминая шею. — Его даже в бизнес-школах проходят. Любое явление можно представить как совокупность взаимодействующих процессов. Рисуют квадратики — это базовые процессы. Между ними стрелочки — слева вход, справа выход. Снизу стрелочки — это ресурсы, необходимые каждому процессу. Сверху тоже стрелочки — управляющие воздействия. Ну, диаграмма такая.

— Ну да. Вы же у нас по части компьютеров.

Валера неуверенно кивнул: он не помнил, чтобы рассказывал про свою работу.

— Так вот... К-ха! Люди, согласно вашему Айдефу, выступают в роли нижних стрелок, то есть ресурса. А демоны рыщут, охотятся за ресурсом — кто для дела, кто просто... из эстетических соображений. И человек, если он не



дурак, может этим воспользоваться: поинтриговать, сменить хозяина. Если посулить душу какому-нибудь процессу, его демон многое для тебя сделает.

— Я слышал, нехорошо отдавать душу демону. — Валера почувствовал веселый голод, сглотнул, жалея об утраченном бутерброде. — Она вроде как богу принадлежит?

— Кто же запрещает? Отдайте кому-нибудь из богов. Многие так и делают. Боги ведь тоже демоны. Демоны религиозности...

— Я имею в виду настоящего бога. Создателя.

— И-и-и, настоящего! Настоящему ваша душа не нужна. Ему вообще весь этот цирк не интересен. Он же создатель, а не надзиратель. Проект закончил — перешел к следующему. А демоны хозяйничают. Техническая поддержка.

— А человек что? Без заботы, без цели, сам по себе?

— Увы! Сам по себе человек может мало. Другое дело — хозяева процессов, сущности, как правило, весьма могущественные, фактически управляющие вселенной. Как ни крути, а получается, что самое разумное — кому-то из них отдаться. Сразу рельсы под колесами образуются, чух-чух, начнешь зарабатывать очки. Смысл впереди замигает.

— Каким же образом отдаться?

— Как правило, достаточно просто пожелать. Искренне, без дураков. И демон обратит внимание, возьмет под крыло.

— А если потом передумаешь? Можно поменять?

— Вот! — сосед поднял шишковатый палец, на котором не оказалось ногтя. — Обмен — это самый интересный вопрос. Зависит от того, кому ты служишь. Некоторым демонам все равно, другие упрямятся. Но технология перехода одна: нужно отчетливо представлять, во-первых, куда бежишь — чтобы новый хозяин мог помочь, а во-вторых, откуда бежишь — чтобы новому было ясно, с кем из старых договариваться. Их ведь много набирается за жизнь: привычки, обязательства... А не устраивает кто-то один. От него и уходишь.

— То есть, человек сам решает?

— По-разному. Бывают и вынужденные обмены. Не все же одинаково... к-хе! осведомлены.

— А Принц...

— Принц — как раз по этой линии. Яркая душа, лакомый кусочек. И служит, что характерно, не своему демону. Профессиональный арестант, понимаете ли, тюрьма — дом родной. С его-то комплекцией!

— А что комплекция?

— Ну как же! Для тюремного демона это чуть не самое важное. Взять хотя бы вас — вот это, я понимаю, прирожденный арестант! Плечи, форма черепа, рыхлое астральное тело...

Ящер беззвучно хихикнул. Валера тоже засмеялся, хотя не вполне понял перехода на шутку.

— А Принц — что? — продолжал Ящер. — Случайный человек. Стоит подтолкнуть, и никакая тюрьма его не удержит. Тем более, что истинный хозяин уже задался, это видно.



— Как же это видно? Почему?

— Ну, есть определенные, гм... знаки. Да он и сам чувствует. Вот, посмотрите на него!

Принц расположился по диагонали от туалета, оккупировав хороший кусок лавки; костлявое тело на удивление грациозно влилось в неудобный угол. Незаметно было, чтобы его тяготило какое-либо несоответствие. Валера пожал плечами.

— А кто его истинный хозяин?

— О, один из самых жадных и неуступчивых. С которым не поспоришь.

Сосед вдруг съжился и потускнел. Над его плечами взметнулась коническая тень, похожая на серую фигуру в балахоне. Запахло мокрым железом. Валера вздохнул и закрыл глаза, пережидая конопляный рецидив. Ящер бормотал, его голос пробивался, как маяк сквозь помехи:

— Если уж схватил, то не отпустит... К-хы! К-хы! Еще не всякую замену возьмет. Ему красавчика изволь, с душой, все дела. А такие бесхозно не валяются.

Рецидив оказался недолгим: звук вернулся в норму, мертвый запах улетучился.

— Ха, кто же по своей воле захочет? — спросил Валера, проморгавшись. — К такому хозяину под крыло?

Ящер поглядел на Валеру длинно, насмешливо, с неделикатной проничательностью, словно прикидывая, отвечать или нет.

— Ну, во-первых, всякое бывает. Помните, как у Камю дело обернулось, в пьесе про чуму?

— М-ммм... Что-то помню про второй стакан вина. Типа, первый ерунда, а вот ради второго...

— Там герой предложил себя демону чумы, — отмахнулся Ящер. — В обмен на жизнь своей возлюбленной. Но это всё жертвы, некрасивый путь. Гораздо интереснее, когда тот, кого подставляют, ни о чем не догадывается. Демоны ведь не только силой соперничают. Бывает, что и сделки заключают, вроде бартера. При удачном раскладе можно встрять, подтолкнуть колесо судьбы. Сунуть кого-нибудь вместо себя. А самому на его место... К-хы! Простейший вариант, баш на баш. А вообще, есть такие умельцы, — сосед сыто прищурился, — целые карусели выстраивают. Тройные, четверные обмены. За один поворот сдвигается несколько судеб. И все хозяева довольны. Главное не продешевить, когда кандидатов подбираешь.

— Карусели, кандидаты... Как же эти обмены воспринимаются со стороны? Был человек при смерти — и вдруг ожил? А вместо него другой помер?

— Ну, внешняя сторона — это мелочи. Безусловно, надо уважать законы вселенной. Видимость отсутствия чуда... К-хе! Уверю вас, это проще, чем вы думаете. Да, участники обмена делают определенные, так сказать, движения в материальном плане. Являются на собеседования, подают жалобы, принимают лекарства. А об успехе демоны заботятся. Уж они знают, как свои делишки обстригать. Подмажут собратьев, следящих за соблюдением причинности, подчистят память нежелательным свидетелям. Последнее,



впрочем, необязательно: в человеческой памяти чудеса не выживают, становятся байками; если повезет — легендами.

К решетке подрулила студенистая надзирательница — точь-в-точь из видения, только без тележки. Народ закопошился, сгущаясь в очередь. Толстуха отомкнула дверь, принялась визгливо выкликать фамилии. Выпускала по одному, ставила галочки в планшетке. Закончив перекличку, она заперла клетку, построила счастливиц в колонну и увела наверх: судить. Процедура повторялась уже несколько раз, с более-менее равными интервалами. Очевидно, машина возмездия работала круглые сутки.

Лежавший на полу татуированный задохлик привстал, огорченно надул щеки:

— Третий день пошел, а они не вызывают. Забыли, что ли?

Принц в своем углу встрепенулся, перетек в позу внимания:

— Йо, парень! Что, правда три дня сидишь?

— Ну! Ночью в субботу прописался.

— Смотри, не дай бог, файл потеряли. Закон знаешь? Семьдесят два часа — максимальный срок. Потом либо обвинят, либо отпустят, железно. Если больше трех дней — значит, файл затерялся.

— И чего теперь?

— Хе, теперь задница! — Принц подмигнул спящему рядом здоровяку; тот всхрапнул, будто почувствовал. — Всю жизнь просидишь. Особенно если никому не нужен, если родственники запрос не сделают.

— Да ладно! — Задохлик оттянул лямки на майке. — В следующий заход не вызовут — я напомню.

— Станут тебя слушать! Я здесь в прошлом году чалился, по ошибке взяли, вместо другого. Потом разобрались, конечно. И с нами мужик сидел. Бледный, аж жуть. Говорил мутно, не поймешь; шурупы разболтаны. — Принц изящно покрутил пальцем у виска. — Только разобрали, что полтора года уже сидит. Забыли про него, типа. Из камеры в камеру бросают, и все. Мы думаем: давай, звони! А у него штаны, знаешь, «армани», рубашка хорошая — и всё протерто, с бахромой; борода такая бомжовая, запах тоже. Я, короче, вышел, через неделю встречаю товарища — он как раз откинулся. И рассказывает про того же мужика! Потом еще люди видели его.

— Со мной через стенку сидел, — подтвердил фальцетом румяный крепыш. — Его потом в Кридмор забрали, к идиотам: визжать начал, брыкаться...

— Вот видишь! — осклабился Принц. — Тоже, небось, поначалу напоминал, жаловался.

— Хм! Фраерам втирай! — Задохлик фыркнул, почесал шрам на плече. Растянулся опять на полу, хотя лавки после переклички опустели.

Интересно, подумал Валера. Надо посчитать, сколько времени прошло с момента ареста. Ум реагировал на арифметику с отвращением, даже головная боль мимолетом осенила затылок. Ладно, какая разница.

Он покосился на соседа. Тот сверкал розовой сыростью из-под полуопущенных век: не поймешь, спит или нет.



— А правда: если никому не нужен, тогда что? — вполголоса спросил Валера.
— Так не бывает, — отозвался сосед, не меняя позы. — Вы ведь про демонов, да? В конце концов обязательно к кому-нибудь пристанешь.

— Ну вы же сказали, нужно желание. А человек, например, от всех процессов открестился. Ни один ему не нравится.

Сосед подался вперед, глаза озарились новым оттенком любопытства:

— Замечательный ход мысли! Что ж, прямо скажу, не лучший вариант. Знаешь, откуда бежишь, но не знаешь куда. Никчемник, курица без головы... К-хе! Если от всех отбрыкиваться, то рано или поздно попадешь к тому, кто согласия не спросит. Либо сам нарвешься, либо сосватают. Это ведь большая ценность: никчемник с богатой душой! В сложных обменах без него не обойтись. — Сосед лукаво улыбнулся. — А потом уже как повезет. Хорошо, если новый хозяин полюбит, оставит при себе — хоть какая-то судьба. А то ведь эти стервятники, неразборчивые демоны с короткой памятью — им плевать на обладание, лишь бы сиюминутную усладу получить. Поигрался и бросил. Другие подобрали, повертели — тоже бросили. Чужие души трогать опасаются, а ничейные в лохмотья превращают, глазом не моргнешь. А самые объедки подбирает запой, помойка, кто-нибудь из этой шайки...

— Йо, парни! Лишний четвертак найдется? — Рядом переминался итальянец с телячьими глазами, с рыхлым лицом. — Девушке позвонить. Вы не думайте, я вот, — он показал банкноту, — за доллар куплю!

Валера сперва помотал головой, потом подумал: чего уж там. Заодно и ноги размять, пока новая толпа не набилась. Он достал из кошелька карточку и пошел к телефону.

Итальянец ждал, деликатно глядя в сторону. Валера закончил набирать коды и передал ему трубку:

— Не увлекайся.

Итальянец кивнул — и заворковал, свернувшись в спираль.

Валеру хлопнули по плечу: давешний татуированный задохлик.

— Брат, я следующий, ладно? Вот, возьми. — Он протянул десять долларов. — Бери, кому говорят!

Они оперлись на решетку, стали ждать. Задохлик оказался хорошим компаньоном, с ним комфортно было молчать.

Итальянец ворковал долго, зацикленно, повторяя однообразную пантомиму с рукой и бровями. Иногда умоляюще косился. Валера кивал: говори уж. Эйфория улетучилась, в душе медленно оживало раздражение. Он огляделся, поискал красную бандану соседа. Тот уже успел переползти к Принцу, и они вели оживленную беседу, точнее, говорил большей частью сосед, снова сделавшись до жути похож на ящера, а Принц кивал и покачивал ботинком в совершенном расслаблении, только глаза шмыгали. Красавчик, королевская грация! Валера вдруг ощутил беспричинную ненависть к этой долговязой хрупкости, к ладной одежде. Ему бы еще очки без оправы да рожу побелей — был бы вылитый хлющик. Тоже, небось, ножкой болтает, сучок, когда чужих жен успокаивает! Валера сжал зубы, в ушах зарабо-



тали красные молотки. История с Наташкой всколыхнулась, как ледяное болото; клекотали фрагменты нестерпимых диалогов, мир замутился, остались только два черных огня — это Ящер, оказывается, смотрел на него очень внимательно, сдвинув бандану набекрень...

Итальянец повесил трубку. Валера встряхнулся, подошел к телефону, ввел код для задохлика. Тот говорил сперва хмуро, держал деловой тон, затем набрал второй номер и тоже заворковал.

Валера ждал, тербил карточку. Приседал, разгоняя вязкий #acdaac. По клетке гуляли медленные волны. Ящер вернулся на старое место и, судя по всему, задремал. О чем они, интересно, говорили? Принц уже не казался грациозным наследником короны: ухмылялся, как потерявшийся ребенок, пальцы барабанили по острому колену. Его вид больше не раздражал, красные молотки унялись. В груди журчала романтическая грусть. Валера слушал, как задохлик прощается с подругой, и думал, что это, наверное, зависть. В звонках из заточения есть сермяжная правда, следование исконным ролям: мужик картинно страдает, наломав дров, а баба утешает и бранит, обеспечивая столь необходимую любой драме аудиторию.

А, собственно, почему бы нет?

Стиснув горячую трубку, Валера нажимал кнопки. Палец работал, как чужой. Телефону было все равно, он еще не такое слышал: сверкали отполированные цифры, ноль ярче других. Что у них у них сейчас, семь утра? Длинные гудки текли по проводу, выскальзывали из клетки, неслись на восток, последовательно ныряя в немыслимые, один гуще другого, клубки медного спагетти; мудрый краб ходил по трансатлантическому кабелю, слушая свист гигабайтов; щелкал старый мытищинский коммутатор, уже много раз перебрасывавший заморские звонки по привычному адресу; в прихожей на зеркале дрожал солнечный блик, гуляла пыль по лучу, — и на полочке, на желтой кружевной салфетке, оживал безотказный вэфовский аппарат.

Невыносимо. Что я ей скажу? Восьмой гудок. Не может же она так крепко спать? Девятый, десятый... Ха, спать! как бы не так! Ее нет дома, понял? Все очень просто: прощаются, голубки!

Шваркнув трубкой, Валера прошелся по клетке, перешагивая спящие ноги, шлепая воображаемым хвостом. Ладно, пустое, обрезки ситуации... Забыли, смотрим в будущее, все на мази.

Ящер наблюдал за ним, лениво массируя ребра крокодильей рукой. Чертов зверинец! Валера хрустнул пальцами, подошел, сел рядом на корточки.

— Ну, а что насчет любви? Вы про демонов говорили. А можно служить не демону, а человеку?

— Женщине, например? — Ящер задействовал глаза. — Вы что же, женаты?

— Почему непременно... — Валера смутился. Царапнуло странное чувство, словно догадка: Наташку не следует вмешивать в разговор. — Я не про себя, а просто... Бывают, скажем, матери-одиночки, для них самое важное — ребенок.

— Можно, конечно. — Взгляд Ящера потух, в голосе скрипнула скука. — Демон не всегда напрямую управляет. Тут тоже цепочки выстраиваются:



один человек служит другому, другой третьему. Но последний всегда служит непосредственно процессу... В случае с матерью, кстати, еще вопрос, кто кому служит. Женщина отдается демону материнства, ребенок для нее лишь идол, объект ритуального поклонения, причем объект универсальный, индивидуальные характеристики несущественны.

— Хм... А сам ребенок?

— Ну, ребенок еще не созрел. Еще не выбрал судьбу. Впоследствии, чтобы уйти от роли идола, ему придется присягнуть кому-нибудь достаточно сильному. Либо дождаться, когда мать, э-ээ... сменит хозяина.

Коридор заполнился шумом: к двери шла студенистая хозяйка, за ней гуськом — свежая партия в наручниках. Люди засуетились, заерзали по лавкам, выбирая хорошие места.

Если колбасу смазать майонезом и горчицей — вполне съедобно. А напиток просто удивительный, фруктовый компот, что ли? Хотя добавки проси! Валера ссыпал крошки из пакета на ладонь, слизнул без остатка. Старая студенческая истина: недостаток сна компенсируют калориями. А поспать толком не вышло.

Ползучее время давно перевалило в среду, население клетки несколько раз менялось, знакомые лица ушли — и Принц, и Ящер, и засидевшийся задохлик с татуировками, фамилию которого, как оказалось, выкликали и раньше, пока он спал. Вокруг возились новые фигуры: молчаливые, одинаковые, словно сгустившиеся из #асдаас. Кто дремал, кто болтал. Двое отжимались, как машины — попеременно, очевидно, на спор. Из-под лавки выбрался заспанный негр, его футболка и волосы были увешаны пылью, движения напоминали собачьи. Усевшись на унитаз, он натужно булькнул — завоняло так отвратительно, что клетка охнула. Один из отжимавшихся подошел и без лишних слов треснул его по морде — не крепко, в самый раз. Негр — тоже молча — натянул штаны и улез опять под лавку.

Валера смотрел на происходящее через зеленоватое стекло, ему было уже на все плевать. Усталость звенела, черная дрема порхала над головой, иногда задевая крылом — эти касания вызывали сладкую щекотку, как на качелях. Он закрыл глаза и попробовал медитировать; #асдаас обнимал невраждебно, словно знакомясь: смотрел безглазо, дышал хлоркой, иногда лязгал железом — в ответ начинали бурлить голоса. Голоса...

Валера очнулся, протер глаза: люди вокруг суетились, у двери выстроилась очередь. Толстуха выкрикала имена. Точнее, одно имя, снова и снова. Он не сразу узнал в возмутительно исковерканном трехсложии свою фамилию.

Беседа с безликим адвокатом, живущим, как жук, в узком окошке; ожидание в громадном сводчатом зале суда, когда в окна грянуло забытое солнце, и сразу вспомнилось, какое это счастье; грозные, как на гравюре, брыли судьи; казенная скороговорка секретаря, огласившего божественно мягкий, так что даже возникла мгновенная эйфория, приговор (засчитать предвари-



тельную отсидку за наказание); обретение отнятых ключей и прочего карманного добра, — вся процедура не заняла и двух часов.

Валера стоял на ступенях, спиной к массивным створкам бегемотьего ануса. Последние волокна #acdaac трепал холодный ветер, глаза резал дневной свет, и слово «свобода» играло радугой свежих смыслов на никелированных выступах ноября.

Он повел плечами, впитывая мир: звуки, цвета, выхлопную копоть. Солнце запуталось в облачной вате, город поблек, словно цветовой схеме приглушили контраст и подняли насыщенность. Был пятый час вечера. По улицам рыскали хищные такси — желтые внимательные рыбы. Организм оцепенел: голода не было, даже спать толком не хотелось. Хотелось утонуть в просиженном диване, включить телевизор... Но расслабиться было не время, еще оставалось главное — проверить автоответчик. Ну, не будем откладывать. И телефон как раз рядом.

Пароль автоответчика обнаружился на положенном месте, в заново обретенной записной книжке. Единичка — новые сообщения. Пустота. Писк и шорох. Странно... Почему она не позвонила? Что у них стряслось? Фредди тоже не отвечал. Оставив ему краткий привет, Валера нехотя набрал рабочий номер предателя Джимми. Тот отозвался сразу, с отвратительным энтузиазмом, за которым, очевидно, пряталось чувство вины. Он уже поговорил с Фредди, которого выпустили сегодня утром; условились встретиться через час. Про тюрьму послушать, мобильники отдать. Пива попить. День-то сокращенный. Где-нибудь в центре, присоединяйся!

Валера отказался, повесил трубку. Подойдя к бордюру, поднял руку навстречу желтым рыбам.

Квартира пережила трехдневную разлуку легко — похоже, вообще ничего не заметила. Посудный жир подсох, пыль опушилась. Над помойным ведром барражировали дрозифилы. В туалете — ч-черт! — горел свет, Валера злобно шлепнул выключателем, но еще пару минут донимало ощущение, похожее на зубную боль.

Фронт работ не внушал тревоги, главным врагом был беспорядок, праздник разбросанных одежд. Ненавистное занятие: отделять чистое от козлиц, стирать, складывать... Ну, отступить некуда, к завтрашнему утру, как ни крути, все будет сверкать, как в операционной. Да, не забыть поменять постель. Постель... Что же там случилось, почему Наташка не позвонила? Ладно... Валера вздохнул и полез за стиральным порошком.

Через каких-нибудь полтора часа — кто бы мог подумать! — хаос был если не ликвидирован, то по крайней мере крепко напуган и принужден занять круговую оборону. Чистая посуда аккуратно сохла на полке, в ванной пахло сосновым лесом, а Валера, елозил враскорячку по линолеуму — бо-сой, с закатанными до колен штанами, — оттирал грязь. В подвальной прачечной, в сушилке, поджидало чистое белье. Надо его, кстати, забрать, а кухню после домоем. И Наташке еще раз позвонить. Нужно же, в конце



концов, убедиться, что все по плану! С проклятым «Аэрофлотом» что угодно может случиться.

Когда Валера вернулся с бельем, на автоответчике моргала лампочка. В ушах снова запрыгали красные молотки. Он швырнул корзину на диван. Подошел. Нажал кнопку.

— Пшшшш... Валер, это Наташа. Привет. Ты извини, пожалуйста... Опять автоответчик, ну ладно. В общем, мы с Игорем поговорили... Нескольким раз даже говорили. М-да... У него, знаешь, на работе сейчас подвижки хорошие, они объект сдали на Новословободской, фасад по его проекту, об этом даже передача была. Ну, и свободное время появилось. И с папой у меня тоже... его ведь выписали, ты знаешь. Ну вот... Я тебе на мобильный вчера звонила, ты не отвечал. Ну, в общем, мы поговорили...

Голос у нее по телефону странный, совсем не похож на живой. Хотя наверняка не скажешь. Воспоминания о живом уже замусолились, не разберешь, где факт, а где фантазия... Валера опустился на диван — трудно, как старик. Линолеум местами еще не просох. Автоответчик щелкнул и принялся истоиво перематывать кассету. «Я не прилечу».

Она не прилетит.

Бывают сны реальнее любой реальности. Огромными порциями, минуя стандартные каналы, загружается в память иная жизнь: с призрачным кругом знакомств, с фактами, якобы накопившимися за долгие годы, с застарелыми эмоциональными ярлыками на значимых лицах и обстоятельствах. Во сне Валеру судили за убийство. Процесс был долгим и безнадежным: ясно, что осудят, но неясно, на какой срок. Адвоката, ушлого гундосого дядьку, отличал громадный нос-гладиолус — трепетный, живой, крылатый, имеющий обо всем собственное мнение. Адвокат в разговоре хохлился, вытягивал шею — казалось, вот-вот вззовется и улетит. Улетит на крыльях носа. Его стараниями приговор должен был съехать к непреднамеренному, три года *minimum security*, то есть общего режима. Валера в процессе слушаний отрастил психологический панцирь, состоявший из ухмылки и хрипотцы; настроение было ровным: вины он не чувствовал, но наказание считал справедливым — не повезло, попал в ситуацию, с каждым могло случиться, теперь нужно отвечать.

Чем дальше шел процесс, тем беспокойнее делался мир; возмущение бурлило, пресса добавляла масла в огонь. Наконец ткань общества треснула: по телеэкранам, образующим декорации доброй половины сцен, промелькнули бледные колдуны в красных банданах, торжествующие победу; на заднем плане комиссарил пожилой велоцераптор, потрясая аннулированным авиабилетом — вот, дескать, доказательство. Адвокат, подкармливая нос колоссальным количеством кокаина, объявил благую весть: приговор пересмотрен, тюрьму заменили на двукратное погружение в бассейн по схеме 7G-2008, с вероятностью утонуть 0.33 для некурящих мужчин в возрасте от 25 до 45 лет (цифры цвели на тех же телеэкранах). Ничего хорошего, шило на мыло. Бассейн оказался хитроглазым зеленоватым цилиндром, хорошо знающим жизнь, говорящим на



пятнадцати языках. Валера сразу его раскусил, понял, что это никакой не цилиндр, а самый настоящий бегемот. Сенсационный обман, конечно, но Валеры это не касалось: чужая игра, в которой ему, как ни крути, выходила одинаковая рука. Подмигнув, он разулся и вошел в ледяную воду. Бегемот по-быстрому отъел ему ноги, рыгнул розовым пузырем. Вода поднялась до подбородка, потом до самых глаз, потом накрыла с головой, и зеленая мгла

Валера вынырнул — разбудил странный пискучий звук. Пи-и! Пи-и! Словно мелкий робот ошивается в прихожей. Домофон, что ли? Никогда раньше не подавал голоса. За окном небо свежее, солнышко блестит, как летом. Пи-и! Пи-и! Дьявол... Валера стянул истому и побрел отворять. Кнопочка «ответ».

— Кто там?

— Заключенный Tischenko! На выход!

Блин, Фредди! Что он здесь делает?

— Ты откуда появился? — Валера нажал кнопку «дверь», отомкнул замок. Только гостей не хватало! Он оглянулся, оценивая квартиру. Операционная, мать ее! За что боролись...

По коридору прошваркали шаги, на пороге возник Фредди — румяный, веселый, в тулупе нараспашку.

— Валера! Спишь, что ли?

— Не без этого. Здоров!

Они приобнялись. У Фредди макушка пахла озоном.

— Когда ты откинулся, вечером? — Друг шагнул внутрь, осмотрелся. — Опа, чистота, порядок! К празднику готовишься.

— Э-ээ... вечером, около шести. А что за праздник?

— Ну вот! Какой сегодня день?

— Не знаю. Четверг.

— День Благодарения, мистер! Семейный американский праздник. Одевайся, просыпайся, поехали ко мне! Индейка, красное вино, домашний уют.

День благодарения, точно. А почему бы нет? Красное вино — это интересная мысль.

— Ну, блин... А что ты не позвонил?

— Я твоего домашнего не знаю.

— А мобильный?

— Этот? — Фредди вынул из кармана Валерин мобильный. — Я звонил, ты не отвечаешь.

— Хмм. Действительно. Слушай, ну... мне собраться еще. Побриться, все такое.

— Не вопрос! Брей подмышки, мне как раз в магазин надо. Через полчаса встретимся у подъезда. Только не усни опять.

Всю дорогу до Гринпойнта из динамиков долбил рэп. Пространство за окном извивалось в такт лающим аккордам, и зданий морды глядели гордо, твердо, в упор, да, на хайвэй «Би-Кью-И», хорду города. На заднем сиденье



по-испански собачились бесчисленные Фреддины сиблы: братья-сестры-племянники, чьих имен Валера не в силах был запомнить. Фредди шикал на них, щерил зубы, лихо мотал рулем, сквозь рык рэпа спрашивал невыносимое: как Natasha, когда приедет... Валера отвечал невнятно. Про тюремное приключение не говорили, словно ничего не случилось. Когда съехали с шоссе, Фредди вполголоса попросил не упоминать об аресте.

— Мать думает, я у Сюзан ночевал.

В квартире у Фредди пахло жареной птицей, осеннее солнце стреляло сквозь жалюзи. Маленький стол в гостиной был загружен едой. На полу орудовал самоуверенный смуглый младенец, Валера топтался и тосковал. От обязательных улыбок сводило челюсти. Черноглазые дети следовали по пятам, как койоты, регистрируя каждый чих. После стакана вина стало легче.

Эквадорское гостеприимство похоже на русское: тот же спектакль, только без водки. Отказаться от еды практически невозможно. Пили в меру, коренастая Фреддина мать в одиночку управлялась с двухгаллонной флягой, рачительно дозируя полусладкое красное, очень похожее на «Изабеллу». Индейка под него укладывалась в желудки плотно, как кафельная плитка, выделяя сонный сок.

Насытившись, Фредди неожиданно засуетился, подмазал волосы гелем и потащил Валеру на воздух — взбодриться, погулять. В прихожей он нацепил на плечо увесистый рюкзак, чему Валера поначалу не придавал значения.

На улице было безлюдно: добропорядочные граждане переваривали обед. В холодном небе сверкали первые звезды.

— Двигаем к моему дядьке, — информировал Фредди. — Там веселей, они только начали.

Валера заикнулся о магазине, мол, негоже с пустыми руками, но дружище булькнул рюкзаком: все схвачено.

Какое-то время шли молча. Наконец, Фредди собрался с духом, растормошил волосы и стал рассказывать свою идею.

Валера в общении с американскими друзьями с самого начала взял на вооружение простой и полезный прием — к любому прямому обращению относиться априорно как к шутке. Меньше шансов, что окажешься в дураках. Фредди, разумеется, давно его раскусил и всякий серьезный разговор предварял специальной пантомимой: щерил зубы и тормозил волосы. Получалось удобно.

Сейчас речь шла о старой задумке, о брокерском агентстве для контракторов. Фредди предлагал, чтоб Валера вошел в долю, нарисовал фасад для информационного сайта. Нужен портал, говорил он, где заказчики и работники смогут друг друга найти. Будем партнерами, прибыль пополам. Работу можно не бросать, но за сайтом придется присматривать.

— Кредит на бизнес я уже оформляю, — убеждал Фредди. — Ты просто вложишься временем... ну и деньгами чуть-чуть, чтобы стимул был. Не в обиду, просто принцип такой, понимаешь? Пока человек деньги не вложит, ничего не закрутится.



— Ты знаешь, Фредди... С сайтом я могу помочь, конечно. Но в долю входить...

— А почему нет? Долго ты собираешься за зарплату горбатиться? Работать надо на себя, Валера! Сейчас придем, я тебя с парнями познакомлю. Отличные плотники, асы!

Валера кривился, мотал головой:

— Не мое, Фредди. Не всем быть антрепренерами.

— Почему не всем? Всем! Рано или поздно каждый должен начать свое дело. И работать на него в полную силу. А как еще жить?

— Ну, мало ли... Вот я не такой. Я по сути проститутка. Продаю себя жирному буржую, работу близко к сердцу не принимаю. Чек получил — и домой. А весь это бизнес, ответственность... нет, не хочу! Не уговаривай.

Фредди шагал молча, шмыгал носом. Наверное, удивлялся разнообразию человеческих путей. Потом примиряюще улыбнулся:

— Окей! Не вопрос. Наверное, можно жить, как ты говоришь. Карьеру делать на работе — это ведь тоже бизнес... Но насчет сайта — поможешь, да?

— Конечно, я же сказал! Посидим, нарисуем на выходных.

— И вообще, подумай, не спеши. С ребятами сейчас выпьем, хорошие парни. Познакомишься, будешь потом общаться. По-любому польза. А то сидишь один у телевизора.

Дядькин дом приблизился, Фредди указал на него пальцем: темное кривоугольное строение в конце проулка. Интересные пироги, думал Валера, пиная хрустящие листья. Карьеру делать... А если карьера тоже по барабану? Вспомнилось, как Ящер незадолго до освобождения расспрашивал о работе, словно примерял на себя: отпуск, социальный пакет, имя начальника, перспективы роста... Убогий, скучный расклад. Неужели эта игра кому-то интересна?

Битые ступени вели к черной тяжелой двери. Замок был выпилен. Внутри обосновалась самая настоящая трущоба, о каких писал Горький. Темнота дышала пылью, горелым маслом, затажной войной с тараканами. Этот приторный запах Валера помнил еще по общежитию — смердели не сами тараканы, а именно война, истребительный процесс, когда к живой вони пришивается миазм ядовитой химии.

Дядька и его друзья, смуглые карликовые существа, живущие, очевидно, в соседних трущобах, были уже заметно пьяны. Энергично перезнакомились, но Валера никого, конечно, не запомнил. Полезный объем комнаты до отказа занимал составной стол. Над стойкой пластиковых стаканов горделиво господствовал галлонный «Гордон», будоражили воображение лежащие рядом цветные тряпки, подозрительно похожие на мужские трусы, а в дальнем углу грустила окоченевшая индейка в магазинной упаковке и столбиком стояли нераспечатанные салатные плошки. Еда, судя по всему, никого не интересовала.

Фредди жестом триумфатора выпростал из рюкзака давешнюю флягу — там осталось еще литров пять. Пьяные плотники восторженно загалдели.



— Теперь дело пойдет живей, — резюмировал красноглазый дядька. Его клон уже шустрил у стола, наполняя стаканчики водкой примерно до половины. Два других гнома, ухватив флягу за ручки, двигались за ним по пятам, доливая вино. Валера смотрел и не верил своим глазам: индейцы готовили убийственный коктейль, от которого у Ерофеева булькнуло бы в желудке — он, помнится, называл такие вещи «поцелуями».

Фредди взял зыбкий стакан, наполненный розовым раствором. Валера изогнул бровь:

— От этого крыша уедет.

— Знаем, знаем! — Друг протянул ему пойло. — В этом вся цель. Давай!

Повисла пауза. Хмельная семейка уставилась болотными глазами. Валера ненавидел эти проверки, но делать было нечего, в затылок дышала репутация родины. Он выпрямился, откинул локоть и с брезгливой лихостью выхлебал мерзкую микстуру, уложившись в четыре глотка, успев подумать, что синтетический вкус останется в памяти до смерти. Пробежала новая волна восторга, остальные тоже выпили. Дядюшки принялись тотчас бодяжить по второй...

Ушел Валера быстро, когда хозяин трущобы хрестоматийно упал лицом — увы, не в салат, а в собственное грязное белье — и восхрипел так, что задрожали цветные лоскуты. Фредди не заметил бегства, хоть и держался крепче остальных — сытный праздничный ужин сыграл свою роль. Бедняга пытался наладить с пьяными асами деловой диалог, но потомки патагонских следопытов лишь мычали, мотая нитями слюны.

Валера шел по аллее, вонзив руки в карманы. Морозец навел чистоту: лужи подсохли, бомжи попрятались. Мысли тоже были хирургически-стерильными, под стать послевкусию индейского пойла. Американцы, думалось ему, в процессе пьянки ставят перед собой одну из двух целей: либо просмаковать изысканный напиток, либо прагматично нажраться и опупеть. Если первый вариант вполне имеет право на жизнь (кто же откажется хлопнуть пару ароматных рюмочек, лизнуть лимон и уйти в городской закат, шурясь, как Джеймс Бонд?), то второй, при всей его честности, является не чем иным, как распушенностью и мерзким дикарством; в его контексте такие правильные вещи, как добрая закуска, вдумчивая беседа, песня на пределе душевной громкости, бодрый рейд за добавкой — не более чем помехи, тормозящие процесс. Веселье в контексте второго варианта начинается позже, когда норма уже выхлебана и мозг сморщился от спирта. Правда, непонятно, какое может быть веселье, если мозг сморщился от спирта, разве что физиологическое, как у свиньи: заорать, помочиться, сломать стул. Валера неоднократно наблюдал разгул подобного веселья, и всякий раз на сердце делалось душно и мнилось родное: жирные пельмени, шорка метели за окном, светлая бутылка, в которой влаги еще на треть...

Валера вспомнил, как давеча выносил водочную посуду — и вдруг понял, что меньше всего на свете хочет возвращаться домой, в свежубранную пустую квартиру. Куда угодно, хоть к черту в зубы, только не туда!



Убеждение крепло, набирало звонкую силу, и он парадоксальным образом шагал быстрее, сжимая в карманах кулаки. Кленовый парк тихо наслаждался упадком. На проволочных ветвях болтались ржавые звезды. Безжалостный, холодный мир...

Валера остановился, зажмурился, вдохнул до предела.

Так нельзя. Куда я иду?

В плече ожил и забился точечный источник боли, как маячок. В унисон ухало запертое дыхание. Несколько дней назад, когда мир еще окрашивали лихорадочные цвета надежды, Валера вот так же, полной грудью, втягивал конопляный дым... Под веками заметались огоньки, повело голову. Надо подумать спокойно, не торопясь. Да и куда торопиться? Он потерял равновесие, качнулся. Сейчас утихнет.

Рядом зафырчал мотор. По закрытым глазам махнули фары, и знакомый голос...

...хлопнувшей дверцы. Мотор оживился, убежал прочь. Валера перебрал ногами — икры затекли. Мысленный взор скользил вдоль дорожки со скоростью поспешного пешехода. Силуэты кленов корчились от неизбежных при моделировании искажений. Он зачем-то играл в детскую игру: на прогулке в уединенном месте, желательно в лесу, следует остановиться, закрыть глаза и дальше двигаться понарошку, не сходя с места, на лету изобретая пейзаж, повороты тропинки, иногда дождик, хутор или волнующую встречу — а потом проверять, сравнивать свой вариант с божьим, почти всегда в пользу первого. Сейчас, учитывая неполную трезвость и долгое отсутствие практики, получалось весьма неплохо: слева за кустами уже мелькали теплые светляки окон, некая расфокусированная пристань, куда он мог бы, в принципе, направиться, если бы не нудная необходимость конструировать сложный узор бытовых деталей.

Дорогу внезапно заступил человек — выломился из зарослей, как шальная птица. Валера даже испугаться не успел, обошел впритирку, только взглядом зацепил: белые глаза, дула ноздрей, зубы веером. Глянцевые потеки на черной щеке. Галстук-клинок, костюм нараспашку. Что-то знакомое. Принц? Человек трупной походкой удалялся прочь, в мешанину теней: хрупкий, мерзкий. Так и хочется ему башку разбить.

А, бог с ним! Провались в болото этот мир, этот прелый ноябрь...

Не открывая глаз, Валера выронил липкий камень. Сделал наугад несколько шагов. Наступил в мягкое, остановился.

И сразу дохнуло теплом. И раздался мерный скрежет.

Перед ним в серой хмари лежал холмистый пустырь. Блестели в жухлой траве стальные прутья, замшево зеленел бетонный угол. Слева направо тихо отъезжал прогал, сквозь который виднелся знакомый кадр — ночной сквер с фонарями. Что-то лязгало за ближайшим бугром, куда Валера неспешно дрейфовал, хотя ноги не двигались. Да и глаза, если разобраться, оставались закрыты. Из-за бугра выставился зверь — раскоряка-бегемотик,



улыбающийся ротик, говнометик под хвостом, кожа лопнула крестом на массивной серой ляжке, обнажив металлические блестящие шатуны.

Валера понял, что зверь предназначен ему. Или он предназначен зверю. И еще он с необъяснимой грустью подумал, что прогал с ночным сквером и уютными фонарями уезжает от него навсегда. Сквозь прозрачные веки он видел, что стоит на краю замшелого диска, медленно вращающегося против часовой стрелки. Впереди в траве виднелась круговая щель — граница с неподвижной землей. Справа и слева, если повернуть голову до отказа, можно было заметить еще две фигуры — неподвижные и, судя по всему, человеческие, образующие вместе с Валерой вершины вписанного в диск равностороннего треугольника. Детали их облика скрывал туман, лишь угадывалось, что правый человек — сутулый, с чем-то красным на голове — вроде бы двигал диск, отталкиваясь ногой, как самокатчик, а левый, одетый в красивый костюм, травил из спины светло-зеленую паутинку, цепляясь за холм, под которым сидел зверь-бегемот.

Расклад напоминал карусель, вращению которой человек в бандане помогал, а красавчик безуспешно препятствовал.

Бегемотик приближался, зуб в улыбке обнажался, поршень в заднице играл, и Валера заорал детским голосом — рвануться, убежать, — но шевелилась только голова, а ноги будто окаменели. Красавчика, насколько можно было разобрать, тоже поразила неподвижность. Ему повезло еще меньше: выходящая из спины паутинка растягивалась, тщетно пытаясь задержать карусель, а существо, поджидавшее у второго холма, выглядело много хуже веселого бегемотика — бледный великан в балахоне, с блестящим ятаганом, искривленным в виде буквы Гэ.

Валера изо всех сил вывернул шею, чтобы разобраться с красноголовым самокатчиком, который был, несомненно, главным злодеем. Но тут карусель замерла, не доехав до бегемотика пары шагов. Самокатчик соскочил — и враскорячку, как ящерица, полез в практически поравнявшийся с ним прогал, в ноябрьскую ночь с фонарями, где в глубине маячили знакомые фигуры: начальник Билл, какая-то женщина, похожая на Наташку, но не Наташка, и чуть поглубже — Фреддин дядька-ас на фоне фрагмента свежесобранной квартиры. Больше Валера не разглядел, щель захлопнулась.

Слева свистнул удар: бледный великан дотянулся ятаганом — и срубил красавцу лицо. Ничего себе встретил!

Валера почувствовал, что ноги оттаяли. Из руки опять выпал липкий камень.

Ах, чертовщина! Пора отсюда убираться.

Он хотел сойти с диска — но тут бегемот поднялся в воздух и спикировал пижонским виражом: в этом мире он явно пользовался большими правами. Валера попытался убрать голову — напрасный труд! Тупые клыки с размаху вошли в череп: хрясь! Неописуемая боль...

Его волокли, как дохлую лошадь. Сквозь разлепившиеся веки виднелось скользящее полотно — камешки, кленовая шестеренка, кривой окурок — ас-



фальт уползал, царапая щеку... Опять слиплись. Плясали серые росчерки, бегемот тащил, вцепившись в голову. Куда, зачем?

Остановка, клыки разошлись.

Валера лег лицом на железо. Из височных пробоин лезла кровавая каша. Веки уже никто не держал, между ресницами прыгали радужные кружочки.

Я на полу... На каком еще полу?

Бубнили грубые голоса. Неподалеку гулял лязгающий звук. Бегемот караулит? Подозрительно знакомый скрип издают его поршни.

Наверное, меня в парке ударили по башке. Черный тип, что вышел из кустов. Нет, это я его хотел ударить... А чуть раньше подъехала машина, и кашляющий голос — что он сказал? «Выходи, Принц». И еще, по-русски: мол, все по местам, начинаем обмен. Бред!

Воняло чужими ногами. Сами ноги тоже обнаружились. Пятки переступали прямо перед носом: коричневые, сухие.

Я лежу... под лавкой?!

Сморщенная телесная оболочка налилась ртутной болью, и уже отчетливо раздавался железный лязг дверей, и серо-зеленый отсвет мерцал латинскими буквами на пыльном полу, и страшная догадка разъедала душу, отказывалась уходить, цеплялась за свидетельства неумолимого враждебного чуда, — и Валера заскулил, задвигал локтями и вылез из-под лавки — в камеру, в кошмар, в объятия еще не до конца проработанной, но уже вполне определившейся новой судьбы.



ЕКАТЕРИНА МЕДВЕДЕВА

КОГДА РАСЦВЕТУТ ЧЕРНЫЕ РОЗЫ

ЛЕНИВОЕ СОЛНЦЕ РАССЕЙВАЛО ПО УЛИЦАМ ГОРОДА полуденную порцию тепла. Его лучам было все равно, кого греть и от чего отражаться. Они шлепались на дорогу, где сверкала оброненная кем-то серебряная монетка. Соскальзывали с флюгера на черепицу, съезжали по водосточной трубе, вскакивали на подоконник. Красовались на латунной, до блеска отполированной дверной ручке. Один легкомысленный лучик сунулся в витрину цветочного магазина — но перемазался в пыли, расчихался и, потыкавшись пару раз в мутное стекло, удалился ни с чем.

— Стучат, — буркнул Густав.

— Разве? — Валентин прислушался. — Я ничего не слышу. Тебе показалось.

Наверное, и вправду показалось. Не принимать же всякий солнечный луч всерьез. Эдак можно еще поверить, что анютины глазки тебе подмигивают, ноготки просят сделать маникюр, а чайные розы подаются исключительно к чаю.

— Вот сколько с тобой знаком, Густав, столько удивляюсь, — продолжал садовник, задумчиво попыхивая трубкой. — Вроде бы, грубый, неотесанный тип. И откуда в твоей голове такие фантазии?

Густав ухмыльнулся в ответ. Его грубые пальцы сворачивали папиросу, просыпая табак. О чистоте тут давно не беспокоились. Когда в доме нет женщин, то порядок не так уж и нужен. И табачные крошки совсем не заметны на полу среди окурков, огарков, обрывков и прочих неприглядных существей, при жизни бывших лилиями и нарциссами, свечами и спелыми яблоками, лентами и глянцевого оберточной бумагой. И через невымытые окна совсем не проникает свет, так что, наступив в полумраке на что-то чвякнувшее, вы сразу и не догадаетесь, огрызок это или обрезанный и подгнивший бутон.

Не нарушала общую атмосферу и вывеска, совершенно заросшая грязью и птичьим пометом. Случайный посетитель не понял бы, что попал в цветочный магазин. А неслучайных тут не водилось: кого потянет в неприбранный, осотом заросший тупичок с покосившимися заборчиками и слепыми окошками. Сюда ходили только почтальоны. Почтальонам везло: на всех домах висели таблички с номером. Гораздо хуже приходилось тем, кто по какой-то странной прихоти желал купить цветок у Валентина. Им номер дома ни о чем не говорил.

— У белой розы снова листья трубочками скручены, — сказал Валентин. — Похоже, листовертка. Мне совершенно некогда, может, ты сам сделаешь полынного настоя или чемеричную воду?

Густав кивнул, что означало — листоверткам несдобровать. О, сколько мелких насекомых душ он загубил хитрыми припарками и микстурками, при



этом совсем не разбираясь ни в ботанике, ни в зоологии, не зная ни одного латинского названия. Конечно, он и в подметки не годился талантливому, начитанному, образованному Валентину. Тот день и ночь корпел над книгами, опылял и скрещивал, прививал и черенковал. А угрюмый великан Густав делал всю тяжелую и грязную работу. Навозная жижа, кровавая мука, птичий помет — кому-то же надо и этим заниматься. Он никогда не трогал цветы, чтобы не сломать их случайно неуклюжими ручищами. О составлении букетов ему тоже не приходилось мечтать. Зато если надобилось вскопать грядку или перенести из дома в теплицу неподъемный ящик с рассадой, тут никто не справлялся, кроме Густава. По-своему, он был незаменим.

Они сидели и курили, чтобы после вернуться к работе. Задняя дверь магазинчика вела в большой сад, а там — бочки с теплой дождевой водой, жестяные лейки, клумбы, и тысячи бутонов небрежно кивают тебе при встрече, если, конечно, ты смотришь на них, а не окидываешь пристальным взглядом листья и стебли в поисках мучнистой росы. Мучнистую росу умел искать Густав. Он же с нею и боролся. Табачная настойка, зеленое мыло и медный купорос, приманки из ольховых веток, ловушки для слизней и много чего еще — все это раз и навсегда вверялось ему, чтобы Валентин не отвлекался и мог спокойно заниматься селекцией.

Густав бросил окурок на пол — и услышал неровные шаги. Подвявшие лилии в мутной вазе тоже услышали их и с трудом подняли головки. И пауки замерли в паутинках, и присмирел любопытный сквознячок. Только садовник задумчиво курил трубку, и не думая замечать неловкую тень за витринным стеклом.

— Почта, — сказал Густав.

— А? — рассеянно переспросил Валентин. Потом дверь скрипнула и отворилась.

На пороге стояла девушка в униформе, с огромной сумкой через плечо. Сумка трещала по швам, набитая газетами, журналами, письмами и прочей дребеденью, которой со скуки обмениваются люди.

— Ваш каталог, — объявила девушка приветливо. Густав хмуро уставился на нее. А садовник, не глядя вовсе, протянул руку. Девушка порылась в сумке. — Вот тут еще. Семена, вы заказывали на позапрошлой неделе.

— Ах, уже доставили! — оживился Валентин. — Что же вы, давайте скорее! Густав, распишись! — и садовник ушел, на ходу срывая упаковку с увесистого пакета.

— Вот здесь, — девушка протянула Густаву формуляр. Для этого ей пришлось задрать голову вверх и встать на цыпочки. Густав был ужасно высок.

Он нацарапал какие-то каракули. «Как неловко получилось, я прервала их беседу», — подумала девушка. «Она презирует меня за такой ужасный почерк», — подумал Густав и помрачнел, и зашевелил кустистыми, сросшимися у переносицы бровями.



— Сколько вы уже расписываетесь — никак не разберу ваше имя, — с улыбкой заметила девушка. На самом деле имя Густава ее совсем не интересовало. Она желала завязать беседу и задержаться в магазине, надеясь, что садовник покажется снова. Признаться, она питала к нему весьма нежные чувства.

— Густав, — пробормотал он, совершенно насупившись и мечтая, чтобы она скорее ушла и перестала над ним насмехаться.

— Лиза! — она протянула ему руку. Густав так понял, что надо еще где-то расписаться, но ручки не увидел. Девушка ждала рукопожатия. Он взял ее пальчики, подержал немного в своей лапе, отстраненно заметив, какие же они крошечные, — и отпустил.

— Жаль, я сегодня последний раз к вам пришла, — сообщила Лиза грустно. Не дождавись от Густава вопроса — почему? — она продолжила:

— На почте говорят, мои услуги им больше не нужны. Слишком медленно хожу. К тому же всем почтальонам купили велосипеды, а я не могу им пользоваться.

— Гм, — произнес Густав, чтобы не молчать так долго подряд.

Тут в дверях появился садовник, Лиза сразу расцвела, а он споткнулся о пустую картонную коробку от удобрений и раздраженно заметил:

— Магазин скоро потонет в мусоре! Когда ты собираешься наконец нанять уборщицу!? Когда расцветут черные розы?!

Лиза вспыхнула и с надеждой взглянула на Густава. Он перехватил ее взгляд — и тоже почему-то расцвел.

— Так вот! — указал он на девушку.

— А разве это не почтальон? — удивился Валентин. — Что же, пускай сейчас же приступает к уборке. А вещи оставит в мансарде, — и он вышел в сад.

— Я только почту разнесу, — радостно прошептала Лиза. Оглянувшись, не видит ли садовник, скрипнула дверь — и захромала прочь.

Первое, что сделала Лиза, став уборщицей, — отмыла вывеску. По облезлой лакированной доске, с остатками золотой краски, вилась полустертая фраза: «Цветок от Валентина». От этого названия веяло стариной и благообразностью. Сразу чувствовалось, что магазин здесь приличный, и недельной давности розы с оборванными лепестками или сломанную герберу с иголкой в стебле покупателям не подсунут. Вот только надпись требовалось срочно обновить. Поэтому Густав держал лестницу, а Лиза, подпернув рукава, тщательно вырисовывала букву за буквой. Садовник в реставрации не участвовал, сославшись на то, что едкому запаху краски он предпочитает свежий аромат цветов.

За обедом Лиза проговорила задумчиво:

— Этой вывеске пора справлять столетний юбилей...

— А двухсотлетний — не хочешь? — отозвался Валентин. — Она такая же древняя, как земля в нашем саду.

— Одного я не понимаю, — продолжала девушка, — как на ней оказалось твое имя?



— В нашей семье из поколения в поколение старшего сына называли Валентином. В честь именитого предка-садовника. Ну и чтоб вывеску не менять.

— Старшего сына? А я думала, Густав старший.

— Густав не из нашей семьи, — помолчал, ответил Валентин. — Он просто... просто... словом, он здесь всегда, сколько я себя помню.

— Угу, — подтвердил Густав, и больше к этому разговору не возвращались. Да оно оказалось и некогда, во время той грандиозной чистки, что была устроена старенькому заплесневелому магазинчику. Сверкал побеленный потолок. Сияли окна, вымытые водой с уксусом и протертые газетной бумагой. Трещины в деревянном прилавке исчезли, замазанные растертым пчелиным воском. Пропала вековечная куча мусора из камина, и дверь перестала скрипеть, получив порцию масла. Снаружи над дверью Лиза повесила позолоченный колокольчик, чтобы радостным звоном он возвещал о появлении покупателей.

Преобразились и жилые комнаты. Обеденный стол обзавелся скатертью, на стульях появились чехлы, а с низкой лампы уже не свисали ключья паутины. Впрочем, по углам комнаты паутину помиловали. Пауки не причиняют вреда, заявила Лиза, — наоборот, они ловят мух. Так что пауки стали частью ее странноватого уюта — вместе с лоскутными половиками, расписными фарфоровыми тарелками и плетеной хлебницей посреди стола. Исчез табачный дым, теперь в магазине старались не курить. И не перекусывали на скорую руку, а, как положено, завтракали и ужинали, собираясь втроем за круглым обеденным столом. И мусор бросали в корзину, огарки и обрывки как-то сами собой перестали появляться на полу: когда пол каждый день кто-то моет, то сорить становится как-то неудобно.

Окна, отмытые от пыли и дождевых потеков, снова превратились в витрины, и Лиза расставила в них букеты. Но покупатели не приходили, и цветы грустили в стеклянных усыпальницах. Розы повесили головки, ржавели гвоздики, с пионов медленно облетали перышки. И даже если оживить их, подлив в воду спирта или капнув в середину цветка немного парафина, — это лишь продлевало увядание на несколько дней.

— Жалко бедняжек, — сказала как-то Лиза, подметая ворох лепестков и листьев с пола.

— Кого? — рассеянно спросил садовник. Он просматривал каталог и не желал отвлекаться на беседу с уборщицей.

— Цветы. Мы губим их зря.

— Это жизнь, — философски изрек Валентин.

— Это глупость, — возразила Лиза. — Больше я не срежу ни одного цветка. Вот так!

Садовник пожал плечами. Сейчас его волновало только одно: какие выписать гладиолусы, гофрированные лососево-розовые или складчатые каштановые. Луковицы стоили очень дорого, а магазин совсем не приносил дохода.

Лиза исполнила обещание. Она выбросила увядшие цветы, а новые не срезала. Магазин стоял чистый и задумчивый, без единого бутончика. Са-



довник наверху, в кабинете, мечтательно рисовал на полях каталога мечевидные листья гладиолусов. Густав бродил по саду, раскладывая отравленные приманки для медведок. А Лиза читала за прилавком кулинарную книгу, придумывая ужин. И вдруг, впервые за неделю, тренькнул колокольчик, и в магазин вошла старушка. Она взглянула на пустые вазы, на Лизу с книжкой, поправила очки.

— Мне бы букетик, деточка. Наверное, я сослепу адресом ошиблась?

— Идемте, — Лиза взяла старушку под локоток и повела туда, где росли букетики.

Покупательница удалилась довольная, с охапкой голубых ромашек, и в кассе звякнула монетка.

На другой день магазин посетили уже три старушки.

— Мы идем к внучке на свадьбу, милочка. Говорят, в вашем магазине самые свежие цветы, прямо из сада?

На третий день явились пять старушек, три влюбленных молодых человека и степенная семейная пара. Все они и слушать не хотели о том, что цветы нужно срезать на рассвете или по вечерней росе. Букет требовался немедленно, прямо сейчас, сию минуту, причем выбранный собственноручно. Кто-то даже принес свои ножницы. Что было делать? Лиза улыбалась, откладывая книжку и снова и снова распахивала заднюю дверь. Она еще не подозревала, что это только начало и скоро читать, да и кулинарить, станет некогда.

У магазина, как обычно, остановился велосипед почтальона, и Лиза получила очередную долгожданную бандероль с семенами и луковицами. Больше всего на свете Валентин любил цветы и жалел только об одном: что его коллекция так скромна. Каждый год он выписывал из-за границы все новые и новые виды и сорта. Протирались дыры на локтях сюртука, шляпные поля превращались в лохмотья, зато в саду раскрывались густые зонтики голубого лука, покачивались на ветерке рослые канны оттенка слоновой кости и чудные бородатые гвоздики, до самых заморозков обильно цвели темно-синие гелиотропы, а садовник расхаживал между ними, дымил трубкой и чувствовал себя совершенно счастливым.

В этот раз почту разбирали прямо за прилавком.

— Льяннка, табак, птицемлечник, так, а это что? — недоуменно пробормотал Валентин, разглядывая надпись на очередной этикетке. — «Цветок волшебный. Цвета и красоты такой же, как ваши мысли». Что за глупые шутки?!

Пакетик полетел в мусорную корзину, ведь садовник не верил в чудеса.

Вечером Лиза сжигала в камине ненужные бумаги, и ей на глаза попался выброшенный пакетик. Внутри шуршали семена.

— Розыгрыш, конечно, — улыбнулась она, — но ведь что-то же из этих семян да проклюнется?

Из любопытства она посадила одно семечко в землю, в горшок на подоконнике. Посадила — и приготовилась забыть о нем на время.



— Живи, малыш. И кем бы ты ни был, я тебе рада.

Наутро Лиза проснулась от странного аромата. Поднялась — и ахнула: в горшке пламенел цветок. Его овальные лепестки то складывались, то раскрывались, как крылья бабочки, и напоминали огонек, зажженный глухой полночью. Лиза, не веря глазам, подошла к окну, и крылышки сразу потянулись к ней.

— Розыгрыш? — проговорила она.

Валентин, увидев это чудо, схватился за книги. Странное дело — цветок не подходил ни бобовым, ни крестоцветным, и уж от лилейных отличался, как небо от земли. Такие уникальные чашелистики, нестандартной формы цветочнос и необычайно яркая окраска не упоминались ни в одном справочнике!

— У тебя красивые мысли, — сказал Густав Лизе.

— Чуть, — фыркнул садовник. — Вы как дети, честное слово.

— Но цветок вырос из семечка за ночь! — воскликнула Лиза. — Я тебя не обманываю!

— Хорошо, проведем эксперимент, — уступил Валентин. — Вечером посадим по семечку. Станем усиленно думать и представлять себе то, что хотим увидеть. А завтра посмотрим на результат.

Так и сделали.

Наутро Лиза первая спустилась в магазин, где на прилавке стояли в рядок три разномастных емкости с землей. В Лизиной треснутой чашке рос белоснежный цветок. Лепестки его завивались на краях, как будто с вечера их накрутили на папилютки, а на каждой тычинке, на самом кончике, позванивал крохотный бубенчик. В плошке Густава торчал смешной и немножко нелепый цветок, лепестки которого смахивали на собачьи уши. Он был то ли рыж, то ли коричнев, с черным глазком. А в горшке Валентина дремала на коротком стебельке синевато-серебристая малютка, с пятью лепестками-капельками и пушистыми мягкими листьями. Все три растения казались настолько чудными, что оставалось лишь одно — и правда поверить в волшебство...

Вошли Густав и Валентин.

— Хм, — буркнул Густав огорченно, узрев ушастого рыжика. Он-то рассчитывал на жаркую красную розу, которую хотел подарить Лизе. Словно почувствовав его мысли, цветок виновато завилал листьями, ушки его понуро обвисли.

Садовник молча рассматривал серебристые капельки. Он тоже заметно разочаровался. Малютка сжалась и потускнела. Да в самом ли деле ее лепестки переливались серебром? Теперь она походила на мелкую синюю кляксу с неровными краями. И рыжик Густава совсем поник, зажмурил глазок. Только белоснежное чудо Лизы радостно позванивало бубенчиками, хорошея от ласкового взгляда девушки.

— Но ведь они все очень красивые! — воскликнула Лиза. — Что с вами? Чему вы не рады?

— Что же, ясно одно — семена и правда необычные, — признал садовник. — Я забираю их. И буду экспериментировать дальше.

Он сунул пакетик в карман — и надолго о нем забыл.



Дела у магазина шли все лучше и лучше. С легкой руки Лизы, в городе сделалось модным покупать свежие, только-только с грядки, цветы. И так как другие лавки торговали по старинке, отказываясь пускать покупателей в святая святых — свои оранжереи, то именно у Валентина стали отовариваться самые капризные и требовательные люди, любители оригинальничать и следовать моде.

Они бродили с секатором наготове, то восхищенно склоняясь над россыпью крупных белых лютиков, то примеряясь к толстым трубкам просвирника, то растерянно замерев на одной ноге посреди клумбы с тюльпанами. Лиза ковляла следом, готовая прийти на помощь и объяснить, что стебель нужно срезать наискосок, лишние листья — обрывать, чтобы не отбирали силы у цветка, а у роз удалять и шипы. Покупатели внимали, опасливо поглядывая на высоченную фигуру Густава. Он маячил неподалеку, следил за порядком: чтобы ходили только по дорожкам, не оставляли открытыми двери теплиц и не уносили букеты, запамятовав расплатиться. На самом деле Густав, хотя он никогда бы никому не признался в этом, охранял не столько цветы, сколько Лизу. И она, чувствуя на себе его тяжелый спокойный взгляд, держалась куда увереннее даже с самыми придирчивыми клиентами.

А клиенты попадались самые разные. Перед танцами девушки забежали в магазинчик, чтобы украсить прическу маргаритками. Нарядные пары, идущие в гости, просили оформить им подарок посOLIDнее. Влюбленные поэты, знатоки цветочного языка, требовали картофельных цветов, герани, тщательно пересчитывали бутоны и, как от чумы, шарахались от желтых роз. Не смолкал дверной колокольчик, шуршала упаковочная бумага, касса тяжелела от монеток.

Валентин не принимал в магазинных делах никакого участия. Однажды Лиза намекала, что хорошо бы хозяину магазина самому привечать покупателей, а не сваливать эту обязанность на плечи уборщицы. Валентин насмешливо ответил, что встанет за прилавок, когда расцветут черные розы. То бишь никогда. Не дело это, творческой личности — монетки считать... Порой он выходил в сад и удивленно созерцал снующих тут и там людей с ножницами, и как-то за послеобеденным чаепитием, поморщившись, сказал Лизе:

— Мой прадед недаром построил дом на окраине города. Он искал тишины и уединения, чтобы спокойно предаваться искусству селекции. А вы с Густавом устроили здесь какой-то публичный сад. Спасу нет от посторонних! Вы еще билетки за вход продавайте и мороженщика с тележкой поставьте у компостной ямы.

Лиза огорченно всплеснула руками:

— Но ведь выручка увеличилась! Смотри, сколько мы заработали сегодня! — она выгребла деньги из кассы и высыпала прямо на скатерть, подле чашки Валентина.

— Я не торговец, я эстет, — поморщился он. Но потом оживился, пересчитал монеты:

— Эге, да здесь и на монарду хватит, и на гладиолусы!



— Так что, не пускать покупателей в сад? — спросила Лиза.

— Делай, как знаешь, — бросил Валентин, сгребая деньги со стола, и через десять минут уже мчался на почту, отсылать новый заказ. После этого случая он больше не делал Лизе замечаний и полностью отдал магазин в ее заботливые руки.

Так постепенно из уборщицы Лиза превратилась в хозяйку. Она успевала все: и ужин приготовить, и пыль смахнуть, и постоять за прилавком. Ей нравилось подбирать цветы один к другому и составлять причудливые композиции. Иногда девушку приглашали оформить праздничный зал к свадьбе или дню рождения. Она выходила неохотно, потому что сильно хромала и боялась, что люди будут смеяться над ней. Но никто не смеялся. Да и попробовали бы они. Ведь рядом всегда возвышалась огромная сумрачная фигура Густава. Он возил тележку с гиляндами, таскал корзины с лентами, шарами, фольгой. И просто следовал за Лизой повсюду, охраняя ее как хрупкий цветок.

А магазин преуспевал. О нем говорили уже не только среди модников и оригиналов, но и в кругу обеспеченных, солидных людей, любящих покупать самое лучшее. Иметь в петлице цветов от Валентина стало престижно. Видя это, садовник заказал в городской типографии квадратные золотистые открытки с фирменной надписью. Специально для магазина теперь плелись ивовые корзинки особой изящной округлости, швейная мастерская поставляла золотые шнуры, атлас, ажурный тюль для портбукетов, а соседский мальчик за небольшую плату приносил каждое утро из леса листья папоротника и мох. Внутри магазина завелось несколько изящных кованых стульчиков и столик на львиных лапках, блюдо с шоколадками и по первому требованию чашечка вкусного кофе для особых гостей. Особые гости были уже не редкостью: в магазин зачастили сливки общества.

Как-то, обычным летним днем, магазин получил крупный свадебный заказ с приличной предоплатой. Работа кипела. Густав укладывал на дно корзинок влажный мох и втыкал проволоку, чтобы потом закрепить цветы. Валентин мастерил розовую гирлянду. А Лиза трудилась над свадебным букетом: отщипывала у лилий пыльники, чтобы пыльца не испачкала платье невесты. Кружевная обертка для букета — португеза с лентами и кружевами — была уже готова, как и бутоньерка для жениха, и Лиза пребывала в самом светлом настроении. Она обожала белую, воздушную свадебную суету, миллионы приятных мелочей, что на один день делают из обычной девчонки — королеву. Прикасясь чуткими пальцами к чужому счастью, словно и сама становилась счастливой, забывала про хромоту и одиночество.

— Лиза, когда ж мы уже тебя замуж отдадим? — проговорил с усмешкой Валентин.

— Когда расцветут черные розы, — тихо ответила она — его любимой поговоркой, и Валентин осекся, потому что лицо девушки из мечтательного стало печальным. Знал бы он, за кого именно Лиза мечтает выйти замуж, — прикусил бы язык. Но где уж Валентину наблюдать такие тонкости. Хоро-



шо, он хоть имя ее не забывал, как раньше, и не вздрагивал удивленно, обнаруживая девушку за прилавком.

В это время в магазин вошла посетительница, и Лиза сразу растерялась, как и всегда при виде яркой, эффектной внешности. Вошедшая барышня была очень красива. Из-под шляпки кокетливо выбивались локоны. Пышная юбка-колокольчик при движении колыхалась вправо-влево, открывая точеные ножки в коричневых замшевых туфельках. Блузка с глубоким декольте выставляла на обозрение аппетитные округлости, на которые тут же залюбовался Валентин. В совокупности ножек, локонов и подкрашенных ресниц эта барышня напоминала шоколадный, упакованный в плиссированную золотистую бумажку трюфель, при виде которого мужчины голодно облизываются, а женщины вспоминают, как вредно сладкое.

— Что у вас тут? — брезгливо спросила она.

— А вы не видите? Магазин, — довольно невежливо ответила Лиза.

Посетительница огляделась.

— Боже, какая безвкусица, — проговорила она негромко, рассматривая блюдо с шоколадками и пестрые занавесочки. — А где цветы?

— Я провожу вас в сад, — как обычно, предложила Лиза.

Но вдруг Валентин вскочил со стула:

— Я сам!

Он взял барышню под ручку, услужливо распахнул двери. Густав взглянул на Лизу. Она стояла, поникнув. И ее белоснежный цветок на подоконнике вдруг почему-то стал серым. Что тут поделаешь? Молча вздохнув, Густав принялся снова за корзинки и мох — только прутья затрещали.

Садовник вернулся нескоро. Почти полчаса он провел с покупательницей в саду, а выбрали они всего-то пять алых роз.

— Упаковать? — хмуро спросила Лиза.

— Не стоит, — холодно ответила барышня, а Валентин любезно промолвил:

— За счет заведения, — намекая Лизе, чтобы не вздумала требовать денег.

Она пожалала плечами и отвернулась. А красавица улыбнулась садовнику:

— Что же, до встречи.

Когда за ней закрылась дверь, никто не произнес ни слова.

С тех пор Валентин стал часто уходить по вечерам. Всякий раз он брал с собой алые розы. Костюм его оставался небрежен, однако он брился, причесывал длинные волосы и даже порой чистил ногти от земли. Лиза в эти вечера была особенно грустной. Она уходила в сад и бродила по дорожкам, думая о разных печальных вещах. Густав угрюмо следил из окна, как тянется к ее платью душистый горошек, как усиками цепляется за рукав земляника, а выюнки поворачивают вслед головки, о чем-то вздыхая по-своему, по-цветочному.

Лиза тоже вздыхала. А когда Валентин возвращался домой, веселый, взбудораженный, пахнущий терпкими духами, она молча ставила перед ним ужин и уходила в мансарду. Густав смотрел на него с упреком, но садовник ничего не замечал. Он рассеянно выстукивал пальцами левой руки танце-



вальную мелодию и все чаще заговаривал о том, что приближается день города. Ярмарка, танцы и, конечно же, выставка цветов. Цветочные магазины в этот день старались превзойти друг друга, выставляя на суд горожан эффектные композиции. Валентин обычно игнорировал подобные соревнования, говорил, что ему незачем доказывать, что он лучший, он это и так знает. Но сейчас он вдруг загорелся участвовать. Видимо, кто-то заставил его усомниться в своей непревзойденности. И Лиза догадывалась, кто.

Накануне праздника Валентин заперся в кабинете и появился только к обеду. В руках он нес нечто, заботливо обернутое влажной папиросной бумагой.

— Я вырастил уникальный цветок, — сообщил он гордо. Приоткрыл обертку — и Лиза ахнула, прикрыв глаза рукой.

— Бесподобно! — провозгласил Валентин.

— А мне больше нравится твоя синенькая малютка, — призналась Лиза. — К этой красавице и прикоснуться страшно.

— Что ты понимаешь! — презрительно сказал Валентин, надевая шляпу. — Я гений! Победа у меня в кармане! Ты придешь посмотреть, как мне вручат медаль?

Город кипел и бурлил, как муравейник, только муравьи были принаряженные, прогулочно-выходные и совершенно не желающие трудиться. Они ели сахарную вату, катались на каруселях и глазели на предлагаемые чудеса. Лиза, с лотком белых фиалок, мелькала то тут, то там среди горожан. Душистые букетики шли нарасхват: мужчины вдевали их в петлицы фраков, а женщины прикалывали к корсажам. Густав бродил следом за Лизой, грозно поглядывая на прохожих. И если некоторые легкомысленные юноши собирались заигрывать или торговаться с ней, то под пасмурным взглядом Густава они смирнели и со словами «сдачи не надо» быстро исчезали в толпе.

Люди стекалось к центру площади, туда, где благоухала выставка цветов. Там Валентин демонстрировал всем желающим свой необыкновенный экспонат, выросший из волшебного семечка, — сияющую и помпезную золотую лилию, у которой на каждом лепестке круглой каплей влажно сверкал бриллиант. Многие не верили, что цветок настоящий, а не сделанный искусным ювелиром, подходили прикоснуться — и вскрикивали восхищенно, ощутив мягкость и бархатистость. «Волшебство!» — то и дело восклицал кто-нибудь, и садовник снисходительно кивал.

Судьи оказались единодушны, когда присуждали первое место.

— Я посвящаю свою победу самой прекрасной девушке города! — воскликнул садовник, потрясая медалью. Оркестр заиграл торжественный марш. Под аплодисменты зрителей на сцену выпорхнула та самая трюфельная красавица, изящная и тонкая, в сливочно-белом платье и перламутровых туфельках. Валентин бережно приколол золотой цветок к платью барышни и закружил ее в вальсе. Последовали их примеру и многие горожане, быстро разбившись на пары.



Густав переминался с ноги на ногу. Он не умел танцевать, а если б и умел, то ведь Лизу не затанцуешь, с ее хромой ногой. А у Лизы на щеках блестели слезы. Густав присмотрелся, нахмурился, и тогда она веселым голосом пояснила, что, конечно же, это никакие не слезы, а просто-напросто первые капли дождя. Густав ей поверил. Но только дождь, вот странно, так и не пошел.

Медаль «лучшему цветоводу» Валентин повесил над прилавком, и она бросалась в глаза всякому, кто входил в магазин. В полуденные часы от позолоты всюю отражалось солнце, и посетителям приходилось жмуриться. «Моя слава ослепительна», — говорил Валентин. И Лиза не всегда понимала, шутит он или всерьез.

Праздник города отшумел и затих, был выметен с площади вместе с тысячами увядших лепестков. Чуть позже той же метлой невидимый дворник вымет из города лето. Бочки, провонявшие луковым да полынным настоем, теперь праздно собирали дождевую воду, потому что травить больше было некого: жуки и гусеницы исчезли, отжили свой короткий насекомый век. Грядки пустели одна за другой, а в магазин все чаще заглядывали школьники, чтобы купить разноцветные вихрастые астры для госпожи учительницы.

— Ах, как я завидую вам, вы всегда среди цветов! — как-то сказала Лизе одна молоденькая посетительница. Она качалась на стульчике и шуршала шоколадками, пока в саду ее молодой человек под суровым присмотром Густава аккуратно срезал белые, горько пахнущие хризантемы.

— Да, работа хороша, — ответила Лиза. — Но знаете, за всю жизнь мне никто не подарил букета. Ни разу.

— Вот как, — девушка увяла и не нашлась, что ответить. И сочувственно взглянула вслед, когда Лиза захромала к кассе.

Эти сочувственные взгляды Лиза ощущала спиной. Не то чтобы она обижалась или переживала. Она жила с неисправимой ущербностью, как помятый цветок, который выкинули из пышной праздничной вазы, но заботливо поставили в простенькую молочную бутылку на кухне. Если уж тебе дана вот такая жизнь — то, наверное, именно ее тебе и стоит жить, не мечтая о другой. Лиза старалась брать пример с Густава и не думать вовсе. Но только — не думал он или думания его не оставляли следа на неподвижном, безэмоциональном лице? Если Лиза то и дело вспыхивала, всплескивала руками, охала, улыбалась или грустила, то флегматик Густав напоминал колодец, закрытый крышкой. Черно, тихо, пусто. А может, и не пусто. Может, недоступно чужим глазам, потаенно, как куколка плодоярки в скрученном яблоневом листе.

Приближалось рождество. По серому небу плыли облака — толстые перовые подушки. То и дело подушки лопались и рассыпались снегом, и тогда Густав вооружался деревянной лопатой и расчищал дорогу к магазину. Случалось, замерзал и не звонил дверной колокольчик. При входе стараниями Лизы появились толстый коврик для ног и щетка, чтобы обтряхивать припорошенную одежду, на двери — венок из остролиста. А в холодном темном подвале ждали своего часа пророщенные луковицы. Горшок за горшком Лиза переносила в



тепло, на свет, и цветы просыпались: гиацинты и нарциссы — через две недели, шафран — через три дня, а бело-голубые и фиолетовые крохи — карликовые ирисы раскрывались прямо на глазах через несколько минут после того, как оказывались в жарко натопленной, освещенной комнате. Ну не чудо ли? Цветы смотрели за окно удивленные: зачем так бело на улице? И зима словно бы вглядывалась в эти яркие пятнышки лета, что по чьему-то своеволию ожили не в срок. От ее студеного взора потрескивали стекла в рамах, и Лиза ежилась, укутываясь в платок, а Густав подбрасывал в камин еще поленце.

За несколько дней до рождества Густав притащил с базара пушистую елку с заиндевелыми лапками. Елка оттаяла, отогрелась и наполнила магазинчик, от подвала до мансарды, смолистым лесным запахом. Ее водрузили в ведро с песком, укрепили и принялись наряжать. Лиза стояла на стульчике, Густав подавал ей игрушки, изо всех сил стараясь ничего не сломать и не разбить. С особой нежностью он брал стеклянные шарики: одной рукой держал, а другую ладонь подставлял снизу, боясь уронить. Атласных, расшитых стеклярусом ангелочков и фей хватал за крылья, словно провинившихся насекомых, и протягивал Лизе ножками вперед. И с озадаченным видом глядел на золоченые орехи и длинные полосатые леденцы: для чего вешать на елку, если можно сразу съесть?

— Зачем это? — спросил он про омелу, висящую под потолком.

— Традиция, — улыбнулась Лиза. — Двое, встретившись под омелой, целуют друг друга.

Густав наморщил брови. У него был вид человека, впервые встречающего рождество. Лиза хотела спросить его об этом, но не решилась.

Валентин прихорашивался. Завязал галстук каким-то невысказанным узлом, намочил вечно всклокоченные волосы, отчего они минуту лежали ровно — пока не просохли. Потрепанный фрак, явно с чужого плеча, висел на нем и топорщился складкой вдоль спины. Елку Валентин словно и не замечал. И даже когда Густав и Лиза, нанизывая бусы, грохнули на пол и рассыпали коробку красных бусин, и бусины со стуком раскатились по всему магазинчику, даже и тогда садовник не проронил ни слова.

Потом Лиза отправила Густава в подвал за вином, а сама подкараулила Валентина под омелой. Они столкнулись лицом к лицу. Садовник, как обычно, витал в облаках и даже не думал взглянуть на потолок.

— Может, ты позволишь мне пройти? — не очень любезно осведомился он.

— Да-да, конечно, — проговорила Лиза, и щеки ее зарделись.

Он поднял голову, хмыкнул.

— А знаешь ли ты, Лиза, что омела — это паразит, сосущий соки из ни в чем не повинных деревьев? — спросил он сухо и шагнул в сторону. Лиза не знала, куда деваться от смущения.

— Я уже поставила запекать гуся, — срывающимся голосом произнесла она. — И... ты не помнишь, где праздничные салфетки? Я обыскалась...

— Лиза, да какие салфетки, я не ужинаю нынче дома, — рассеянно ответил он, надевая пальто и перчатки.



Тут из подвала появился Густав с пыльной бутылкой в руках, и одновременно с ним в магазинчик вошла трюфельная барышня, раздумывая, изысканно упакованная — ну точь-в-точь долгожданный подарочек под елкой. Она прятала руки в меховой муфточке, из-под капюшончика ее рыжей шубки привычно и очень упорядоченно выбивались локоны, а на сапожках с меховой оторочкой не белело ни единой снежинки. Ну да конечно, такие красавицы разве ходят пешком? Наверняка под самым порогом ее ждали сани.

Валентин бросился навстречу, и они столкнулись под раскачивающейся омелью.

— Каков хитрец, — усмехнулась барышня и поцеловала Валентина. Лиза вспыхнула и отвернулась. Густав снова задрал брови на лоб. А парочка уже удалилась, хлопнув дверью и оставив после себя смешанный запах мороза и дорогих духов.

— Она похожа на конфетку, — проговорила Лиза печально.

— Не люблю сладкое, — отозвался Густав.

Они посмотрели друг на друга. Лиза вздохнула, провела задумчиво рукой по рукаву Густава, кивнула ему и ушла в зимний сад, где дремали под лапником розы. Хорошо цветам зимой. Их укутывают еловыми веточками, обвязывают соломой, укрывают сухим древесным листом. Ах, если б вот так же укутать, охранить сердце от холодной, неразделенной любви. Лиза брела по заметным дорожкам, черпала башмаками снег и не замечала этого. А Густав наблюдал за ней сквозь оконную наледь, и кулаки его сжимались. Очень редко он чувствовал такую бессильную злобу, как сейчас. И ведь не на ком ее выместить. И Лизу, и Валентина он нежно любил. А трюфельная барышня — что с нее взять? В конце концов, на ее месте могла очутиться и другая. Не в этом дело. А вот в чем, он не умел понять, не мог, и от этого мрачнел все больше. Медлительный и неповоротливый, Густав был особенно неуклюж в обращении с девушками. Он отлично разбирался в орехотворках и крестоцветных блошках. Каким-то невидимым третьим ухом слышал, как с чавканьем поедает луковицу тюльпана жесткие, как проволока, личинки шелкунов. Умел заглянуть под лист и найти там притаившуюся гусеницу совки или тлю. А вот заглянуть в душу девушки и понять ее затейливые девичьи горести — о, как же это оказывалось сложно для него. И он пасмурной тенью ошивался рядом с Лизой, темнея или светлея следом за ней, зеркалом отражая ее настроение.

Они прождали Валентина до позднего вечера — и только к полуночи сообразили, что он не вернется из гостей. Горели свечи на елке, остывал нетронутый гусь, лежали молчком в комодке так и не найденные Лизой праздничные салфетки.

Часы били двенадцать.

— Загадывай желание, Густав, — проговорила Лиза печально. — И я загадаю...

— А сбудутся? — спросил он, осторожно держа в лапе хрупкий хрустальный бокал с вином.



— Сбудутся, — кивнула Лиза. — Когда расцветут черные розы... Что же, с Рождеством... Там, под елкой, я приготовила тебе подарок. Утром развернешь...

Криво улыбнувшись, Густав сделал таинственное лицо (накануне он долго репетировал эту гримасу перед зеркалом) и достал из кармана знакомый пакетик.

— Волшебные семена! Ты взял их без спроса? Валентин знает? — ахнула Лиза.

Густав кивнул, потом покачал головой, потом запутался и жалобно взглянул на Лизу.

— Ладно, но только по одному, — согласилась она. — Ведь семена нужны Валентину для экспериментов! Мы не можем тратить их на пустячные развлечения.

Бесцеремонно отодвинув гуся, они поставили на стол два горшочка с землей и посадили каждый по семечку.

— Ведь придется ждать утра? — с сожалением спросила Лиза.

— Нет. Закрой глаза и думай, — выговорил Густав непривычно длинную фразу и взял девушку за руки. Они старательно зажмурились и слышали только дыхание друг друга, потрескивание мороза за окнами, да иногда выстреливала искорка в камине. Но потом вдруг тишина неумовимо изменилась. Как будто в комнате появился кто-то еще и, не дыша, затаился с легкой улыбкой. И запах появился, какой-то неумовимо знакомый, теплый летний запах... Они оба почувствовали это, не открывая глаз.

— Теперь можно? — несмело спросила Лиза, с сожалением забирая руки из огромных теплых ладоней Густава.

— Угу, — вздохнул он.

И верно, семена уже проросли. Цветок Лизы клонил на тонких стебельках тяжелые, пунцовые кувшинчики, до краев наполненные густым земляничным ароматом. Лиза не удержалась, погладила один кувшинчик — и с коричневых тычинок брызнул ей на пальцы сладкий нектар. А у Густава снова не вышло жаркой красной розы, и он хмуро разглядывал свои цветы, похожие на обглоданные рыбы хребетики. Они тихонько постукивали косточками и шевелили хвостами. Хорошо хоть, рыбой от них не разило.

— Надеюсь, Валентин не рассердится, — проговорила Лиза. — Поздно уже. Пора спать.

Загасив свечи на елке, Густав пошел закрывать на засов двери в сад, а Лиза, помедлив, заперла входную дверь в магазин. Вряд ли Валентин вздумает вернуться среди ночи. Он и не предупреждал. И не оставлять же дом раскрытым. Рождество Рождеством — а недобрых людей всегда хватает. Задумавшись на ходу обо всем этом, Лиза сама не заметила, как врзалась в Густава, который с чего-то вдруг встал на ее пути. И уж конечно же, стояли они под омелой. Можно даже не задирать голову на потолок, и так все ясно. Традиции, будь они неладны.

Густав смотрел на Лизу и верил, что сейчас, вот-вот, случится чудо. А Лиза смотрела в сторону и понимала, что сейчас расплачется.



— Спокойной ночи, — наконец, сказала она и первая ступила в сторону. Густав понял, что чудо откладывается, — вероятно, до той самой поры, когда наконец расцветут розы. Те самые, черные.

Впрочем, одно чудо все-таки случилось. Рождественская елка пустила корни, и Лиза поселила ее в саду, вопреки протестам Валентина.

— Отвезите ее в лес, — говорил он хмуро. — Зачем нам елка? И так цветы сажать некуда!

— В лесу она не приживется, — упрямо твердила Лиза, и, в конце концов, садовник сдался.

— Делай как знаешь, — бросил он в раздражении. И Лиза с Густавом потащили спасенную елку туда, где для нее была уже заранее, самоуправно, вырыта ямка. Валентин демонстративно кривился каждый раз, когда они все вместе выходили в сад и натыкались на яркие свеженькие колючки.

Но потом пришла весна, проклюнулись из земли тюльпаны, потянулись покупатели за первоцветами, за луковицами да черенками, и садовнику стало не до елки. Так она и росла себе, пушилась да зеленела, став еще одной примечательностью в и без того примечательном саду.

Лил дождь. Именно благодаря дождю магазин отдыхал от покупателей в разгар продаж — летним воскресным днем. Никто не требовал срочно нарезать сотню алых роз, сплести из них сердце и отправить по такому-то адресу. Никто не просил ромашек с нечетным количеством лепестков, и даже букетик незабудок с траурной ленточкой никому не надобился.

Лиза стояла с чашкой у раскрытой двери в сад и с удовольствием наблюдала, как дождь барабанит по забытым лейкам и тямкам, как тяжелеют от влаги желтые помпоны георгин, клонятся к земле переполненные чаши лилий. Медленно размокают дорожки, выползают дождевые черви. А внутри июньского бахромчатого тюльпана, перемазавшись в пыльце, беспомощно жужжит шмель, и сидеть ему там, пока не выглянет солнце и цветок снова не раскроется.

Хорошо, что на свете есть дождь. Он выстукивает тихую музыку, под которую хорошо размышлять и делиться секретами. Он приходит с большой лейкой и поливает грядки, дает отдохнуть садовнику. Можно заварить душистый чай, снять салфетку с горки птифуров и сидеть за столом, лениво переговариваясь. Сметать ладонью крошки. Рассеянно помешивать остывший чай, замечтавшись или увлеченно споря. И ведь у каждого — особые причины любить дождь. Валентин радуется, что цветы напились воды. Густав радуется, что не придут посетители и не отвлекут Лизу. А Лиза радуется просто так, потому что любит дождь, так же, как любит и поливать цветы, и разговаривать с покупателями, и печь птифуры. Трудно вообще придумать, что не любит Лиза, что может вызвать на ее лице сердитое выражение. Трудно — да и не надо. Зачем думать о грустном в такой хороший денек.

— Один садовник объявил, что вырастил черную розу, — сообщила Лиза. — А потом оказалось, что роза всего-навсего темно-бордовая, и его под-



няли на смех, а он клялся, что на будущий год уж точно вырастит черную розу, черную, как сажа.

— Неужели черную? — язвительно переспросил Валентин. — Хотел бы я знать, как ему это удастся, если у розы нет пигментных генов, отвечающих за черный цвет! Шарлатан! Черных роз не бывает в природе!

— И никак нельзя вывести их? — удивилась Лиза.

— Можно, — недобро усмехнулся Валентин. — Но вряд ли тебе понравится способ. Корни осторожно надсекаются, подшittyваются маренговой краской, плотно перевязываются и присыпаются землей. Цветы получают черные, но очень быстро гибнут.

— Бедные розы! В шею гнать таких селекционеров! — возмутилась Лиза.

— Это не селекция, это обман! — пожал плечами Валентин. — Порядочный человек никогда не позволит себе такие манипуляции.

— Говорят, на выставке устроят фейерверк из лепестков лотоса, — помолчав, продолжила девушка. — А еще там появится танцовщица, одетая только лишь в тропические орхидеи!

— Все это дешевые эффекты, Лиза, — рассердился садовник. — Халтура, рассчитанная на таких простушек, как ты. Я покажу всем, что такое настоящее искусство. Я выращу уникальные цветы из наших волшебных семян!

— Хочешь потратить все семена сразу?

— Не знаю. А какая разница? — спросил он рассеянно.

Тут к магазину подкатил экипаж, из него выскочила тонкая фигурка и, прячась под зонтиком, вбежала в магазин. Лиза и Густав нахмурились — это была та самая трюфельная красавица, только теперь локоны выбивались из-под нежной кремовой шляпки, а платье цвета молотой корицы источало аппетитный кофейный аромат.

— Мерзкий дождь, — проговорила она, рассматривая промокшие туфельки.

Садовник вскочил, чуть не разбив чашку.

— Какая приятная неожиданность! — воскликнул он. — Лиза, быстро кофе! Густав, растопи камин, не видишь, наша гостья продрогла!

— Не стоит беспокоиться, я тут не задержусь, — барышня уставилась на цветок Густава, с рыбьими хвостиками. — Господи, какое уродство!

Хвостики сразу поникли.

— Ах, это так, сорняк, выращиваю ради селекционного интереса, — стал оправдываться садовник. — Милая, ты торопиться?

— Меня ждут, — она повернулась к витрине и послала воздушный поцелуй кому-то, кто прятался в экипаже. — Пожалуйста, пять алых роз и шестую, для бутоньерки.

Садовник замер, пораженный.

— Что смотришь? Думал, я собираюсь всю жизнь с тобой встречаться? Мечтаю стать садовницей? Иметь под ногтями землю не так уж и привлекательно, дружок.

— Но как же? Я надеялся, мы поженимся, — проговорил Валентин.



— Когда расцветут черные розы, — насмешливо ответила она. — Ну, принесет мне кто-нибудь цветы или нет?

— Я сам, — и садовник вышел под дождь, не взяв ни плаща, ни зонтика.

Когда экипаж укатил, все долго молчали. Густав уткнулся в окно, садовник в другое, а Лиза, словно нарочно, гремела посудой, собирая на поднос пустые чашки и блюда.

— Какой цветок ты хочешь вырастить для выставки? — спросила она.

— Черную розу, — ответил Валентин мрачно.

До выставки оставалось две недели.

Легко сказать — черная роза. На деле задача очутилась нерешаемой. Волшебные семена улавливали настроения, тончайшие оттенки потаенных чувств и эмоций, а вот форму околоцветника, окраску лепестков и прочие нюансы выбирали, не советуясь с садовником. Какую только черноту не представлял себе Валентин, — густой маслянистый деготь, бархатную кротовую шкурку, тусклые и блеклые прогоревшие угли, — вся она рассеивалась и исчезала, стоило новорожденным цветкам раскрыться. Эти причудливые создания даже отдаленно не походили на розы. Они трепетали на ветру белыми перышками, словно пытались улететь в небо. Рассыпали золотисто-оранжевую пыльцу из толстеньких наперстков. Поблескивали зеркальными листьями, отражая солнечный свет и недовольную гримасу садовника. Громадные и крохотные, звездчатые и блюдцевидные, салатные и лиловые.

А ему нужна была черная, черная роза.

Разозленный неудачей, как-то с утра Валентин вышвырнул все неудавшиеся цветы из окна. На шум выбежала Лиза. Глиняные черепки, рассыпанная земля — перед магазином стало на редкость неуютно.

— Ты что наделал!? — возмущенно воскликнула девушка. Не удостоив ее ответом, садовник с грохотом захлопнул окно.

Покачав головой, она собрала пострадавших в передник, а потом поставила в воду. Неправильного, к счастью, не произошло, и живучие волшебные растеньица все до одного отпустили новые корешки. Через пару дней Лиза нашла им местечко в укромном уголке сада, там, где кустились гипсофила и спаржа — неприметные веточки для оформления букетов. Валентин редко забирался туда и в лучшие времена, — а сейчас он и слона бы на грядках не заметил, не то, что пару новых цветочков.

Раздраженный и пасмурный, садовник бродил среди клумб, распугивая покупателей и не глядя по сторонам. Проползали навстречу слизи, оставляя за собой серебристую дорожку. Сыпались из коробочек никому не нужные семена дицентры. Желтели листья ириса, еще немного — и придет пора выкапывать луковицы. Пестрели фантики от конфет в компостной яме. Но все это теперь Валентина не волновало. Он смотрел на посадки равнодушными, отстраненными глазами, сердце его сжималось от боли, и он с горечью думал: «На что мне эти цветы, если я не могу создать черную розу?»



За день до выставки Лиза сходила на рынок и, как водится, принесла вместе со снедью ворох сплетен. Когда часы пробьют полдень, по городскому каналу поплывет ладья, полная белых лилий, а править ею будет ангел. В небо поднимется воздушный шар, увитый гирляндами маргариток. А еще, говорят, кто-то вывел редкостный голубой тюльпан — и именно ему вручат в этом году медаль. Густав хмыкал, качал головой, удивлялся. А садовник молчал, сжимая в руке пустой пакетик от волшебных семян. Не прикоснувшись к ужину, он вернулся в кабинет и вытряхнул на ладонь последнее семечко.

Прометавшись всю ночь в смутных неприятных сновидениях, с утра Валентин проснулся совершенно измученным. «Если черная роза снова не удалось, то остается вышвырнуть горшок из окна и следом выброситься самому», — обреченно подумал он, подходя к подоконнику. Увиденное не обрадовало: крепенький стебелек, маленький бутон, глянцевого, еще клейкие листики, — и никакого отношения к семейству розоцветных. Впрочем, росточек был еще совсем не оформившийся, какой-то неуверенный. Он как будто медлил, выбирал, прислушивался к внешнему миру в ожидании подсказки. Что оставалось делать? Только ждать. Валентин стоял над ним, поглядывал на часы, выстукивал пальцами полузабытый танцевальный мотив. Ах, как лихо он отплясывал когда-то, а его возлюбленная смеялась и хлопала в ладоши. Он сам не ожидал от себя такой прыти. Втрескался по уши, как мальчишка, из кожи вон лез, чтобы угодить, обрадовать, удержать. Розы дарил охавками, каждое утро посылал корзину свежайших, в росе, с золотистой карточкой... В рождество, на ужине у ее родителей, он сделал предложение — по всей форме, с вставанием на колени и целованием руки. Она только улыбалась, а папенька ее проворчал в усы: «Такие дела обмозговать надо», и ясного ответа Валентин так и не получил — пока не услышал издевательское «когда расцв

етут черные розы». А может, он зря расстраивается, и это испытание на прочность чувств? Или все гораздо банальнее: любила, любила — да и разлюбила? Выбросила, как надоевший цветок? Он поморщился от этих колючих, тоскливых мыслей, обхватил себя руками, словно в ознобе, — и увидел, что у растения утончился стебель, прорезались шипы, а лепестки сжались и вытянулись, прячась друг за друга, и стали наливаясь чернотой, как будто кто-то пролил на них бутылочку чернил.

Тут, как всегда, без спроса, в комнату шумно ввалился Густав.

— Там в саду..., — начал он.

— Сколько раз я просил тебя стучаться? — неожиданно для самого себя злобно крикнул садовник. — Я занят, я провожу важный эксперимент! Пошел вон!

Густав непонимающе смотрел на него. Потом пожал плечами и ушел, по привычке сдвинув хмуро брови. «Уж конечно, обиделся. Нашел время, недоумок», — сердито подумал Валентин. И замер, обрадованный: лепестки у новорожденной розы потемнели еще сильнее, словно тень наполнила на бутон.



— Давай, давай, — подбадривающее прошептал Валентин. — Мы им всем покажем! Они у нас еще поплачут! Черней, милый мой, черней!

И цветок старательно чернел. Он все впитывал в себя: воду, гормоны роста, злые слова и редкие лучики солнца. Он колебался. Такие разные и переменчивые настроения у людей в этом доме. Густав откровенно сердился, и роза послушно приняла в себя его густую, вязкую, как патока, злость. Садовник тешил и лелеял внутри себя клубок ревнивых сомнений и обид, и роза выпивала, разматывала их, ниточку за ниточкой, — горькие, ядовитые, недобрые мысли. Но вот, робко постучавшись, в комнату заглянула Лиза. Мысли девушки, светлые и переливчатые, как вода беззаботного лугового ручейка, удивили и обрадовали цветок. Оказывается, можно быть и таким, теплым, любящим, спокойным. Он примерял на себя новые эмоции, выбирая и прислушиваясь, и они ему очень даже понравились.

— Послушай... Я хотела поговорить с тобой по поводу выставки ...

— Не мешай мне, закрой дверь! — вспыхнул садовник. Он неотрывно глядел на розу и видел, что ее лепестки вдруг стали белеть.

— Не принимай так близко к сердцу...

— Оставь меня в покое, хромоножка! — в сердцах крикнул он. Лиза дернулась, как от пощечины, глаза ее стали большими и влажными. Цветок в горшке поежился. Как быстро меняются эмоции людей! От солнечного луга не осталось и следа, мысли девушки стали вдруг холодными и зябкими, как зимний вечер, когда прогорело последнее полено в очаге и сквозь незаконопаченные стены пробирается в дом ледяная тьма.

Лиза поспешно скрылась за дверью. Садовник с досадой стукнул кулаком по столу. Обернулся — и увидел, что роза расцвела.

Свежевыбритый, с полотенцем на шее, садовник торопливо причесывался перед зеркалом. Надо спешить, конкурс цветоводов вот-вот начнется. Валентин не сомневался, что победит. Еще бы. Они рты раскроют и позабудут захлопнуть, когда увидят черную розу. «Это невозможно! — воскликнут они». И когда Валентин будет стоять с медалью на шее, в толпе мелькнет знакомое лицо, и тогда он громогласно объявит: «Я взрастил это чудо для моей невесты, для самой прекрасной девушки города!» — и что ей останется, как не подняться на сцену? Он свирепо улыбался, предвкушая триумф. Она не посмеет прилюдно отказаться от данного слова.

Он прислушался. Как тихо в магазине! Ни одного покупателя за день — и не диво: сейчас на площади настоящий цветочный базар, букетики и бутоньерки на любой вкус, почтенная публика, все самое красивое — и только для вас! Лиза собиралась с утра уйти туда с лотком фиалок, как всегда, — но нет, осталась дома, старалась не попадаться на глаза, тихонько прибиралась в кухне. За завтраком девушка была порядочно заплакана, и Густав смотрел хмурее обычного, все молчали, и садовник подумал даже: а вдруг они уйдут, бросят магазин? И тут же грубо перебил сам себя: да пусть ухо-



дят, что я, уборщицу не сыщу, работника нового нанять не сумею? Это настолько второстепенно, что не стоит внимания, особенно сейчас.

Конечно, Валентин нервничал. Тысяча обстоятельств могла помешать его дерзкому плану. Вдруг его возлюбленная просто-напросто не придет на праздник города? Приболеет, уедет к тетушке на именины, закапризничает из-за порванного чулка. Или польет дождь и размочит всю праздничную мишуру. А не то из-за малого количества участников возьмут да и отменят соревнования цветоводов, и тогда не подняться Валентину на сцену, не произнести победительную речь. Хотя вот этого не стоит опасаться. Не бывало еще случая, чтоб не нашлось желающих побороться за победу. Всякий, кто высадил около дома пару черенков, кто по субботам тяпкой в огороде ковырялся, — мнил себя выдающимся селекционером. У одного тюльпаны «пестрым лепестком» заболеют, появятся на цветках светлая штриховка, — а он туда же, суетится, шампанское открывает: мол, создал новый сорт! У другого на гладиолусах капуста похозяйничает, бутоны погрызет, — а он гордо заявляет, что вывел-де уникальные дырчатые цветы! Тьфу, неудачники. Разве может кто-то из них соперничать с ним, с Валентином?

Он приосанился. Сделал самое горделивое выражение лица, какое умел. Вот так он встанет, откинёт волосы с лица и проникновенно изречет... Но он не успел придумать и первых слов, потому что в этот момент колокольчик звякнул, и в магазин вошла она, его неверная возлюбленная. Как всегда само совершенство, в пышном абрикосовом платье и лаковых тупоносых туфельках, завитая и припудренная, точно ручной работы кукла из дорогого магазина игрушек. И Валентин сразу вспомнил, что стоит полуодетый, без сюртука, в нелепых подтяжках, с идиотской ухмылкой на устах.

— И что же это за новые обстоятельства? — спросила красавица, подойдя к нему. — Учти, я пришла исключительно из любопытства, а не поддавшись уговорам твоего несуразного письма.

— Но я не писал тебе писем, — растерянно проговорил Валентин.

— А это, по-твоему, что? — она протянула ему конвертик. Валентин бегло просмотрел строчки, написанные незнакомым кудрявым почерком. Женская рука, женская. Недовольно он обернулся в сторону кухни. Вот ведь, и кто просил вмешиваться? Доброжелательница выискалась... Он справился бы и сам, он провернул бы блестящую многоходовку, сыграл бы на тщеславии, покори́л бы триумфом — и теперь вот, все сломлено, вместо триумфа несвежая рубашка и отсутствие козырей в рукаве. Хотя, может, так оно и лучше? А вдруг бы ему все-таки отказали бы? «Я не твоя невеста, неудачник!» — и толпа глазее́т с жадным интересом, жалостью, презрением, насмешкой. А ведь, пожалуй, это и к лучшему. Ни к чему такие разговоры на публике разговаривать.

— Минуту, — проговорил он, сменяя письмо. — Один миг! Никуда не уходи! — и, перепрыгивая ступеньки, бросился наверх, в кабинет. Снял, наконец, с шеи это дурацкое полотенце, напялил сюртук, пригладил волосы, срезал розу и, держа ее за спиной, бегом вернулся в магазин. Барышня скусающе крутила в руке перчатки, недовольно поджимала губки. А за прилав-



ком — вот тебе здравствуйте — как ни в чем не бывало устроилась Лиза и с увлечением листала кулинарную книгу. И Густав, чурбан, примостился у открытой двери в сад, смоллил сигаретку. Нарочно они, что ли? И Валентин понял, что да, нарочно. Не по любопытству или нетактичности, а именно что намеренно мешают, хотят сбить и скомкать сцену его любовного объяснения. Ну так ничего у них не выйдет!

— Ты долго молчать будешь? — капризно проговорила красавица. — Я на танцы опоздаю!

— Я тебя не задержу, — сказал он. Так, так, спокойно, надо взять себя в руки. — Ты обещала выйти за меня замуж, когда расцветут черные розы. При свидетелях обещала. Помнишь?

— И что же, они расцвели? — ядовито спросила она.

Валентин торжественно опустил на колено и протянул ей черную розу. Он разного ожидал: восторженных слёз («ах, неужели это все ради меня?!»), изумленных, широко распахнутых глаз («но каким чудом тебе это удалось?!»), недоверчивого молчания («надо же, как он меня любит, и зачем я с ним так жестока?!») — но того, что последовало, он не ожидал вовсе.

Красавица брезгливо взяла цветок, покрутила в руках — и бросила садовнику под ноги.

— Что за подделка? Чернилами ты ее поливал? Или скрутил из папье-маше? — проговорила она язвительно. — Разве это черная роза? Это уродец какой-то. Она и не пахнет! А черной розы не было, нет и никогда не будет!

— Ты обещала, — сквозь зубы повторил он.

— Ах, обещала? — она недобро усмехнулась. — Но и ты обещал кое-что, дружочек. Обещал, что я стану хозяйкой дома, сада и магазина. А выяснилось, что ты ничем этим не владеешь! У тебя даже имя поддельное!

Валентин изменился в лице.

— Да-да, — продолжала она. — Мой отец навел справки и все узнал! Земля и дом принадлежат ему, — она указала пальчиком в сторону угрюмого Густава, — а ты всего-навсего приемыш, привеченный из страха за то, что угаснет любимое дело. Старому Валентину часто улыбалась удача, вот только с сыном-кретином ему не повезло. И чтобы после смерти отца сыночек не попал в сумасшедший дом, старик совершил искусную подмену. Ты стал садовником — а взамен поклялся до конца жизни присматривать за дуррачком. Ваш обман так бы и не раскрылся, если б тебе не взбрело в голову жениться на девушке из порядочной семьи! Решил нас обмануть, но не вышло!

Позабыв про кулинарную книгу, Лиза повернулась к Густаву. На его флегматичном лице, как обычно, не отражалось ни полмысли, ни четвертинки эмоции.

— Ты знал это?! — прошептала она.

Он пожал плечами, что на его языке означало «да, ну и что с того?».

Лиза не знала, что и думать. Все это очень походило на правду. Так легко было представить себе детство Густава. Медлительный, спокойный, на-



верняка он поздно начал разговаривать, избегал общества и целыми днями просиживал один в саду. Возился с божьими коровками, собирал гусениц, строил песочные крепости. Бедняга даже родному отцу казался отсталым и недалеким, умственно больным. Единственный, поздний ребенок, самая большая надежда старого садовника — и самое большое его разочарование. И так уж совпало, что старику на глаза все время попадался пряткий, смысленый мальчонка, сын кухарки или внучок домработницы, а может, прибившийся к гостеприимному дому сирота-бродяжка. Он крутился в саду, помогал, расспрашивал, знал наизусть названия цветов и мечтал вырастить голубой тюльпан. Наверное, не раз думал старик с горечью: «Ах, почему это не мой сын?». Поразмислил, посомневался — да и принял мальчика в семью. А что об этом думал Густав? Неужели ему все равно, что из двух имен, данных при рождении, у него осталось одно, то, что покороче? Неужели он никогда не хотел стать прославленным садовником? А даже если бы и хотел, то что он мог изменить? Хорошо хоть, что после смерти отца остался жить в доме, мог заниматься садом. И, наверное, толком не понимал, что там написано в бумажках и на чьем имени стоят печати.

А Валентин разозлено закричал:

— У Густава нет склонности к цветоводству! Он грандифлору от флорибунда не отличит! Идиот, недоумок, только и умеет, что жуков пальцем давить! Дело садовника Валентина угастро бы, если б не я! Я спас этот сад, я посадил там тысячи новых цветов! Покойный отец Густава был бы мне только благодарен!

— Меня не интересует эта сентиментальная чушь, — перебила его красавица. — Я знаю одно: чтобы стать хозяйкой магазина, нужно выйти замуж за него, — она снова ткнула пальцем в Густава. — А ты ничтожество, не имеющее ни гроша за душой.

Она повернулась, чтобы уйти, — но зацепилась за что-то. Чертыхнувшись, взглянула вниз — и взвизгнула от страха. Потому что на полу больше не валялась выброшенная, отвергнутая роза. Там, обильно политый злыми речами, удобренный насмешками, подкормленный злобой, чернел и щерился колючками маленький шипастый лес. Никакая вода не понадобилась, чтобы невесть откуда взявшиеся корешки прочно вросли в пол и брызнули вверх новые побеги, толстые, колючие. И разрастался этот лес, что самое ужасное, вокруг пышной, складчатой, абрикосового шелка, юбки. Юбки, за которую уплачены деньги не просто огромные, а откровенно неприличные. Юбки, которая должна была нынче на танцах шуршать, обнажать стройные щиколотки и покорять сердца, а вместо этого неотвратимо превращалась в лохмотья, вспарываемая острыми шипами...

— Болван, твоя дурацкая роза испортит мой наряд! — барышня присела на корточки, попыталась отцепить от подола приставучие веточки, и охнула, уколовшись. А роза, попробовав крови, хищно рванулась за добавкой, поползла по юбке, словно причудливая уродливая вышивка, игольчатые листья вцепились в ткань, и ткань жалобно затрещала.



— Что это, что это такое?! Что за чертовщина?! — истерично завопила барышня. Тут уж и Валентин, наконец, взглянул долу. И привстал на стульчике Густав, и перевесилась через прилавок Лиза, не удержав любопытства. Картина их взору открылась страшноватая: колючие стебли, как цепкие лапки, карабкались по абрикосовому шелку, и платье уже перемазалось кровью, и висели нитки да лоскуты, а цветки с острыми зубчиками (а может, зубками?) на краях лепестков уже чернели на корсаже и тянулись к хорошенькому личику. Впрочем, теперь личико не было хорошеньким, его искажил страх. С натужным пыхтением красавица пыталась освободиться, рвала цветы, ломала стебли, — но лишь ранила пальцы, и падали красные капли на лаковые светлые башмачки.

— Хотела черных роз? Так получи, — проговорил Валентин.

Уж конечно, он не ожидал подобного исхода. И уж конечно, не радовался. Но какое-то странное, горькое удовлетворение зрело в глубине его души. И казалось, будто так и надо, будто совершается справедливое возмездие. Он устало махнул рукой и сел прямо на пол, и закрыл руками лицо. Пусть все идет своим чередом.

— Прикажи ей остановиться! Она же меня задушит!

— И пускай, — отозвался Валентин, не отнимая ладоней от лица.

— Ну хорошо, хорошо, я согласна! Я выйду за тебя замуж! Ты же этого хотел? Теперь вели ей остановиться!

— А я тут ни при чем. Она сама. Ты ей не нравишься, знаешь ли. Ты ей противна. И мне тоже... теперь...

— Да что ж ты за человек такой? — не выдержала Лиза. Вскочил Густав, опрокинув стул, но Лиза увернулась от его рук, схватилась изо всех сил за упругие стебли и потянула на себя. Роза, не ожидавшая такого коварства, ослабила хватку, вырвала на прощанье еще пару лоскутов абрикосового шелка и — то ли послышался легкий вздох, то ли Густаву померещилось? — отцепилась от жертвы. Вскрикнув, обе девушки повалились на землю.

Ах, как ужасно теперь выглядела некогда самая прекрасная девушка города! Платье в лохмотьях, вместо локонов — каша на голове, шляпка съехала на затылок, на носу яркая малиновая царапина. Теперь барышня совсем не походила на аппетитный трюфель. Брошенное воронье гнездо, пучок пакли, рванье в тележке старьевщика — вот что теперь приходило на ум при виде нее.

— Я подам на тебя в суд! Я вызову полицию! Ты так просто не отделаешься! — закричала она — и умолкла, потому что Валентина в магазине не оказалось. Куда он делся? То ли выскользнул за дверь, загадочно замолчав колокольчик, то ли прошмыгнул мимо Густава в сад, — никто не знал, но факт оставался фактом: садовник исчез без следа.

— Вы за все заплатите, — прошипела барышня. Поднялась, отряхнулась и ушла. Не на танцы, конечно, а улочками, переулочками, домой, жаловаться папеньке, пить лавровишневые капли и приходиться в себя.

Лиза сидела на полу, среди стремительно усыхающих колючих стеблей и растерзанных бутонов. Ее руки и платье были в крови, а по лицу текли сле-



зы, и даже недогадливый Густав понимал, что дождь в этот раз уж точно ни при чем. Один стебелек с измятой, но уцелевшей черной розой, присмирив, дремал у девушки на коленях, и она будто бы баюкала его, мерно раскачиваясь под неслышимую мелодию.

— Густав, будь добр, принеси стакан воды, — всхлипывая, попросила Лиза.

Он опрометью ринулся на кухню, чуть не расколотил кувшин, смел по дороге назад две табуретки. Опустился на колени рядом с Лизой и думал напоить ее, как ребенка. Но Лиза со слабой улыбкой взяла у него стакан и поставила туда сломанный цветок.

В чистеньких витринах отражалось полуденное солнце. Золотели буквы на вывеске — как и много лет назад. «Надо же, не разорились без меня», — подумал Валентин то ли радостно, то ли горько. Приложив ладони к стеклу, отгородившись от солнечных лучей, он заглянул внутрь. Да, Лиза верна себе: по-прежнему ни одного зря срезанного цветка, все те же шоколадки и стульчики, и кулинарная книга на прилавке. Он потоптался нерешительно, надвинул шляпу на глаза и вошел. Тут же, заслышав звон колокольчика, из кухни появилась Лиза. Она вытирала руки полотенцем. «Котлетки, — потянув носом, определил Валентин. — Поджаристые куриные котлетки. Черт, как давно я не пробовал Лизиной стряпни!».

— Почем цветы, хозяйюшка? Хорош ли урожай? — спросил он хриплым потрескавшимся голосом.

— А каких цветов вам надо?

— Да сам не знаю. Мне бы сперва взглянуть.

— Валентин! — воскликнула она. Валентин вздрогнул от радости — но Лиза смотрела не на него, а на заднюю дверь. Там стоял рослый, неуклюжий мальчишка в соломенной шляпе. Он совсем не стеснялся незнакомца, улыбался, вертел в руках цапку.

— Ты до сих пор в земле копался? А уроки не выучены? Быстро умываться и за арифметику! — велела Лиза, притворяясь сердитой. Мальчик улыбнулся и скрылся в задних комнатах.

— Так что с цветами, хозяйюшка? Я тороплюсь, — проговорил он горько. Забыла... Лиза его забыла... И откуда здесь этот мальчишка? Неужто снова подобрали приемыша?

— Пойдемте...

— Ты не узнала меня Лиза, — укоризненно сказал он.

— Сразу же узнала, еще по шагам, за дверью, — ответила она все тем же ровным голосом. — Я только не догадывалась, что ты хочешь быть узнанным.

Он недоверчиво улыбнулся. Ах, Лиза. Все та же доброта в глазах, все тот же мягкий голос. Но пополнела, покруглела, обрела плавность движений. Недурно! И почему он раньше замечал только хромоту? Признаться, он считал Лизу дурочкой и простушкой, недостойной мужского внимания. И сейчас изумленно рассматривал ее: изменилась, как изменилась! «Кажется, она влюблена в меня», — вспомнил он довольно.



— Ты все хорошеешь.

Лиза, против его ожиданий, не смутилась, а усмехнулась спокойно этому незамысловатому комплименту. Слегка растерявшись, Валентин притянул ее к себе.

— Лиза, Лиза... Как долго ты меня ждала...

— Послушай..., — проговорила Лиза с какой-то новой, чужой интонацией. Он догадался взглянуть на ее руку. Увидел колечко на безымянном пальце. Ах, вот как? Убрав руки с ее талии, спросил хмуро:

— Позволь, я схожу в сад?

— Почему ты спрашиваешь? — удивилась Лиза. — Здесь же все твое. Мы с Густавом присматривали за магазином, пока ты... был в отлучке.

Ничего не ответив, Валентин вышел через заднюю дверь. Его обдало тысячей разноцветных ароматов, и он покачнулся, с непривычки пошла кругом голова. Родной, любимый, вдоль и поперек исхоженный сад. Такой же досмотренный, прополотый и политый, как раньше. И цветы, цветы! Все они тут, и его ненаглядная лиловая монарда, и душистая зеленоватая резеда, и смешной губастик, медный в крапинку. Он увидел ту самую злосчастную рождественскую елку, пышную, огромную, с обрывком золоченой цепи на верхушке, — и невольно скривился. Они что же, теперь рождество прямо в саду справляют? В карнавальные костюмы рядятся, хлопушки взрывают, пьют горячий пунш с кружочками апельсина? Он машинально взглянул под ноги в поисках апельсиновых корочек. Так-так. А хорошо придумано, черт возьми. Всюду снег, мерцают звезды, на елке дрожат огоньки. Лиза выносит из дому кувшин с душистым гвоздичным пуншем, все протягивают чашки, смеются, потом появляется Густав с фальшивой белой бородой, в красной куртке, он достает подарки из мешка и протягивает их тому непонятному мальчишке, и мальчишка нетерпеливо рвет обертку... Валентин поежился, так ощутимо вдруг потянуло декабрьским морозцем, и стало очень грустно, что они тут празднуют рождество без него, и что, вопреки его желанию, прижилась в саду эта дурацкая елка, разлапилась до большого дерева и отбрасывает уродливую тень. Впрочем, надо отдать должное, кто-то сообразил посадить в ее тени ландыши и купену.

Вздыхая и качая головой, Валентин принялся бродить по саду, отмечая то тут, то там новые, незнакомые сорта. Какой-то странный фиолетовый пион, какие-то диковинные пурпурные лилии с волнистыми листьями, а вот этого непонятного, на бабочкино крыло похожего, растения он и вовсе не знал. Ах да, постойте, это же волшебный цветок Лизы, самый первый. Словно уловив его внимание, крылышки приветственно затрепетали. Валентин огляделся и увидел все те необычные цветы, что когда-то появились из волшебных семечек. Они росли дружными семейками, каждый на своей любовно огороженной клумбочке, благоухали, покачивались под приятной тяжестью пчел, сыпали семена. И так уютно, так по-домашнему было в саду — но как будто это уже не его, Валентинов, сад, а чужой, соседский. И уже не садовником, не хозяином он чувствовал себя здесь, а всего лишь гос-



тем. Дорогим, возможно, даже долгожданным — но гостем, за которым исподтишка присматривает в окошко хозяйка — не утворил бы чего, не потоптал бы по незнанию грядок с рассадой...

На корточках у одной делянки сидел тот самый мальчуган в соломенной шляпе. Он рассматривал зеленые бокальчики тюльпанов, что готовились расцвести, и как-то очень знакомо хмурил брови.

- Летний сорт? — подойдя, спросил Валентин.
- Поздне-весенний, — не поворачивая головы, ответил мальчик.
- Здесь кислая земля. Подкармливаешь?
- Известь и зола, — так же быстро и словно нехотя ответил он.
- А сорт какой? Беянка? Рубиновое сердце?

Тут мальчик наконец обернулся и поднялся с корточек. В глазах его читалось снисхождение к глупому незнакомцу, что пристает с детскими вопросами и мешает работать.

- Это голубой тюльпан, — снисходительно пояснил он.
- Но таких не бывает! — засмеялся Валентин.
- Про черную розу тоже так говорили, — парировал мальчик.

Валентин вздрогнул.

— Черные розы? — повторил он. — Но тебе-то откуда известно? Тебя в те годы вообще на свете не было! Неужели история обрела огласку?

— Какая еще история? — нетерпеливо сказал мальчик и махнул рукой. — Вон они, там.

— Кто?

— Да черные розы! — он покачал головой и побежал к дому, навстречу Лизе, что стояла в дверях с нарочито-строгим видом.

С тяжелым сердцем, волнуясь, Валентин побрел в указанном направлении. Он увидел огороженную белыми камешками клумбу, большую, круглую, в самом центре сада. И там, на высоких подпорках, заботливо подвязанные веревочками, ветвились и пышно цвели черные розы. Неужто те самые? Валентин не рискнул приближаться к ним, но еще на расстоянии услышал — и немало удивился, — что эти розы пахнут. Несмело и робко, чуть-чуть выпуская аромат из тугих свернутых лепестков, словно спрашивая разрешения — можно ли им быть такими же, как другие цветы?

Сохраняя дистанцию, Валентин рассматривал их недоверчиво. Ишь ты, пахнут. Но это ничего не меняет. И он прекрасно помнит, на что способны эти невинные с виду создания. Тут надо держать ухо востро!

Неслышно к нему подошла Лиза.

— Как прикажешь это понимать? — спросил Валентин сердито и громко. — Эта роза сгубила мою жизнь, свела меня с ума, Лиза, ее надо выкорчевать, сжечь без остатка! Чтобы ни единого семечка, ни одного черенка! Нет, не зря тогда я швырнул пакетик в мусорную корзину! Я предчувствовал, что там одни огорчения и беды! Если б не извечное женское любопытство... — и он разошелся, и говорил все громче, и взял Лизу за руки, и, кажется, немного ее встряхнул, чтобы она лучше его услышала и поняла.



И сразу откуда-то из-за розовых кустов появился Густав, неизменный, высоченный, угрюмый. Он встал у Лизы за спиной, хозяйским жестом положил руки ей на плечи. На его безымянном пальце тоже посверкивало колечко. «Ах вот как?» — ошарашено подумал Валентин. Этого он не ожидал. Чтобы чурбан Густав женился, пусть даже на хромоножке? Ну знаете ли... Так получается, этот постреленок — их сын? Смышленный мальчишка. Из него выйдет толковый садовник. И снова Валентин ощутил себя лишним.

Когда была растоптана его любовь, когда раскрылась тайна усыновления, он бежал прочь из родного города, — такого маленького, такого чуткого до сплетен. Он не желал видеть сочувственные взгляды, слышать насмешки за спиной. Да и потом, Густав оказался не таким уж бесталанным садоводом — и не заслуживал второстепенной роли там, где по праву рождения должен был играть главную. Прикрывая великодушием жгучий стыд и опустошенность, Валентин решил совершить благородный поступок, и на это еще хватило сил. Но жить вдали от любимого сада — не смог. Не жизнь это оказалась, а тоска болотная. Скитаясь по свету, он каждую ночь видел во сне свой сад, — хотя и понимал, что не имеет на него никаких прав. Нанимаясь в садовники то там, то тут, он не мог найти покоя с самыми роскошными цветами, с самой плодородной землей. Его тянуло сюда, и вот он здесь, — но кажется, он здесь никому не нужен...

— Ты опоздал, — улыбнулась Лиза, невольно подтвердив его мысли, и он вздрогнул. А она повторила с улыбкой:

— Ты опоздал, по всем городским садам уже цветет «Черная роза от Валентина». Правда, это чудо? А твоя любимая поговорка вышла из моды. Теперь ее говорят только, чтобы показать глупость спорщика. И почему ты так возненавидел эту бедную розу? Она не виновата, что черная.

— Ты не понимаешь, Лиза! — с горечью сказал Валентин. — Этот цветок опасен! Он убивает вкус к жизни, лишает надежды! В моем сердце не осталось ничего светлого: все забрала черная роза! А ты держишь ее в саду и продаешь людям! Она погубит весь город, как погубила меня!

— Ты сам себя погубил, — ответила Лиза тихо.

— Я долгие годы скитался, избегал возвращения в город, боялся, что эта история будет у всех на устах, что меня поднимут на смех, или упекут в тюрьму, или объявят колдуном... Это мой страх, мой позор! А вы здесь ее колышками подпираете?! Это не делает вам чести! — и Валентин замолчал, укоризненно качая головой.

Лиза тихонько вздохнула. Густав нахмурился. В тишине послышалось деловитое гудение. Толстая пчела приземлилась на услужливо раскрытые лепестки, поползла в серединку, и довольная роза принялась благоухать сильнее.

— Нам не делают чести черные мысли, — задумчиво сказала Лиза. — А черный цветок — это просто черный цветок.

31 марта 2008 г.



ОЛЬГА ЧИБИС

ПЫЛЬЦА НА КРЫЛЬЯХ

1

К

ОДИЛА СДАВАТЬ ПЫЛЬЦУ. ОЧЕРЕДИ НЕ БЫЛО, И Я В одиночестве стояла у конвейера, краем глаза наблюдая, как золотисто-голубые потоки стекают с кончиков крыльев в прозрачную чашу. Пыльцы у меня сейчас много как никогда — результат последних недель работы с Аркадием. Творческим человеком он был всегда, но когда люди влюбляются, то творят настоящие чудеса.

Даже после того, как я отдала норму, мои крылья ничуть не потускнели, и я сбросила с каждого еще по облачку. Пусть остаётся. Для всех. Чтобы было на что устроить праздник.

Когда я собралась улетать, в купол под руку с Главной Распорядительницей вошел Син. Пыльцу ангелы-хранители не собирают, так что, очевидно, у него было дело к Главной. Интересно, какое? На меня внимания он не обратил. Как и всегда.

Но Распорядительница повернула голову в мою сторону и произнесла:

— Лира, нам нужно будет поговорить. — Вот уж не думала, что она помнит мое имя! — Выбери время как-нибудь.

Я поспешно отвела взгляд. Все-таки Муза без крыльев — жалкое зрелище. Почему Распорядителями так часто становятся калеки?

— Конечно, — ответила я, — когда скажете...

2

Пошел мелкий дождь. К вечеру обещали радугу. Мы с девочками собрались на гуляния и договорились, что они за мной залетят.

Альханэ с Мусей явились вместе и принесли кувшин амброзии. Выглядели они обе превосходно: сияющие, лучистые глаза и сильные, упругие крылья. Мы расселись на ветвях — свой дом я устроила в кроне старой березы — и пустили кувшин по кругу.

Ну, за встречу! — провозгласила Муся, сделав первый глоток. Крылья у нее сегодня были молочно-голубыми, с перламутровыми чешуйками, и нимб вокруг головы — им в тон. Такой вариант я видела пару дней назад на показе мод у Центрального пылесборника. Муся большая модница. — Давненько не виделись. Рассказывайте, как дела. Все равно нужно дождаться, пока разгонят тучки.

— У меня все отлично! — оптимистично, как всегда, заявила Альханэ. — Детишки скучать не дают. Иногда целый день возле кого-нибудь сидеть приходится, а столько идей рядом проносится, сколько фантазий! Каждый день что-нибудь новенькое. — Альханэ работает в основ-



ном с детьми, поэтому всегда занята, а пыльца на её крыльях — нежнейших и ярчайших оттенков. Она и сама похожа на человеческого ребенка: миниатюрная, нежная, глаза большущие, а личико сердечком. А еще она плетёт посуду вроде сегодняшнего кувшина — из лепестков ромашки — и лечит бабочек. — Хотела попробовать заодно подключиться к родителям, — продолжала она меж тем, — но с ними хуже. Для них творческий поиск — уже не потребность, а какое-то особенное состояние. Почему-то им слишком легко от него отказаться. Перекрыть «коридор». Растратить творческую силу — на бытовые дела, на вечеринку, на поход по магазинам...

— Вот и у меня то же самое! — подхватила Муся. — У некоторых — ну ни капли ответственности! Как будто если он вызвал музу, это его ни к чему не обязывает. Прилетаешь к такому, а он только знай повторяет «Эх, будь я чуть-чуть помоложе...» да «Ах, мне бы времени побольше...», а сам и не чешется! — Отхлебнув еще амброзии, она отдала кувшин Альханэ. — Или уставится в одну точку и сидит жует, а то телевизор включит...

— А ты разве не пытаешься его как-то потормозить? — заинтересовалась я. — Не ждешь, чтобы он пришел в себя, настроился? — Лично я часто так делаю — даю человеку еще один шанс.

К моему удивлению, Муся лишь отмахнулась.

— Еще чего! — заявила она презрительно. — Буду я возле каждого олуха по полдня витать! Так и крылья отбросить можно! — Все-таки создание она вульгарное, даром что муза. — Ну а ты, Лира? По-прежнему вьёшься вокруг этого своего Аркадия? Он, кажется, теперь еще и влюблен?

— Аркадий не просто влюблен, — сказала я. — Он вот-вот женится и очень счастлив. Счастье делает людей щедрыми. У нас сейчас работа так и кипит — самый благодатный период...

— «У нас!» — передразнила Муся. — Лира! Ты рассуждаешь как наивная божья коровка! Нет никаких «нас». Есть ты и твой человек. Источник пыльцы. Таких, как он, много. Цветов всегда больше, чем пчёл.

Вот всегда она так! Особенно после амброзии.

Мне бы следовало промолчать, но я вспыхнула:

— А я не могу относиться к людям так, как ты! Будто они что-то тебе должны! Будто ниже твоего достоинства им помочь! — Тут Альханэ подсунула мне кувшин, я машинально взяла его и тоже сделала глоток. Подруга явно успела подсыпать туда пыльцы: мне сразу стало легче. — Ты улетаешь сразу же, лишь чуть ослабеет связь, и бросаешь человека на произвол судьбы! А вдруг ему просто не хватает знаний? Может, он не понимает, что общение с музой требует сосредоточения, отказа от каких-то других вещей?

— Ой, да всего им хватает! — фыркнула Муся, хотя и не так безапелляционно. — Еще наши бабки и прабабки позаботились, чтобы у людей была вся нужная информация! Да вот, например: «Служенье муз не терпит суеты...» Или: «Мы навсегда в ответе за тех, кого приручили...»



— Ой! — Альханэ распахнула глаза. — Да это ведь не про муз!

— А почему, собственно? — поинтересовалась Муся. И мы замолчали. Когда Муся говорит «А почему, собственно?» — дальнейший спор становится бесполезен.

С другой стороны, как ни сложно это признать, в таких случаях она частенько оказывается права. Поэтому мы просто сидели и по очереди отхлебывали из кувшина, пока амброзия не закончилась.

Вечер провели в парке. Купались в озоне и катались на радуге. Сина не видела.

3

Утром услышала привычный зов...

Буквально через несколько секунд была уже у Аркадия. Если муза связана с человеком достаточно долго, между их сознаниями устанавливается некое подобие коридора.

В знакомой до мелочей комнате я расположилась под потолком на потоке воздуха, который люди называют сквозняком. Было очень забавно скользить на прохладных струях, лавируя меж подвесками люстры. В их хрустале плясали разноцветные солнечные зайчики — от сияния моих крыльев.

Аркадий поднял голову и посмотрел в мою сторону. Он всегда чувствует мое приближение. Я сделала вираж вокруг люстры — люблю смотреть, как в ней играет свет, — и спустилась ниже, посмотреть, как продвигаются наши дела.

Аркадий еще довольно молод, у него мягкие черты лица, чуть близорукый взгляд и сутулая осанка, а когда он готов приступить к работе, то с силой ерошит волосы — пышные, пепельно-русые. Чем-то он мне напоминает Сина. Наверное, отсутствием напористости. И нежеланием кому-то что-то доказывать.

Он художник-иллюстратор и работает на дому. Раньше он брался за самые разные заказы, хотя всегда предпочитал детскую литературу, в последнее же время перешел на сказки.

Сейчас у него в работе целый цикл волшебных историй о принцессах, драконах и рыцарях, и он часами может сидеть, перелистывая страницы и вчитываясь в одни и те же строчки, чтобы уловить, чем портрет именно этой принцессы будет отличаться от прочих и как сделать так, чтобы по выражению морды дракона внимательный читатель мог догадаться, что у чудовища на уме...

Ему частенько намекают, что это лишнее, что так давно никто не работает, что он задерживает весь процесс и нужно быть проще и практичнее. Но он сознательно усложняет себе задачу (так интереснее, в конце-то концов!), а мне тоже нравятся сказки, и вместе у нас хорошо получается... особенно с тех пор, как он встретил Алду. Влюбленность окрыляет человека.



Я уселась на спинку кресла за его спиной и заглянула через плечо...

Иногда достаточно одного моего присутствия. Иногда приходится подсказывать или направлять. Музы слышат лишь тех, кому действительно могут помочь. Я, например, вряд ли уловлю зов финансиста или инженера-конструктора: образ мыслей у нас наверняка не совпадёт. Я мыслю запахами, полутонами, звуками...

Аркадий заканчивал одну из иллюстраций: оставалось выбрать оттенок для бального платья принцессы — капризной, взбалмошной, но в душе очень доброй девушки. Вроде нашей Муси. Светло-алый мог бы подчеркнуть её вспыльчивость, тогда как персиково-розовый — мягкость и доброту. Я улыбнулась и шепнула: «Лиловый», — вспомнив, что больше других Муса любит именно этот цвет. Аркадий замер... а потом схватился за кисть.

Не успев завершить одну работу, он принялся за другую.

Нас обоих лихорадило. Образы, сцены, тени... Цепляясь друг за друга, они видоизменялись, обретали смысл и звучание...

Связь между нами укрепилась, соединяющий поток стал мощнее, «коридор» до предела расширился. Я уже видела, как должна выглядеть следующая картинка (изумрудные просторы, парящие орлы, всадники на вороних конях и замок на заднем плане), какие эмоции она должна вызывать; чувствовала, как идущие от Аркадия волны сгущаются и оседают на моих крыльях, окрашивая их во все цвета радуги...

Удар был настолько сильным, что я не сразу осознала, что произошло... Сквозь боль и мутный туман внутри «коридора» пробилось пронзительное: «Долго еще ждать?! Ты же обещал закончить к шести! Всё остыло!»

Пришла в себя только дома. Отчаянно кружилась голова и дрожали крылья...

4

Впервые пожалела, что родилась не в мире людей. Ведь тогда у меня были бы родители, которые могли бы что-нибудь посоветовать... Музы рождаются взрослыми (хоть и неопытными) — в тех вихревых потоках, которые случаются от избытка творческой энергии. И школ у нас нет, и учителей, и обществ... Каждая сама за себя.

Творцы одиноки. Во всех мирах. До сих пор мне это ужасно нравилось.

Всё еще ощущаю последствия травмы. Крылья потеряли блеск и слегка помялись — в таком виде даже подружкам показаться стыдно: выгляжу словно отпетая неудачница.

Боюсь пропустить следующий зов.

5

Зов услышала утром — слабенький, неуверенный. Не от Аркадия. На всякий случай решила слетать.



Человек средних лет, мужчина. Требуется помощь. Я опустила на спинку стула за его спиной и огляделась: беспорядочный ворох глянцевых бумаг... Книжки с картинками: зазывно глядящие красотики и трагично небритые красавчики... Поискала, не похож ли кто на Сина. Нет, такие, как он, здесь непопулярны.

Человек за столом далеко не сразу понял, что я здесь: был слишком занят, сетуя на отсутствие Идей и Вдохновения. Я склонилась посмотреть, чем он занимается.

Он придумывал названия для серии книг. Названия должны были привлекать внимание и указывать на жанр. В голове у него вертелись странные образы, активно-безликие... драки, погони, пожары, смерть, кровь... Я поморщилась. Собственно, слов для составления целой кучи названий было предостаточно, но он никак не мог подобрать модель — увязать их воедино. «Когти смерти», — вздохнув, подсказала я. — «В кругу смертей»...

После обычной секундной задержки он вскрикнул:

— Да! — ударил кулаком по столу и принялся быстро-быстро черкать на первом попавшемся листке.

Я настроилась на долгую работу. При желании даже с таким материалом можно много чего придумать. Ввести элемент загадки... создать переключку с каким-нибудь известным образом... Сыграть на контрасте...

Покосившись на свои крылья, я конце концов решила глянуть, что он уже написал.

«На обочине жизни», «Пляска смерти», «В потоке крови»... Кошмар! «В омуте смерти», «Водоворот смерти», «Просторы смерти»... Салфетка была исписана вдоль и поперек.

На этом его поиск, вообще говоря, завершился. Я было попыталась подвести его к другим моделям, но вскоре почувствовала, что он начал досадливо от меня закрываться. Больше я здесь не нужна. Двух моделей ему более чем достаточно.

Неинтересно. Как тут не вспомнить Аркадия! Хотя, наверное, я просто привередничаю. Муся, например, работает со всеми подряд. Правда, и работает она по-другому: не слушаешь — до свиданья.

Пыльцы у меня прибавилось немного, и вся одного оттенка — кричаще-синего. Но хоть крылья полностью восстановлены и на поворотах уже не заносит. С утра чуть не столкнулась с галкой — эти нахалки, завидев ослабевшую музу, норовят поддеть ее крылом. Шуточки!

Сина не видела.

6

Кажется, я теряю Аркадия! Была у него еще трижды, и все три раза еле спасала крылья.

Это превращается в норму. Жена врывается к нему в кабинет и требует, чтобы он немедленно доказал, что все еще любит её («Ну почему я при жи-



вом муже всё одна да одна?!»)... чтобы помог по хозяйству («Есть в доме мужчина, в конце концов, или нет?!»)... чтобы шел на прогулку («Посмотри, какая погода!») или обедать («Не забывай о режиме дня!»)... — и это в тот самый момент, когда Творец в нем гордо расправляет плечи. Но, может, так и должно теперь быть? Я запуталась. Вид у него в последний раз был затравленный.

Сегодня весь день не нахожу себе места. Кружится голова. Ничего не слышу.

Неужели придется всё менять? Всё начинать заново? Искать других людей, зависеть от чьего-то случайного зова? И Аркадий — он ведь тоже ко мне привык...

Вообще-то справиться с этим — его задача... Сказала бы Муся. Но я не она. И мне так не хочется опускать крылья... Должен, должен быть какой-то выход!

К утру успокоилась — помогла простая мысль: Аркадий перестал творить потому, что ему плохо. А плохо ему потому, что мешает Алла. Значит, нужно ее просто отвлечь.

И я смогу помочь ему в этом. Помочь снова стать счастливее. В конце концов, кто же еще о нем позаботится, если не его собственная Муза?

7

Аркадия дома не было. Я забралась на люстру, покачалась немного, пощекотала любимых солнечных зайчиков — и стала следить за Аллочкой.

Она сидела на краешке дивана в комнате мужа и пустыми глазами смотрела по сторонам.

Алла — домохозяйка; она молода, энергична и любит заниматься собой: своей внешностью, своим здоровьем, своим домом, своим мужем... Вот. Последнее нам с ним и мешает! Я невольно вспомнила широко известный у нас афоризм: «Не заботься о другом так, как ты хотел бы, чтобы заботились о тебе: у вас наверняка разные вкусы».

Настроившись на волну Аллочки, я попыталась понять, о чем она думает. Настоящих мыслей я уловить не могу (ангелы-хранители и те чувствуют только намерения), но сильные эмоции, наиболее яркие образы — пожалуйста. Без этого я не смогла бы принять вызов.

Итак, она считает себя творческим человеком. Это дает мне возможность и право с ней поработать. Чего же ей не хватает, чтобы спокойно творить, не вмешиваясь в дела мужа?

И я установила между нами узенький «коридорчик».

Она оглядела потёртый диван, паркет с щербинками, хромоножку-табуретку, заваленный всякой всячиной стол...

Я пустила по соединяющей нас волне немного пыльцы... для начала совсем чуть-чуть, и попроще. Алла слегка изменилась в лице.



— Конечно, — произнесла она медленно, как в полусне. — Он думает, что дело во мне. А ему просто здесь не нравится. Тут нужно все переделать! Ремонт! Капитальный! Немедленно!

Моментально преобразившись, словно внутри у нее натянулась струна, Аллочка буквально сорвалась с места и ураганом вылетела из квартиры, даже не подойдя к зеркалу...

Я понаблюдала за её перемещениями еще часа два, чтобы не дать угаснуть творческому порыву, а потом засобиравшись домой, решив напоследок прогуляться по такой знакомой улице — улице Аркадия; выбралась наружу... — и налетела на Сина...

— Лира, — сказал он радостно. Светло-голубые глаза смотрели прямо вглубь моих мыслей. Для Хранителей это редкость: взгляд у них обычно такой, будто они прислушиваются к чему-то бесконечно далёкому, а окружающее воспринимают как бы вскользь. По необходимости. — Ты ведь здесь работаешь?

Я закивала, глядя на него снизу вверх. Он знает, где я работаю?..

— Давно тебя не видел, — сказал он и одним взмахом крыльев опустил ся вровень со мной. — Ты торопишься?..

Он назначил мне свидание!

8

Какая же я молодец! Теперь всё просто отлично — и даже лучше! Признаться, на такое я даже не смела рассчитывать.

Работаю с ними одновременно. Это, кстати, оказалось нетрудно. Нужно только иногда вспоминать про Аллочку и вовремя приходить ей на помощь. Если она начинает беспокоиться, я приостанавливаю Аркадия и переключаюсь на неё. Алла погружается в собственный творческий поток, и все налаживается. Мы уже выбрали с ней обои для комнат и плитку для кухни, просчитали размеры мебели и ковров, продумали цветовую гамму занавесок, посуды и даже геля для душа... Выходит очень миленько.

Аркадия я просто не узнаю. Расслабился и раскрылся, словно тюльпан. Наверное, это и есть вторая творческая молодость. Никогда мы не работали так быстро и не создавали таких оригинальных образов. Крылья бабочки за спиной дракона. Платье в радужный горошек для принцессы. Принц с добродушно-вероломным лицом...

Если бы музы сюда прилетали разные, они бы, возможно, спорили, ссорились и сбивали с толку и Аллу, и Аркадия. А так... Я полностью владею ситуацией.

9

Иллюстрации к сказкам закончены — в рекордный, надо сказать, срок. Работу Аркадий уже сдал и отзывы получил хорошие. (Ну еще бы!) Теперь ему нужно отдохнуть и найти следующий заказ.



Устроили выходной.

На любимой лужайке Альханэ только-только распустились колокольчики, и мы полетели слушать песни цветов.

Солнце светило сквозь травы зелёным золотом. Мы с Альханэ устроили целый концерт: по очереди касались цветков, чтобы они зазвенели. Колокольчики мерно покачивались, и их лепестки переливались, постепенно меняя цвет с лилового на бледно-золотистый. Цвет звянящих колокольчиков — надо подсказать Аркадию.

Муся выписывала изящные пируэты вокруг бабочек, хохоча над их неуклюжестью. Одну из них, жёлто-багряную, она сбила — бабочка затрепетала и беспомощно опустилась прямо на подставленную ладонь Альханэ. Осмотрев её повреждённое крылышко, Альханэ стряхнула на него крошечное облачко собственной пыльцы. Когда-то давным-давно она рассказывала мне, что у бабочек на крыльях тоже есть пыльца, и если обращаться с ними неосторожно, её можно стереть. И тогда бабочка наверняка погибнет.

— А правда, что бабочками становятся музы, которые развоплощаются? — вспомнила я поверье.

— Не знаю, — откликнулась Альханэ, выпуская повеселевшую летунью, — может быть. Я еще слышала, что узоры на крыльях бабочек — это их истории. В каждом пятнышке, в каждой линии — в каждом фрагменте прячется много-много событий. Только очень долго нужно учиться их читать. Говорят, где-то есть целый музей, в котором хранятся такие сказания. Когда-нибудь, когда я заработаю достаточно пыльцы, чтобы мне разрешили заняться чем-нибудь еще, я тоже хочу там поработать — в архиве...

— Сказки, — отмахнулась Муся. — Кому это нужно — месяцами разбирать узоры на крыльях мертвых бабочек?

— Не скажи, — возразила Альханэ. — Наша Распорядительница, по слухам, как раз из таких. Жаль, не могу ее об этом прямо спросить, сколько ни собираюсь: как гляну на ее спину — аж передёргивает! — И, словно в доказательство своих слов, передёрнула бирюзовыми крыльями. — Ужасно!

Муся, наблюдавшая за хороводом бабочек, среди которых была и только что исцелённая, содрогнулась:

— Нет, самое ужасное — это развоплощение. Лучше уж быть бескрылой, как наша Главная, чем... чем...

— Ты думаешь? — Я прислушалась к себе и поняла, что не знаю, как лучше. — А что происходит с музой, когда бабочка умирает? Их век так короток...

— Для нас. Для них это — целая жизнь, — возразила Альханэ. — Я слышала, что из бабочки муза может возродиться снова.

— А что для этого нужно? — Сама не понимаю, почему меня так заинтересовал этот вопрос.

— А ты у Сина спроси, — посоветовала Муся. — Он тебе теперь небось многое рассказывает?



Я почувствовала, как задрожали кончики крыльев. Нет, что ни говори, а Муся ужасно вредная! Вот очень надо было ей об этом заявить во всеуслышанье, да еще так громко! Если бы я была человеком, то обязательно покраснела бы. Альханэ, правда, и так все видит... Да оно и неудивительно.

Мне всегда нравился Син. Мне нравилось, что он никого не буравит взглядом, как это любят иные Хранители, словно подозревают в чем-то весь мир; нравилось, как горят в полёте его ярко-белые крылья — потому что он не старается в угоду моде сделать их прозрачными; нравилось, как почтительно он поддерживает нашу Главную Распорядительницу.

Я заулыбалась, вспомнив, как вчера сначала он учил меня уворачиваться от этих ужасных галок (ведь Хранители лучше держаться в воздухе: сила и подвижность их крыльев не зависит от количества пыльцы), а потом мы с ним играли в прятки с солнечными зайчиками... в кронах берёз... И смеялись, смеялись...

Муся хихикнула:

— Ой, Лира, видела бы ты сейчас свое лицо!.. А я ведь давно предлагала: заговори с ним сама, он стесняется! — Кстати, она оказалась права.

Альханэ тоже засмеялась, но тут же сказала:

— Пойдемте танцевать! — и первой взвилась над бабочками.

Муся вспорхнула за ней, все еще хихикая. Стряхнув с себя мечтательность, я последовала за ними...

Совсем отяжелели крылья. Завтра пойду сдавать пыльцу.

10

Принимала собственноручно Главная. Бережно держа две полные чаши, она внимательно оглядела их, — пыльцу пронизывали радужные искорки, — и поставила на ленту, бегущую к общему Чану.

— Дела у тебя идут в гору, да, Лира? — сказала она, когда, пройдя по конвейеру, моя пыльца сине-золотым облаком опрокинулась в Чан. — Не далее как вчера я поставила тебя в пример двум начинающим неумёхам.

Я улынулась:

— Все такими были... — И вспомнила, как трудно мне было научиться слышать людей.

— Ты последняя на сегодня. Проводи-ка меня до выхода.

Я подала ей руку — совсем как это делал Син...

На сей раз никто её не сопровождал, и передвигалась она с помощью воробьев. Музы, у которых покалечены крылья, часто используют маленьких птиц. Обычно это воробьи: вороны слишком громогласны, трясогузки бестолковы, голуби неповоротливы, а синички — любопытны. Воробьи же добродушны и терпеливы и всегда готовы помочь.

Упряжка ждала на земле рядом с куполом пыльцесборника. Весело почирикывая — я улавливала отдельные реплики: «Музочка! Совсем молоденькая! Глупышка!» — птахи косились на меня снизу вверх, смешно вывернув головки. В другое время я обязательно поиграла бы с ними, но сей-



час лишь сурово сдвинула брови — отчего шалуны застрекотали еще веселее — и повернулась к Распорядительнице.

— Вы хотели со мной о чем-то поговорить, — напомнила я и предложила: — Хотите, сделаем круг над куполом? — И украдкой показала воробьям язык. Те в восторге запрыгали и залопотали с удвоенной силой.

Главная согласилась — мне показалось, с радостью. Как, должно быть, тяжело быть отрезанной от неба! И зависеть от чужих крыльев.

— Видишь ли, Лира... — начала она, когда мы набрали высоту. — Сейчас тебе, наверное, кажется, что нет ничего невозможного. Сейчас ты на взлёте. Но именно поэтому ты должна быть очень осторожна. Когда на крыльях избыток пыльцы, муза может переоценить свои силы.

— Я не склонна себя переоценивать, — улыбнулась я.

Распорядительница кивнула. Она опиралась на мою руку, но веса её я почти не чувствовала. Вес музыки — это её крылья. Точнее, пыльца на них.

— Давно хочу тебя предупредить, — перешла она наконец к делу, — но не знаю, поймёшь ли. Судя по цвету твоей пыльцы, ты совсем не думаешь о собственной безопасности. Во время работы нужно ставить защиту — такую прозрачную стеночку между собой и человеком.

Я слегка растерялась.

— Но я не умею... не умею ставить защиту...

— Это совсем не сложно. Достаточно вспомнить, что вы из разных миров, или подумать «Мне не нужно чужого». Вот у Муси это хорошо получается, хоть и неосознанно.

Круг мы завершили в молчании: моя спутница смотрела по сторонам, а я обдумывала то, что она сказала. Защищаться? От Аркадия?

Нет, смысла в этом я не видела совершенно:

— Возможно, Муся и ставит такую стенку. Зато и пыльца у неё — яркая, конечно, но... но...

— Однообразная, — подсказала Распорядительница. — Без полутонов. Да. Но речь сейчас не об этом. Пусть твоя пыльца будет чуть-чуть победнее, пусть её станет немножко меньше — главное, чтобы сама ты была в безопасности.

По ее знаку мы опустились рядом с упряжкой, и она, наклонившись, взялась за паутинки. Воробьи притихли, но по-прежнему косились на меня озорными глазенками.

— Это действительно необходимо? — спросила я жалобно. — Не думаю, что защиту ставят все. Альханэ вот явно не защищается, и я не слышала, чтобы она об этом жалела... Правда, у неё в основном дети, а все говорят, что с ними легче...

— Кстати, насчет детей... — Главная легонько потянула за вожжи, подавая вожаку птичек знак. — Иные из них обрывают крылышки бабочкам, чтобы посмотреть, что получится.

Хорошо, что я не успела взлететь.

— ?..



— Не со зла, — пояснила она, уже отрываясь от земли. — Они просто не понимают, что бабочкам больно. Помни об этом, ладно?

Воробы, забыв о подскоках и стрекотании, вытянулись в две параллельные линии и сосредоточенно заработали крылышками. В лапках каждый держал по паутинке...

В полёте, слегка откинувшись назад (обрубки крыльев мне были сейчас не видны), Главная Распорядительница смотрелась почти величественно.

Даже шок от её последних фраз начал проходить. Обрывать крылья бабочкам... Немыслимо. Но... они ведь не понимают! И не знают, что бабочка может оказаться бывшей музой. Кстати, Син сказал, что это правда. И что из бабочки муза может переродиться вновь — если кто-то будет очень, очень сильно её ждать... Как давно я не видела Сина! Весёлого, ясноглазого Сина, мудрого и красивого — как принцы, которых рисует Аркадий...

Собравшись взлететь, я подняла взгляд и вдруг заметила, как в небе, светлом и безоблачном, вспыхнула розовая звездочка. Где-то только что родилась муза. Какой хороший знак! Я взметнулась в воздух и засмеялась. Кажется, пришла пора поговорить с Сином. Если он согласится работать в паре со мной — то есть с одним и тем же человеком, — от нашего союза может родиться еще одна муза... Если человека выберу я. Или ангел-хранитель — если выберет он. И неважно, что мы никогда даже не увидим наших детей. Просто знать, что они где-то есть, а значит, оба мира стали чуточку лучше — это ли не счастье?

Заложив — просто от избытка сил — крутой вираж, я прямоком направилась к Аркадию: он только что получил новый заказ. Мне даже не нужно было прислушиваться. Теперь он ждал меня постоянно.

11

Ничего не помню.

(вечер):

Прилетели Муся и Альханэ.

Все это время я пролежала дома. Впервые мне довелось оценить преимущества собственного жилья. Конечно, наши дома (конусообразные, с полупрозрачными стенами) совсем не такие, как у людей, и многие музы обходятся без них — им нравится чувствовать себя свободными и ни к чему не привязанными. Но иной раз даже музе хочется побыть одной. Или отлежаться — вот как мне сейчас. Альханэ, например, живёт в большом дупле старого ясеня. Но таких деревьев — пустых изнутри и не занятых никакими белками — не так уж много. И в них темно, так что приходится приручать светлячков, а они довольно своенравные...

Я же предпочла крону еще и потому, что здесь лучше слышно птиц. Они ведь переносят новости. И поют... Кстати, похоже, именно птички помогли мне добраться до дома. По крайней мере, это мое единственное смутное воспоминание — чирканье, щебет, свист...



— Ну и во что ты впуталась, Лира? — спросила Муся, забираясь в уютное переплетение ветвей и закидывая ногу на ногу. Вот ведь странное создание! Мне выговаривает за то, что я перенимаю у людей слишком много слов и мыслей. А их манеры перенимает сама, да с какой скоростью! Надо бы ей поменьше работать с кинорежиссёрами. — На тебе лица нет!

И мне пришлось им всё рассказать. Хотя, видит небо, так не хотелось! Даже Альханэ. Творчество — это слишком личное. Но мне нужна была помощь...

— Понимаете, я совсем забыла про кризис. В любом начинании обязательно наступает момент, когда у человека иссякает первичный запал, и тогда...

— Можешь не объяснять, — буркнула Муся. — Сначала у всех без исключения период «Я гений!», затем «А может, и нет...», чуть позже — «Кто угодно гений, кроме меня...» — и так далее, пока не дойдет до «Я ничто и звать меня никак!» — и тогда начинается новый круг. Что дальше?

Сбившись с мысли, я замолчала. Голова все еще болела невероятно, крылья ломило...

— Вы увлеклись, — догадалась Альханэ. — Вы с Аркадием.

— Да, — подхватила я — именно! У него новые тексты — какие-то осовремененные мифы — и вот, когда мы только-только начали улавливать изюминку стиля — чтобы получилось традиционно и одновременно своеобразно, — хлопнула дверь, да так, что меня просто снесло с люстры...

— Про Аллочку ты и забыла, — кивнула Муся. — У вас на тот момент было «Я гений!», а у неё стряслось «Я никто!».

— Ну да... — Я поморщилась. Голова! При одном воспоминании... — «Нет, ну почему я все должна тащить на себе! Зачем я вообще вышла замуж? Никому я тут не нужна! Что толку быть художником, если вид собственного дома тебе безразличен?!» Он, конечно, пытался что-то возразить... говорил, что его творчество приносит радость людям...

— Разумно, — одобрила Альханэ.

— Но она сказала, что лучше бы оно приносило деньги, — продолжила я, — а то не на что ни закончить ремонт, ни купить новую мебель... — И снова поморщилась.

— Нда... — изрекла после паузы Муся. — Диагноз ясен. Теперь скажи главное. Тебе это всё зачем?

— Что значит «всё зачем»?

— В самом деле, Лира, — осторожно вступила Альханэ. — Если тебе нужна пыльца, мы дадим сколько надо — не вопрос. Но что ты собираешься делать дальше?

Я вздохнула.

— Слетать туда и разобраться, как всё исправить... И что я сделала не так. Возможно, мне вообще не стоило вмешиваться. Но, понимаете, каждый раз, когда она врывалась в комнату и кричала, что он ей что-то должен, она будто в душу к нему врывалась...



— Да тебе-то что? — удивилась Муся. — Ты не ангел-хранитель, чтобы радеть о душах. Он для тебя как цветок для пчелы — просто источник пыльцы. Хоть и хороший, надо признать, источник.

— Ну вот ещё! — возмутилась я. — Муся, твой цинизм меня всегда задевает. Неприятно...

— Лира, — снисходительно сказала Муся, — не всё то цинизм, что не розовые очки. Но ты не ответила.

Я чувствовала такую слабость, что хотелось плакать. Но нашла в себе силы глянуть Мусе в глаза — миндалевидные, чуть раскосые, редкие среди муз, а сегодняшним вечером — черные.

— Я ведь, заметь, чувствовала то же самое, что и он... Каждый раз, когда она прерывала процесс творения, у меня было чувство, будто мне прищемили крыло!

Кстати, это чистая правда.

— Даже оба, — вставила Альханэ. Вид у нее был отсутствующий.

— Как? И с тобой такое случается? — Я несказанно обрадовалась поддержке и в то же время удивилась. — Но... Дети ведь не доставляют проблем?

— Да, — вздохнула Альханэ, — только они быстро растут и взрослеют и начинают себя ограничивать... и меня заодно.

— Сколько тебе нужно пыльцы? — Мусе надоело ждать, и она, как всегда, поставила вопрос ребром.

— Сколько дадите, — пробормотала я. Мне почему-то стыдно было на них смотреть.

Они дружно взмахнули крыльями — и на меня пролился целый поток энергии — синей, красной, желтой — от Муси и сиреневой, опалово-огненной, сапфировой — от Альханэ... Дело было, конечно, не только в цвете. И даже не в количестве. Хотя Альханэ отдавала больше.

Дело было в самой пыльце — возрождающей... животворящей... вдохновляющей... Через считанные секунды мир перестал казаться таким темным и запутанным, а крылья у меня ожили и затрепетали. Легче стало настолько, что я впервые за вечер обратила внимание за нимб Муси. Он был... чёрным. Чёрный нимб? У музыки? Оригиналка! Я от души захохотала.

— Ты, конечно, как знаешь, — заявила Муся, перехватив мой взгляд, — но лично я бы просто оставила на этой Алле знак, и пусть сама с собой разбирается. — И, напоследок картинно польхнув глазами (вышло очень эффектно!) — легко выпорхнула из моего домика. Вот в этом она вся! Просто помочь ей мало. Обязательно нужно разбавить доброе дело советом.

Альханэ улыбнулась на прощанье и молча выскользнула следом. В этом тоже она вся... Нет, и Муся совсем не жадная! Но Альханэ — щедрая.

Алла лежала на новом диване, почти с головой закутавшись в бежевое одеяло.



По привычке я вспорхнула было на люстру, но вместо любимого хрустального великолетия мне навстречу рванулся бронзовый монстр. Понятно... Люстра — это единственное, что она выбирала без меня. Тогда я расположилась на подлокотнике любимого кресла Аркадия, изучая уже не столько Аллочку, сколько своё отношение к ней.

После того, что она со мной сделала, мне действительно стоило бы поставить на ней отметину, как советовала Муся. Такой своеобразный белый зигзаг над головой и чуть сзади, видный даже днём, если прищурить глаза. Сообщение для других: *Осторожно! Тут вас могут обидеть!* Пока он держится — а это очень долго, если не снимать специально — ни одна разумная муза не подлетит и близко. Говорят, что проклятие музыки — страшная кара для человека, который привык творить. До сих пор прибегать к нему мне не приходилось, но, думаю, у меня получилось бы.

Только вот... У Аллы был такой жалкий вид и такой... беззащитный... А я к тому же не была уверена в том, что в случившемся нет моей вины.

И я дала ещё один шанс нам обеим. Перебралась к ней в изголовье и настроилась на нужный лад...

Должно быть, та встряска укрепила нашу связь, потому что я на редкость быстро и легко начала «слышать».

...Она подходила его поцеловать, а он отстранялся и говорил: «Извини, у меня появилась мысль...» — и бросался к своим рисункам; она покупала билеты в театр, а он бормотал: «Прости, мне нужно поработать вечером, пока есть запал»; она пыталась сделать сюрприз, готовила подарок — он осматривал его и морщился: «Я не хотел часы этой фирмы, все говорят, что они ненадежны, и слишком дорогие к тому же...» Она начала делать ремонт, а он заявил: «Дорогая, ну к чему эти глупости? Мне и так было хорошо...» Она пыталась дать ему совет по работе — он закрывал руками свои наброски: «Ты же всё равно в этом не разбираешься!»

Чем лучше я понимала её, тем больше проникалась сочувствием. Я никогда не смотрела на Аркадия с этой стороны. Для меня он всегда был готов на всё. Но для Аллочки, живой и энергичной, живущей в мире людей, он действительно не подарок, а тем более не идеал. Он всегда занят работой — а если не работой, так её поиском, а если не поиском работы, так поиском идеи... Таким, как он, активная забота просто не нужна.

С ним рядом Аллочка не могла раскрыться как творец, ведь сфера её творчества совсем не пересекается с его интересами. Но она ведь в этом не виновата, правда?

Я смотрела на нее, и у меня созрел план...

Муся, мелко-мелко перебирая крылышками, зависла около входа в магазин — кажется, мебельный, — в котором находилась Аллочка, и, по ее собственному выражению, «производила отбор». Самую сложную часть ра-



боты она взяла на себя. Все-таки Муся — девчонка хорошая. Хотя и с плохим характером!

Пока мы ждали, Альханэ заинтересовалась одуванчиками (у них очень приятная на вкус пыльца), а я, заметив неподалёку в траве стайку воробьёв, помахала им рукой. Эти птички всегда были моими любимцами. Я даже болтовню их понимаю лучше, чем каких-нибудь скворцов или зябликов. И они всегда отвечали мне взаимностью. Вот и сейчас самый крупный подлетел и дружески клонул меня в плечо. Я погрозила ему пальцем — он сел на землю и боком скакнул от меня.

Рядом раздался радостный детский смех: чей-то карапуз заливался, показывая на меня пухлым пальчиком. Когда музы собираются вместе, маленькие дети могут видеть свет их крыльев. На всякий случай я отодвинулась от подружки и перевела взгляд с детей на взрослых... Больше никто не обращал на нас внимания; малыша скоро унесли... Люди сновали взад и вперед, входили и выходили из магазина — и то тут то там над ними слабо светились знаки в виде зигзага — проклятие музы. Я никогда не замечала, как их, оказывается, много...

— Ты волнуешься? — Альханэ подняла лицо. Нос у нее был жёлто-оранжевый. — У тебя крылья дрожат...

Во что я её впутала?

* * *

Уговаривать их пришлось долго.

— Ничего более безумного в жизни не слышала, — заявила Муся немедленно.

— И это говорит муза, способная окрасить нимб в черный цвет! — не удержалась я. Правда, сейчас он у нее, хвала небу, нейтрально белел, как и прозрачное платьице. Зато крылья... О! крылья стали цвета непроглядной глянцевои тьмы. И с овальными красными пятнами снизу, как у одной из тропических бабочек Альханэ...

Муся, как обычно, пропустила мою реплику мимо ушей, Альханэ же задумчиво произнесла:

— Вообще-то я слышала, что так делают. Когда нужно — ну, по каким-то причинам — привлечь творческое внимание человека к какому-то предмету, музы объединяются и... Самой тебе, пожалуй, не справиться, но общими силами мы сможем.

— Мы? — переспросила Муся и уставилась на неё.

— Ну пожалуйста! — Я тоже посмотрела на Альханэ — умоляюще — и даже задёргала крылышками. На манер её любимых бабочек...

Я убеждала их, что ни от кого не получала такой творческий заряд. Я говорила, что убрать преграду на пути к старому, проверенному источнику пыльцы легче, чем искать новый...

На самом деле я, конечно, лукавила. Альханэ это почувствовала.

Правда заключалась в том, что мне очень, очень хотелось помочь Аркадию. Для меня он почти друг, а вовсе не «источник»... Да что там почти!



Друг. И, возможно, самый близкий. Пусть у него всё будет хорошо. Да и у Аллы тоже.

— Ладно, — улыбнулась Альханэ.

Муся казалась озадаченной.

— Угу. Ну допустим, — сказала она. — С Лирой мне всё ясно. Она романтик, но при этом экспериментатор. Но ты-то, Альханэ — неужели ты это одобряешь? Зачем создавать себе такие сложности? В мире столько других людей...

— Не скажи, — протянула Альханэ. — Ведь нас тоже немало. Если кто-то из людей много лет подряд призывает тебя и только тебя, — это ведь о чем-то говорит?

— О чем? — Муся изогнула чёрную бровь. Любит, ох любит она такие жесты!

— Об уникальности вашего контакта.

— Точно! — обрадовалась я. — Уникальность! Судьба! Ведь не только мы выбираем людей, но и они нас! Согласитесь, это к чему-то обязывает!

— А почему, собственно?

Альханэ объяснила, спокойно и прямодушно:

— А потому. Если ты не сможешь тому, кто тебя позвал, для чего тебе вообще крылья?

И даже Муся, пряча недовольство в полупрозрачном ониксе глаз, не нашлась, что возразить...

* * *

— А если рядом не найдется никого подходящего? Или он уйдет раньше, чем Алла? — поделилась я теми причинами беспокойства, которые осознала. — Разве сможем мы его задержать?

— Мы с тобой, даже вместе, вряд ли, — согласилась Альханэ. — Но ты же знаешь Мусю! Пегаса на лету остановит!

Это правда. Я немного успокоилась.

— Лира... — Альханэ оставила в покое цветы и поднялась ко мне. — Мы ведь не делаем ничего недозволенного — в противном случае здесь давно была бы целая стая ангелов-хранителей. С твоим Сином во главе... Его ведь повысили, ты в курсе? Я его, сегодня, кстати, видела — о тебе спрашивал. Просил передать, что очень много навалилось работы и всякое такое.

Я не успела ответить.

— Нашла! — крикнула Муся, упруго взлетая. Мы повернули головы к ней. — Именно то, что надо — возраст, внешность, род занятий, творческий потенциал... И Алла выйдет с минуты на минуту. Приготовьтесь!

Альханэ крикнула в ответ:

— Уже!

А я снова ощутила странное беспокойство... словно кто-то сверлил меня взглядом. И торопливо огляделась. Крупный воробей (тот самый, что подлетал знакомиться), нахохлившись, смотрел прямо на меня. Мне показалось, что он хочет что-то сказать... но я не понимала что.

— Пора! — Мусин возглас прозвучал как удар прутотом.



Альханэ не медля расправила крылья. Я тоже...

«Глупая!» — отчетливо чирикнул вдруг воробей и высоко подпрыгнул, словно в возмущении. И тут я его узнала. Это был вожак из упряжки Главной Распорядительницы.

— Подождите! — вырвалось у меня. — Подруги зависли в воздухе прямо надо мной; их сильные крылья чуть трепетали. — Главная предупреждала меня недавно, что лучше держаться от них на расстоянии...

— Кого ты слушаешь! — фыркнула Муся. — Эту старую перечницу! Да у неё с рождения одно крыло, что она может знать о творчестве! Такие годятся только на то, чтобы распределять пыльцу!

— И в самом деле, Лира! — поддержала её Альханэ. — Теперь уже поздно отступать.

Нечасто они проявляют подобное единодушие. Я сдалась — больше, думаю, от удивления.

Из магазина уже выходила Алла. Шедший навстречу мужчина вежливо придержал дверь и посторонился...

Муся метнулась между ними. Оба на миг ослепли, дёрнулись навстречу друг другу — и столкнулись. Алла ударилась о косяк, охнула и, выронив пакет, неловко осела на землю... Мужчина остался стоять перед ней, с недоумением потирая глаза.

Альханэ вспорхнула и на несколько мгновений зависла перед ним — так, чтобы он оказался в дымке её крыльев...

Я взмахнула крылом у самого лица Аллочки... Она сморгнула и растерянно уставилась на высокого симпатичного незнакомца, который, присев на корточки, быстро складывал её покупки обратно в пакет... Он поднял голову, и они встретились взглядами.

— Прошу прощения, — он протянул ей пакет, потом, поколебавшись, руку. — Позвольте, я вам помогу. — Взгляды их снова встретились. — Меня зовут Кирилл...

14

Получилось! Получилось!!!

15

Зова не было ни от Аркадия, ни от Аллы. До кризиса еще далеко — значит, просто решили передохнуть. Что ж, тоже правильно.

Отдала долг Мусе и полетела искать Альханэ.

Нашлась она на лужайке, где мы в прошлый раз танцевали с бабочками, и начала было говорить, что я ничего ей не должна, но я лишь подняла крылья и со смехом осыпала ее с головы до ног — по нимбу, пепельным кудряшкам, спине, рукам заструились радужные искорки...

Под невесомым разноцветным дождём Альханэ тоже радостно засмеялась, попытавшись оглядеть себя через плечо.



— У меня никогда такой не было, — сказала она восхищенно. — Значит, всё вышло, как ты хотела?

— Да!

С момента нашего эксперимента — то есть уже месяца полтора, — я еще ни разу не виделась ни с подругами, ни с Сином. Алла оставила наконец в покое Аркадия, и он целиком погрузился в творчество, будто стараясь себя вознаградить за потерянное время. Как он работал!.. Алла испытывала небывалый подъем, найдя новый способ приложения своей энергии и своих идей — теперь это всё с благодарностью принималось. (К тому же, испытывая вину перед мужем, она всячески старалась создать ему максимальный комфорт.) Кирилл же, следуя её советам, подумывал сменить место службы — подыскать работу по душе — и вообще начал вести более активный образ жизни...

— Надо было так сделать с самого начала. Каждый получил своё и успокоился, а я едва успеваю сдавать пыльцу.

— Рада за тебя, — сказала Альханэ. — А у меня тоже новости. Я еще никому не показывала, — она взяла меня за руку и повлекла за собой.

На земле под ветвями ели был укрыт шалашик. Плетенные из лепестков стены прикрывали три ряда ячеек, в которых сидели бабочки — большие и маленькие, скромные и роскошные, нежно-розовые, жёлтенькие, чёрно-белые...

— Питомник?

Альханэ счастливо улыбнулась. Это было её давней мечтой — устроить питомник-лечебницу, где можно было бы собрать самых-самых разных бабочек и заниматься ими всерьёз. И не у себя в дупле, а прямо на лугу. Но не хватало то времени, то пыльцы...

— Смотри, какая, — вполголоса проговорила подруга и осторожно, как только она умеет, вытащила из «постельки» крупную бабочку и протянула мне. — Я почти уверена, что когда-то она была музой. — Бабочка послушно перебралась ко мне на руку. — Ты не представляешь, какая она умница! Всё-всё понимает... Сама ко мне прилетела.

Я заинтересованно оглядела крылатую красавицу. Крылья у неё были широкие и крепкие; нижние половинки — в тёмно-голубых разводах на очень темном фоне. Верхние, украшенные взбегающими чуть наискосок янтарно-медовыми полосами, похожими на закат, венчались треугольниками, в густой черноте которых выделялось по белому кружочку... Как две полные луны. Темновато, на мой вкус и навевает что-то... тревожное, но весьма и весьма красочно — стоит как-нибудь «померить» такой наряд. Впрочем, Син говорит, что на моих крылья — цвета прозрачной морской волны в лучах полуденного солнца — можно рассмотреть рассвет, а радужные пятнышки иной раз сплетаются в целые пейзажи...

— А как она называется?

— О, название у нее сложное, и всё равно ничего тебе не скажет. Да и какая разница?



— Действительно... — Бабочка тихо сидела у меня на запястье, время от времени шевеля пушистыми усиками. — Ты хорошая, — сообщила я ей. Жаль, что нельзя погладить: драгоценная пыльца на крылышках... — Тебя наверняка кто-нибудь ждёт... — шепнула я. — Очень ждёт где-нибудь далеко, да?

— Что? — заинтересовалась Альханэ.

Я рассказала ей, что узнала от Сина — про перерождение муз.

— Похоже на правду, — сказала она и провела пальцем по спинке насекомого. Бабочка как будто потянулась к ней.

— А что с ней? Она больна? Кто-то обидел?

— Просто старенькая, — объяснила Альханэ, забрала у меня бабочку и так же осторожно посадила обратно. — Ей уже недолго осталось. Собственно, я как раз пытаюсь найти способ продлить ей жизнь. И другим тоже. Они погибают раньше, чем я успеваю разобраться в их мыслях, а мне кажется, что если бы мы научились их понимать, это здорово помогло бы нам в творчестве: дало бы новые темы или новый взгляд... Ну, вот кажется — и всё тут. Впрочем, что это мы всё обо мне? Расскажи лучше о Сине.

Я невольно вздохнула:

— Последнее, что я о нем слышала, я знаю от тебя: его повысили. То есть теперь у него под крылом группа начинающих хранителей, совсем-совсем неопытных, как желтоклювые птенцы.

— Всё-таки ангелы лучше обучают свою молодежь, — вроде бы посетовала Альханэ. — И дисциплина у них очень жесткая.

— Ты хотела бы, чтобы нас контролировали так же? — удивилась я.

Альханэ засмеялась:

— Да нет, конечно. Разве это жизнь? Для музыки?

— Работы у него, должно быть, прибавилось... — подумала я вслух. — Он ведь такой добросовестный и ответственный!

Как же я соскучилась! Солнце в траве, звон колокольчиков, питомник Альханэ — всё потеряет половину очарования, если я не смогу поделиться этим с Сином...

16

До сих пор не могу найти Сина. Знакомые сороки передали, что у него неприятности, но они могли и неправильно понять. Сороки вообще легкомысленны до невозможности и любят присочинить. Наверное, у него просто много хлопот с новенькими. А ведь я, наверное, могла бы помочь: у меня как раз уже несколько дней затишье в работе.

Упросила знакомых воробьёв найти его и передать, что я жду. В парке, у Центрального пыльцесборника. Сказали, что постараются. Им я больше доверяю: они обязательные.

Прождала несколько часов. С каждой минутой я начинала волноваться все сильнее. Хранителю не нужно много времени, чтобы переместиться из



мира в мир. Хотя бы появиться здесь — обменяться парой слов — вернуться обратно. Должно быть, у него действительно серьёзные неприятности...

— Он не прилетит, Лира...

Я резко обернулась. Передо мной висела в воздухе Муся. Вся она была какой-то серой, даже нимб был словно полинявший.

— Что с тобой? — перепугалась я и немедленно стряхнула на неё зеленоватое облачко с правого крыла и золотистое — с левого.

— Не стоит, — сказала она как-то нервно и даже отстранилась. — Пыльцу тебе лучше поберечь.

— Что-то случилось? — Кажется, она была очень напугана.

— Да. Что — не знаю. Но Главная Распорядительница велела мне немедленно разыскать тебя и отправить к ней. Домой.

Вот тут и я перепугалась по-настоящему. Никого из нас она никогда не звала домой.

— Ты полетишь со мной? Муся?

— Нет. Она предупредила, что ты должна сама... Лира, прошу тебя, будь осторожнее!

17

Личный купол Главной Распорядительницы был устроен на земле, в корнях рябины: бескрылым тяжело без крыши над головой, а каждый раз подниматься в кроны деревьев они не могут... От наземных букашек и всяких тяжеловесных жуков его охраняли сторожевые грачи. На меня они покосились, но тут же отвернулись и занялись своими делами, а я неуверенно переступила порог.

Я впервые находилась в наземном доме. В нем было несколько комнаток и стояла мебель вроде человеческой, только из травяных волокон — вся зелёная, светлая и прямо на полу... Непривычно было ходить на ногах, так и тянуло взлететь, но я стеснялась — ведь хозяйка этого не могла.

Главная, в своей обычной бесцветно-бесформенной накидке, быстрым шагом вышла из внутренних комнат и устремилась ко мне.

— Лира, — сказала она, не поздоровавшись и даже не улыбнувшись, — тебя разыскивает Син.

— Правда? Ну, наконец-то... — Я с трудом удержалась на полу.

— Вернее, он ищет музу, которая вмешалась в дела Аллы. Пока он не знает, что это именно ты.

— В дела Аллы? А... а почему вдруг — он?

— Как почему? — удивилась Распорядительница. — Он же её ангел-хранитель. — И ещё более удивлённо спросила: — Так ты не знала?

Я снова с трудом удержалась на ногах, но уже по другой причине.

— Мы не говорили о делах. Просто не успели... Мы... Мы ведь вместе еще так недолго...

Главная в задумчивости покружила по комнате. Когда она повернулась спиной, я невольно опустила глаза.



— Всё сложнее, чем я думала, — пробормотала она, вновь останавливаясь передо мной. — В общем, Лира, ты должна знать: он считает, что твои действия принесли его подопечной вред, и существенный.

— Вред? Но я не сделала ничего незаконного!

— Формально, — кивнула Главная. — Но ты указала ей творческий путь, а она приняла это за любовь. — Она внимательно посмотрела на меня. — Должно быть, ты еще просто не в курсе. Алла ушла от Аркадия — к Кириллу — и почти сразу поняла, что сделала ошибку. На Аркадия это подействовало очень сильно, а Кирилл... Теперь ему нужно заботиться об Алле, поэтому от всех своих творческих проектов (из-за которых она им и увлеклась) он отказался и сосредоточился на том, чтобы хорошо зарабатывать. Теперь Син. Он в ответе за Аллу и, будь ситуация только под его контролем, ни за что бы этого не допустил: союз Аллы с Аркадием был вполне гармоничным, им нужно было только приспособиться друг к другу. Но вмешались музы... ты понимаешь?

С крыльев у меня зеленым золотом потекла пыльца.

— Вы скажете ему, что это я?

— Могу не говорить, если ты не хочешь. — Она пожала плечами. — Но он ведь все равно узнает. Не забывай, кто он.

Спрятав лицо в ладонях, я почти застонала:

— Но почему?! Почему всё вышло так нелепо? Я так хотела, чтобы они были счастливы... Я мечтала только об этом...

— Лира, когда ты наконец поймешь! — Судя по голосу, Главная начала раздражаться. — Нам не нужно, чтобы они были счастливы! Нам нужно, чтобы они *ТВОРИЛИ!*

— Да неужели это несовместимо? — почти крикнула я. — Почему нельзя творить, никого не делая несчастным!

— Лира! Да ты совсем как ребёнок! — Она говорила не укоризненно, а скорее грустно. — В нашем мире, отдельно взятом, страданий нет — и нет творчества. Как ты считаешь, почему? И зачем нам нужны люди как таковые?

И я вдруг поняла, что не сумею ответить. Я просто никогда об этом не думала! Это казалось таким правильным, таким привычным — есть музы, и есть люди. Люди зовут, музы приходят...

— Оглянись вокруг, — продолжала она. Я послушно завертела головой. — Всё, что ты видишь — пыльца. Стены этого дома, платье на тебе, амброзия, которую ты пьёшь, парк, по которому гуляешь, сам воздух, которым ты дышишь... Без пыльцы ничего этого нет. Нет нашего мира.

— Вы хотите сказать, — до меня хоть и медленно, с трудом, но доходило, — что без людей нас бы попросту не было? Что мы существуем только благодаря желанию людей творить? Так мы... мы что же — паразиты?! — Я не могла больше сдерживаться.

— Некоторые считают именно так, — кивнула Главная. Она прошла к столу и уселась в плетёное кресло. — Но разве это важно, Лира? Благодаря нам люди делают свой мир ярче.



Я молча следила, как растворяется моя пыльца под ногами, впитывается в пол, уходит в землю... У меня не было сил её удерживать.

— Теперь самое важное. Лира... — Я недоуменно вскинула глаза. Ещё что-то?.. — Ты не должна больше работать с Аркадием. По крайней мере, не сейчас. Если он позовёт — не слушай.

— Но... Я же муза... Если я нужна ему... Да конечно, нужна! Он обязательно захочет спрятаться в свою работу, как в скорлупу, и я тогда...

— Лира! Ему сейчас плохо. Если он хоть на миг перестанет себя контролировать, то может оборвать тебе крылья!

Я попыталась себе это представить...

— Нет! Не может, нет... Только не Аркадий... Он всегда повторял, что в ответе за собственную музу!

— Всякое бывает, — вздохнула Главная. — Ты слишком уж в него веришь.

— Откуда знать *вам*? — вырвалось у меня. Я тут же пожалела об этом, но Распорядительница не рассердилась.

— Ты думаешь, бескрылой я родилась? — тихо спросила она. — Нет. Когда-то у меня была пара здоровых, сильных крыльев. Я была молодой, горячей и очень похожей на тебя — и точно так же, как ты, жалела людей. И позволила себе привязаться к человеку, с которым долго работала. Он тоже был художником, и очень способным, но его полотна не пользовались спросом, а семья постоянно пыталась на него повлиять — убедить, что творчество хорошо тогда, когда хорошо оплачивается. Ему следовало бы заставить их себя уважать, но он лишь усмехался — и продолжал творить. И я помогала ему — изо всех сил, пока однажды им всё же не удалось задеть его за живое, да так... В общем, начался кризис; но работу мы не прекратили. И в какой-то момент он сломался. Крикнул: «Чтобы я еще хоть раз в этой жизни взялся за кисть!» — и отшвырнул её в сторону... — Она помолчала, глядя в пол. — Конечно, он тут же опомнился: это был лишь момент отчаяния. Но у меня уже были сломаны крылья. Навсегда. И это еще не самое страшное, что могло бы случиться.

Что может быть страшнее? Я молча смотрела на неё. Под ноги мне осыпалась и осыпалась пыльца...

— Будь удар хоть чуть-чуть сильнее, я бы, скорее всего, просто развоплотилась.

— Я думала, — язык у меня слушался плохо, — если муза развоплощается, то добровольно... — Ещё одна ужасная мысль пришла мне в голову. — Или... или это может быть наказанием? Развоплощение?

— Всякое бывает, — повторила она. — А теперь это может случиться с тобой. Аркадий сейчас в отчаянии... Не лети к нему, даже если он *очень* сильно попросит. Подожди. Пусть пройдет время...

— А что случилось с вашим художником? — Не в силах больше стоять, я опустила на пол — стекла подобно пыльце. — Вы оставили на нём знак — проклятие музы?

Она покачала головой.



— Я не хотела мстить. Но это сделали за меня другие. Он пробовал продолжать писать, но успех к нему пришёл только благодаря старым полотнам. Тем, которые мы сотворили вместе. Больше у него не получилось ничего настоящего... И, Лира... Не думаю, что это произойдёт, но Син может потребовать наказания. Для тебя.

Син? Мой белокрылый принц?

— Он не будет... — пролепетала я. — Син... НЕТ.

— Не зарекайся, — печально сказала Главная. — Твой Син из тех, кто считает, что нас нужно ограничивать. Хранители хотят, чтобы мы заключили с ними договор. Они прикрывают наши крылья от человеческих страстей, вольной или невольной, — мы обязуемся все свои творческие планы согласовывать с ними. Чтобы никому не навредить. Пока мы не сошлись в понимании вреда и пользы, поэтому к соглашению не пришли, так что в случае чего твёрдо стой на своём. Мы не ангелы. Мы музы, и у нас свои задачи. Если твои действия привели к развитию чьего-то творческого потенциала, свой долг ты выполнила.

— К развитию? Вы про Аркадия? Значит, его способности раскроются ещё полнее?

— Наверняка. Но я про Аллу. Она сейчас очень несчастна, и у неё как никогда обострена способность творить... Может быть, это во что-нибудь выльется — в работу со словом. Или со звуком... Но, Лира, мой тебе совет: если она позовёт — не лети. И к ней тоже. Пошли когонибудь покрепче, потолстокожее. Да вот хоть Мусю — они наверняка найдут общий язык...

Были уже сумерки, когда я вылетела, а точнее сказать выплыла из ее купола. Собственные крылья казались неуклюжими. На душе скребли вороны. Меня как будто лишили *всего*. Даже права быть музой. Меня будут звать — а я не должна откликаться. Я кому-то нужна — но думаю только о собственных крыльях... Я способна лишь на то, чтобы сделать кого-то несчастным — и радоваться полученной пыльце.

Наверное, всё правильно. Нельзя переплетать человеческие жизни со своей, да ещё так тесно. Тем более если ты — муза! Но... Я ведь старалась!

Я так старались, чтобы всё было хорошо! Син... Неужели ты не поймаешь? Аркадий... Я сделала все, что *должна* была сделать. Всё, что могла! А если я причинила кому-то вред, то всё ведь еще можно исправить.

Ведь правда? Можно?*

*Фрагменты крылописи. Источник — крылья Kallima Paralekta. Расшифровано Главным Архивариусом Альханэ. **

**Записано Аллой Колесниковой со слов Мусы.



С. БЕСКАРАВАЙНЫЙ

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

— Но если Лазарь был мёртв меньше девяти дней, то душа не отлетела. И его воскресение, выходит, не настоящее?

— Оставь сомнение. Умер, но потом воскрес. Чего еще желать смертному?

К

ОЛМ БЫЛ МЕРЗКИЙ, ТЯЖЕЛЫЙ, ОТ НЕГО НЕСЛО БУДУЩИМИ смертями. Всё вокруг было выжжено, вытоптанно. Витая колючка в несколько рядов на склонах, протянутая прямо по гарям. Широкие окопы, почти рвы, на вид пусты. Таблички и белые ленты у минных полей. И несколько каменных домов на вершине, со следами копоты, однако целых, и наново укрепленных мешками с песком.

— Нас прошлый год жгли. До того бурые стояли, рота, ну еще полицаев прикормили. Как Буран стал на шоссе ходить, минировать — те озверели совсем. Народ по лесам разбежался, так они всех, кто остался, подчистую угнали, стариков только расстреляли.

Пожилой Стоян, с сединой в недельной щетине и грустными глазами, шепотом пересказывал младшему лейтенанту историю гибели Тулово. Всё в этой истории было обыкновенно — окрестные вёски так же сожгли, и Тонкий Лес, и Заболотье, и Пыхань. И такие, как Стоян, мастера, на лесопилках уже не работали, а старались поджечь и взорвать, что только можно.

Младший лейтенант слушал вполуха, больше старался рассмотреть детали и отметить в планшетке, что увидел. Оба они не шевелясь лежали в лозняке, хотя Стояну уже стало жарко в старом мадьярском полуфренче.

— Как сюда Корней ходить стал, и наши нормальное оружие добыли, так эти всё, закрылись, только стреляют, чтобы к шоссе отсюда прохода не было. Да раз в неделю обоз. Берегутся сильно, в разное время выступают, один раз смогли отбить, больше не получалось.

— Те ленты белые — там точно мины? — поджидать обоз явно не входило в планы армейского человека.

— Которые справа? От колодца до хаты Кузьмича — точно. Дальше вроде как пусто.

— Какая хата? — младший лейтенант понятия не имел, где жил Кузьмич, и на несколько минут вся разведка свелась к объяснениям партизана, от какого забора до какого столба мин вроде как нет, а где наверняка есть.

— Землю они везде перекопали, — в качестве пояснения добавил Стоян.

— По ночам много светят, ракеты пускают? А собаки? Или они кого-то подняли?

— Точно, подняли, и не наших, — в голосе мастера проскочила нотка гордости, дескать, достали мы их, что своих не пожалели, ночами оборониться поставили, — Десятка с два тухляков будет.



— Ещё свежие? — деловито уточнил собеседник. Он, кстати, тоже не выглядел человеком первой молодости, третий десяток уже точно разменял.

— Да вроде недели не прошло. Бегают быстро.

Издали, от шоссе, докатился низкий звук взрыва. Потом ещё.

Младший лейтенант и Стоян переглянулись, без слов начали отползать в распадок. Там уже сидели трое — сержант, рядовой и мальчишка лет четырнадцати, по виду родич старого партизана. Сержант и рядовой остались в секрете. Остальные ушли.

Лист с планшетки (вырванный из старой ученической тетради, с детскими каракулями на обороте), очень скоро попал на снарядный ящик. Вокруг ящика была вода, по щиколотку в ней стояли несколько человек и как раз решали, что делать дальше.

Мимо них, по старой гати, тянулся самый хвост батальона, несколько человек и навьюченных лошадей. Мешки медикаментов и разного хлама, без которого совсем уж не жизнь.

Телеги пришлось бросить перед болотом.

— Подтвердилось? — Ермил, который командовал местными партизанами, переживал и уже разгрыз мундштук трубки. Правда, больше переживал он не из-за сведений, в них он не сомневался, а за внешний вид своих бойцов. Бурые и зеленые трофейные мундиры, крестьянские рубахи, у него одного нормальная форма. И неприятно, и кого ненароком подстрелить могут, видят-то друг друга меньше суток.

— Порядок, — комбат, молодой парень, но с совершенно седой головой, бегло сравнил наброски с картой, отпустил младшего лейтенанта, — Твои точно выведут на шоссе?

— Туда много раз ходили. Могу и сам, в лучшем виде.

— Ты с нами идешь. На охват выделишь мужиков половчее. Отход им перекроем. Третья рота с тобой пойдет. Фирс, нашли, где миномёты поставить?

Артиллерист, измазанный в грязи больше всех остальных, кивнул.

— Т-так т-точно. Завершаем у-установку, — он показал время на ручных часах.

— Тогда слушайте. Модестов, твоя рота по склону, как договорились, Висса, вторую роту через распадок поведешь. Накроем огнем, атакуем, те отходить начнут. Должны, раз тылы свободные. А как на дорогу к шоссе втянутся, так их Торзов культурно и снимет. Возражения и вопросы?

Камеров всегда произносил эту фразу. Хотя сейчас это был самый очевидный план, холм в любом случае надо было брать до вечера и накрывать с него шоссе.

— Если горло им перетянем, то есть дорогу к шоссе в наглуую перекроем, не сдадутся? — замполита всегда интересовали экономные решения.

— Не сдадутся, — Ермил устало вздохнул, — Это ж те, которые Пыхань жгли, точно говорю. И наших они знают. Чего им сдаваться?

— Если между Тулово и шоссе станем, могут с двух сторон ударить: эти на прорыв, а те им на помощь. А у нас из ПТО только одна сорокапятка, раз-



дают, — Камеров уже всё решил, но сомнения надо было убрать, — Военный совет батальона, кто за атаку двумя ротами?

Начальник штаба, Мокей, выразительно посмотрел на замполита, дескать, перестраховка перестраховкой, сам такой, но сейчас не до тонкостей. Времени нет.

Все, кроме замполита, подняли руки. Арефий воздержался.

— Тогда на позиции, — Камеров обернулся и прокричал обозникам, — Гостак, у тебя ещё зелёные ракеты остались!?

— Так точно!

Комбат посмотрел на остальных.

— Как Фирс подготовку закончит, по сигналу. Я пока с ним, а потом ко второй роте подойду. Всё.

Ящик без карты сразу осиротел, но прежде чем офицеры разошлись по местам, его хозяйственно подхватил обозник.

В полчаса не уложились, и только ближе к часу дня вышли на позиции.

К каждому миномёту дотасили по два боекомплекта, а всего минометов было пять штук.

Короткий обстрел, только так, чтобы накрыть огневые точки, и вперед. Отступать поздно — если всполошатся, подбросят подкрепления, оттеснят в болото, через гать всем уйти не получится.

Здесь не имелось больших, открытых пространств, перед броском смогли подползти. И бежать совсем недолго, только секунды для всех растягиваются.

Одну «кочергу» не подавили, и откуда-то из-под угла бывшей школы упрямо начал бить пулемёт. Бойцы падали, кто-то пытался делать перебежки, но со стороны распадка поначалу дойти не получилось. «Кочергу» попытались ослепить огнём — пулемётная рота смогла перетасить по болоту свои железки, и на бойнице, в которой мелькал желтый огонёк, сошлись пункты очереди.

Первая рота успела добежать до минных полей и колючки, там, где уже начинались сгоревшие избы. Те из местных, кто шел в атакующих порядках, смогли проверить свои догадки. Частью не разобрались, не досмотрели — мина-«лягушка» выкосила почти всё отделение Ерхи, досталось Белоглазову.

Из домов пошёл автоматный огонь, и скоро должны были развернуться орудия у шоссе, накрыть нехстати возникшую угрозу.

Миномётчики добавили еще несколько зарядов, замолчала «кочерга», стало легче.

Вторая рота дошла до колючки, первая до линии широких окопов.

На их дне, в перетертой почти до состояния пыли земле, зашевелились мертвяки.

— Огнемёты! — тот самый младший лейтенант, который осматривал позиции, теперь срывал голос и чуть не руками толкал огнеметчиков к окопам.

Пламя не могло уничтожить поднятые трупы в мгновенья ока. Оно просто звало их, заставляло выбраться из пыли и попытаться затоптать себя, погасить. И уж тогда обычная граната укладывала ходячий кадавр обратно.



Из домов всё это было видно, как на ладони, там ситуацию понимали, и первого ротного огнеметчика убили ещё в самом начал. А второй еле успел нажать спусковую скобу, залить окоп пламенем, и его тоже умудрились подстрелить. Остальной роте пришлось залечь и отстреливаться.

Бутылки с бензином такого эффекта не давали.

Вторая рота перевалила через колючку, подходила к окопам со своей стороны. И в каменных остатках Тулова нашлись люди, которые решили, что с них хватит.

Двое на лошадях, и грузовик, старый «коробок» с матерчатым верхом. Быстрей, ещё быстрей, по дороге в сторону опушки, а за ней нет и двух километров как шоссе, и там уже есть шанс уйти надолго, не попасть окончательно в мешок.

Ни партизаны, ни армейские по ним не стреляли, кто-то из собственного начальства выстрелил и убил одного конного.

Наконец земля в окопах перестала шевелиться, и выбравшиеся «тухляки» превратились в некрупные головешки. Можно было идти дальше.

— Камерова убили! Командира убили! — тревожно прошло по цепи второй роты.

Огонь от домов слабел. На дорогу выбежало несколько группок пехотинцев в серых мундирах. Первая и вторая роты почти одновременно перевалили через линию окопов.

И тут, будто там ждали именно этого, переломного мгновения, пошёл огневой налет на окраины Тулова, и сквозь разрывы от дороги послышалась частая, залошная стрельба.

Опоздали на той стороне, не успели.

Бойцы уже были у стен, забрасывали бойницы гранатами, выламывали двери. Скоро налет кончился. Там, на шоссе, были и другие проблемы. Только вот стрекотание с грунтовой дороги не прекращалось — Торозов мог и обратно откатиться.

Висса и Модест у бывшего здания сельсовета дождались Мокея, который прибыл с пулеметной ротой. Здесь же был Прох, батальонный ординарец, он пытался водой из пожарной бочки хоть как-то умыться после окопа. Связники тащили рацию. Внутри здания искали попрятавшихся и там стоял кавардак. Прямо на крыльце бойцы саперными лопатками били по затылкам трупы — гарантированно успокаивали.

В воздухе носилось усталое веселье — самое на сегодня страшное позади, дело сделано, и сегодня смерть от них всех будет брать только малую долю. И еще была настороженность. Не столько от нового боя, который никуда денется и вот-вот начнется, сколько от вещей вокруг. Они еще не приобрели статус трофеев, не стали своими, законными: повсюду были надписи этим жирным, кособоким, непоймешь-что-выбито шрифтом, и только не хватало бирок с именами владельцев.

— Кха... кха... ...капитан, будем считать, что ты принял командование, — Виссу перегибал кашель.



— Да. Принимаю. Модест, взвод Картоша пополни, кто остался, и по дороге пусти. Раздолбают нам Торозова, весело будет. — начальник штаба прятал за напускным хладнокровием неуверенность, однако растерянности не испытывал, — Занимаем оборону, огневые ставить будем. Прох! Глаза продерешь — быстро к Фирсу, пусть поторопится.

Ординарец вытянулся по стойке смирно, но тут же снова наклонился к бочке.

Виссу перегнул новый приступ кашля и он, держась за стенку, отошел в сторону.

— Ещё! Первому фельдшеру скажешь, как обрабатывает тела, сразу пусть в подвалы свозит.

— Так точно, — глазастый Прох, отплеываясь, углядел первого фельдшера. Тот как раз сидел перед широким окопом, над очередным телом. Сосредоточенный, торопящийся обработать всех, кого можно — в руках держал шприц, а рядом дымилась прижигалка для ран. Но ординарец показывать пальцем на Водина не стал — последние дни старался отучиваться от дурных манер.

Мокей подозвал к себе связистов, пора было доложить о ситуации и запросить координаты для огня — он понятия не имел как изменилась обстановка на шоссе за последние двадцать часов.

Новый артналёт заставил их всех бежать в укрытие.

Через сутки стало и легче и тяжелее одновременно.

По гати подтащили ещё боеприпасов, пришло подкрепление — стрелковая рота. Миномёты раз за разом накрывали шоссе, оно перестало быть сколько-нибудь надежной коммуникацией, и теперь Волуйки из проблемы армейского масштаба превращались в частный эпизод.

Но «бурые» нажимали — взяли остатки какого-то полка, кинули от шоссе вдоль грунтовки. Торозов откатился почти к самой гари. Единственное орудие разбили, расчет там же и полёг. Остатки Тулово были в зоне действия артиллерии, и в домах не осталось целых крыш.

Однако на той стороне войска откатывались, штабам было не до батальонов, и ни у кого не было времени нормально спланировать операцию по подавлению новоявленного «чиряка». Хватили первые попавшиеся орудия, били, убеждались, что танков со стороны Тулова не будет, глухого мешка не получится, и для артиллерии тут же находились задачи поважнее.

Мокей созвал ещё живых офицеров на военный совет. В подвале магазина — на мешках с картошкой и мукой. Из ламп были керосинки. У стены рядком лежали собранные тела, а на груди Виссы сидел и сверкал глазами батальонный кот Трубач. Он всегда истреблял крыс и ни разу не пытался есть человечину или царапать тела. Тянуло кислым запахом консерванта.

Начштаба ощущал себя тореадором, который стоит перед раненым, умирающим зверем. И всё бы хорошо, да только в руках вилка и до смерти быку ещё минут пять. И убежать он права не имеет.



— Пора воскрешать. Ещё день, и нас будет слишком мало. Раньше ночи подкрепление просто не дойдет.

Командир первой роты молча поднял руку. Партизан тоже согласился и тут же начал прикидывать, как всё провернуть.

— Воскрешать, это правильно, это мы организуем. Вот вытащим народ попервой к болотцу, там пригорки есть хорошие, добрые, трава не мятая, земля спокойная. Всё скоренько и пройдет. А другим делом... — Ермил торопливо стал загибать пальцы.

— Отставить. Какое болото? Мы половину живых угробим, пока до распада донесём, — начштаба устал и говорил тихим голосом.

— Так что, здесь? Тут земля плохая. И вообще, — партизан хотел что-то объяснить, но по наверху скрипнули дверные петли и по лесенке начал спускаться замполит. Керосиновая лампа на столе давала мало света, только дыры в спине и левом боку были видны очень хорошо.

— Арефий, ты что надумал? — Мокей привстал и прошипел эти слова таким тоном, какой действует посильнее иных матюгов.

— Всё одно не жилец, — замполит повернулся к остальным и весело подмигнул. В глазах лихорадочный блеск, и лицо уже начинало худеть, — Сердце не задето, так что сутки нормы имею, своими мозгами думать буду.

— По другому не мог? — Модест не упрекал его. Просто спрашивал.

— Там горячо, между прочим. Чичибаев с Хорсом тоже.

— Где вы только консервант пережигать умудряетесь? — первый фельдшер задал риторический вопрос.

Этот молодой человек всегда щеголял чисто выбритыми щеками, белозубой улыбкой и новой формой. И хоть приходилось ему идти практически в строю и работать с тёплыми трупами, за нагловатый форс его не любили.

— С такими темпами ещё две атаки и колотья придется всем, — Арефий привалился к стене.

— Тогда немедленно. Будем попеременно раненых и консервированных работать, — Мокей повернулся к партизану, — Сколько людей можешь дать? В пределах часа.

— Годящих? Десятка три наскребём помаленьку, Елена Семёновна, Лукия Дмитриевна, Валерия Давыдовна, Клавдия Устиновна, — он перечислял ба и дальше, да только напоролся на взгляд начштаба и торопливо закончил, — У нас за это дело Ярина Семёновна отвечает.

— Действуй.

Тот бросился в лестнице.

Начштаба повернулся к первому фельдшеру. Медик услужливо поднял брови, дескать, чего изволите.

— Имей в виду, Водин, станешь от общего каравая отщипывать, и трибунала не будет.

— Так точно. Я сколько с вами вместе воюю? — улыбаясь чему-то своему, спросил в ответ фельдшер.

— Мало. Для таких вещей жизни мало.



Водин сделал вид, что не обиделся. Прошёл в центр подвала, достал из саквояжа — изрядно потёртого, много раз от пыли и глины чищенного, но всё-таки настоящего докторского саквояжа — коробку со шприцем. Начал раскладывать инструменты.

Мокей встретился взглядом с Арефием — чего здесь завтрашнему тухляку сидеть, там живые под огнём. Заполит отдал честь и ушёл. С ним поднялся наверх Захлебный, который теперь командовал второй ротой.

Редкие разрывы снарядов восьмидесяток, которыми «бурые» угодчили от шоссе. Плохо слышные металлические щелчки — выстрелы ближайшего миномёта. Мокей попытался успокоиться, и по радиации выбить ещё хоть какие-то подкрепления.

Через какое-то время его отвлекла старуха. Бодрая женщина с прямой спиной, но сморщенным, как плохо вымешанное тесто лицом, и запавшими губами. В руках она держала немалый бутыль самогона, и было видно, что кожа на тыльной стороне ладоней вся в старческих пятнах..

— Шо, принимай, я тебе людей привела.

В подвале уже было с десяток селян. Только начштаба больше смотрел на женщину.

— Ярина Семёновна?

— Тошно так.

— Сколько лет?

— Дак тридцать третий пошел, — она будто смеялась над собой.

Мокей посуровел.

— Дети? Из-за них?

Она тоже перестала смеяться.

— Шиновья, блишняя. Воевать подалиш. Им шас по пятнадцать было бы. Я их оболтушов два раша вытягивала. Ранеными валялиш. Митька потом шгиб, его каратели повесили. И за шо? Гебитшу тутошнему чуделюш, будто он ш него военную мышль крадет. Ну какой ш Митьки мышляк?

Факт. Настоящих телепатов во всем фронте по пальцам одной руки пересчитать можно было. Да и кто их пустит на фронт? Начштаба ещё хотел спросить Ярину, не хватит ли с неё, только понял, что для себя она уже всё решила. Он кивнул и пригласил рассаживаться.

Остальные женщины тоже от старости не сгибались, только вот лица их молодыми назвать было невозможно.

В подвал протиснулось четверо бойцов. Тоже расселись по мешкам.

Бутыль поставили неподалеку от фельдшера.

— Ну что, этого, думаю, хватит, — фельдшер с еле уловимой насмешкой в голосе распаковал коробку со шприцем.

Мокей вопросительно посмотрел на медицину — что колоть будешь? Водин вытащил плоскую нагрудную металлическую флягу, с которой по уставу не должен был расставаться и во сне, а из неё вытряхнул на ладонь полупрозрачный шарик, похожий на белужью икринку. Шарик взял в левую руку, пустой шприц в правую. Скорчил вопросительную физиономию.



Тянуть дальше не имело смысла.

Мокей снял трубку — от «бурых» остались отличные телефоны, в придачу аккумуляторы ещё дышали — и позвонил в подвал бывшей школы, второму фельдшеру. Из госпиталя должны были притащить раненого.

Его подвели меньше чем через минуту. Дергенько, из второй роты. Порванные осколком мышцы плеча, перевязка. Ни кости, ни важные органы не задеты.

Боец сел в центре круга.

Первый фельдшер невозмутимо вложил икринку обратно во фляжку. Вытащил ножницы и быстро срезал повязку. Плохо зашитая рана кровоточила.

— Приготовились, — он сделал пару пассивных движений, подражая движениям фокусников. Чувство юмора не покидало его даже сейчас.

Все подняли руки, показывая открытыми ладонями на бойца. Начштаба увидел на груди и двух селян ладанки спасителя пылающего, но решил, что если те не начнут вслух молиться, то он этих амулетов не заметит.

Снова появилась икринка, фельдшер вытянул шприцем её содержимое, а потом уколол бойца с тем расчетом, чтобы «живая вода» сразу попала к порезам.

Мокей почувствовал, как теплеет раскрытая ладонь. Чаще забилось сердце, по спине и ногам забегали мурашки. Пришло спокойствие, отрешенное, безучастное довольство судьбой. Какой-то голос из детства зашептал на ухо, что надо просто стоять вот так, ничего не делать и скоро наступит счастье.

Боец зашипел, задергался от боли. Люди вокруг напряглись — это всё сейчас отдавалось в них. Рана стала закрывать прямо на глазах.

— Терпи, — первый фельдшер взял лопаточку, похожую на плоскую ложку, и этой лопаточкой стал прижимать формирующийся рубец, чтобы наружу не поперло дикое мясо.

Дергенько шипел, кусал губы. Участилось дыхание, было простым глазом видно, что и сердце у него колотится на пределе. Фельдшер продолжал давить, изредка помогая себе пальцами.

Людам в кругу тоже было несладко — пришли страх и ощущение безнадежности. Сладковатое наваждение первых секунд отпускало, а вот силы на выздоровление раненное тело брало, как хотело.

Минута, другая, и напряжение стало спадать. Рубец сформировался, давить уже больше ничего не надо было, а когда Дергенько поднял руку, показывая, что с ней полный прядок, все как по команде, сложили ладони.

— В распоряжение второго комроты, шагом марш! — Мокей, который со всеми сейчас разминал болевшие пальцы, выкрикнул команду, будто излеченный боец вышагивал на плацу.

Дергенько, хоть и был сейчас дьявольски голодным, не стал волынить, тут же вскочил, подобрал у лестницы автомат и ушёл в бой. Лечение почти не укоротило его жизнь.

— Командира точно потянем? — спросил у первого фельдшера Мокей.



Всё-таки не выходит из меня нормального комбата, с застарелой досадой подумалось ему.

— Должны. Он не тяжелый, — Водин как раз подтаскивал тело командира к центру подавала, — В том смысле, что весь свинец навyleт, сердце цело, разве только легкие... Да и ребра. Он от болевого шока, скорее всего. Я ему консервант почти сразу вколол, крови много не вылилось.

Гимнастёрка сошла за простыню.

Раны на мертвом теле первый фельдшер прижёт ещё в бою.

Несколько глубоких вздохов и люди в подвале снова показали свои ладони.

— Товарищи, — Водин, стоя на коленях перед телом, как раз набирал в шприц содержимое второй икринки, и тон его голоса стал добродушно-примирительным, — Па-апрошу не напрягаться. Когда почувствуете слабость, не старайтесь её перебороть. Просто засыпайте.

Укол «живой водой» в сердце дело хорошее, но препарат требовалось разогнать по сосудам. Фельдшер начал массаж миокарда — по науке, упираясь руками в грудную клетку.

— Эники беники ели вареники, эники беники ели вареники, эники беники...

Тело начало подёргиваться. Резкий вздох, похожий на всхлип. Движения стали сильнее, и фельдшер, не дожидаясь, пока командир забьётся в судорогах и сломает себе что-нибудь важное, просто сел ему на живот.

— Эники беники... — массаж нельзя было прекращать.

— С... Су-у-ука, — сознание начало возвращаться к Камерову, во всяком случае, дрыгать ногами он перестал.

Водин давно не обращал внимания на остаточные воспоминания пациентов.

— Как себя чувствуешь?!!! — фельдшер закричал во весь голос, будто контуженому, — Мешает?!!! Давит?!!!

— Здесь, — Камеров, шипя от боли, показал себе куда-то в район селезенки.

Фельдшер слез с командира, прощупал указанное место и побыстрее воткнул туда длинную иглу из набора. Брызнула лимфа, кровь.

Тут снаряд из «восьмидесятки» попал в одну из стен бывшего сельсовета. Ухнуло порядочно. В подвале с потолка посыпались щепки и труха. Всё затряслось, но кроме пыли неприятностей не было.

— Сейчас полегче станет!! Не дергайся, лежи!!

— Уху, — Камеров часто дышал, сердце билось как бешенное.

Остатки консерванта распались под действием «живой воды», организм восстанавливался и одновременно пожирал сам себя. Несколько минут фельдшер смотрел, как всё более отчетливо выпирают рёбра, но до кризиса дело не дошло.

Круг ладоней распался.

— Обс.. обстановка, — выдохнул командир.

— Полчаса абсолютного покоя, — Водин едко улыбнулся, хотя пыльная и грязная физиономия не отражала всего сарказма, — Тут есть хорошая



компания из парочки трупов и куля с мукой, они тебя не побеспокоят. Так что расслабься. И выпей.

Фельдшер влил пациенту в глотку несколько кружек самогона — для разжижения крови и общей подпитки сил.

Радист и один из селян бережно отнесли командира за картошку.

Люди, образовавшие круг, явно устали. Одна скоростарка в белой козырьке без сознания лежала на мешке, из носа у неё текла кровь.

Водин тяжело поднялся.

— Меняем состав, — фельдшер обернулся к начштаба, — Ещё сеанс и у вас закружится голова. Если хотите командовать, то на сегодня с вас хватит.

Мокей был не против, только напрягся. Если он перестанет отдавать жизнь, то останется только одно местно, где ему положено находиться — передний окоп. Такая перспектива не слишком вдохновляла Мокея, но фельдшер говорил правду — голова должна быть ясной, батальон без команды сейчас оставлять нельзя. Начштаба переговорил с радистом. Черкнул на бумаге несколько имен, отдал листок Водину. А потом вызвал по телефону Проха, и ушел в бой.

В подвал заносили следующего раненого, с распоротой голенью и тянулись новые селяне. Первый фельдшер не интересовался людьми вокруг, лишь бы они не забывали держать открытыми ладони. Однако и он улыбнулся, когда Ярина Семёновна углядела среди добровольцев шестнадцатилетнего паренька, и взащей прогнала его, чествуя, как последнего сопляка и неумеху.

Это было правильно.

Только вот фельдшеру ещё надо было «вспомоществовать воскрешениям», как говорили во времена его деда, и ставить на ноги раненых.

По идее вторым надо было вытаскивать с того света Виссу, но сейчас нужны были хорошие пулеметчики, и начштаба в приказе написал фамилию Купылло, чьё долговзое тело пылилось в самом дальнем углу.

К вечеру следующего дня окончательно стало ясно, что батальон уцелеет. В сводке передали — Волуйки взяты. Со стороны шоссе «бурые» уже не атаквали, а только поставили заслон. Сразу после рассвета в нескольких километрах западнее была большая бомбежка, и «восьмидесятки» уже не беспокоили.

Настроение у всех, понятно, поправилось.

Мокей в полдень собрал полтора человека, ещё здоровых или подлеченных, и попытался в обход заслона выйти к шоссе и перерезать его. Полностью осуществить замысел не вышло — нормальных, серьезных аргументов против брони не имелось. Любого танк с минимальной поддержкой пехоты мог смети самопальную «пробку», да и заслон с грунтовки, наверняка, ударил бы в спину.

Однако поставили нормальных корректировщиков, и теперь минометами накрывали редкие колонны, которые еще пытались уходить по шоссе. Да и снайперов рассадили по кустарнику.



Дорога в результате оказалась наполовину забита сгоревшими, разбитыми грузовиками, телегами, разбросанным грузом. Так что пробка, пусть и дырявая, организовалась.

Надо было просто ждать подхода основных частей.

Воскрешенные смогли своими ногами выйти наружу и теперь, как огурцы в теплице, под солнышком лежали рядком у стены бывшей школы. На истощавшие тела было больно смотреть. Рядом с каждым на рушниках выставили хлеб, сколько нашли сыра, и даже варёное мясо — забили последнюю корову.

Командир, прихватив для устойчивости палку, уже ходил по расположению батальона, решал вопросы с Ермилом — сколько тот сможет ещё дать продовольствия и, главное, добровольцев.

— От нас, почитай, ничего и не осталось. А план спустят? Если мы его маленько выполнить не сможем, что будет?

— Ты, колхозник, в селе собираешься дальше быть, или в армии? — Камеров агитировал прямолинейно, грубо, открыто, — Так вот, все мужики дальше с нами пойдут. И лучше, если одной командой, а не повесток по углам дожидаются. Их тогда по всей армии разбросает или ещё шире. Так и думай. С шамовкой сейчас везде плохо, сам знаешь.

— Но ведь пропадет село, без людей, без огня тут все бурьяном зарастет, когда спохватятся, не вспомнят где и было?

— Люди останутся. Стенки потом отстроить можно будет, — когда командир улыбался, становилось заметно, как он пострел, — Да и крупное здесь село, вас в области не обидят, подселение организуют.

Они спорили еще долго, даже когда подошёл начштаба. Только когда партизану доложили, что дала о себе знать группа, которую месяц назад послали в город, он бросил всё и побежал на какую-то там тропинку встречать своих.

— Не избавились от местничества. Дальше своего района думать не желают, — Камеров спиной привалился к покосившемуся телеграфному столбу, подставил лицо солнцу и даже попытался проглотить очередной кусок провизии.

— Командир, тут предложение есть, — нейтральным голосом начал Мокей.

— И?

— Тел у нас достаточно. «Бурых», «серых», полный набор этих чертей, — он выжидающе примолк.

Камеров дожевал свой хлеб с маслом.

— Дай угадаю, хочешь заслон сбить? Тухляков наделать, этой ночью пустить их в работу, и выйти на шоссе всем кулаком? — командир поудобней устроился у столба, но глаза так и не открывал.

— Ночью сюда наши подойдут, — начштаба как раз поговорил с радистами.

— М... Это меняет дело. Ты хочешь раздолбать сам заслон?



— Да. Их там не больше трёхсот человек. Сниматься они будут сегодня, скорее всего с темнотой. Зачем отпускать? — деловым тоном ответил Мокей.

Обманчивая тишина, состоящая из далёких выстрелов и неторопливых разговоров воскресших. И ещё ветер, шуршащий листьями.

Шло время, а командир всё стоял, смотрел сквозь опущенные веки на августовское солнце. В воздухе носился странный, дымно-болотно-смоляной запах. Осколками посекло и надломило много деревьев, смолой пахло везде, ветер принёс аромат тины.

— Что с Арефием? — переменял тему Камеров.

— Скоро сжигать будем. Ночью застрелился. Всё честь по чести — из обреза двустволки голову снёс. Чичибабин тоже. Хорс только затынул со временем. Пришлось помогать. Ну, и Евгенийев.

— У тебя есть ещё добровольцы на управление тухляками? Которые разведенную мертвую воду примут. Кроме замполита-покойника? Дело ведь паршивое, от него поленьями становятся, мозги дубеют.

— Найдутся и добровольцы, — начштаба упорствовал в своей идее, она казалась ему слишком перспективной, — Что приказ шестнадцать нарушим, так его часто нарушают. Лишь бы подчистить следы до прибытия...

Он показал пальцем вверх.

— А если просто сделать крюк по лесу и взять их, когда снимутся с позиции?

— Дальше на запад вдоль шоссе мины и колючка.

Начштаба с таким выразительным, показным недоумением смотрел на командира, что тот, даже сквозь веки, даже под прямым солнцем ощутил негодование подчиненного.

Те ведь не стесняются. И только редкий человек в тухлом состоянии может не починиться приказу. И хоть не играет ходячий мертвец ни против пулемета, ни тем более против брони, всё равно он полезен — минное поле можно снять, огневые точки раскрыть, да мало ли.

Просто давить силой приказа на подчиненного, который организовал воскрешение, Камеров не мог. И дело было не в силе воли или благодарности, просто в здравом смысле — заставить, значит сохранить проблему.

В споре тут требовались какие-то другие, не чисто тактические доводы.

— Сколько у нас, Мокей, сейчас активных штыков? Без партизан.

— Сто двадцать три.

— Уже до усиленной роты не дотягиваем. А когда батальон кончится, подумал? Нас пока не пополнят, пока к новичкам не притрёмся, нормальной частью не будем. И своих лечить трудней станет. Или ты считаешь, что остальных раненых мы по медсанбатам отпускать должны? Всех, кроме покалеченных, до кондиции довести надо. Для нас сейчас каждый человек на счету, еще больше чем вчера.

Начштаба молчал. Аргументы были сильные, но всё еще его не убеждали.



— Если по уму их огнём при отходе угостим, то тела им не на чем будет вывезить. Они завязнут в бою, а тут и наши подоспеют. До своих голов тридцать дойдет. А если начнем возиться с тухляками, можем просто не успеть. Так что потрудитесь выполнять приказание.

— Так точно, — согласился начштаба. И в официальных интонациях его голоса не было фальши, хотя и свою идею он всё ещё считал лучше. Просто сейчас надо было разработать план на вечер.

Командира всегда удивляла странная храбрость Мокея. В бою он перебивал себя, через «не могу» шёл под пули, и при том совершенно спокойно предлагал вещи, от которых могло стать зябко в любую жару. Будто уже знал, что делать с человеком, у которого мозги начнут деревенеть от командования тухляками. Батальонный юрловый с собачьими глазами, да на цепи перед строем — это шутка не из лучших.

От болота к холму шла цепочка селян. В залатанной одежде, грязные, почти выбившиеся из сил, они тянули тюки, несли мешки. Местные перетягивали домашний скарб, который до того прятали на болотах — решили, что в Тулово бои закончились.

Вечером заслон снялся много раньше, чем рассчитывали — то ли пришёл приказ бросать всё, то ли у командира с той стороны хватило ума и решительности сделать ход первым. Особыми маневрами при отходе себя не утруждали — прикрылись двумя «кочергами», был еще один «змей», так погузились, во что могли, а то и пешком, и дали ходу.

Конечно, эти сборы углядели, сообщили миномётчикам, те накрыли колонну залпом. Но времени нормально развернуться, не выпустить «бурых» с позиций, не оказалось. Так что до половины их ушло.

По этому поводу не особенно огорчались — слишком хорошо чувствовали предел своих сил.

Уже в темноте прибыли разведчики сороковой танковой. За ними шли саперы, как обычно на своих грузовиках с деревянными кабинами. Они без особых церемоний спихивали с дороги всё, что мешало проезду. Где-то в третьем часу началось нормальное движение. Для батальона это означало — быть по свою сторону фронта.

Вал подразделений, групп и частей становился всё гуще. Закончилась и «беспризорность» — Камерова с рассветом вызвали в штаб их подходившего полка.

С рассветом дело дошло до обозных и медицинских частей.

Разбитое, сгоревшее Тулово оказалось надлежащим местом для медсанбата. Всё равно в округе ничего лучшего не имелось. А новый оборонительный рубеж, который придется брать войскам — он уже скоро, и часа хорошей езды не будет.

Начштаба, как только прибыли первые грузовики и начали разбивать палатки, пошёл к военврачу. Мимоходом для себя отметил, что теперь даже если какая-то окруженная «бурая» часть будет прорываться через Туло-



во — за оборону можно не беспокоиться. Медсанбаты всегда оснащались по первому классу. В этом были пулемёты и бронебойки — одновременно с палатками ставили несколько огневых точек.

Энергичный длиннорукий очкарик, чем-то походил на седоватого гиббона, которого Мокей однажды видел в зоопарке. Только обезьяна лениво раскачивалась на ветке, а военврач, казалось, раскачивал всё округ себя.

— Баллон с кислородом, осторожней Шострик, осторожней. Подняли, поставили. Раз, два, — взмах длинных рук, поднятых вверх, потом второй, и вот тяжёлая стальная бочка, подхваченная двумя санитарями, уже переместилась на своё место. А врач такими же плавными, размеренными движениями, уже показывал, куда тянуть столы.

Скрип дверцы грузовика.

— ...военврач Толбаник? — обратился начштаба.

— Капитан, вы по какому вопросу?

— Можно просто Мокей, — с пересчетом ранга врача они были в одинаковых званиях, — Когда сможете выделить мне минуту?

— Лучше сейчас, в одиннадцатом часу мы должны первую партию принять, — он был хирургом.

— Пройдёмся, закурим, не возражаете?

Они остановились у столбиков, на которых ещё сутки назад висела колючка — сельяне посрезали её. Начштаба предложил пачку неплохих трюфейных сигарет.

— У меня четыре десятка воскрешенных и до сотни раненых. Люди надежные, для дела необходимые. Я хотел бы их оставить в батальоне, — без обиняков начал Мокей.

— Ха! — врач хохотнул так резко и коротко, будто получил удар под дых и от боли резко выдохнул, — Думаете, у вас одних такие проблемы?

Видно было, что его допекли подобными просьбами.

— А все мои уже здесь. Практически стоят в очереди. Или лежат. Я же не требую от вас руки-ноги людям отращивать.

— Да? Потребуется через полчаса?

— От полевого госпиталя подобного требовать глупо. Я прошу вполне доступных действий, которые при оборудовании может организовать любой нормальный врач. Фельдшера с собой просто препаратов не носят, — начштаба изображал разбитного колхозника, который за полчаса и четверть первака уломяет председателя на любую комбинацию.

— Мы вот быстро солдатиков обколем, и они все розовыми бодрячками промаршируют дальше?

— Очень может быть, что к вечеру нас здесь не будет. Эти люди либо уйдут со мной, либо останутся с вами. Зачем с первого часа себе палаты загромождать?

— И словеса-то у вас к такому случаю подходящие, — врач уже остывал.

— Придется заготовливать, — компромиссным тоном ответил начштаба.



— Знаете, насколько иначе всё в ту войну было? Никаких тебе полевых воскрешений, мертвой воды ещё не знали. Раненого в госпиталь везли, принимали, что больной. А теперь? Каждый норовит на одних медикаментах бессмертные себе сварганить. Что через пять лет будет, думают? Полстраны в старики угодит. Или куда потом вот таких девать?

Он длинным пальцем указал на первого фельдшера. Тот сидел на вывороченном из здания школы куске кирпичной кладки, маникюрными ножницами вычищал грязь из-под ногтей. А рядом с ним сидел батальонный кот, и умывался. Они были так похожи в своих жестах, что невольно закрадывалась мысль — не прикидывается ли Водин. Но нет, просто чем дальше, тем больше он отстранялся от крови и грязи. Как умел, аристократа изображал.

— Товарищ военврач, — глухим голосом вдруг начал Мокей, — вы всё правильно говорите, но бой ждать не будет. У меня пятнадцать человек с неправильно сросшимися рёбрами. Или с несросшимися. Нужен кальций, и в таких инъекциях, чтобы они живы были. Есть снайпер контуженный, вроде отпустило, но кто его знает. А дистрофикам витамины нужны. И много.

Врач несколько удивленно посмотрел на Мокея — тот уж больно резко переменял тон.

— Бойцы нашли сейф. Там семнадцать самоспасателей. Бухен..., черт не могу выговорить, — начштаба в раздражении отбросил недокуренную сигарету.

— Всё цело, не разбито? — врач буквально расцвёл, и казалось, что сейчас бросится целовать Мокея.

— А то.

— Как здесь оказались такие вещи? — Толбаник не верил своему счастью.

— Мало ли? Думаете, они там, друг у друга не воруют? «Бурые» у «чёрных», небось, увели, и на партизан спихнули. А мы вот нашли. Факт.

— Батенька, поздравляю, — военврач затряс ему руку.

— Но мы ведь не будем говорить о товарно-денежных отношениях? — несколько заговорщицким тоном продолжил Мокей.

— Что за мерзость приходит вам в голову? — подыграл ему Толбаник.

В «европах» уже лет пятьсот воскрешение считалось делом почти что индивидуальным. Личным разговором со смертью. Оно конечно, взаимовыручка окончательно не исчезла, особенно в семейном кругу. Но солидный человек свои проблемы должен решать сам. На чёрный день запасы откладывать.

Тот самый мелкий палевый гриб, из которого «живую воду» получали, он силы впитывал. И отдавать мог. Надо было только по груди и лицу покойника рассыпать — вместо открытых ладоней работал. А если ещё переливание собственной крови, так вообще радость. Донора своего гриб помнил, и чужому человеку был бесполезен. Только его требовалось в термос-



ках держать. И режим соблюдать, чтобы не протух, не испортился, силы на самого себя не потратил.

Эти самоспасатели-термоски ювелирной точности изделиями должны были быть — чтобы и температуру, и влажность неделями держать. Работа потоньше любой панорамы оружейной или прицела танкового. А даже с прицелами пока у своих заводов не очень получалось... Так что за трофейными самоспасателями охота серьезная шла, вплоть до анонимок в особые отделы.

Перед серьезной операцией пациент мог за неделю хороший запас сил накопить. Даже тыловые госпитали, в которых можно было глаз или пальцы наново отрастить, и где большие ванны с палевой грибницей стояли — тоже за термосками следили и собирали их, где могли.

Мокей и Толбаник, почти сразу ушли от темы «бухенов...», но в голове каждый прикидывал, достаточные ли козыри пошли в дело.

— А из фельдшеров я ни одного нормального за последний год не видел, — неторопливо рассуждал начштаба, — Которые хамы, которые недоумки, а кто и вот так, под чуждый элемент маскируется. И считаю это правильным. Только неприязнь остальных людей спасает их от косвенных прибытков...

— Косвенные прибыли? — удивился врач, — Никогда не понимал бухгалтерии. Мы зовём это утечками.

— Наш знает, что если он будет чужие крохи для себя брать, хоть через утечки, хоть как — убьют. Потому выкаблучивается. Одно время даже денщика себе пытался завести, приспособить батальонного денщика. Только нельзя, перебор выходит.

— Они все это знают. Кстати, в курсе, какой у первых фельдшеров самый распространенный кошмар?

— ?

— Вокруг пустыня, черное небо и черный песок. Все мертвецы прошлых войн встают перед ними, рады скелетов, форма старых лет и совсем новая. Они хотят жизни, им надо идти в бой, драться. Только вот за спиной у фельдшера ни одной живой души. Это, между прочим, тоже с прошлой войны. Какой-то француз-режиссер фильм снял, и оно пошло гулять.

Начштаба посмотрел на Водина немного другими глазами. Что ж, будем знать, но ведь это не причина нарушать приказы?

— Ладно, — военврач для себя уже всё решил, — Те, у кого конечности были переломаны или дефицит массы зашкаливает, здесь останутся. Другие с вами. Стоп, — он вдруг схватил начштаба за руку, — Болванчиков у вас нет? А то знаю я, многие надеются, что раз череп обратно сросся, те в разум войдут.

— Матвей Георгиевич? Вас ведь так звать? Я не стал бы просить о таком. Это не моё.

Насчет людей с повреждениями мозга, приказ был издан много более жесткий, чем шестнадцатый. Тухляк, в конечном итоге, представлял не-



большую опасность. Его было видно с первого взгляда. А люди, у которых пуля стерла часть воспоминаний и усвоенных в детстве правил, могли запросто со свечкой на пороховой склад зайти. Или убить человека, на которого в полном рассудке никогда бы руку не подняли.

Таким раненым просто не давали «живой воды».

Хотя война большая, и бывало всякое.

— Идём посмотрим твоих, — военврач докурил сигарету до пальцев.

И пока в палатки заносили оборудование, пока все расставляли по местам, стерилизовали и готовили, прямо на земле, на остатках мебели, начали обрабатывать бойцов.

Это было не как раньше, когда вокруг больного вся семья собиралась и «господи помилуй» тянули. И не грубая передозировка у фельдшера. Если по науке, с расчетом массы тела, с капельницей и соматогеном, то можно было обмен веществ легонько подтолкнуть, самую малость. Этого хватало, чтобы за пару часов человек хоть немного массу тела подправил.

А соматоген дорогого стоил. Небольшие банки с янтарного цвета содержимым и шуточными корявыми надписями «рыбий жир» на этикетках. Местные, которые сновали здесь же, и голодными глазами смотрели на эти банки, понимали, что такой баночкой всё село пару дней может питаться. И детям соматоген давать после голодовок лесных — полезней не бывает. Да только эти баночки в бойцов, как в печки уходили.

Опивки, правда, оставались. И хмурому сержанту-медику, который головой отвечал за ящики с банками, и который имел право стрелять без предупреждения, ему было всё равно, кто вылизывает эти банки досуха. Распечатывал, выдавал, смотрел, как пьют, принимал. Лишь бы счёт сходился, и люди в погонах свои калории получали.

Многим солдатам не помогало и лечение по науке.

Семёныч до последнего врал, что с рукой порядок, но там был явный перелом лучевой кости, причем несросшийся. Оставили на операцию и обыкновенное, недельное лечение.

Бозучу перешибило сухожилие. Не срослось. Левая ладонь не сгибалась. Он понимал, и только мрачно ругался себе под нос.

Были и другие. Возмущались, доказывали, спорили. Некоторые только облегченно вздыхали. Но Толбаник и второй спец, Хворостов, совершенно не обращали внимания на эмоции. Мокей тоже понимал, что медицина лечит, как умеет, и лучше её он, начштаба, лечить не сможет.

На всякий случай позвал Модеста, и они вдвоем быстро наладили дисциплину.

Сержант, за соматоген ответственный, советь имел, однако если тут и дети с голодными глазами каждый глоток провозажают, и солдаты со своим гонором медкомиссию прошибают, то до беды недалеко.

Поставили две очереди — детскую и солдатскую, отогнали лишних. Начштаба определил на работы тех, кто не понял намёка и продолжал стоять поблизости.



Всё споры и доказательства окончательно прекратились, когда под самолетный гул прибыли первые грузовики с ранеными. Разным они были. Слишком худыми для «живой воды», или со слишком тяжелыми ранами — их просто перевязывали, жгутами останавливали кровь. Теми, кто после воскрешения превратился в живой скелет, в до предела исхудавшую человеческую куклу. И — хуже всего — теми, кто не вышел из тьмы, а стал просто куском мяса, начиненным консервантами.

Те, кто остался в строю, занялись военным хозяйством. Оружие после боев надо было чистить, перебирать, форму подшивать. При случае и трофеем нормальным разжиться — «кочерга» с запасом патронов просто так на дороге не валяется.

К полудню, в мобилизованной легковушке, прибыл командир, с ним новые лица.

— Знакомьтесь, — военный совет собрался у того же бака с водой, надпись на котором уже умудрились закрасить, — Наш новый замполит, Рубен Флориян.

Кивнул хмурый парнишка лет двадцати. Непонятно, кто его только направил на такую работу.

— И Янис Дорг, проверять.

Товарищем из особого отдела оказался быстрый в движениях, похожий на каплю ртути, коротышка. Проверка новых кадров. Но по довольному лицу Камерова можно было понять — в полку решено, можно собирать добровольцев, сколько пойдут.

До вечера надо было всё успеть.

— Командир, — Мокей поднял палец, — Тут дело есть, по нашим долгам.

Это дело требовалось организовать кровь из носу. Поперёк всех очередностей.

Камеров, Мокей и Ермил дождались короткого перерыва в операциях и под руки привели к военврачу Ярину Семёнову.

— Для неё можно что-то сделать? — Ермил задал вопрос от всех.

Толбаник посмотрел на лицо старушки, которое за сутки стало напоминать череп, на вылезавшие волосы, прикрытые косынкой. Молча стянул с лица стерильную повязку и поцеловал Ярине Семёновне руки.

В таких случаях было принято давать морфий. Только она не хотела, она всё понимала и ей просто надо было прожить ещё день, чтобы узнать — вернулся ли Лёшка живой из-под Майского. Стоян, как только воскрешать стали, отправил за ним своего племянника.

Под капельницей она жила ещё два дня. Дотлевала. Но когда сын встал у койки, так и не пришла в сознание.

Март 2008



НАТАЛЬЯ КОЛЕСОВА

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР



НА ЗАСТОНАЛА, ЗАСЛОНЯЯ ГЛАЗА ОТ СОЛНЕЧНОГО СВЕТА — этот треклятый свет совершенно не хотел считаться с ее жутким похмельем. Кидж-Кайя осторожно села — мозги резко бултыхнулись в черепной коробке. Стараясь не шевелить головой, ищуще протянула руку, вцепилась в горлышко бутылки, как в последнюю надежду. Вина — только чтобы губы обжечь. Кидж-Кайя скосила глаза вправо, на мужчину, лежавшего ничком на кровати, и скривилась — уже от отвращения. Где она только такого отыскала! Впрочем, после трех бутылок, что красавчик, что рыжий кабан вроде этого — едино... С трудом, с передышками, застегнула штаны и ремни (они даже не удосужились до конца раздеться). На шнуровку ботинок ее уже не хватило и, сунув их под мышку, Кидж-Кайя, сутулясь и жмурясь, выползла в серый рассвет.

Через час все еще босая, мокрая и злая, но уже посвежевшая и протрезвевшая, она добралась до казармы.

— Вот и наша пташка ночная!

Исподлобья стрельнув темным взглядом в Мальша Мартина, она бросила башмаки на пол, прошлепала до стола и, ухватив его кружку, сделала хороший глоток. Малыш смотрел на нее, сонно помаргивая короткими белыми ресницами и лениво пожеывая табачную палочку, но кто хорошо знал Мартина, понял бы, что он сейчас в бешенстве. Кидж-Кайя его знала. Она сделал еще один большой глоток и сказала хрипло:

— Ну?

Малыш Мартин поднял брови.

— Ну? И это все, что ты мне можешь сказать? «Ну»! Сегодня спозаранку ко мне прибежали с «Зеленого Дракона» и обсказали, как покутили вчера мои мальчики. Мои славные дисциплинированные мальчики. Не желаешь узнать, что осталось в «Зеленом Драконе» целым, а?

— Не желаю, — подтвердила Кидж-Кайя.

— Не желаешь? А я тебе скажу — стены там остались целыми. Одни стены. И крыши часть.

— Неужто и крыша осталась? — поразились Кидж-Кайя.

— Не крыша, а самая малость! И вот слушаю я все это и думаю — не-ет! Не мальчики там мои резвились, совсем не мальчики! А знаешь, кто, Кидж-Кайя, а? Знаешь?

Она благоразумно промолчала.

— То почерк девичий! Женский, знаешь, почерк! Этакий... причудливый. Разве б кому из мальчиков пришло в голову подвесить хозяйку к потолочной балке, чтобы «все могли полюбоваться ее прелестями»? Не спорю, там есть на что поглядеть, не спорю! А затаскивать мерина господина аптекаря



на крышу и перекрашивать его в зеленый цвет — и добро бы в зеленый — а то в какую-то болотную... тьфу!.. масть! «Делать с мерина дракона». Что ж ты ему крылья-то свои не дала, а, Кидж-Кайя? Свои славные крылышки?

Она стояла навытяжку, как то и полагается, когда учиняет тебе разнос начальство, но глядела не на господина капитана — в окно смотрела, где солнца не было уже и в помине. На город с моря шли тучи, серые тучи, плотно набитые холодом, ветром, дождями...

Малыш Мартин с минуту смотрел на ее бледный горбоносый профиль. Все считали их любовниками, но если что когда и было — то было и быльем поросло... Поднялся бесшумно, едва не достав головой балки, шагнул к Кидж-Кайе, ухватил пятерней за острый подбородок, повернул к себе.

— Что, Кайя? — спросил негромко. — Что с тобой творится?

Она смотрела на него. Не глаза — предрассветный туман, серый, тоскливый и безнадежный, где заплутать и утонуть — раз плонуть.

— Не знаю, — Кидж-Кайя вновь перевела взгляд на море и небо. Помолчала. — Может, это все ветер... Северный ветер. Потерпи меня. Еще неделю потерпи.

— Ветер? — Малыш Мартин засопел. — Может, и ветер. А ну как он надолго? Что, если он еще с месяц не сменится? От города тогда что-нибудь останется?

Кидж-Кайя дернула твердым плечом. Скрипнула кожа ремней.

— Может быть, — сказала сквозь зубы. — Самая малость.

Малыш вздохнул шумно и ушел на свое место. Сказал оттуда:

— Делом займись. Натаскай новобранцев.

Не были они новобранцами. Кидж-Кайя оценивающе разглядывала троих парней, игравших в «чику» во дворе гарнизона. Играли они увлеченно, азартно, покрикивая и поругиваясь, толкаясь шуточно, но успевали поглядывать и на шагавших мимо солдат и на ведомых на водопой коней и на тренирующихся на плацу ветеранов. Все примерно одного возраста — то есть помладше Кидж-Кайи, но старше юнцов, что обычно нанимаются в гарнизон Города Ветров. Один — чернявый, шустрый, в пестрой безрукавке, расстегнутой на смуглой волосатой груди, с уймой гремящих браслетов на жилистых запястьях, расшитым поясом с пристегнутым скрамаскасом. Бархат запыленных штанов, кожаные вышитые сапоги... Южанин. Второй — помассивнее, стриженный коротко, в куртке и штанах из потертой кожи, широкоскулый и медлительный — похоже, воевал за Карат. Только его ветераны умеют так вязать выгоревший зеленый платок-бандану. Третий — в серой полотняной тунике, перехваченной кожаным шнуром, носил длинные русые, плетеные в косу волосы. Он сидел спиной к Кидж-Кайе, но именно он почувствовал ее взгляд, обернулся, обшаривая глазами двор казармы. Поняв, что обнаружена, Кидж-Кайя вышла на свет и побрела к ним, чуть ли не заплетая ногами и рассеянно поглядывая по сторонам. Еще неизвестно, что хуже — новички, бестолковые и задиристые, или опытные, знающие себе цену бойцы...

Остановилась рядом — троица, глянув, продолжала играть — ну подошел себе солдат, ну смотрит — значит, интересно ему. Скажет чего — ответим, не



скажет — сами разговор заведем... Солдат как солдат и форма как форма, и волосы стрижены под шлем — пусть и странно, словно клочками, но, может, так у них здесь принято. Руки на ремне, куртка распахнута и видно, что у пояса ничего, зато из поножи торчит рукоять ножа — хорошего, скажем, ножа, мастера известного. Тут Бено стал медленно вставать, и Джер поймал его взгляд на вышивку на потертой куртке солдата. Перехватило горло — так вот, как оно все, оказывается... А шустрый Алькад был уже на ногах и говорил весело:

— Доброго утрачка, мастер-скрад!

Мастер выдержал паузу, оглядывая новобранцев. Обведенные темными кругами глаза были холодны и равнодушны.

— И вам того же, солдаты. Капитан определил вас ко мне под начало. Представьтесь.

Она слушала и разглядывала их, по давней своей привычке подбирая подходящее для них животное... Коренастый Бено с умными карими глазами — медведь. Сухощавый узколицый Джер с длинными жесткими волосами и пристальным взглядом — волк. Алькад-Бен-Али, «можно просто Али», с круглыми блестящими черными глазами и острым профилем — ворон.

Птица...

Она не так уж и промахнулась. Алькад и вправду был родом с юга. Бено и впрямь участвовал в боях за Карат. А Джер оказался пограничником с Черной Чащи.

— Не знаю уж, чего вам наобещали, — сказал мастер-скрад. — Только служба в Городе Ветров не сахар: платят мало, работы по самое не хочу: воры, контрабандисты, пьяные разборки, сейчас еще и сезон оборотней... Капитан, правда, золотой, но на шею себе сесть не даст. Скоро с тоски взвоете.

И с этим пророчеством на обветренных губах повернулся на каблуке тяжелого ботинка. Махнул рукой.

— Жить будете в казарме. На довольствие встали? Кормежка раз в день. Вечером жрите в харчевне. Я живу, — снова взмах загорелой руки в сторону одинокой башни над самым обрывом, — там. Сегодня в восемь дежурство. Вопросы есть?

— Ваше имя, мастер-скрад? — спросил вежливый Бено.

— Кидж-Кайя. В восемь у Северных ворот, — мастер, не прощаясь, широко зашагал к своей башне. Новички переглянулись, взвалили на плечи мешки и потопали искать свободные места в казарме.

— Вот попали так попали! — Алькад в который раз воздел к небу звенящие браслетами смуглые руки. Бено веселился от души:

— Что, стыдно будет сказать в своем Хазрате, что служил в Городе Ветров под началом женщины?

— Сказать? — кричал Алькад. — Служил? Да я и мига не прослужу под ее началом! Вот только капитана дождусь... Это ж за какие заслуги ее мастером сделали? Это ж какой кретин ее скрадом признал?



— А здесь в гарнизоне много женщин, — мечтательно и примирительно произнес Бено. — И у нас в Карате наемницы...

— Это у вас! — фыркнул Алькад. — А вот у нас на юге...

Джер глядел на запад. За облаками садилось солнце, окрашивая их в жиденький розовый цвет.

— Нам повезло.

Алькад поперхнулся на полуслове, уставившись на него с возмущением. Бено тоже глянул недоуменно.

— Вы же так мечтали познакомиться со знаменитым Ловцом оборотней...

— Что?

— Так это она — Ловец?!

Джер оттолкнулся задом от камня Северных ворот и выпрямился навстречу Кидж-Кайе. В сгущавшемся сумраке ее невысокая фигура была неприметной и бесшумной — точно призрак. Или грабитель.

— Сними свои погремушки, южанин, — сказала Кидж-Кайя, — а то все портовые шляхи сбегутся — подумают, балаган приехал.

Патрулирование оказалось несложным и даже скучным. Ничего не случилось. Ну отогнали от выпившего моряка шакалят-подростков, ну утихомирили не в меру разошедшихся посетителей корчмы, ну прошлись по пристани, распугивая вышедших на ночную охоту хищников-грабителей...

После полуночи вернулись в корчму — погреться и перекусить. Тут-то к ним и подлетел трясующийся от страха и возбуждения тщедушный человечек.

— Мастер-скрад, мастер-скрад! Я видел, я видел, это она!

Кидж-Кайя лениво отправила в рот кусок пережаренного мяса. Спросила невнятно:

— Она — что? Она — кто?

— Соседка моя, Мэгги! Это она, клянусь, я видел своими собственными глазами! Она превращается в черную кошку, большую... огромную черную кошку и сосет по ночам молоко у моих коров!

— Оборотень? — с интересом спросил Алькад.

Посетители обернулись, прислушиваясь, заворчала хозяйка: «житья нет от этих тварей», а разошедшийся человечек все ярче и ярче описывал, какие глазищи были у чудовища, какие зубы, да какой хвост... Солдаты слушали, поглядывая на мастера. Кидж-Кайя ела. Доев все до крошки, кинула на стол монету и, неспешно натягивая перчатки, кивнула человечку:

— Веди.

Спустя всего час они возвращались из предместья. Алькад то и дело забегал вперед, заглядывая в лицо Кидж-Кайе.

— Ну почему, почему ты решила, что она не оборотень? Он же клялся, что видел все собственными глазами, и не раз! Почему ты поверила ей, а не ему? Ну взяли бы, заперли в серебряной клетке, священника кликнули...

Бено дернул его за рукав — не дело указывать мастеру.

— Она не оборотень, — равнодушно сказала Кидж-Кайя.



— Откуда ты знаешь? — спросил и Джер. Кидж-Кайя глянула коротко. Свет фонаря выхватил из темноты его худое лицо, жесткую складку рта. — Ты же только вошла, посмотрела — и сразу вышла.

— Я чувю их, — сказала Кидж-Кайя. — Чувю, как другие чувю перемену ветра.

— Вот бы мне так, господи! — с неожиданным жаром воскликнул Бено. — Этому можно научиться?

Кидж-Кайя бледно улыбнулась.

— С этим нужно родиться. Что, Ловцом хочешь стать?

— Еще бы не хотеть!

— Но этот... сосед ее, — спросил Алькад. — Он-то что тогда? Или привиделось ему?

— Видать, зуб у него на бабу, — рассеянно сказала Кидж-Кайя. — Ничего, теперь десять раз перекрестится, если что опять покажется...

Еще бы. Джер вспомнил, как она посмотрела, повернулась и вышла, оставив за спиной оцепеневшую от ужаса женщину, как суматошно вцепился в куртку Ловца сосед-наводчик... И как легко вывернувшись, одним плавным, мягким движением Кидж-Кайя отбросила его к стене, скрутила на тощей шее воротник, превращая его в петлю-удавку, и прошипела в задыхающееся лицо:

— Ты... стервь... если еще раз посмеешь обмануть Ловца... я все-таки прииду — но за тобой, подонок. За тобой.

* * *

— И когда же он явится?

— Думаю, к рассвету.

Алькад даже зашипел:

— Так какого же дьявола мы залегли здесь с полуночи?

Кидж-Кайя даже не взглянула на него. Бено шутливо толкнул приятеля в бок.

— Служба у тебя такая!

— Вы двое спуститесь вон к тому гроту. Может, он сегодня и не явится. Хотя ночь... — она посмотрела на небо, — ...ночь подходящая.

— Для оборотней она, может, и подходящая, — ворчал Алькад, нащупывая спуск ногами. — А нам как бы шею не свернуть...

— Не наследите там, на песке, — сказала вслед Кидж-Кайя.

— Думаешь, он их увидит, в такой-то темноте? — спросил оставшийся с ней Джер.

— Не увидит, так учует.

Она вновь посмотрела наверх. Ветер ненадолго оголил кусок неба, и в ее глазах отразились звезды — они мерцали — и казалось, Кидж-Кайя плакала.

— Разбудишь через час. Следи за приливом.

Она свернулась клубком, накрылась плащом и через мгновение уже спала, дыша тихо и ровно — точно в своей постели, а не на камнях утеса, лишь кое-где покрытых тонким слоем мха. Джер сел поудобнее, стараясь не касаться даже края ее плаща. Прислонился затылком к камню, сквозь полу-



закрытые веки глядя на подступающий к утесу прилив. Заснуть он не боялся — во всяком случае, не ночью — на то он и был... пограничником.

Кидж-Кайя проснулась сама. Звезд не было давно. Налетавший порывами ветер щедро раздавал мокрые пощечины. Опять зарядил дождь-не дождь — так, морось, мокрое недоразумение. Чертыхнувшись, мастер так резко перегнулась через край утеса, что Джер еле удержался чтоб не ухватить ее за ремень. Повисев в таком рискованном положении с минуту и, видно, углядев, что ей надо, Кидж-Кайя вновь заползла обратно. Ветер усиливался. Скала, отдавшая накопленное дневное тепло, начало высасывать его из человеческих тел, и двое невольно жались друг к другу, кутаясь в плащи.

— Можешь вздремнуть, — сказала Кидж-Кайя.

— Нет, — кратко отозвался Джер, и они умолкли, не столько опасаясь спугнуть оборотня, сколько не желая говорить друг с другом.

Светало. Стихал дождь. Кидж-Кайя длинно зевнула, потянулась и поменяла положение. Ее обтянутые штанами крепкие ягодицы прижались к его паху. Почувствовав мгновенный отклик его тела, она оглянулась, выгнулась, как кошка, и провокационно потерлась — уже намеренно, усмехаясь ему в лицо. Джер отвел взгляд, ненавидя в этот момент ее и себя. Вдруг Кидж-Кайя замерла — и разом обмякла, растеклась, распласталась на камнях, точно камбала на морском дне — разве что окраску не сменила. Он перевернулся вслед за ней на живот, вглядываясь в оголившийся после прилива берег.

Даже он увидел не сразу. Камень — огромный, черный, глянцевоый, шевельнулся, выдвигаясь из обегавшей его волны. Зверь — тюлень? — двинулся неторопливо, грациозно и плавно, как и подобает морскому существу. Вот он замер, высоко подняв красивую гладкую голову (замерли и люди, боясь, что при малейшем признаке опасности он уйдет в море). Потом началось превращение. Джер зачарованно смотрел, как гибкое тело словно скручивается в спираль, являя миру вместо атласной черной шкуры нечто белое и гладкое... Он даже не заметил, как исчезла Кидж-Кайя, — очнулся лишь когда увидел метнувшиеся по берегу тени.

— Сеть!

Сеть заброшена — остатки прекрасного морского существа еще могли порвать ее и вырваться на свободу — но со второй, заговоренной, не справилось ни оно, ни слабое после превращения человеческое тело. Отступившие солдаты наблюдали, как Кидж-Кайя, наклонившись, рассматривает пленника. Ловец выпрямилась. В голосе ее не было триумфа, когда она сказала:

— Какой сюрприз! Господин аптекарь!

Алькад таращился на выбившийся из-за глухого воротника во время возни с оборотнем гайтан на шее Ловца: прочные серебряные звенья с впаянными через равные промежутки черными камнями. Спросил с почтением:

— Амулет от оборотней, да?

Рука Ловца взметнулась — прикрыть гайтан — и опустилась. Кидж-Кайя сказала равнодушно:

— От оборотня, это уж точно, — обвела взглядом стражников. — Камни Матвея Медвежьего, не слышали?



Взгляд ее задержался на Джере — ему показалось, с каким-то даже вызовом. Он вслед за всеми мотнул головой. Неспешно заправляя гайтан в ворот, Ловец скомандовала:

— Упакуйте-ка господина аптекаря как следует!

Кидж-Кайя стояла, заложив руки за спину, слегка склонив стриженую голову. Новобранцы переминались за ее спиной, поглядывая на темные высокие своды, потрескавшиеся камни стен. В старом монастыре шел суд над оборотнем. Джер в который раз оттянул и без того широкий ворот рубахи. Алькаду тоже было не по себе — он то и дело утирал лицо рукавом. Перехватил взгляд друга, проворчал: «Ох, и жарница тут у них!». Бено пожирал взглядом мужчину в серебряной клетке. Был тот грузен, немолод и перепуган до того, что жалость брала. Босые волосатые ноги неуверенно переступали под подолом длинной грубой рубахи, бледно-голубые глаза перебежали от стражников до высоких судей и обратно.

Очередной допрошенный свидетель вышел вон, далеко обходя клетку с господином аптекарем — было ему и жутко и любопытно до той же самой жути. Старшина суда, состоявшего из трех человек (его самого, мрачного священника в сутане и богато одетого горожанина), кивнул по направлению стражников.

— Слушаем уважаемого Ловца. Мастер-скрад, прошу.

Кидж-Кайя вышла вперед, положив руку на Библию, без запинки оттащила слова присяги. Джер вновь повел шеей, словно было ему душно: видно, частенько произносит она эту присягу...

Священник, не вставая, подался вперед.

— Разумеете ли вы, мастер, что своими показаниями обрекаете этого... это существо на смерть?

— Разумею, — сказала Кидж-Кайя, и Алькад то ли с восторгом, то ли с тревогой ткнул Джера локтем в бок — так явственно прозвучала издевка в ее хриловатом голосе. Услышал издевку и священник, потому что, хмурясь, откинулся на спинку высокого стула. — Еще как разумею, святой отец. Только я всегда считала, что казнь этого... человека — лишь очищение его бессмертной души от грешной телесной оболочки. Если есть у оборотня душа. Что об этом говорит святая церковь?

Священник открыл было рот, закрыл и жестом приказал что-то старшине.

— Итак, вы подтверждаете все ранее данные вами показания, мастер? — вступил тот.

— Подтверждаю и клянусь, — сказала женщина. По знаку старшины вернулась обратно.

— Что с ним будет? — спросил Алькад.

— Сожгут на рассвете, — пробормотал Бено. — Если он раскается в сговоре с врагом рода человеческого, палач подарит ему легкую смерть — даст яд, когда огонь разгорится.

— Легкую... — ворчал Алькад. — Они что, сами яд когда-нибудь пробовали?

После оглашения приговора речитативом старшины, (горожанин так и промолчал все время, втянув голову в плечи), священник пообещал бывше-



му господину аптекарю последнее причастие на рассвете. Оборотень, продолжавший рыскать взглядом по лицам — казалось, он не понимал до конца, что происходит — вдруг завопил, кидаясь на решетку, покрытую серебром.

— Сука! — кричал он. — Сука! Проклятая, подлая сука!

Кидж-Кайя окинула его косым взглядом, словно прикидывая, как будет с ним справляться, если он таки вырвется из клетки. Мотнула стражникам головой.

— На выход!

— Все дело в Северном ветре! — раскрасневшийся Бено размахивал кружкой с пивом. Он уже пару раз плеснул на Алькада, и теперь тот с довольным видом оттирал рукав своей яркой бархатной куртки — уж очень Бен-Али любил принарядиться.

— В сезон Северного ветра оборотни просто с ума сходят, теряют осторожность, идут на побережье...

— А почему сюда-то? — спросил Алькад.

— Говорят, на севере, за Проливом Туманов, откуда еще никто не возвращался, лежит их земля — Земля Оборотней. Вот их на родину и тянет.

— Если никто не возвращался, откуда кто знает, что там лежит? — резонно возразил Алькад. — А интересно было бы на эту землю взглянуть. Только там, наверное, просто-людей тоже на костре сжигают?

— Ш-ш-ш, — зашипел Бено, оглядываясь. Никто их не слушал. Кабак вовсю обсуждал новость о господине аптекаре. Толковали о трех благородных дамах на сносях, которых он пользовал, и которые скинули от ужаса, узнав о сущности его скрытой. О том, что наверняка он подмешивал отраву лучшим людям города в пилюли от кашля или головной боли — а что от них еще ожидать, нелюдей этих?

Кидж-Кайя взглянула на Алькада с любопытством и щелчком пальцев заказала пива еще. Сказала Бено:

— Много знаешь.

Приняв ее слова как похвалу, Бено довольно блеснул белыми плотными зубами.

— Да уж, насмотрелись мы на оборотней при Карате! Ваши-то рядом с тамошними демонами — просто овечки невинные!

— И ты что, мстить им собираешься? — подал голос молчавший, по обыкновению, Джер.

— Не только, — Бено широко улыбнулся. — Слава и деньги тоже не помешают!

Кидж-Кайя отставила кружку.

— Да, заработать ты сможешь немало! Родные-друзья будут тебе совать выкуп, а враги — взятки, чтобы ты обвинил кого по ложному доносу... Готовь большой кошелек, парень! Ладно, я пошла!

Солдаты смотрели ей вслед. Двигалась Кидж-Кайя хоть и слегка нетвердо, но целеустремленно.

— Куда это наш мастер подалась на ночь глядя? — широко зевнул Алькад. — Ну, кто с утречка пойдет казнь смотреть?



— К оборотню она пошла, — сообщил Бено. Алькад подавился неоконченным зевком:

— К к-какому еще оборотню?

— Тому самому. По разрешению суда Ловец проводит с оборотнем его последнюю ночь.

— Зачем?

Бено пожал плечами.

— Спроси у нее. Кто пива еще будет?

— Башня Песен?

Здрав голову, Джер рассматривал стены полуразрушенной башни. Вместо крыши — серые дыры, в которые сочится мелкий нудный холодный дождь. Вдоль закругленной облупившейся внутренней стены идет лестница, напоминающая челюсть с искрошившимися, а кое-где — и выбитыми зубами. Кидж-Кайя с привычной небрежностью начала по ней подниматься.

— Ветры, — говорила она. — Здесь поют ветры. Каждый ветер приходит со своей песней. Хочешь — слушай. Не хочешь — убирайся. Я взяла тебя, потому что ты не болтаешь без умолку, как южанин, и не пристаешь с вопросами об оборотнях, как Бено...

У Джера екнуло сердце — ее нога сорвалась в пустоту. Но Кидж-Кайя выровнялась с почти презрительной небрежностью, пошла дальше, скользя пальцами по обшарпанной стене. Похоже, она совсем не боялась высоты и пустоты, все больше отдалявших от такой надежной земли...

Кидж-Кайя остановилась на последней площадке — дальше идти было просто некуда. Ветер толчком ударил в грудь, заставив попятиться. Кидж-Кайя, раскинув руки, балансировала на самом краю. Джер слышал, как она смеется. Он решил, что не в силах смотреть на крошечную фигуру, точно летящую в изъеденной временем паутине башни... Опустил голову — и немедленно обернулся на звук, раздавшийся за спиной — то ли возглас, то ли оклик. Никого не было. Снова звук — выше, снова. И снова... Звуки налетали с каждым порывом ветра, с ним же и стихали.

Пока не превратились в почти непрерывную музыку — или песню.

Песню Северного ветра.

— Зачем ты ходишь к оборотням перед казнью?

Джер сидел, прислонившись спиной к стене — для надежности. Он все же поднялся следом, бранясь и оскальзываясь, давая сапогами свой собственный страх. Кидж-Кайя подала ему кусок хлеба. Джер подержал в руке, есть не стал. Ловец глотнула из фляжки.

— Даю им возможность исповедаться.

Джер хмыкнул.

— То ли ты священник?

Кидж-Кайя криво усмехнулась.

— Я больше, чем священник — я ведь прихожу до него.



Она выпрямила ноги в воздухе, балансируя на заду на самом краешке башенной площадки. Любовалась сапогами — новенькими, только что на заказ сшитыми.

— Сначала они проклинают или умоляют меня. А я задаю один-единственный вопрос и жду ответа. Все отвечают — рано или поздно...

— И каков же вопрос?

— Что такое — *быть* оборотнем?

Кидж-Кайя глядела на клубящиеся над городом серые облака — или туман. Видно было, в каком районе идет дождь, секущий косыми линиями воздух. На лице ее остывала улыбка.

— Они захлебываются и сбиваются, они боятся не успеть... впервые в жизни, впервые в жизни, рассказать о себе самом — другом. Другому. Они говорят про цвета, про запахи и звуки. Про ветер или течение, что принимаешь на крыло или плавник. Про агонию добычи — неважно, человека или животного — умирающего в твоих зубах... И вот это, — она обернулась, глянула на солдата, — это — *настоящее*. А не то, что они будут лепетать перед смертью, проклиная или каясь...

— Вот почему ты так хорошо знаешь оборотней и их привычки. Эти рассказы помогают тебе лучше ловить их?

Кидж-Кайя легко поднялась — по-прежнему на самом краю — и он напрягся, сам не понимая, чего ему хочется больше — столкнуть ее или схватить, чтоб не упала.

— Эти рассказы заставляют меня им завидовать. Пошли. Время.

И беззаботно понеслась вниз по рушащимся под ногами ступеням.

* * *

Малыш Мартин стоял, задрал голову. По башне, что высилась неподалеку от казармы, взбирался человек. Держа в зубах связанные шнурками ботинки, цепляясь пальцами за расщелины в кладке, встряхивая взлохмаченной головой и горлана песню. Алькад разинул рот:

— Да это же наш Ловец!

— В матину пьяная, — подтвердил капитан, не спуская глаз с Кидж-Кайи. Мастер-скрад карабкалась вверх с целеустремленностью свихнувшегося таракана.

— Что ж ее все в высоту-то тянет? — пробормотал Джер.

— И часто она так?

У мужчин вырвался дружное «ох», когда пальцы Кидж-Кайи сорвались, и она повисла на одной руке. Ловец посмотрела вниз и, засмеявшись, крикнула что-то.

— Когда как, — сказал Малыш Мартин. Его глаза неотрывно следили за ползущей по стене Кидж-Кайей. Вот она добралась до своего окна, подтянулась, вильнув задом, вползла внутрь...

Капитан, плюнул, грязно выругался и большими шагами направился в казарму.

— Да она чокнутая! — с восхищением сказал Алькад.



Кидж-Кайя сидела голая на своей разобранной постели. Глядела бездумно в окно, машинально проводя пальцами по широкой запаянной цепи, обычно скрытой глухим воротом рубахи. На целом побережье не нашлось бы и двух людей, знающих название камней и их силу, и одним из этих людей была она сама. Цепь точно срослась с ней, стала незаметной и невесомой, но в сезон Северного ветра она просто *душила*, и Кидж-Кайе невыносимо хотелось сорвать ее.

Но было это не в ее силах и не в ее власти...

Она слишком труслива.

Кидж-Кайя опрокинулась на кровать. Глядела в потолок сухими упрямыми глазами и бормотала что-то злобное и неразборчивое: молитву ли проклятье ли...

Сегодня в кабаке к ним присоединился сам капитан. Поглядев, как он пьет (видно, стремясь догнать и перегнать своего мастера-скрада), стражники поняли, что препятствий им чинить никто не намерен, и расслабились тоже.

— Это все ветер, — толковал пьяненький секретарь церковного суда отец Пафнутий, которого от щедроты солдатской души они сегодня потчевали. — Дурной, порченный ветер. Дует он с проклятой земли оборотней, смущает тех, у кого в крови имеется хоть малая толика колдовской крови. Даже нас, чистых духом и... — громкий длинный глоток, — телом и... да, духом, повергает сей поганый ветер в тоску и смятение. Что ж уж говорить о тех несчастных...

Алькад смеялся. Бено оглядывался и шипел:

— Отец Пафнути-и-й!

— ...нечестивцах, — не моргнув глазом, продолжал священник, — кто эдаким уродился!

Джер слушал внимательно. Подливал и подливал еще пива в бездонную кружку Пафнутия.

— А что ты вообще знаешь об оборотнях, святой отец?

— Много, сын мой, много чего, — снисходительно говорил Пафнутий, меля изрядно косящим глазом глубину благословенного напитка. — Вот знаешь ли ты, как становятся оборотнем?

— А ты нас обучи, старик! — веселился Алькад. Пафнутий послушно принялся загибать пальцы.

— Есть оборотни ложные и есть оборотни истинные. Ложными становятся по умыслу злему или по глупости своей. В случае первом порча насылается колдуном или ведьмой, и святая церковь может спасти несчастного и наказать измыслившего колдовство. Ежели кто из молодых-ретивых, прознав колдовское заклинание, желает его испробовать (ну там, в полночь перекинуться через пень с семью ножами) — наше дело вразумить и наставить душу заблудшую...

— Видели мы, как вы их тут... вразумляете! — заметил Алькад.

— ...однако ж страшнее всего оборотень истинный, в котором оборотничество от природы заложено. Не поможет ему ни святая вода, ни молитва, не жизнь благочестивая. Рано или поздно — но возьмет свое поганая кровь. Только костер может стать отпущением...



Малыш Мартин молча, одну за другой опустошал кружки. Вот устроить бы им состязание со святым отцом — еще неизвестно, кто выиграет, прикидывал Алькад лениво. Было ему весело и пьяно.

— Но ежели родители спохватятся вовремя, и хоть побоятся обратиться за помощью к церкви, но повесят на шею дитю-оборотню, пока не вошел тот в полную силу (а еще лучше — в самой колыбели), оберек с серебра да с освященных в семи водах и семи огнях камней со святой горы великомученика Матвея Медвежьего... то сила оборотня будет скована тем ожерельем, точно капканом. И пока не снимется то ожерелье, оборотень и сам может не знать о своем проклятии...

Он бубнил и бубнил и не видел, как начал прислушиваться к его бормотанию Бено, как вспыхнули волчьим огнем глаза подавшегося через стол Джера. Джер начал подыматься, и раньше его вскочил ошеломленный южанин, и Бено растерянно тер лоб широкой ладонью. А в прояснившихся покрасневших глазах капитана мелькнуло понимание — и мука...

— Ну что, Бено, Бено-ловкач, — сказал Джер, и белые зубы его сверкнули не в усмешке — в оскале, — повезло тебе сегодня! Ты поймал великого оборотня! Оборотня из оборотней!

Дверь выбивать не пришлось — Кидж-Кайя вообще никогда не запиралась. Когда в ее комнату ввалилась группа возбужденных солдат, она села рывком на постели: сбитые простыни, сонное, чуть опухшее лицо, на котором недоумение сменялось пониманием... Осторожно положила рядом с собой меч, который выхватила привычно из висящей на спинке кровати перевязи.

И улыбнулась — как всегда кривовато.

Солдаты стояли у двери, не зная, что и как сказать или сделать, а Кидж-Кайя, мастер-скрад, Ловец оборотней, Великий Оборотень, сидела на кровати, сложив на голых коленях сильные руки, и молча ждала.

— Свят-свят-свят... — бормотал не протрезвевший Пафнутий, и непонятно было, что он имеет в виду: то ли колдовское ожерелье, то ли неприкрытую наготу женскую.

Кидж-Кайя поймала взгляд капитана и улыбнулась криво:

— Извини.

Малыш Мартин опустил глаза. Буркнул-скомандовал священнику выйти — снаружи дверь молитвой подпирать. Кидж-Кайя медленно и гибко поднялась. Усмехнулась, заметив некоторое шевеление среди стражников. Непринужденно прошла от кровати к окну, вспрыгнула в проем. Встала, поглядывая то на них, то на светлеющее небо.

— Ну что, Бено, — спросила с хрипловатой насмешкой, — Станешь теперь первым Ловцом в округе, а? Какая слава, Бено, какая слава! Помнишь, когда следует брать оборотня, Бено? Заговоренной сетью — и в клетку, Бено, в клетку, пока он еще слаб и бессилен. А я уже проснулась...

— Все равно ты не сможешь уйти, — сорвавшийся голос прозвучал как-то неубедительно даже для него самого, и Бено откашлялся.

Она кивнула.



— Конечно, Бено, куда ж я теперь пойду...

Повернула голову и открыто улыбнулась горящим глазам лесника.

— Ну что, Джер, Джеро-волчонок, Джер-волк... Ты ведь пришел в город убить меня? Тебе это удалось. Счастлив?

Он с великим усилием опустил ресницы и сказал — так тихо, что услышала лишь Кидж-Кайя да стоявший рядом капитан:

— Ты не знаешь, что это такое — когда на твой зов всегда приходят волки. Просто волки. Только волки.

Кидж-Кайя с мгновение смотрела на него сверху, потом кивнула понимающе:

— Зато ты не знаешь, какая мука — не быть тем, кем ты можешь стать.

Ее взгляд скользнул по Бено, по глядящему в пол капитану. Остановился на серьезном — впервые она видела его таким серьезным! — Алькаде Бен-Али. Кидж-Кайя улыбнулась ему с неожиданной симпатией.

— Не ищи ее, парень. Ее просто нет. Давно нет.

— Что? Чего нет? — спросил Алькад испуганно.

— Земли оборотней. Там теперь лишь море и небо. Иначе почему бы мы оставались здесь?

Она помолчала и сказала — сразу всем:

— И знаете, я — рада.

Восток светлел. Кидж-Кайя повернула голову, профиль и тело обрисовало тонкой золотой линией. Руки ее, привычно поглаживающие гайтан, сомкнулись, напряглись...

— Не давайте ей! — завопил Бено, кидаясь вперед, но Малыш Мартин схватил, смял его медвежьей хваткой. Кидж-Кайя благодарно кивнула капитану. Ссыпала с ладони за окно порванные звенья. Потерла шею со следами десятилетних отметин и вновь повернулась навстречу солнцу.

— Да не давайте же ей!.. — простонал Бено.

Но Кидж-Кайя уже шагнула вперед — так просто, будто вышла в другую комнату. С мгновение все стояли неподвижно, потом кинулись к окну, сталкиваясь и мешая.

...Конечно, она разбилась. Она падала — так невыносимо медленно и так бесконечно быстро. И руки, распахнутые крыльями, не могли задержать это падение, потому что не были и не могли превратиться в крылья настоящие, и ветер не свистел, а ревел в ушах, пропуская сквозь себя изогнутое, стремящееся ввысь тело... и следом летел вой — тоскливый вой волка, так и не дождавшейся своей подруги... А потом она упала и подпрыгнула на камнях — как мячик, как упущенный детьми мячик.

...Конечно, она не разбилась. Молодые, сильные, пусть и неопытные крылья подхватили ее в воздухе, и вскоре над жадными, так и не дождавшимися жертвы камнями, над морем, над пеной, парила большая белая птица, ловящая на крыло порывы Северного ветра. Она сделала круг, взлетая все выше, пока не поднялась на уровень окна — крикнула (как показалось Алькаде Бен-Али — что-то насмешливое и непристойное) — и полетела в море, навстречу ветру с севера, туда, где за туманами скрывается бессмертная волшебная страна...



МАРИЯ ПАРФЕНОВА

СКОРЛУПА ДЛЯ НЕБА

е

НЕБОМ ЧТО-ТО ПРОИСХОДИЛО. ЧТО-ТО НЕПОНЯТНОЕ и нехорошее. Ведь, согласитесь, сложно назвать хорошим небо, которое черствеет прямо у вас на глазах. А именно этим небо и занималось: неспешно уплотнялось, покрывалось ребристой коркой и рассыпало по когда-то нежно-голубой глади саркастические морщины трещин. Солнце по привычке продолжало ползти по только ему видимой колее с востока на запад, оставляя на небе неровный процарапанный след и осыпая на крыши домов грязно-белую труху стесанных облаков.

Илюшечкин повязал на шею старенький галстук, сунул ноги в истрепавшиеся плетеные туфли и бросил взгляд на свое отражение в зеркале. Из зеркала на Илюшечкина взирал худой, мосластый мужичонка неопределенного возраста. Высокий, почти сократовский лоб прорезала ломаная морщина, левый глаз чуть косил, а редкие, неровно остриженные усики испуганно топорщились во все стороны.

Открыв дверь и шагнув в объятья грязно-желтых коридорных стен, Илюшечкин закашлялся — в туалете опять кто-то курил: сквозь щель над дверью к потолку коммуналки тянулся густой, едкий дым.

В конце коридора в обнимку с облезшим грузовичком сидел шестилетний молчун Сашенька.

— Доброе утро, — натянуто улыбнулся Сашеньке Илюшечкин.

Сашенька ничего не ответил, только дернул плечиком, и стало заметно, что рубашка на Сашеньке надета наизнанку, а на шее красуются грязные лилово-серые потёки.

— Не следит за тобой мать...

Илюшечкин вздохнул, погрозил закрытой соседской двери, поудобнее перехватил потертый кожаный портфель и выскользнул в подъезд.

По дороге на работу Илюшечкин забежал в магазин купить сахара. В магазине было людно, жарко и почему-то пахло скисшим борщом. Десяток раз извинившись и десяток же раз побледнев оттого, что на его ногу то становился тонкий дамский каблучок, то опускалась тяжелая хозяйственная сумка, Илюшечкин, наконец, выбрался на улицу, сжимая в руках заветный пакет с сахаром. В глаза плеснул ультрамарин пока еще яркого неба, а на плечо ссыпалась горсть серо-белой трухи. Подняв голову и пригрозив солнцу, со скрежетом ползущему по зачерствавшему небу, Илюшечкин сгреб труху в ладонь и принял. Труха пахла облаками, летним дождем и прогоркшими духами «Красная Москва».



Стоило Илюшечкину прийти к этому удивительному заключению, как из магазина выкатилась колобкообразная дамочка, облаченная в синий рабочий халат и сжимающая в пухлых ручках погнутое эмалированное ведро. В ведре плескалась грязная мыльная вода.

Дамочка бесцеремонно отпихнула Илюшечкина в сторону, выплеснула воду под цветущую черешню и, не сказав ни слова, исчезла за дверями магазина. Илюшечкин вздохнул и сочувственно похлопал черешню по изогнутому стволу с облезшей корой. Черешня вполне сносно прошлестела что-то из Моцарта и тоже вздохнула.

* * *

Рабочий день уже начался, но во вверенном Илюшечкину отделе религиоведения пока никого не было. Заварив крепкого чая и дотошно пересчитав все плавающие в чашке чайники, Илюшечкин передвинул в центр стола объемистую книгу в потрепанном переплете и внимательно вгляделся в уже насквозь изученную обложку. На ней, внушительный и дородный, красовался каменный истукан. Истукан был коротконог и пузат, второй подбородок мягко ложился на грудь, а в сложенных на животе толстеньких ручках и хитром взгляде из-под нависших бровей читались спокойствие и превосходство.

Как и когда книга оказалась у него на столе Илюшечкин не знал — просто однажды, разгребая ворох накопившихся за месяц бумаг, он на нее наткнулся: открыл из чистого любопытства, а закрыть уже не смог.

Перегнувшись через стойку и убедившись, что в ближайшие несколько минут его не потревожат, Илюшечкин извлек из верхнего ящика крупный обломок кускового сахара и, наскоро выкрутив из шариковой ручки стержень, принялся ковырять ею липнувший к пальцам сахарный булыжник. Через некоторое время сквозь белый монолит проступили нависшие брови, круглое брюшко и сложенные на нем ручки. Илюшечкин окинул творение довольным взглядом и совсем уж собрался продолжить, как за окном о чем-то крикливо заспорили несколько мальчишечьих голосов.

Высунувшемуся из окна Илюшечкину открылась следующая картина. Отчаянно жестикулируя, во дворе переругивались четверо мальчишек:

— Да он меня толкнул!

— Кто, я?!!

— А то кто же! А так бы мяч — прямо в ворота!!!

— Да какие еще воро-о-та?!!

— А вот такие! — мальчишка в красной майке отошел на несколько шагов и, разбежавшись, изо всей силы ударил по мячу выдавшим виды стареньким кедем.

Мяч стремительно взвился вверх, пролетел над скучающими в теплой пыли гаражами, задел ветку старой акации и с оглушительным треском ударился о зачерствевшую корку майского небосклона. Мальчишки замер-



ли — над их головами четко обозначился готовый вот-вот отколоться кусок лопнувшего неба. Илюшечкин судорожно сглотнул и еще дальше высунулся из окна. И вовремя. Небольшой, всего с ладонь, синий черепок неба с желтым осколком солнца качнулся, пролил во двор тонкую струйку небесной трухи, и несколько раз перевернувшись в воздухе, спланировал в густую зеленую поросль у покосившегося забора.

В этот момент над ухом Илюшечкина басовито кашлянули:

— Непорядок, — неизвестно откуда взявшийся Зав забарабанил пальцами по подоконнику и с неодобрением воззрился на небо. — Будем чинить.

Сказано — сделано. Через несколько минут на крыше библиотеки, то и дело приликая к начавшему плавиться гудрону, появился слесарь Антипыч с деревянной лестницей через плечо. Облокотив лестницу на замершее посреди неба перистое облачко, и, убедившись, что стоит она вполне надежно, Антипыч полез вверх.

— Ну, как там? — участливо поинтересовался Илюшечкин.

— Да ёж его разберет! — Антипыч отгородился от солнца ладонью и попытался взглянуть в открывшуюся за лопнувшим небом даль. — Темно!

— А вы того, поковыряйте! — со знанием дела посоветовала выглянувшая из соседнего окна буфетчица.

Антипыч по локоть просунул в отверстие руку, сосредоточенно пошарил внутри и с видимым усилием что-то оторвал.

— Вот! — продемонстрировал он Илюшечкину нечто разветвляющееся и белое. Илюшечкин нащупал оставленные на столе очки, взгляделся в добычу Антипыча и икнул.

— Корни какие-то! — подтвердил его догадку Антипыч. — И этот... как его... чернозём!

Ближайшие два часа половина работников библиотеки провела за обшариванием кустов, куда, как показалось Илюшечкину, упал осколок неба. Но искать по-настоящему библиотекарям было тааак лень, а кустарник рос тааак густо, что даже напуганные крики и полководческое выражение лица Зава не смогли изменить ситуацию. Осколок упрямо не хотел находиться.

Отряхивая с брюк пыль и налипшие листья, Илюшечкин прошел мимо столика молоденькой и востроглазой красавицы Люсеньки. Люсенька влилась в коллектив работников библиотеки относительно недавно и теперь сидела на входе, требовательно протягивая холеную ручку за читательскими билетами посетителей.

Илюшечкин уже сворачивал к буфету, когда в висевшем на стене зеркале мелькнуло нечто странное. Нет, то, что Люсенька была сплетницей наивысшего класса, ни для кого не составляло тайны, но то, как именно хранящиеся под стражайшим секретом сведения попадают в ее цепкие ручки, не знал никто.



В то время как обычная Люсенька шустро раскрывала синие корочки читательских билетов, Люсенька из зазеркального пространства сидела, закинув ногу на ногу, и с совершенно невозмутимым видом закидывала неизвестно откуда взявшийся спиннинг то в один, то в другой библиотечные залы. Спиннинг неизменно за что-нибудь цеплялся и волок добычу счастливой хозяйке.

Подхваченная на крючок тестообразная масса судорожно извивалась и вытягивала в стороны постоянно меняющие форму отростки. Пойманные тесто-сплетни аккуратно развешивались на включенном радиаторе и прикалывались к его краю большими металлическими скрепками. Там тесто поднималось, разбухало, обрастало еще десятком отростков и спрутом расплзалось по коридорам.

* * *

Время перевалило за полдень, поредела и без того жидкая очередь посетителей, уползли по черной резине конвейера ставшие ненужными книги, и по коридорам библиотеки разнесся дребезжащий голос звонка — рабочий день подошел к концу. Илюшечкин осторожно завернул сахарного человечка в серый библиотечный бланк, опустил сверток в портфель и, опасливо попросившись с Люсенькой, вышел на улицу. Однако стоило ему переступить порог, как мир закачался, метнулся в сторону и, вероятнее всего, вовсе перевернулся бы, не подхвати Илюшечкина чья-та рука.

— Шнурки, они для того, — улыбнулся Илюшечкину поймавший его Антипыч, — чтобы их завязывать.

Илюшечкин взглянул вниз и кивнул. Придавленный носком ботинка в пыли нежился когда-то дородно-черный, а теперь серый и истрепанный шнурок. Однако внимание Илюшечкина привлек отнюдь не шнурок, а тени — жесткие и до странности короткие.

Илюшечкин и Антипыч одновременно подняли головы. Оставленная на крыше библиотеки лестница по-прежнему придавливала к небу перистое облачко. Запутавшееся в нем полуденное солнце растягивало во все стороны тугие струны лучей и, казалось, с тревогой поглядывало на часы, прикидывая вынужденное отставание от графика.

Антипыч удивленно крякнул, поскреб лысину и деловито направился обратно в библиотеку. Однако его опередили. Не прошло и минуты, как на крыше показались давешние мальчишки.

Вихрастый рыжий пацан ловко взобрался по лестнице, по локоть запустил руки в ватные кудри облака и, повозившись с минуту, вытащил оттуда круглый диск солнца с косо отбитым краешком. Достав из кармана толстый черный маркер, пацан многообещающе хихикнул и крупно вывел на солнце всем известное непечатное слово из трех букв. С довольным видом оглядев свое творение, мальчишка водрузил солнце обратно, спустился на крышу и махнул приятелям — те ловко оттащили лестницу в сторону и с любопытством уставились вверх. Солнце недовольно зашебуршилось внутри



облака, дернулось и, выплыв на простор успешного окончательно зачерстветь неба, со скрежетом двинулось на запад.

По дороге домой Илюшечкин думал об оставленной на библиотечном столе книге, о каменном истукане, миниатюрная копия которого сейчас покоилась в его портфеле, и о странном двойном имени, присвоенном этому существу поклоняющимися ему древними народами. По одной из версий, истукана звали Трупалх, что означало Крадущий Солнце, и был он один-одинешенек. По другой, и он, и его каменные сородичи звались эорлами, а личных имен у них не было вовсе. «Эорлы» нравились Илюшечкину больше. Тем более, что на полке возле окна уже выстроился целый отряд сахарных человечков и придумывать имена каждому из них было Илюшечкина как-то не тянуло.

Остановившись перед светофором, Илюшечкин посмотрел на жесткую корку неба и почему-то пожалел космонавтов, которые теперь, наверное, навсегда остались в холодном космосе и уже никогда-никогда не смогут вернуться вниз. В воображении Илюшечкина седой космонавт с пышными усами вылез из притормозившего космического корабля, вытащил из него почему-то сплошь шоколадную лопату и, ступая по жесткой корке неба, направился к тому месту, где удар мальчишеского мяча вышиб из небосвода тот злосчастный черепок. Космонавт погрузил лопату в трещину и совсем уж собрался копать, как из трещины высунулся сахарный эорл и с донельзя деловым видом откусил от лопаты весьма недурственный кусок.

Едва успевшему переступить порог собственной комнаты Илюшечкину открылась следующая картина. Сгрудившиеся на книжной полке эорлы о чем-то возбужденно галдели, а один, самый крупный, даже умудрился спуститься на пол и теперь вальяжно восседал на старом войлочном тапке.

Покачав головой и почему-то ничуть не удивившись внезапно ожившим сахарным человечкам, Илюшечкин достал их нового собрата из портфеля и совсем уж собирался водрузить его на полку, как эорл-недоделыш ловко крутанулся в ладони, упал на пол, мгновенно подскочил и рванул к еще не успевшей закрыться двери. Без особого труда протиснувшись в оставленную щель, эорл шумно затопал по направлению к кухне.

Наскоро запихав остальных эорлов в коробку из-под обуви, Илюшечкин последовал за беглецом. А тот уже успел вскарабкаться на плиту и увлеченно сыпал соль в чей-то разогревающийся на плите суп.

Отняв у эорла пачку с солью и сунув хулигана в карман, Илюшечкин помчался под защиту родных стен. Не прошло и пяти минут, как с кухни долетел возмущенный вопль. В вопле Илюшечкин опознал соседку и искренне порадовался тому, что успел улизнуть вовремя. Запихав пакостного эорла в коробку с братьями и для верности придавив ее энциклопедией, Илюшечкин плеснул в чашку холодного чая, надкусил галету и углубился в размышления о природе непонятной вредности эорлов.



В наш мир Илюшечкина вернуло странное ощущение — за ним наблюдали. Отставив в сторону чай, он огляделся. В приоткрытую дверь в комнату заглядывал Сашенька. Как и почему закрытая на щеколду дверь вдруг решила открыться, Илюшечкин не знал и не стремился узнать. Куда больше его сейчас интересовал взгляд Сашеньки. Взгляд был удивленным и каким-то...- Илюшечкин поискал подходящее сравнение... — таким взглядом смотрят на диковинное и совсем нестрашное животное.

Животных у Илюшечкина в комнате не водилось. Зато водились эорлы.

Один поворот головы — и опасения подтвердились. Придавливавшая коробку с эорлами энциклопедия валялась на полу, а компания сахарных толстячков сгрудилась на подоконнике. Приглядевшись, Илюшечкин икнул и отказался верить происходящему: в руках одного из эорлов трепетал тонкий луч заходящего солнца. Эорл деловито сматывал луч в золотистый клубок, и солнце с написанным на нем непечатным словом, рывками вращалось вокруг собственной оси и тоскливо поскрипывало. Иногда, вопреки всем законам физики, луч провисал, цеплялся за верхушки деревьев, но потом снова выпрямлялся и скользил в руки сахарного крепыша прямо сквозь оконное стекло.

Илюшечкин неодобрительно покачал головой и совсем уж собрался отобрать у эорла клубок, как солнце, наконец, доползло до горизонта и луч, натянувшись и зазвенев, лопнул, оставив в руках эорла разлохмаченный кончик солнечной нитки. Но эорл, казалось, был рад и этому. Легко, будто всю жизнь этим и занимался, он открыл рот и ловко заглотил клубок — после чего вытер руки о сахарный живот и уставился на Илюшечкина полным невинности взглядом.

Сашенька еще с минуту потоптался на пороге, шмыгнул носом и, так ничего и не сказав, бесшумно выскользнул за дверь.

Ночью эорлы шебуршились в коробке, о чем-то вполголоса совещались, а пару раз Илюшечкину даже казалось, что сквозь щели коробки проглядывает золотистый свет смотанного в клубок солнечного луча.

Утро было сумрачным. Уставшее от вчерашних трудов солнце медленно ползло по небу, но почему-то упорно не хотело отрываться от горизонта. Илюшечкин торопливо шел по улице, постоянно поглядывал на часы и думал об оставленных дома эорлах. Запертые в платяном шкафу сахарные человечки почему-то не пытались выбраться наружу, не скреблись и не возмущались — такая покорность не могла не вызывать подозрений. И точно. Стоило Илюшечкину выбраться на мост, с которого открывался вид на оставшийся позади дом, как картина прояснилась. В крайнее окно на четвертом этаже тянулся солнечный луч. Как и вчера, луч подрагивал и было ясно: там, за окном, этот луч, виток за витком сматывают в клубок.

— Вернусь, уши поотрываю! — воинственно решил Илюшечкин и продолжил путь.



Солнце уменьшалось и тускнело, и вместе с ним мрачнели прохожие. Уже знакомая Илюшечкину дамочка из продуктового магазина с каким-то фанатизмом поливала цветущую черешню мыльной водой, вполне респектабельного вида мужчина с наслаждением скреб погнутым гвоздем по капоту чьей-то иномарки, а благообразная бабушка с авоськой выводила на заборе нечто ругательное.

На работе было не лучше. Люсенька обзавелась еще дюжиной удочек и теперь держала их как букет весенних тюльпанов. Лески убегали во все отделы, а пойманные сплетни расположились кривой очередью возле радиатора, на котором уже росли их наиболее шустрые собратья.

За ночь кто-то расковырял небо в том месте, где вчера от него откололся синий черепок с частицей солнца, и теперь сквозь небесный гранит всюду пробивались корни неизвестных Илюшечкину растений. Одно из них оказалось и вовсе странным. Стебель растения раздваивался, с одной стороны переходя в крупный подсолнух с черными семечками, а с другой — в две партийно-красные гвоздики. Гвоздики свисали вниз головой и, нимало не смущаясь своим нелогичным соседством, с любопытством взирали на происходящее в библиотечном дворе.

Зав весь день ходил по коридорам, по-армейски грохая ни к селу, ни к городу надетыми сапогами, библиотекарьши шептались по углам, а буфетчица тетя Зоя вдохновенно разбавляла компот водой из-под крана. Илюшечкин вздыхал, писал что-то на серых библиотечных бланках и досадовал на свое решение оставить эорлов дома.

Но вот казавшийся бесконечным рабочий день кончился, изрядно уменьшившееся солнце залило город обозленно-алым светом, а Илюшечкин уже со всех ног спешил домой. Невыносимо долго провозившись с не желающим поворачиваться ключом и едва не оставив на лестничной клетке портфель, Илюшечкин ступил в сырой, пахнущий сразу всеми запахами на свете воздух коммуналки. В коридоре, опустив босые ноги в таз с горячей водой, сидел сосед, имени которого Илюшечкин не помнил. Возле соседа, сосредоточенно возя по полу распущенный с одного конца шарф, устроился Сашенька. Илюшечкин глянул на мальчонку и в очередной раз поразился непутевости Сашенькиной мамы: несмотря на конец мая, на мальчишке были надеты теплые колготки и застегнутая на все пуговицы меховая курточка.

Вздохнув и пообещав себе поговорить с нерадивой девицей, Илюшечкин шагнул в свою комнату. От эорлов можно было ожидать чего угодно, но, к удивлению Илюшечкина, всё оказалось на своих местах — даже ключ от шкафа, в котором были заперты сахарные человечки, по-прежнему лежал на столе. Хмыкнув и открыв шкаф, Илюшечкин заглянул внутрь. Выстроившиеся в идеально ровный ряд эорлы взирали на него со вселенским смирением, и Илюшечкин уже готов был поверить, что замеченный утром солнечный луч был не более, чем игрой воображения, когда крайний эорл вдруг сморщил нос, часто-часто заморгал, отчаянно пы-



таясь сдержаться, но потерпел поражение и оглушительно чихнул. Вздрыгнула и перекосилась вешалка со стареньким серым плащом, обиженно скрипнула дверца шкафа, а изо рта утирающего нос эорла высунулась тоненькая сияющая ниточка солнечного луча.

Утром Илюшечкина разбудил настойчивый стук в дверь. Илюшечкин отскреб от кровати свое не желающее подниматься тело, поправил съехавшую на одно плечо полосатую пижаму и приоткрыл дверь. На пороге стояла непутевая Сашенькина мамаша, из сбивчивых объяснений которой стало понятно, что ей совершенно необходимо уехать куда-то на целый день, а взять с собой Сашеньку она ну просто никак не может, поэтому возиться с мальчишкой придется именно ему, Илюшечкину.

Уже через минуту Сашенька сидел на кровати, болтал ногами в зеленых колготках и развлекался тем, что откусывал попеременно то от одного бутерброда с маслом, то от другого. Илюшечкин тем временем заваривал чай и с какой-то отрешенностью думал о том, что делать с Сашенькой дальше. От этого малопродуктивного процесса его оторвал восторженный Сашенькин визг. Уронив один бутерброд на пол и рискуя подвергнуть такой же участи второй, Сашенька перегнулся вниз и с любопытством разглядывал темно-серый полиэтиленовый пакет, в котором Илюшечкин еще третьего дня принес домой купленный сахар. Пакет шевелился, с аппетитом чавкал и время от времени сыто вздыхал. Отставив в сторону заварной чайник и вернув Сашеньку в вертикальное положение, Илюшечкин подобрался к пакету и осторожно заглянул внутрь. Там, подперев рукой толстую щеку, на горке сахара возлежал эорл. Он меланхолично отправлял в рот одну за другой горсти сахара, беззастенчиво поглядывал на Илюшечкина и всем видом давал понять, что только из вежливости не прогоняет незваного гостя.

Но удивило Илюшечкина нечто совсем-совсем другое. Эорл рос — с каждой горстью становился всё больше и больше; увеличивался и без того уже немалый живот, ленивой волной стекал на грудь второй подбородок, утолщались короткие, крепенькие ножки.

Илюшечкин чертыхнулся, чего, надо признать, с ним не случалось уже лет двадцать, вытащил эорла из пакета, сунул его в портфель, а подумав с минуту, вытряхнул туда и остальных, мирно спавших в картонной коробке сахарных человечков.

По дороге на работу эорлы шебуршились, недовольно бурчали и то и дело пытались втянуть сквозь прореху в боковине беспечно падающий на портфель солнечный луч. Илюшечкин раздражался, поминутно встряхивал портфель и тянул за собой жующего бублик Сашеньку.

Едва переступив порог и отмахнувшись от вопросов Люсенки о том, кем ему приходится сей очаровательный ребенок, Илюшечкин поспешил в подвал. Там, за одной из покосившихся деревянных дверей, хранилась всяческая не нашедшая применения библиотечная утварь. Несколько колченогих табу-



ретов соседствовали с продырявленным глобусом, в углу пылился давно уже сломанный проектор, а на нем сохнувшим бельем повисли старые выцветшие шторы. Водрузив портфель на один из табуретов, Илюшечкин без особых церемоний вытряхнул на пол всех эорлов, неодобрительно покачал головой и совсем уж собрался уходить, когда его внимание привлек оставленный в дальнем углу бюст Шекспира. На голову великого драматурга была бесцеремонно повешена половая тряпка, а по подбородку бегал шустрый маленький паучок. Илюшечкин покачал головой, отбросил в сторону тряпку, согнал паучка и внимательно оглядел бюст: правый глаз гипсового Шекспира слезился, непонятная гнойно-желтая муть комочками скапливалась у края глаза и мешала гордости английской литературы нормально смотреть на мир. Илюшечкин достал из кармана клетчатый носовой платок, аккуратно прошелся по краю гипсового века и, довольный проделанной работой, вздохнул. Шекспир тоже вздохнул и благодарно улыбнулся Илюшечкину.

В этот момент свет в подвале моргнул и едва не померк. Илюшечкин обернулся. Взгромоздившись на табуретку, эорлы деловито тянули слабенький тонкий луч из болтавшейся на шнуре лампы. Илюшечкин рыкнул про себя что-то неразборчивое, обжигая пальцы, выкрутил лампочку, вышел за дверь и дважды повернул в замке большой насквозь проржавевший ключ.

Работать, когда рядом крутился Сашенька, было категорически невозможно. Мальчишка то и дело порывался вытащить с полки какой-нибудь особо ценный фолиант, возил по полу зверски рыкающую машинку, хватал посетителей за ноги, и уже успел бы сверзиться с подоконника, не подхвати его какая-то разбитная девчонка в драных джинсах и надетой задом наперед кепке.

В конце концов Илюшечкин не выдержал — вытащил мальчишку в огороженный библиотечный двор, буркнул: «Поиграй тут», — и устало поднялся обратно в отдел, дав себе слово не спускать с мальчишки глаз. Но не тут-то было. Первым, что он увидел, были эорлы. Разбившись на мелкие группы, они сновали из одного конца библиотеки в другой, ловко отскакивали от норовящих наступить на них посетителей, а иногда замирали на месте, и плотоядно смотрели на то, как за окном по корке зачерствевшего неба ползет изрядно уменьшившееся за последние два дня солнце.

Самое любопытное было в том, что никто, кроме самого Илюшечкина, эорлов не замечал. И маленькие сахарные негодяи всюю этим пользовались. Мгновение — и арсенал зеркальной Люсенки пополнился еще несколькими удочками, на глаза Заву вдруг попались папки с делами когда-то провинившихся сотрудников, весы в буфете стали безбожно врать, а у намерившегося заняться газоном Антипыча кашлянула и скоропостижно скончалась почти новая газонокосилка.

Совершенно обезумевший от всего этого безобразия Илюшечкин путался в бланках, приносил не те книги, прикрикивал на читателей и с такой силой вбивал штампы на формуляры, будто пытался, как минимум, прошибить многоэтажное здание библиотеки до самого подвала.



С трудом дождавшись обеденного перерыва, Илюшечкин совсем уж собрался спуститься вниз за Сашенькой, как глянул в сторону и остолбенел. Удобно расположившиеся на широком библиотечном подоконнике эорлы вытащили клубки золотистых солнечных ниток и, разогнув по паре канцелярских скрепок, ловко вязали что-то непонятное. А самый толстый эорл, тот, которого Илюшечкин утром выудил из пакета с сахаром, беззастенчиво сматывал в клубок добрую дюжину ниток: одну — от солнца, другие — от всевозможных библиотечных ламп. Не прошло и пары минут, как солнце истончилось до крошечной золотистой точки. Эорл ослабилась, резко дернул солнечную нить, и небо, вздрогнув, отдало сахарному существу последнюю каплю света. На город опустилась темнота.

Словно по команде, на улице вспыхнули фонари, зашпешили, заторопились прохожие, а ветер принес странный запах сырости и клочки неизвестно откуда взявшегося тумана.

Между тем, дело у эорлов спорилось. Клубки стремительно уменьшались, а болтающиеся на импровизированных спицах вязание удлинялось и начинало свешиваться с подоконника на батарею.

В это время застывшего в нерешительности Илюшечкина потянули за штанину. Обернувшись, Илюшечкин увидел Сашеньку. Сашенька моргал и протягивал ему то, что два дня назад не удалось отыскать никому — синий черепок неба с желтым кусочком солнца.

Когда черепок перекечевал в руки Илюшечкина, Сашенька довольно заулыбался и прогугукал что-то невнятно-радостное, а Илюшечкин впервые за все время отметил, что ни разу не слышал от этого шестилетнего мальчишки ни одного разборчиво произнесенного слова. Однако отвлекаться на подобные мелочи было некогда. Закончившие вязание эорлы отложили скрепки-спицы в сторону и теперь увлеченно складывали получившиеся солнечные лоскуты один с другим. Маленький эорл с грубо проработанными чертами ловко стягивал лоскуты остатками золотистых нитей, и вскоре дело подошло к концу: на подоконнике, играя тонко сплетенным солнечным светом, лежала мантия.

Сашенька подошел к подоконнику, встал на цыпочки и с нескрываемым удивлением уставился на неторопливо набрасывающего мантию большого эорла. Завязав под толстым подбородком два солнечных шнура, эорл важно прошелся туда-сюда, снисходительно взглянул на снующих по библиотеке людей и щелкнул пальцами. Миг — и с первого этажа послышался щебет передающей очередную сплетню Люсеньки, столкнулись и едва не сшибли друг друга с ног два студента, а куривший на дворе Антипыч зачем-то запустил обломком кирпича в мирно спавшую на люке кошку.

— Та-а-ак!!! — впервые в жизни по-настоящему рассердился Илюшечкин. — Это еще что такое?! Пре-кра-тить!!!

В подтверждение серьезности своих слов Илюшечкин хряпнул кулаком по подоконнику. Зажатый в руке черепок неба обиженно бумкнул. Илюшечкин раскрыл ладонь, пару секунд смотрел на то, что когда-то составляло часть неба, шмыгнул носом и зачем-то примостил осколок на полку с



книгами. И тут произошло чудо. Осколок запел. Полилась, потекла по библиотечным коридорам дивная, ни на что не похожая песня. Заструился из осколка солнца чудный, чуть розоватый свет. Вздروгнули, заметались по подоконнику эорлы.

Набравшийся храбрости Сашенька с ногами влез на стул, без особых церемоний сдернул с главного эорла мантию, потянул за торчащую из ее края ниточку — и к ногам Илюшечкина полилась закружившаяся солнечная пряжа.

Дальше дело пошло само собой. Сашенька тянул нитку, а Илюшечкин сматывал ее в клубок. Зажав уши, эорлы суетливо сновали по подоконнику, иногда останавливались и, недобро поглядывая на поющий осколок неба, тянули сахарные руки к растущему солнечному клубку. Сашенька локтем отпихивал особо активных эорлов и с восхищением смотрел на Илюшечкина.

Когда на крутой бок клубка легла последняя тонкая ниточка, Илюшечкин огляделся. На улице было по-прежнему темно, но внутри библиотеки что-то явно изменилось. Было необыкновенно тихо. Ни звука. Ни шороха. Замерли у столов читатели, остановился склонившийся над бумагами Зав, завис в воздухе оброненный кем-то листок.

Илюшечкин покосился на Сашеньку. И впервые заметил, что глаза у мальчишки ярко-синие, по носу рассыпалась горсть веселых веснушек, а рыжие ресницы светятся так, словно это их, а не эорлову мантию соткали из тончайших солнечных лучей.

Илюшечкин помедлил еще мгновение, перегнулся через подоконник и изо всей силы зашвырнул в небо обжигающий пальцы солнечный клубок. Со свистом пронесшееся над деревьями солнце задело и раскрутило флюгер на соседнем доме, отдало ветру несколько горстей золотистой пылицы и на всей скорости врезалось в небо. Небесная корка лопнула. Побежал, заструились по трещинам солнечный свет, полетели на крыши крошечные осколки когда-то цельной махины небесного купола.

Илюшечкин обернулся. Один за одним, воздев к голове толстенькие ручки, рассыпались на отдельные песчинки сахарные человечки, успокаивалась, затихала лившаяся из солнечного осколка песня, оживали, возвращались звуки. Замерла над бумагами готовая вывести «Уволен» рука Зава, с грохотом посыпались на пол Люсенкины удочки, поблекла и растворилась в воздухе старая книга с каменным истуканом на обложке, моргнул и улыбнулся веснушчатый Сашенька. А запрокинувший голову Илюшечкин втянул носом пахнущий луговыми цветами воздух и вполне отчетливо увидел, как откуда-то с орбиты ему машет шоколадной лопатой улыбающийся космонавт в клетчатых тапках с розовыми помпонами.



ЮЛИАНА ЛИНКС

НОВЫЙ ПОВОРОТ

ПРОСТЫМ ИНЖЕНЕРИЕМ! СО СРЕДНИМ ДОСТАТКОМ! Меня! — Василь пнул стоящее у калитки ведро с водой, полетели во все стороны искрящиеся капли. — Да я! Я же лучше всех в школе математику и физику... Федька — тот вообще прогуливал, а его — в миллионеры!

Кир смотрел на приятеля с жалостью и разочарованием одновременно. Смотрел и не знал, как себя вести. Он прибежал, чтобы поздравить, отпраздновать, а тут — нате вам! Семнадцатилетний Василь, который всегда был для него эталоном, примером для подражания, разнюнился, словно последняя девчонка! И из-за чего? Из-за того, что сам себе не смог выбрать нужную тропинку! Кир тихо хмыкнул. Когда придет его очередь, он не растеряется.

— Что же это... Вся жизнь пушистику под яйца!

— Котохвосту, — задумчиво пробормотал Кир.

— Чего???

— Ну, обычно говорят «котохвосту под яйца»

— Да какая разница кому, — Василь сплюнул. — Главное, что под яйца! А Ф-федька, гад!..

Гад, легок на помине, вырулил из тумана на новеньком серебристом ша-ромобиле. Высунулся из окошка, посмотрел на товарищей, подмигнул Киру:

— Привет, малышня!

— Кто, я? А в глаз? Что смеешься? Мне уже шестнадцать с половиной! А я уже... То есть, мне уже через полгода на Перекресток! А Василь сегодня... был.

Федька фыркнул:

— Да, слышал я!

— Слышал он... — Васька подбежал к новоявленному миллионеру, на ходу выплевывая слова. — Да ты... Это нечестно! Ты смухлевал! Обдурил! Шулер!

— На Перекрестке нельзя смухлевать. Это тебе не в «дуралея» под забором резаться, — Федька валяжно выбрался из авто. — Что ж ты сам не стал на тропинку богатства?

— Станешь на нее... — пробурчал Василь. — Я хотел! А оно как загорится синим! Печат!

— Ха! Тоже мне! У меня фиолетовым зажглось! И жгло так, что чуть глаза не вылезли! — Федор смерил Ваську взглядом, скривился, словно проглотил лимон без сахара, и неожиданно кивнул в сторону четырехколесного красавца. — Ну-ка, сядь!

— Чего?

— Садись, садись! За руль!



Василь растерянно осмотрелся по сторонам, осторожно присел на переднее сиденье шаромобиля, вжался в мягкую спинку.

— Аппендикс, блин! — раздалось над ухом презрительное Федькино фырканье.

— Что?

— Говорю, смотришься ты в дорогом авто, как лишняя деталь, как ненужный отросток. Понимаешь, о чем я? А ты мне — физика, математика... Вылезай!

Когда-то, может давно, а может не очень, все было иначе.

Когда-то у людей была Судьба, теперь — есть Выбор, пусть и ограниченный.

Когда-то они полагались на Случай, а теперь — на разноцветные тропинки.

Раньше было время борьбы и конкуренции, сейчас — эпоха Перекрестков. И она — определенно симпатичней предшественницы. Во всяком случае, в этом уверены все...

— Мам, а мам, — Кир сидел, свесив ноги с кровати, — а почему Васька не стал миллионером?

— Не знаю, не захотел, видимо...

— Гм... Не похоже что-то. Вот Федька говорит, это из-за того, что Василь — аппендикс!

— Грубиян твой Федька! Спи!

Спать мальчишке не хотелось совершенно. Хотелось выпрыгнуть в окно и побежать на Перекресток. Прямо сейчас, ночью, в темноте. Сквозь потухший туман. Распугивая замешкавшихся котохвостов с пушистиками. Но он знал: еще не время. Еще полгода. И он найдет свою тропку. Хотя...

— Ма-а-ам! А вдруг... — Кир осекся, нет, не думать об этом, не вспоминать, не напоминать...

— Ну что еще?

— А вдруг... вдруг я тоже стану инженерием со средним окладом!

Усталый вздох в ответ:

— Сына, инженерий — это не так уж и плохо! Во всяком случае, Василь хоть Василем остался. А то вон Денисий с соседней улицы уходил на Перекресток обычным парнем, а вернулся — краеземской принцессой! Трех дней дома после этого не прожил! Уехал в свои владения. В Краеземье! Даже с матерью не попрощался...

Кир поморщился. Перспектива превратиться в краеземскую принцессу, равно как и в какую-либо другую девчонку, его не вдохновляла. К слову о девчонках — Юлике повезло еще меньше Денисия. Настолько меньше, что о ней даже говорить теперь не принято.

Мальчик вздохнул. А кем он сам хотел бы стать? И хотел бы он после этого остаться с родителями? А мама? Где она была до Перекрестка?

Надо будет спросить.

Когда-нибудь.



Когда-то люди жили в небоскребах, таких высоких, что даже и не верится. Сейчас — в маленьких одноэтажных домиках.

Когда-то было много разных городов и поселков, сейчас — один-единственный Край, один на всех. Да еще Краеземье — земля за гранью.

Когда-то по земле бегал самый разнообразный транспорт, сейчас остались только автомобили — для избранных, да еще подземки — для общества.

Подземки. Как их не любила Юлика. Что там не любила, — она ненавидела метро! Ей никогда не удавалось приехать на нужную станцию. В лучшем случае, поезд увозил молодую девушку в совершенно в другом направлении. В худшем — завозил на станции, которых вообще в природе не существовало. До нее не существовало...

Кира передернуло. Только однажды он вошел в метро вместе с двоюродной сестрой. Года два назад. Чтобы доказать ей, что она — трусишка и выдумщица («Ну разве может поезд свернуть с четко утвержденного маршрута?»). Он представлял, как они войдут в подземку, которую так боялась Кирзина, как прокатятся в поезде, как потом вместе посмеются над ее страхами...

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция... Крххххх... Брлгрхррры...»

— Что? Какая станция? — Кир ездил здесь тысячу раз и точно знал, что следующая остановка называется «Весенняя», а вовсе не «Брлгрхррры» или что он там сказал. — Юлика, что он сказал?

— Я не знаю...

— Но... как это? Куда мы едем?

— Не знаю! — казалось, она сейчас взорвется. — Я же тебе говорила.

— Извините, — Кир дернул за руку дородную даму в широченной шляпе, — вы не подскажете, как называется следующая станция?

Дама смерила мальчишку презрительным взглядом.

— «Цветущий мак»

— Че-е-его? Нет такой станции!

Дама, фыркнув, отвернулась.

— Юлика, Юлика! — Кир лихорадочно тряс сестру за рукав. — Куда мы едем? Где мы выйдем? А домой вернемся? Домой хочу, Юлика-а-а!

Домой они вернулись. Под вечер. На попутном автомобиле. А до этого целый день тряслись в петляющем по подземельям поезду, в расписании которого значилась всего одна остановка — «Цветущий мак» («Вот уж истину подходящее название!» — цедил сквозь зубы Кир). Впрочем, выбравшись наружу, никаких маков — ни цветущих, ни увядших — ребята не обнаружили. Только мрачный пустырь без признаков жизни, из которого они еще три часа искали дорогу к трассе — вернуться в метро, на станцию «Маковый цвет», Кир не решился.

А Юлика ничего, даже повеселела. И в дом вошла с видом королевы-победительницы («Я же говорила!»). Счастливая! Кир же потом долго не решился даже близко подойти к подземке. И до сих пор просыпается по ночам



в лихорадочном поту, пытаюсь понять, где он — дома в кровати или в метро, едет в поезде, не зная, где придется выйти.

Как сестричка умудрялась нарываться на эти поезда? Или это они на нее нарывались? И как она жила с этим кошмаром? И где она теперь живет? И живет ли...

Когда-то днем светило Солнце, а ночью — Луна. Сейчас круглосуточно стоит белый туман, мягкий, пушистый, похожий на гигантский полупрозрачный пучок ваты. Или на спустившееся на землю серебристое облако, светящееся днем, меркнувшее ночью.

Когда-то через каждые двенадцать месяцев наступал Новый год. Сейчас Новый год наступает лишь тогда, когда люди к нему готовы.

Когда-то эти двенадцать месяцев делились на четыре сезона, сейчас сезон один. Вечное лето, теплое, но очень туманное.

Кир залег на ветке шелковицы — единственного дерева и, вообще, — места, находившегося на достаточно близком расстоянии от Перекрестка. Конечно, отсюда не разглядишь надписи на тропинках, но зато хорошо видны цвета, которыми они загораются, когда их касается босая нога семнадцатилетнего. Раз, два, три... Синий, красный, зеленый, желтый... Перекресток не обдуришь — ему неважно, о чем ты мечтаешь, на что надеешься, нет дела до твоих амбиций, потому что он и только он знает, чего ты стоишь на самом деле. Раз, два, три... Мелькают на тропинках названия профессий, описания жизненных путей, которые, по мнению Перекрестка, подходят именно тебе... Тик-так, тик-так — у тебя есть пять минут, чтобы определиться и стать на одну из тропинок. Синий (самый маловероятный и самый горячий), красный, зеленый, желтый... Многие, став на тропку синего цвета, соскакивают с криком и бегут на другую, менее пекущую. Сколько раз Кир наблюдал за взрослеющими в один момент подростками, свесившись с ветки шелковицы, пытался угадать, кем станет его очередной товарищ, недруг или просто сосед-старшеклассник.

Вообще-то, по преданию, приходиться на Перекресток нужно в полном одиночестве. То есть, в абсолютно полном. Но Кир вот уже год тайком прибегает посмотреть на ритуал. Первый раз он пришел сюда из-за Юлики. Да и все остальные — тоже. Только на Василя смотреть не ходил, — уж очень приятель, узнавший о Кировых вылазках, просил его не делать этого.

Сегодня на Перекресток ступит Нила Девятина, Юликина одноклассница и Васькина зазноба. Вот и она, готовится. А вчера Игорь приходил — лесником стал. А заодно мужем какой-то Золотоокой Дивы из березовой рощи и отцом двоих детей. Отец — еще ладно, а вот почему лесник? Игорец природой никогда не интересовался, наоборот, любил возиться с химикатами и железяками разными. Но ничего, не расстроился, наоборот, как-то воспрял духом. И в тот же день собрал вещи, и ушел в лес. Жену искать.

Внизу что-то скрипнуло, мальчик настороженно раздвинул ветки и не поверил глазам — на шелковицу карабкался Василь. Кир хотел было ска-



зять, что непристало инженериям по деревьям лазить, но в последнюю секунду передумал. Вместо этого подождал, пока приятель примостится на соседней ветке и задумчиво пробормотал.

— Знаешь, когда настанет моя очередь, я не пойду на Перекресток в выходные...

— Почему? Все только в выходные и приходят...

— Вот именно, а остальные — ждут этих трех дней, как... как туманного затмения. Только о тебе и говорят, провожают чуть ли не всем городком, надеются на что-то... А я хочу, чтобы быстро и без лишнего шума.

Василь лишь пожал плечами. Какое-то время друзья сидели молча.

— Знаешь, — все также задумчиво протянул Кир, — а я вообще во все это не верю.

— Во что?

— В легенды. О том, что было, и что будет. Ну вот ты, — в голосе Кира проснулся азарт, — ты можешь представить, чтобы вместо тумана светило какое-то Солнце? Чтобы дома доставали до неба, в неделю было семь дней вместо восьми, а вместо трех выходных — два? И чтобы за пределами тумана, за долинами Краеземья существовали еще какие-то страны?

Василь пожал плечами.

— Знаю, ты такой же, как все. Верите в какие-то сказки. В глупые легенды.

— А ты во что веришь? — в голосе Василя послышалась обида.

— В решение. В то, что ваш глупый Перекресток — далеко не так всемогущ. И Юлика — она поняла, она знала. Поэтому и пог... исчезла. Он забрал ее. Но я найду решение. Она... она где-то ошиблась, но я все сделаю правильно.

— Кир, — Василь выглядел испуганным, — не шути с этим. Ты... Я боюсь за тебя. И мама боится... моя. Не говоря уже о твоей. Обещай, что не станешь шутить с Перекрестком. Тебе повезло один раз, — мальчишка почти кричал, — но не факт, что повезет снова!

Повезло! Да уж! Даже спустя год Киру становилось дурно от одного только воспоминания о том дне, когда...

...Жарко. Душно. Невозможно дышать.

Кир мчался к Перекрестку, с которого секунду (целую вечность?) назад исчезла Юлика — он только на миг отвел глаза, а когда глянул снова, сестры уже не было. Кир протирал глаза, кричал, звал — все напрасно. И тогда он понял. Понял, для чего она попросила его, нарушив правила, прийти сегодня сюда, забраться на эту шелковицу. («Я кажется знаю, что происходит с метро и как действует Перекресток», «Юлика, что ты за...», «Я не знаю. Может, ничего не получится. Просто наблюдай со мной, — она наморщила лоб. — Может, я ошибаюсь, а может ты заметишь что-то, чего не я увижу...»)

Нихрена он не заметил! Придется разглядеть поближе.

— Кир, вернись! Стой! Туда нельзя! Тебе еще семнадцати...

Это Димитрий — жених Юлики. Прятался в кустах, под небольшим склоном — Кир еще раньше его увидел. Тоже мне, наблюдатель! Оттуда



и Перекрестка-то не видно. Только шелковицу. Или он пришел наблюдать не за Юликой?

— Плевать! Она моя сестра! Плевать на запреты! — мальчишка изо всех сил неся к Перекрестку.

— Подожди! — Димитр был готов разрыдаться. — Нельзя же! — он почти схватил ошалевшего Кира за руку. — Ни тебе, ни мне... Второй раз — тоже нельзя! Кир! Я ее тоже люблю! Стой! Она не этого хотела! Да послушай ты! Пож...

Больше Кир не слышал ничего. Димитрий отстал, спотыкнулся, покатился по горячему песку. А может, просто побоялся ступить на Перекресток второй раз. Кир бежал. Когда он сидел на шелковице, ему казалось, что заветные тропинки находятся метрах в двадцати от дерева. Но сейчас понял — они намного дальше. Мальчишка задыхался, слезились глаза, стало кошмарно душно. Не замедляя скорости, он влетел в самое сердце Перекрестка, туда, где сходятся разбегающиеся в разные стороны тропинки. Рухнул на колени, на четвереньках подполз к дорожке — к одной, к другой, к третьей... И, наконец, увидел то, что искал.

Бред. Жар. Он падает. Летит в центр Перекрестка. И продолжает падать дальше. Глубже. Ниже. Сквозь яркий безумный разноцветный калейдоскоп.

Кир метался по постели.

Тропинки, переливающиеся всевозможными цветами, буквы, мельтешащие на дорожках, пар, исходящий от Перекрестка, пепел, струящийся сквозь пальцы...

— Бредит?

Он не помнил, как попал домой, не знал, сколько времени прошло с первого воскресенья. Помнит только сумасшедший калейдоскоп цветов...

— Седьмой день уже...

Буквы, пар...

— Хорошо, что вообще выжил. И как он только выбрался оттуда? С Перекрестка-то! В неполные шестнадцать...

Пепел, медное колечко — все, что осталось от Юлики. Боль, пронизывающая его насквозь, смех, помогающий справиться с болью. Чужая боль. Чужой смех. ЕЕ боль...

— А Юлика? Куда она полезла? Уж лучше б совсем без тропинки, чем вот так... И Димитрия погубила. Бедняга не выдержал... в метро нашли, на рельсах.

— Молчи. Не надо имен...

Буквы, мамы — его и Васькина, калейдоскопические тропинки, холодная повязка на лбу.

Он возвращался...

Он вернулся.

Он выжил. А Юлику так и не нашли.



Когда-то был мир. А потом он изменился. А может, изменились люди, а мир остался прежним. Никто не знает...

Однажды все переменится снова. Изменится мир. Или люди. А может, и то, и другое одновременно. Никто не знает...

Однажды кто-то увидит свою тропинку, раньше, чем ее покажет Перекресток. Однажды, кто-то сумеет понять то, о чем другие боятся даже подумать. Однажды этот кто-то, сумеет понять, захочет вернуться с Перекрестка домой. Во что превратится мир потом? Никто не знает. Но все уверены, — он станет лучше всех своих предшественников...

Нила Девятина вернулась Королевой красоты номер три и женой свободного выбора — то есть, имела право выбрать себе мужа и место жительства сама, без подсказок Перекрестка. И тут бедному Василию опять не повезло — не пожелала Королева жить с простым инженерием со средним окладом!

— А ведь до этого клялась, что вернется ко мне, чтобы ей там ни назначили! — причитал неудавшийся жених. — И почему ее не сделали коровницей вонючей?!

— Наверно, потому, что вонючих коровниц у нас уже трое, а Королевы, даже с номером три, ни одной. Не было... До вчера... — Кир, наконец, справился с галстуком.

— А ты... Тоже мне друг! Бежишь, сломя голову, на ее вечеринку!

— Нужна мне очень ее вечеринка! Я с ней хочу поговорить! С Нилкой! Вдруг заметила что-то необычное... Там, на Перекрестке. Я ж из-за трепа с тобой все пропустил!

— Станет она с тобой говорить, — процедил сквозь зубы Василь. — Она ж теперь Ко-ро-ле-ва!

Кир и сам не горел желанием идти на вечеринку к Девятиным. «Небось, опять заказали зал «для тех, кто не платит», — пробормотал он, подходя к ресторану. Точно! А какой же еще! Есть привычки, от которых нас не спасет даже корона...

Парень обреченно вздохнул и побрел занимать очередь у барной стойки — сейчас симпатичная официантка вручит ему поднос с любимыми вкусностями, а через минуту он выбросит все блюда в урну. Что поделаешь — зал для тех, кто не платит! Впрочем, как ни странно, голод сия немудреная процедура каким-то образом утоляла...

Кир, не обращая внимания на щебетания официантки, расхваливающей банановый десерт, нашел глазами Нилу. Она, почувствовав взгляд, обернулась. Красивая. Рыжеволосая. Зеленоглазая. Стоп! У нее не такие глаза! Они другого цвета! Нилка всегда была... Кир поморщился, напрягая память. Нет, не вспомнить. Но точно не зеленоглазой. Зеленоглазой была Юлика. Кир достал из кармана медное колечко с изумрудом — камнем цвета ее глаз. Затем медленно перевел взгляд на Королеву красоты номер три. И понял, что его смущало. Сережки! Медные сережки с яркими изумрудами.



*Когда-то люди судили друг друга. Сейчас всех судит Перекресток.
Когда-то преступников ловили и заковывали в наручники, сейчас проит-
рафившийся сам, не дожидаясь приглашения, отправляется на Перекресток.
А имя того, кто после этого не вернулся, забывается навсегда.*

— Отдай мне их! Они не твои! — Кир прижал рыжеволосую красотку к стене грязного подземного перехода, сдавил рукой ее горло.

— Что ты себе позволяешь? — прошипела Королева, пытаясь вырваться.

— Я не знаю, как к тебе попали серьги моей сестры, но будет лучше...

— Я получила их в подарок! А тебе лучше убраться отсюда — ко мне сейчас придут.

— И кто же подарил? — Кир, не обращая внимания на угрозу, сильнее сжал пальцы.

— Перекресток! — от боли у Нилы выступили слезы, но в голосе не было ни намека на мольбу. — Были сестры, а стали мои!

— Пока человек жив, нельзя надевать его вещи!

— Она м-м-ме...

— Заткнись! Дрянь! Стерва! — он шмякнул Королеву об стену. — Она же подруга твоя! А-а-а! Всегда ты была стервищем! Только притворялась хо-рошенькой!

— Я сделала выбор! Пока вы учили школьные предметы, я изучала себя! А теперь... убирайся... иначе... костей не соберешь!

Кир холодно рассмеялся, разжал руки, освобождая полузадушенную Нилу.

— И кто ж за тебя заступится? Тайный поклонник? Дура, поклонники не назначают свидания в грязных подземельях!

— Это был ты! — выдохнула Нила. — Скотина!

— Верни серьги! А я никому не расскажу, как ты только что обломалась! Мне на Перекресток завтра. Они нужны мне...

Спроси девушка сейчас, зачем Киру понадобились на Перекрестке девчачьи сережки, не нашел бы, что ответить. Но она не спросила. Подумала секунду, затем сорвала с ушей украшения.

— Забирай! — и вдруг улыбнулась со странным вызовом. — Знаешь, а я, пожалуй, выбрала бы тебя в мужья. Если, конечно, ты завтра не вернешься с Перекрестка каким-нибудь свинопасом!

Кир наклонился к ее лицу и, наконец, разглядел глаза девушки — серые, почти серебристые.

— Если я завтра вернусь с Перекрестка, — прошептал он очень тихо, но очень отчетливо, — я тебя саму свинопаской сделаю!

И, не дав Королеве опомниться, выбежал из подземелья.

Всю дорогу домой Кир пытался понять, что же такое на него нашло. Он ведь просто хотел поговорить с Нилой, объяснить, что сережки сестры дороги ему, как память, что сегодня его день рождения, и Нила могла бы сделать ему небольшой подарок... Но, проблема в том, что ему с каждым днем все труднее



и труднее «просто говорить» с людьми. Потому что эти люди его жутко раздражали. Его бесила Нила, его выводил из себя Василь, он не мог видеть бывших одноклассников — своих вчерашних товарищей. Его раздражали все... все, кто прошел Перекресток. Это уже не те люди, которых он знал. И дело не в том, что они якобы повзрослели. Они стали другими, *не такими, как надо*. Взять Василя — был заводилой, душой компании, а сейчас — хлюпик и нытик. А та же Нила? Ведь добрейшей души была человек! А теперь? Что происходит там, на Перекрестке? И что, все-таки, случилось с Юликой? И не потому ли это случилось, что кузина не захотела превратиться в суррогат самой себя?

Юлика, Юлика, если бы ты успела сказать мне больше! Кир машинально сжал в кармане сережки и колечко. Прищурившись, взгляделся вдаль, сквозь меркнувший вечерний туман разглядел верхушку шелковицы, той самой, с которой можно полюбоваться на разноцветные тропки. А что, если пойти прямо сейчас? Ему уже исполнилось семнадцать! Кто сказал, что на Перекресток нужно ступать именно днем? Что-то не помнил он такого в правилах. Да и потом, сколько раз он уже нарушал эти самые правила?

Когда-то Перекресток был доступен всем, но его не замечал никто.

Сейчас его видят все, но ступить имеют право лишь семнадцатилетние. И преступники.

Однажды он снова откроется для всех. Но многие ли смогут им воспользоваться?

Кир ступил на Перекресток. В самый центр босыми ногами. «Я пришел!». Тихий шелест листьев за спиной, легкое дуновение ветра. Ни жары, ни духоты, как в прошлый раз. «Мы уже встречались, помнишь? — Кир сам не понимал к кому он обращается и чего хочет добиться. — Год назад. Я весь этот год ждал тебя, а ты?»

Ничего не происходило. Обычно тропинки загорались практически сразу. Может он что-то упустил, сделал не так? Что там говорила Нила — она изучила себя? А он только то и делал, что изучал Перекресток... А может, и правда, надо приходиться днем? Может, Перекресток *спит*? Или...

«Я просто хочу вернуть то, что потерял здесь год назад. Я...» — мальчик импульсивно сжал в кулаке серьги сестры, застежка больно впиалась в палец, раня его до крови.

Тишина. Ни звука. Даже шелковица шелестеть перестала. Кир вздохнул.

«Я, пожалуй, приду завтра. Днем»

Земля дыхла жаром. Туман сжался плотным кольцом. Побежали по тропинкам разноцветные полоски. Замелькала перед глазами одна-единственная надпись.

Юлика, Юлика, Юлика, Юл...

Что за? Не так, все должно быть не так! Куда становиться, из чего выбирать, если все тропинки одинаковые? Да и что означает здесь имя сестры? Забытое имя. Непонятое никем, а потому поставленное в один ряд с непро-



ценными. А может, она и была непрощенной? Что-то знала, что-то пыталась изменить, была ищущей среди давно нашедших. «Может, и мое имя забудут сегодня... Если еще не забыли...»

Разноцветная пляска на тропинках замедлила ход. Надписи, потускнели. Жара начала спадать. Туман расслабил удушающие объятия. Буквы бледнели, таяли, а сквозь них уже начинали проступать другие.

Однажды кто-то увидит свою тропинку, раньше, чем ее покажет Перекресток.

Тропинки потускнели. Лишь одна продолжала гореть ярко-желтым. Мальчик покосился на часы — он простоял на Перекрестке всего пару секунд. А казалось...

...раньше, чем ее покажет Перекресток.

Кир зажмурился и сделал шаг вперед.

— *Верни мне их! Они нужны мне!*

— *Но что же останется мне?*

— *Твоя слава первопроходца.*

— *Ты! Ты первопроходица! Ты всегда умудрялась найти новые пути, а я... просто оказался рядом... Ю...*

— *Тссс! Не грусти. Я всегда буду с тобой. Только, пока мы здесь, не называй моего имени!*

— *Но ты не должна быть непрощенной!*

Смех. Звонкий, легкий, беззаботный.

— *Я прощенная!!! Увы, Кир, но все не так, как мы думали. Прощенные уходят, непрощенные остаются.*

— *А я? Кто же тогда я?*

— *Решай сам. Можешь остаться и изменить свою жизнь. Или стать первым, кто вернется и изменит ваш мир.*

Первое, что увидел Кир, открыв глаза, — свет. Уже утро. Сколько же он пролежал на Перекрестке? Ощупал карманы, — пусто, сережки с колечком исчезли. Осмотрелся по сторонам, — тропинки почти погасли, надписи — теперь уже самые разнообразные — поблекли.

Ну и кто я?

Мальчик поднял голову. Возле шелковицы, прислонившись к могучему стволу, стояла встревоженная женщина. И во все глаза наблюдала за сыном. А за его спиной все еще горела желтым одна единственная тропка с именем, которое здесь называть нельзя.

Кир закрыл глаза и шумно вздохнул. Пора делать шаг.

Август и ноябрь, 2007



МИХАИЛ «ЗИРА» ЗИПУНОВ

ОПЕРАЦИЯ «ЗЕЛЕННЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ»

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ? ВОЗМОЖНОСТЬ ПОЧЕСАТЬ ТАМ, где чешется. Ар Кад не знал, кто дал такой ответ на один из вечных вопросов, но был вынужден признать — что-то в этом есть. И сейчас, укрытый от любопытных глаз, в надежде растянуть миг удовольствия, с упоением придавался процессу. Чесаться на людях считалось неприличным — не дай Бог спровоцируешь сезонную линьку! Более бестактный поступок придумать сложно... Кстати, а не линька ли это приближается?

Ар Кад внимательно осмотрел руки — зудело правое предплечье, и именно на руках обычно начинали отслаиваться лоскутья старой кожи. Тогда каждый уважающий себя человек брал больничный, запасался продуктами на неделю-две, запирался дома и не выходил до тех пор, пока линька не заканчивалась.

Первичным симптомом, кроме собственно зуда, было постепенное изменение цвета кожи от светло-зеленого к более темному. После тщательного, как и учили на подготовительных курсах, осмотра Ар Кад убедился, что цветовых изменений не наблюдается, и, следовательно, это не линька, а всего лишь нервы. Что, однако, не отменяло негласно-го запрета чесаться при посторонних.

А посторонних уже в самом ближайшем будущем было запланировано достаточное количество — целый зал. В большинстве своем, конечно, «профессиональные» зрители и студенты первых курсов театрального института. В какой-то степени и не люди вовсе, а элемент интерьера студии. Но ведь картинка из зала в прямом эфире чуть ли не на весь Марс транслируется...

Именно прямого эфира Ар Кад боялся больше всего. А потому и нервничал. Слишком много было поставлено на карту. Сказать, что к этому дню он шел всю свою сознательную жизнь, было бы излишне пафосно. Да и некоторое преувеличение явно присутствовало бы в таких словах.

Но уж лет 7-8 так точно Ар Кад все усилия направлял именно на достижение этой цели. И сейчас он находился от нее буквально в одном шаге. В таком маленьком шаге для всего человечества, но таком великом для него лично.

В дверь примерной заглянул ассистент режиссера.

— Вы готовы? Через минуту начинается блок рекламы, после него — ваш выход.

Во рту пересохло, и Ар Кад только кивнул. Ассистент опытным взглядом оценил состояние клиента и быстро налил ему в стаканчик грамм



пятьдесят какой-то жидкости. Ар Кад пригубил — марсоньяк!!! Эх, где наша не пропадала!

Заметив оживление в глазах, ассистент поспешил спрятать бутылку с янтарной жидкостью в шкафчик и за руку потащил Ар Када в зал.

Танец софитов и дробь аплодисментов — строго дозировано. Свето-звуковые колебания подсказывают телезрителям, что реклама закончилась (во всяком случае, явная реклама — скрытая реклама не заканчивается никогда), а гостя студии вдохновляют на интересный рассказ.

Блистательный Ва Лер — ведущий передачи «По ту сторону с Ва Лером» — одарил телезрителей мгновенной фирменной улыбкой номер 2, в которой было все — и радость от общения, и предвкушение увлекательной беседы, и скрытая реклама зубной пасты «Чиста Зуб», и слегка ироничное отношение к герою следующего сюжета, и уверенность в завтрашнем дне, и намек на регулярный здоровый секс, и демонстрация уровня доходов (немного выше среднего, чтобы многочисленный средний класс — целевая аудитория программы — не терял жизненных ориентиров), и даже ненавязчивая агитация телезрителей своевременно платить налоги.

— А сейчас позвольте представить нашего следующего гостя! Ар Кад — человек удивительной судьбы. А впрочем, человек ли? Ведь, как он сам утверждает, человек он только наполовину. Итак, Ар, вот сейчас, когда свидетелями ваших слов могут стать миллионы наших телезрителей, готовы ли вы повторить то, что рассказали мне?

— Да... — немного неуверенно ответил Ар Кад.

Ассистент режиссера дал отмашку зрителям в студии, и те захлопали.

— Мой отец... — Ар Кад на мгновение запнулся, но после ободряющего кивка Ва Лера уверенно закончил. — Мой отец — Землянин.

— Как интересно! — воскликнул Ва Лер, улыбаясь Ар Каду улыбкой номер 7 («улыбка дружелюбная, миролюбивая»), и заговорщицки подмигивая телезрителям. — Значит, ваш отец — Землянин! А мама? Мама ваша хотя бы с Марса? Или тоже с Земли? Или может мама у вас вообще с Юпитера?

— Ну почему же, — обиделся Ар Кад. — Моя мама такая же марсианка как вы или любой другой в этой студии.

— Поразительно! — Ва Лер прямо таки искрился позитивом и рекламной антидепрессанта «Новый Свет». — Уважаемые зрители! Все мы прекрасно знаем, что на Земле жизни нет, по крайней мере, наши ученые нас упорно в этом убеждают. Но так ли это на самом деле? Вот перед нами сидит человек, который является живым свидетельством того, что жизнь на Земле мало того, что есть, она еще и размножается! О, досточтимый, Ар! Пролей свет знаний на наше стереотипное представление о жизни на других планетах! Как получилось, что землянин и марсианка познали друг друга? И при каких обстоятельствах они вообще познакомились? Может быть по Интернету? — на потеху публике ведущий в открытую подшучивал над героем передачи.



— Ну, это была стандартная исследовательская экспедиция на соседнюю планету...

Поразительно! — воскликнул ведущий. — Исследовательская экспедиция на Землю, произведенная втайне от всех марсиан, ибо, как всем нам прекрасно известно, наши космические корабли еще не отправлялись к другим планетам Солнечной системы. По крайней мере, так утверждает наше правительство. Но так ли это на самом деле? Ар, откройте нам тайну этой пресловутой экспедиции на Землю!

— Позвольте, позвольте! — возмутился Ар Кад. — Когда это я говорил об экспедиции на Землю? Это была исследовательская экспедиция на Марс.

— На Марс? — ведущий наигранно изумился. — Но зачем же нам нужна экспедиция на свою же планету?

— Да нет же! — воскликнул Ар Кад. — Это была экспедиция землян!

— Даже так? — глумливо ухмыльнулся Ва Лер. — Уважаемые зрители, только что наш гость открыл нам глаза! Оказывается, Земля не просто обитаема. Земляне решили колонизировать Марс! Поразительно! Прошу прощения, многоуважаемый Ар, вы не боитесь, что после этого вашего заявления коварные планы вашего отца и других землян поработить Марс потерпят поражение? Ведь теперь, зная, какая нам грозит опасность, все марсиане как один станут на защиту родной планеты! — аудитория поддержала ведущего дружными патриотическими аплодисментами.

— Не боюсь...

— Так значит, земляне настолько могущественны, что даже такая утечка информации не сможет им помешать? Но почему же тогда...

— Вы меня неверно поняли! — Ар Кад попытался остановить поток сознания ведущего. — Земляне вовсе не стремятся поработить марсиан, вы категорически ошибаетесь, приписывая им наклонности милитаристического характера. Вот взять, например, моего отца...

— Да, кстати, ваш отец! Мы действительно немного увлеклись и в пылу обсуждения забыли о вашем отце. Значит, вы по-прежнему утверждаете, что он землянин?

— Да! — Ар Кад начинал терять терпение. Конечно, он был готов к скепсису, но все же, где-то в глубине души, надеялся на чудо. — Мой отец руководил группой ксенобиологов семнадцатой экспедиции на Марс...

— Семнадцатой!? Поразительно!!! — Казалось, ведущий готов просто забиться в экстазе. — Ведь это должно означать, что перед ней было еще шестнадцать экспедиций, не так ли? Или у землян цифровое обозначение означает что-то другое?

— Вы абсолютно правы, к тому времени земляне отправили уже шестнадцать успешных экспедиций на Марс...

— Успешных?

— Да, именно так. Позвольте, я продолжу. Так вот я остановился на том, что мой отец руководил группой ксенобиологов...



— А чем занимались эти ваши ксенобиологи?

— Ксенобиологией! — раздраженно бросил Ар Кад. — Вы не могли бы не перебивать?

— Да, конечно, конечно! Ведь мы собрались здесь для того, чтобы внимательно выслушать ваш удивительный рассказ, поэтому я умолкаю, а наши телезрители и зрители в студии с нетерпением ждут продолжения вашей невероятной истории о том, как вооруженный до зубов, кровавый ксенобиолог...

— СТОП! — закричал Ар Кад. — Не перевирайте мои слова! Мой отец обыкновенный ученый, он и стрелять толком не умеет.

— Ага, значит, ваш отец не мог похвастаться боевой подготовкой по сравнению с остальной командой корабля?

Ар Кад глубоко вдохнул, выдохнул. Посчитал до десяти и продолжил:

— Задачей семнадцатой экспедиции было установить контакт с марсианами. К сожалению, здесь возникли определенные трудности...

— Наши сограждане оказали героическое сопротивление вторжению землян?

— Дело в том, — с видимым усилием Ар Кад не прореагировал на очередную подначку ведущего, — что марсианам свойственно определенное самолюбование («Ну, это общеизвестно...», — заметил Ва Лер, оборотливо улыбаясь телезрительницам), некий гипертрофированный марсианоцентризм... На землян, которые говорили, что они прилетели с Земли, смотрели как на сумасшедших и неоднократно пытались сдать в психушку...

— А сейчас минутка рекламы! — прервал ведущий Ар Када, поскольку разговор приобрел тревожный оттенок. Конечно, гостями передачи действительно были преимущественно разного рода если не психи, то люди не совсем уравновешенные. Однако обсуждать психические отклонения в прямом эфире, называя психов психами, а не людьми альтернативной психической нормы, считалось неполиткорректным. Ва Лер с тихим отчаянием подсчитывал в уме убытки от сокращения количества зрителей его передачи, после того как в прямом эфире прозвучало слово «психушка».

После блока рекламы («Туалетная бумага «Нежность». Узнай что такое настоящая нежность вместе с нами!»

«Неперхуй!» — лучшее средство от перхоти!»

«Банк «Ваши деньги». Ваши деньги — наши деньги!»

«Гигиенические прокладки «Кровавая Мэри». «Кровавая Мэри» — для модных и стильных девушек!»

«Антидепрессант «Новый Свет». Мы светим Вам даже в самом темном туннеле!») шоу продолжилось.

— Итак, уважаемые телезрители, спешу напомнить Вам, что мы присутствуем на уникальной передаче. Благодаря нашему гостю мы все смогли прикоснуться к величайшей тайне нашего времени, о которой



умалчивают правительство и спецслужбы — земляне на Марсе. Они среди нас. И если бы не отважный Ар Кад, который мужественно раскрыл нам тайну оккупации Марса землянами при попустительстве, а может быть, и в сговоре с правящим большинством Сената... Но вернемся к нашему герою. Напомню, что перед рекламой Ар Кад поведал нам о вероломном проникновении землян на нашу планету и похищении мирных жителей. В числе которых, как я догадываюсь, была и мама нашего героя. Так ли это?

— Э... Видите ли, боюсь, что вы в очередной раз превратно истолковали мои слова, — с несколько отрешенным видом начал Ар Кад. — Земляне действительно взяли с собой на Землю несколько марсиан, но это было отнюдь не похищение. Это было сделано исключительно в рамках программы развития дружеских отношений. Так узнала мама моего отца...

— По программе развития дружеских отношений? — показательно изумился ведущий. — То есть эта программа, как вы утверждаете, *дружеских отношений*, на самом деле подразумевает принудительное склонение беззащитных марсианок к сексуальным контактам с земными самцами?

— Нет, нет! Что вы! Я вовсе не это имел в виду!

— Однако же, кто вы такой на самом деле, если не результат подобных сомнительных экспериментов?

— Да нет же! Мои родители любили друг друга, вот посмотрите, я взял с собой несколько семейных фотографий...

— Смотрите все внимательно, — зловещим голосом начал ведущий комментировать фотографии, после того как камера взяла их крупным планом. — Вот как, оказывается, выглядят эти пресловутые земляне. Бледнокожие («это вовсе не обязательно! На Земле есть люди и с другим цветом кожи!»), с растительностью на лице («это просто усы!»), с оптическим прибором на глазах, вероятно, это лазерное оружие («да нет же! Это просто у папы было плохое зрение, и он носил очки!»). Теперь мы все осведомлены, а значит вооружены! Как только кто-нибудь из вас встретит на улице подобного субъекта, он будет знать, что делать и куда звонить!

На этой оптимистической ноте я хотел бы поблагодарить нашего гостя Ар Када за его неимоверно увлекательный рассказ о белых человечках с Земли и попрощаться со всеми до следующей недели. Нас ждут новые популяционные истории! До новых встреч в эфире! Па-па!!!

На выходе из студии Ар Када встретил Ген Над. Близкой дружбы между ними никогда не было. Что и не удивительно с учетом того, что с самого начала Ген Над относил себя к так называемым «ястребам» и всегда отстаивал исключительно радикальные позиции.

— Ну, и как все прошло? — ухмыляясь спросил Ген Над.

— Видишь ли, все было не так уж и плохо... — аккуратно заметил Ар Кад.



— Ага, «не так уж и плохо», видел я, как ты их наповал сразил своей миролюбивостью, — продолжал скалиться Ген. — Впрочем, Аркадий Львович...

— Ген! Ты в своем уме?! Нас ведь могут услышать! — зашипел на него Аркад, и, схватив под руку, потащил в сторону парка.

— Да ладно тебе, Аркадий! Брось, пустое это. Вся эта ваша конспирация — игры для тех, кто в детстве не наигрался в шпионов. Ты хоть на главную площадь выйди и закричи: «Здравствуй дорогой Геннадий Джонович!», а я так же громогласно закричу в ответ: «И вам крепкого здоровья, дорогой Аркадий Львович!» — никто ведь все равно внимания не обратит. Ну, подумаешь, встретились два типа с... как это у них... *альтернативной психической нормой*. Эка невидаль. Вот ты Аркаша, натурал-эстет, сделал себе зеленую пигментацию кожи, и, наверное, даже специальные генетические изменения произвел, чтобы кожа облазила, как у местных. А зачем, собственно? Вот посмотри на меня. Никаких модификаций не делал, хожу себе по улицам обыкновенный афромарсианин, и что? Хоть одна зеленая жаба внимание на меня обращает? Отнюдь.

— И все же Ген, я настаиваю на том, чтобы ты обращался ко мне на официально утвержденном варианте моего имени, близком по звучанию к местным. Не говоря уже о недопустимости обзывать местное население.

— Эх, Аркаша, дались тебе эти имена... Ну, ладно, ладно, не кипятись. Я ведь чего пришел к тебе. Хочу официально извиниться за все былые перепалки, которые имели место быть между нами в прошлом.

— Ген, ты пьян? — изумился Аркадий Львович.

— Нет Аркадий, просто я понял, что ты, хитрый лис, все заранее просчитал! Молодец! Уважаю!

— Ты о чем?

— Как это о чем? О твоей программе «Мирной экспансии».

— «Мирного сосуществования!» — возразил Аркадий Львович.

— Ну, да, конечно, атом у нас тоже мирным был, — ухмыльнулся Геннадий Джонович.

— Мы не можем допустить уничтожения великой марсианской культуры! Наши потомки не простят нам повторение ошибок прошлого, таких, как геноцид европейцами коренного населения Северной Америки!

— Безусловно! Я же что тебе и пытаюсь сказать! Полностью и категорически с тобой согласен. Более того, признаю — вооруженная колонизация Марса, приверженцем которой я ранее выступал, действительно каменный век! Теперь-то я вижу, как хитро ты все закрутил!

— Да что такого хитрого ты усмотрел в моих действиях?!

— Ну, как же! Вот эта ваша политика тихого проникновения вообще и операция «Зеленые человечки» в частности.

— Что же тут хитрого, с твоей точки зрения? Наш долг избавить местное население от стрессов, связанных с нашим присутствием на Марсе.



Мы должны постепенно подготовить марсиан к тому, что земляне, во-первых, существуют, а во-вторых, не желают им зла. Мы будем открывать им информацию понемногу, так чтобы не травмировать психику. Благодаря таким передачам, как эта, мы добьемся того, что марсиане не будут нас опасаться. А то, что я сказал, будто бы моя мать — марсианка, продемонстрирует нашим марсианским друзьям, что мирное сосуществование наших народов возможно!

— Правильно! Это я и имел в виду! — расцвел Геннадий Джонович. — Пока ты через желтую прессу втюхиваешь им о мирных землянах, эти самые мирные земляне потихоньку вытесняют зеленокожих с планеты. Хитро!

— Да нет же! У нас и в мыслях такого не было!

— В мыслях, может, и не было, но в цифрах только это и есть. наших на Марсе уже более ста миллионов. В отдельных городах — до двадцати процентов трудоспособного населения. Еще пару десятков лет такого мирного сосуществования и ты, мой друг, окажешься последним марсианином этой планеты. Знаешь, марсианами теперь не рождаются. Марсианами теперь становятся. И все это без единого выстрела, без единой капли крови! Хитро придумано!

Аркадий Львович изумленно смотрел на Геннадия Джоновича. Не может быть... Неужели он своими руками уничтожил целый народ...

А руки, между прочим, продолжали зудеть. Странно. Он ведь уже не нервничал по поводу прямого эфира... Неужели сезонная линька?

Ар Кад смотрел на Ген Нада, который что-то увлеченно рассказывал. Но смысл слов темнокожего человечка перестал интересовать Ар Када. Зуд в руках был уже непереносимым. Ар Кад выхватил из-за спины ритуальный топорик — непременный атрибут каждого совершеннолетнего марсианина, познавшего женщину, — и, не дав изумлению в глазах Ген Нада перерасти в какое-либо действие, избавил неповоротливого человечка от перхоти. Самым радикальным способом.

— МАРС ДЛЯ МАРСИАН!!! — прокричал последний марсианин.

16.03.2008



ИЛОНА САМОХИНА

СЕМЕЙНЫЙ ОБЫЧАЙ



А БОГ С НИМ, С ЛУКОМ-ТО! — ВЗМАХНУЛ РУКОЙ ПАФНУТИЙ Сильвестрович Царь. — Анахронизм, ей-богу! Пережиток прошлого! Мы по-простому, по-нашенски.

— Это как же? — даже перестал ковырять зубочисткой в зубах старший сын.

— Обнаковенно! Совершенно обнаковенно! Глаза полуприкроете и пойдете по улице, а на какую первую взглянете, на той и женитесь.

— А ну как это мужик окажется? — засомневался средний сын. — Что нам, в Голландию ехать?

— Тьфу! На ноги, на ноги-то гляди! На обувку, значит. Если туфельки там какие, то можно, а если гов... прости господи, зачем рисковать?

— Лажа все это, — не отрываясь от ноутбука, отозвался из угла младший.

— Ваняша, обычай это наш, — ласково погладил сына по голове Пафнутий Сильвестрович, — старинный, семейный.

— Бать, у тебя у детей по два высших, Ванька вон в аспирантуре, а ты со старинными семейными обычаями, — скривился старший.

— Цыц у меня! — хлопнул по столу Царь. — Что-то вы со своими высшими ума-то особенно не нажили! Вон ты, Лукьян, в свои сорок до сих пор не женат! А ты, Киприан, не хихикай! Тебе скоро 35 стукнет, а воз и ныне там!

— Так, бать... — пожал плечами средний, — женитьба — не показатель ума.

— А чего ж она показатель? Именно ума и показатель! Когда человек умный, проворный, он быстро всего в жизни добьется и жену в дом возьмет добрую, работающую. А вы? Ваньше вон через месяц тридцать стукнет, а толку? Все насмарку!

— Почему — насмарку? — удивились братья.

— Тьфу! Будто вчера на свет народились! — всплеснул руками Пафнутий Сильвестрович. — Сколько раз вам уже рассказывал про вашего предка!

— А-а-а! — понимающе протянул Лукьян. — Ты об этом... Так это мы помним... Все уши уже прожужжал.

— Плохо, видимо, жужжал, раз толку нет! — насупил лохматые брови глава семьи. — А замесду прочим Кощей Кощеевич так и сказал, когда ваш пра-пра... сын царя Вонифатия убивал его, что проклятье ляжет на третьего сына, а пострадают все! Потому что...

— Потому что Иван Вонифатьевич был третьим сыном, — прервал отца средний. — Наслышаны!

— Равно как и о том, что все три брата должны жениться до того, как младшему исполнится тридцать лет, иначе род прервется на корню! —



поддержал брата старший. — Только каким же это образом? Мы что, сразу втроем бездетными станем?

— Лажа это все! — подвел итог младший.

— Лажа! — взвизгнул Пафнутий Сильвестрович. — Мы триста лет соблюдали этот обычай! А им — лажа?

— Бать, ну подумай сам, а если б у тебя было только два сына?

— Не было такого никогда! В Царёвом роду всегда рождалось по три сына! И всегда братья женились до тридцатилетия младшего!

— Самый детский возраст, — хохотнул Лукьян.

— Куда спешить? — пожал плечами Киприан.

— Пока диссертацию не напишу, не женюсь! — пообещал Иван.

— Да что ж вы меня без ножа режете?! — схватился за голову Пафнутий Сильвестрович. — Все! Если к концу недели не обзаведетесь невестами, лишу наследства! Все отпишу государству!

— И конезавод? — проявил некоторую волнительность старший сын.

— И хлебопекарню? — оживился средний.

— И свечной заводик на Угреше! — пообещал Царь.

— И пожалуйста! — раздалось под звук клавиатуры.

— Прокляну! — взвыл Пафнутий Сильвестрович.

— За что?! — одновременно возопили братья.

— У-у-у! — протянул приверженец старинных родовых обычаев. — Ироды! — схватился за сердце, качнулся, собираясь упасть на пол. Мгновение подумал, шагнул в сторону и театрально повалился на диван. — Помираю-у-у-у! — пронеслось по огромной квартире в центре Москвы.

— Бать... — попытался урезонить страдальца Лукьян.

— Папаш, вы того... — затоптался на месте Киприан.

— Да ладно, — отозвался Иван. Стоны притихли. — Сходим. — Умирающий приоткрыл левый глаз. — Вот только диссертацию допишу и сразу...

— А квартиру завещаю Марфе, тетке вашей кинешмской! — зло бросил Пафнутий Сильвестрович.

Братья даже поначалу потеряли дар речи, а потом, один за другим, заорали на всю квартиру:

— Этой?!

— Бать!..

И одновременно:

— Ванька!

— Что? — безмятежно донеслось из угла.

Лукьян и Киприан схватили младшенького за шиворот и выскочили на улицу...

* * *

Лукьян безнадежно махнул братьям рукой и решительно зашагал в сторону Столешникова переулка. Он не задумываясь прошмыгнул мимо очаровательных женских кроссовок, обошел разношенные балетки и мужест-



венно взглянул в глаза хозяйке классических лодочек, появившихся из припаркованного спортивного автомобиля. Девушка оказалась вполне ничего себе и внешне — блондинка с голубыми глазами, и происхождением — дочь владельца сети ресторанов, и даже именем — Пелагея. Услышав его, Лукьян внутренне усмехнулся: так звали жену старшего сына Воинфатия Царя: «Жену среднего звали Агрипиной, а младшего — Василисой, а потом младшенький убил Коцея, тот проклял его и покатилося...» И, согнув руку калачиком, владелец еще одной сети ресторанов пригласил будущую жену в одну из принадлежащих ему точек питания.

Киприан оказался настроен менее радикально. И поэтому ему не везло. Он бесцельно прошел через Камергерский переулок, миновал Кузнецкий Мост, чуть ли не бегом пробежал Фуркасовский переулок и замер на перекрестке Мясницкой и Кривоколенного. Широкая Мясницкая обещала больше вариантов, тихий Кривоколенный манил непонятным Киприану аристократизмом. Логика упорно отмалчивалась, и Киприан на свой страх и риск выбрал аристократизм.

Поначалу средний сын боялся прогадать, в результате были безвозвратно потеряны попытки взглянуть на владельцев остроносых туфелек на шпильках, босоножек Марс О'Роло и изысканных туфелек с пряжками, встреченных им в ЦУМе. А сейчас переулок уже заканчивался, солнце катилось к закату, а ничего подходящего Киприану так и не встретилось. Более того, он не увидел вообще ни одной пары женской обуви. Страдалец с тоской вспомнил лакированные леопардовые ботильоны, встреченные им на площади Воровского, но не бежать же обратно!

И неожиданно поймал себя на мысли об утраченных возможностях. В довершении ко всему в обветшалом Потаповском переулке его обдал брызгами промчавший мимо «Ламборджини». Киприан даже не успел подумать какие превратности судьбы привели владельца дорогого «итальянца» именно сюда, как авто затормозило, задним ходом подобралось к обрызганному, еще раз обдало его из лужи и остановилось. Киприан безнадежно размазывал грязь по дорожному откутюрному пиджаку, когда дверца плавно поднялась вверх и... О, чудо! Взору Киприана явились стройные женские ножки в очаровательных узеньких туфельках.

— Извините, я обрызгала вас, — мелодично заметила их хозяйка. — Готова подвести до ближайшей химчистки и оплатить чистку. Кстати, меня зовут Агрипина...

Решительно вздохнув, Киприан поднял глаза...

Ивану повезло в этот день меньше всех. Вернее сказать, ему совсем не повезло. Уже на пятой минуте он совершенно забыл о цели своего похода, и, шагая по Газетному переулку, распугивал прохожих невнятными восклицаниями: «Нужно увеличить у них температуру и посмотреть, что из этого получится!» Налетал на кого-то, не всегда извинялся и брел дальше. «Нет! — вдруг осенило аспиранта. — Нужно и влажность повесить! Иначе смысл?..» — и кинулся домой, чтобы срочно записать проблеснувшую идею.



— Нашел? — прямо с порога, даже не поздоровавшись, поинтересовался Царь.
— Влажность! Нужно повесить и температуру и влажность! — радостно возвестил Иван, кидаясь к ноутбуку.

— Понятно, — нехорошо как-то, не по-доброму, усмехнулся Пафнутий Сильвестрович. — А старшие-то братья твои порадовали отца, замежду прочим... В отличии от тебя... Они невест себе уже нашли... Да...

— А-а-а? — промычал от компьютера младшенький, надежда отца и гордость — ученый все же будущий. — Старшие? А-а-а! Бать, я завтра... Честное слово!

— А старшие-то братья твои время зря не теряли, замежду прочим ... В отличии от тебя... — ехидно заметил Царь. — Они невест завтра на ужин пригласили... Да...

— Бать, завтра, — снова пообещал Иван. — С утра пораньше встану и сразу в город, на поиски...

— Погляжу... — немного смягчился Пафнутий Сильвестрович.

* * *

Утром Иван, как и обещал, отправился в город, а если точнее — в Александровский сад.

— Там публики много, кого-нибудь найду, — пояснил он свой выбор волнуемому родителю. И получив благословение на поиски, отбыл в означенном направлении. Правда, он неосторожно захватил из подсобки сачок и морилку с распрямилкой, а Царь опрометчиво не проводил сына до самого выхода. Таким образом, отобрать отвлекающее орудие было некому. Поэтому вечером Иван вернулся домой счастливый, с полной бабочек и жуков морилкой.

Увидев хмурые лица родственников, энтомолог сразу смекнул, что совершенно зря заглянул с утра в подсобку. Но в экстремальных ситуациях мозги у него работали хорошо, поэтому он сообразил крикнуть: «Я уже близок к тому, чтобы найти эти самые туфли!» — и прошмыгнул в свою комнату раньше, чем в отношении него были приняты репрессивные меры.

На следующий день провожали любителя насекомых всем семейством. Отобранные Пафнутием Сильвестровичем баночки, сачки и ловушки были закрыты в подсобке, а ключ демонстративно повешен на шею, Киприаном — проверен рюкзачок, в который Иван уложил бутерброды и бутылку воды, а Лукианом коварно обысканы многочисленные карманы разлетайки-штормовки. И найден-таки складной сачок и небольшая баночка-морилочка. После чего младший брат был насильно выдворен из дому с наказом без результатов не возвращаться.

Иван появился дома около восьми вечера, очень довольный собой и с результатами: он приобрел первое издание «Жизни насекомых», книги Вайднера и Шнейдера, а также несколько томов Хэрриота, Даррелла и Гржибека, как будто случайно затесавшиеся в эту компанию.

На следующий день упорно отказывающегося следовать семейной традиции аспиранта обыскали не только на предмет ловушек для насекомых,



но и на наличие денег, кои безжалостной рукой Лукиана были вытащены из всех многочисленных карманов и карманчиков брюк, рубашки и ветровки. Вмиг погрустневшего Ивана в очередной раз препроводили из квартиры с наказом исполнить-таки свой долг. К вечеру будущий ученый вернулся совершенно счастливым и братья уже были готовы подумать, что он нашел избранницу — будущую невесту и, значит, по поводу приданого можно больше не волноваться. Но оказалось, что на лодочной станции спасатели презентовали ему огромного, просто невероятной величины, жука-плавунца, и весь оставшийся день Иван ползал по берегу в поисках хотя бы прилизительно таких же гигантских экземпляров.

Становилось ясно, что простыми методами Ивана никоим образом не заставит искать себе суженую. Братья горе-ученого уже успели сыграть свадьбу со своими избранницами, а у Ивана даже намек на невесту не было.

Царь не знал, что и делать. По этому поводу решили собраться на семейный ужин, на который прибыли братья с женами.

Пафнутий Сильвестрович все время расспрашивал старших сыновей, как им в браке, те, словно по заученному, отвечали, как у них все хорошо, Царь кидал многозначительные взгляды на младшенького, но тот вроде как на инсинуации не реагировал.

Пафнутий Сильвестрович в сердцах отхлебнул горячий чай из чашки, обжегся, хотел было ругнуться по привычке, но только крикнул, взглянув на Пелагею с Агриппиной, напряженно выпрямивших спины.

— По-купечески буду... — и взял блюдо.

— А чем занимаетесь вы? — обернулась к Ивану жена Лукьяна, крутя на тоненьком пальчике кольцо из белого золота с пятикаратным бриллиантом.

— А он у нас бестолковый, — хрустывая сухарик, заметил средний сын.

— Цыц у меня! — зыркнул на средненького Царь. — Умный он. Вон, диссертацию пишет. Про эту, саранчу. Как южный климат влияет на длину ее пяток. Далеко они там прыгают или нет.

— Саранча — летает. А прыгают — кузнечики! — поправил отца Иван и повернулся к Пелагее. — Я изучаю влияние субтропического климата на длину крыльев у саранчи и кобылок.

— Вы изучаете лошадей? — взглянула заинтересованно и Агриппина, выставляя в сторону Пелагеи безымянный пальчик с обручальным колечком: сапфир в окружении россыпи бриллиантов, мол, мы тоже не лыком шиты.

— Да нет, кобылка голубоватая — *Oedipoda caerulea*. Тот же отряд, что кузнечики и саранча, прямокрылые, — начал рассказывать аспирант, но девушки уже потеряли к нему всякий интерес.

Иван что-то еще пытался говорить, но, поняв, что его не слушают, замолк. Покрутил на столе блюдо с чашкой. Поправил складочку на скатерти. Прислушался к разговору, из вежливости попытался принять в нем участие, но вскоре потерял интерес к колебаниям курса валюты, стоимости кругосветного путешествия на «Royal Princess», новому платью жены



японского посланника, в котором та была на последнем приеме и прочим великосветским штучкам.

И тут раздался спасительный звонок. Аспирант торпедой сорвался с места и под удивленными взглядами родственников понесся в прихожую. Он был готов расцеловать пришедшего, спасшего его от абсолютно не интересных разговоров. Распахнул дверь и замер: перед ним стоял совершенный ангел, давил кнопку звонка и не видел, что дверь открыли, потому что читал. «Опыты» Монтея, как разглядел сверху на странице Иван. И сердце его начало медленно таять, как ледники горы Джомолунгмы.

Из комнаты, встревоженный беспокойными трелями звонка, тихонько выглянул Пафнутий Сильвестрович. И понял: Иван попался. Пара визитов вежливости с этой стороны — мы же цивилизованные люди, пара визитов с той — там тоже поди люди культурные, и можно свататься.

* * *

— Надевай кольцо! — сжимая икону в руках, прошептал Пафнутий Сильвестрович.

Но Иван не слышал. Неожиданно ему стали совершенно безразличны даже проблемы саранчи в южных регионах России. Он тонул в синих бездонных глазах Василины и не было ему никакого дела до волнений отца.

Начали бить часы. Лукьян и Киприан с удивлением смотрели, как Царя сначала начинает тихо колотить, потом Пафнутий Сильвестрович затопал ногами. С каждым ударом ходиков лицо его наливалось малиновым все сильнее и сильнее.

— Кольцо надевай! — на четвертом ударе он выхватил у сына фамильную драгоценность, схватил перепуганную Василину за руку и сам стал натягивать колечко на тонкий безымянный пальчик руки. Иван хотел было вскопичить, возмутиться, мол, не по закону это, что б кто-то вместо жениха обручальное кольцо невесте надевал!

— Бом-м-м! — натужно стукнули часы в последний раз.

Ахнула Василина, вскинулась, да и рухнула замертво на землю. Истошно завопили, прикрывая разинутые рты ладошками, Пелагея и Агриппина.

На дорогом персидском ковре, булькая горлом, сидели три огромные серо-зеленые жабы. А на головах у них красовались маленькие золотые коронки — знак принадлежности к царёву роду.

— И-эх! — горько вздохнул Пафнутий Сильвестрович. — Сынки! Как же так? Говорил ведь: прервется род на корню... А вы — лажа, лажа...



ИГОРЬ СВИНЬИН

ЧУЖАЯ НЕНАВИСТЬ

ЗИМА ПОДКРАДЫВАЕТСЯ ВСЕ БЛИЖЕ, И ВЕЧЕРА СТАНОВЯТСЯ ПРОХЛАДНЫМИ. Никак не могу согреться после прогулки. Придется растопить самодельную печку. Сегодня дрова можно не экономить.

За окном звезды, яркие, игривые. Позади темной массы проросших сквозь асфальт кустов виднеется громада многоэтажки. Грузный безглазый остов. На облупившейся стене пляшут слабые отблески огня.

Я знаю, кто жжет свой костер там, в маленьком дворике, огороженном покосившимися бетонными плитами. В закутке между полуразвалившейся кирпичной стеной и высокой кучей заросшего травой мусора. Пытается согреться.

Провести под крышей первую ночь в городе он не решился. Как и я когда-то.

С полчаса назад я был там. С высоты пятого этажа хорошо рассмотрел гостя. Высокий, худощавый и молодой. Он по хозяйски расчистил место ночлега. Подтащил пластиковую коробку, сложил куски бетона, устроив защиту от ветра. С треском наломал веток для костра.

Потом сел к огню спиной ко мне. Это хорошо. Я не должен видеть его лицо. А мое он еще увидит. В свое время.

Гость забеспокоился, обернулся, обшарил взглядом пустые окна. Почувствовал чужое присутствие. Я вовремя успел отступить в темноту. И поспешил уйти. Бесшумно, как дикая полосатая кошка. Их здесь развелось предостаточно.

Свет звезд путается в пыльном, расколотом наискось стекле. Оно треснуло еще зимой. Я так и не собрался найти новое. Целых окон в городе почти не осталось. Но теперь это уже не важно.

Стоит чуть повернуть голову и одна половина стекла светлеет, отражая свет свечи, другая становится темной. На изогнутом сколе вспыхивают искорки. Когда-то один единственный день так же рассек мир на до и после. Я хорошо его помню. Хотя мне было всего десять лет.

Мы с родителями жили в этом самом городе. Отец работал в крупной компании, а Мама в торговом центре. Я любил заходить к ней на работу. Особенно мне нравились служебные помещения, куда не пускали простых покупателей. Таинственные лабиринты, полные сокровищ и вкусных запахов. Пещеры Али-Бабы. Таким он мне тогда казался.

Недавно я снова его посетил. Купол давно рухнул, только ржавые колонны торчат из заросших ясенем обломков.



В тот день Отец почувствовал недомогание первым. Он с трудом встал с постели. Кое-как добрался до ванной. Пришлось звонить на работу, просить выходной. Оператор скорой помощи ответил только после пятого звонка и сразу предупредил: ждите, вызовов слишком много.

Мама собрала меня в школу, но позвонил учитель и сообщил: занятия отменены, объявлен карантин. Пришлось остаться дома и мне.

Когда Мама закрыла за собой дверь, я еще не знал, что вижу ее в последний раз.

Я так и не смог похоронить родителей. Не смог даже отыскать свой дом. Слишком сильно время поработало над покинутым городом.

Там, на другой стороне улицы, шесть курганов. Многоместные могилы. В меру сил я наполнял их. И надеялся, что хоть этим отдам последний долг Маме с Папой. Пусть и через двадцать лет. Как узнать их кости среди остальных? Слишком их много. Выбеленные временем, растасканные падальщиками.

За курганами у стены три заросших травой холмика. Над ними в бетоне выдолблены номера. Первый, Второй и Третий. Последний я насыпал своими руками. Шесть лет назад. Тогда же отказался от своего имени и стал Четвертым.

Только нам, носителям старого яда, положены отдельные апартаменты и при жизни, и после смерти. Надеюсь, что тоже удостоюсь этой чести.

Карандаш скрипит и ломается. Проклятье! От удара по столу деревянная палочка раскалывается надвое. Отлично! Теперь придется затачивать новую, тратить драгоценное время. Старинные часы на стене по капле отнимают у меня оставшиеся до рассвета мгновения. Под конец их всегда не хватает.

Нужно успокоиться, собрать мысли.

Мой гость лет на пятнадцать моложе меня. Он не знает, каким был этот город раньше. Каким был этот мир двадцать лет назад, за мгновение до гибели.

Ненависть явилась причиной, ненависть была орудием, ненависть была мерилom виновности и приговором.

Все ждали очередной войны. Политики отчаянно спорили, военные бряцали оружием, журналисты комментировали.

Сначала никто не понял, что произошло. Одни почувствовали лишь недомогание, другим стало плохо. Кто-то упал на улице от инсульта. Что в этом странного?

Если бы не количество этих случаев.

Потом люди начали умирать. Повсюду, от полюса до полюса. Медики не могли определить причин. Мир охватила паника. Кто-то кричал об эпидемии, кто-то о теракте. И чем сильнее кипели страсти, тем больше было смертей.

Наконец заметили: первыми пострадали политики и телеведущие, артисты и музыканты, миллионеры и администраторы, менеджеры и



юристы. Те, кто был на виду. Общественный транспорт превратился в коллективные катафалки. Смерть теперь царила там, где скапливался народ.

Все это я узнал позже. В то утро я стоял у окна, провожал Маму, видел, как она села в троллейбус. Что с ней случилось, я уже никогда не узнаю.

Отец лежал на диване, укрывшись пледом до подбородка. Смотрел новости. И вдруг приподнялся, впился взглядом в телевизор.

«...мы не знаем, кто записал этот ролик, изображение обработано компьютером». — Предупредил ведущий.

На экране появился человек. Полный, лысоватый, в сером поношенном пиджаке. И электронной маске.

Я сразу понял, что это маска. Слишком обыкновенным было его лицо. Средним в буквальном смысле слова. Абсолютно правильным, незапоминающимся, неестественным. Такие портреты мне попадались в одной книге. Их создавали этнографы, как образец типичной внешности какой-нибудь народности.

Человек сидел за лабораторным столом, с пробиркой в руке.

«Смотрите, — он поднял стеклянный цилиндр, поднес к телекамере, — это простая вода. Обычная вода. Но она — жизнь всего живого. Вода — память планеты. Она хранит в себе все ваши эмоции, ваши боли и радости.

Жаль, эта память нестойка. Но есть способ усилить ее, закрепить».

Он не просто говорил, он вещал. Читал проповедь. Последний пророк старого мира с пламенным мечом в руке.

«Человек переступил черту, за которой безумие единиц становится смертью для всего живого.

Вы не хотите этого понять. Не хотите меняться. Теперь придется.

Нужно отсечь загнившую часть, чтобы открыть человечеству путь в будущее.

Только как это сделать?

Что выбрать показателем нравственности? Мерой виновности? Совесть? Страх? Нет! Человек давно научился договариваться со своей совестью, привык к страху, продал любовь. Закон и справедливость разошлись. В тюрьмах сидят невинные, а душегубы наслаждаются жизнью. Повязка фемиды продана с аукциона.

Но универсальный критерий есть!

Вас убьет чужая ненависть! Можно договориться со своей совестью, но с чужой никогда».

Человек в электронной маске поднялся из-за стола, и изображение изменилось. Теперь он стоял на берегу моря. Волны накатывались на пляж, обнимая подошвы его ботинок.

«У меня в руках пробирка с измененной водой. Стоит вылить ее в океан и начнется цепная реакция. Вся влага мира изменит свое состояние.

Вода, которая струится в жилах каждого из нас, станет судьей нашим делам.



Кару не коснется животных. Ненависть прерогатива человека. Для неё нужна персонификация.

Волк, задравший оленя, вне опасности. Олень боится его, но не ненавидит. А хищник просто хочет есть.

И никто не сможет уничтожить всех африканцев или европейцев. Нет! ты должен четко знать, кого убиваешь своим гневом.

Учитесь жить так, чтобы не причинять зла другим. Чтобы не вызывать чужой ненависти.

Вода это слезы мира. Они стали слишком горьки. Почувствуете эту горечь. Вкусите ее полной мерой».

Человек в маске вытянул руку с пробиркой в сторону моря и вылил ее содержимое в подкатившую волну. Пророк занес карающий меч и опустил.

Огонек затрепетал, мигнул и погас. Свеча догорела до конца. Полумрак поглотил стол и исписанные листы бумаги. Хорошо, что новая уже наготове. Это витой голубой конус. Новогоднее украшение. Красивая безделушка.

Как я был рад, когда нашел в развалинах целый ящик таких свечей. Больше не нужно отливать их самому. Собирать жир и парафин.

Конечно, можно было принести в город сияющий шар. Но я не хотел брать с собой ни кусочка новой жизни. Проклятого «золотого века».

Я видел, как он начинался.

Когда умерли те, кого было за что ненавидеть. За богатство и успех, за власть и красоту, за жестокость и грубость. Сильные мира сего попытались спастись. Запирались в герметичных бункерах. Питались сублимированными продуктами, пили дистиллированную воду. Но, в конце концов, и их настигла расплата. Нет такой щели, в которую бы не просочилась капля влаги. Никто не поднялся из-под стальных люков на поверхность.

Тогда крохотные, разделенные расстоянием общины принялись заново осваивать землю.

Вот тут и случилось удивительное.

С уходом ненависти угасло соперничество. Люди научились чувствовать эмоции друг друга. Появилась возможность просто жить. Не бороться за место под солнцем. Медленно и размеренно познавать себя и окружающее. Довольствуясь лишь самым необходимым, развивать свой талант. Словно трудолюбивые муравьи, тащить свои соломинки в общую кучу.

За каких то полтора десятка лет жители земли превратились в спокойных и величавых мудрецов, похожих на сказочных эльфов.

Безмятежностью пропитаны разбросанные среди полей и лугов деревеньки. Дома похожи на ожившие китайские гравюры.

Над крышами нет труб, а окна светятся теплым медовым светом стеклянных шаров. Технологии новой эпохи больше похожи на магию. Безвредные для хозяев и природы.

В любом жилище путника встретят с улыбкой, приютят, накормят и обогреют.



Я долго скитался из села в село. В моей душе не было спокойствия. Во мне бился пульс старого мира, резкий и настойчивый, давно угасший в окружающих. Он гнал меня вперед.

С годами я все явственнее понимал, что не смогу принять этой кастрированной благости. Не смогу глядеть в лица, спокойные, как у статуй буддийских богов. Они помогали не из любви и жалости, а потому что это правильно. Это бесило меня все сильнее. Однажды я не смог сдержать ненависть, закипавшую в душе.

Заметив, что вокруг все чахнут и болеют, я понял, мой удел одиночество. И решил идти в старый город.

Его я нашел без труда. Полтора десятка лет создание человеческих рук разрушалось в тишине. Серые лабиринты развалин. Обитель забытой ненависти.

Располагаясь во дворе пустого дома, я тоже не подозревал, что за мной наблюдают человеческие глаза. Не знал, какая участь меня ждет.

Не знал, что я фокус!

Лист закончился. Достаю новый, а исписанный бережно укладываю в папку. На корешке черной краской написана большая четверка.

Такие же папки стоят на грубой полке над столом. Самая тонкая с номером два. С единицей целых четыре.

Как Первый смог выжить в этом аду, когда люди бежали из городов, ставших кладбищами? Когда настало золотое время для падальщиков и хищников. Когда даровая пища кончилась, и стаи одичавших собак, волки и крысы начали драться за каждый кусок.

А он не только выжил, но и собрал настоящий клад — библиотеку бумажных книг. Собрал и сохранил от полчищ грызунов забытую за ненадобностью мудрость. Проклятые и похороненные навечно страсти, упакованные в картонные саркофаги. Утешение для одиночек.

Пять лет назад для меня было большим потрясением узнать, что я не одинок. Что у меня были предшественники.

Проклиная своего палача, человечество так и не узнало, какой груз он взвалил на себя, став первым фокусом. И даже нам, последователям, он не открыл свое имя. В четырех папках на полке только его теории и инструкции.

Мир устроен так, что света и тени в нем должно быть поровну. И если теперь крупницы любви разлиты по земле, то остатки ненависти собираются в одном человеке. Как солнечные лучи в фокусе линзы.

Первый предполагал, что со временем фокусов станет больше и наше бремя не будет столь тяжелым. Что ж, возможно. Только за шесть лет я так и не ощутил облегчения. Может быть, просто устал. А может быть первый не прав, и я остался единственным?

С годами я научился сдерживать накопившийся в душе жгучий яд. Но иногда он просто жжет меня изнутри. Заставляет биться головой о стену и ломать все, что попадет под руку. Ненависть к этому миру, к его жителям.



Хорошо, что их лица уже стерлись из моей памяти. Почему я должен платить за их безмятежность?

Ненависть к Первому. Неужели нельзя было найти иное, не столь смертоносное лекарство. Неужели у человечества не было иного пути в будущее?

Проклятый грифель, он снова сломался. И времени почти не осталось.

Я знаю, с рассветом гость отправится на поиски. Он найдет меня и мою берлогу. Уж об этом я позаботился. Подновил множество старых указателей.

Улица за окном едва различима под покровом ив и ясеней, пробивших асфальт. Сколько лет нужно, чтобы от города не осталось следа? Он сопротивляется отчаянно. Но уже побежден. Брошен своими хозяевами. Такой же реликт старого мира, как и я.

Восток розовеет. Запели первые утренние птицы. Всматриваюсь в последний раз в небо, на котором блекнут звезды. Сегодня родится номер Пятый, а у бетонной стены появится новый холмик.

Я ненавижу этот мир. За смерть своих родителей. За то, что он выбрал фокусом меня! И все же люблю его. Ведь ненависть и любовь неразделимы, как свет и тень.

Теперь я готов к следующему шагу. Достаю из-под стола пыльную раму, затянутую старой газетой. Единственное целое зеркало в окрестностях. Я бережно хранил его для сегодняшнего дня. Зеркало, в которое однажды посмотрит каждый из нас.

Разворачиваю желтую ломкую бумагу. Она осыпается под моими пальцами. Стираю рукавом пыль.

Разве мир виноват в том, что я не смог найти в нем свое место? Нет, я сам принял на себя это клеймо. И точно знаю, кого сегодня убьет моя ненависть.

Заглядываю в глубину зазеркалья.

Вижу свое отражение, и понимаю, что всю жизнь ненавидел самого себя!



АЛЛА СЕВЕРИНОВА

ПАЛЬТИШКО ОТ КАРДЕНА

УДОЖНИК-МОДЕЛЬЕР ВИКТОР САМОХВАЛОВ ПЕРЕВЕРНУЛ очередную страницу толстого каталога одежды и в изнеможении откинулся на спинку стула... Снова засиделся в мастерской до полуночи. Сквозь полуопущенные ресницы как в дымке видел он безголовый манекен на фоне затейливых обоев, ворох выкроек посреди широченного стола и прямо перед собой, на подставке для чтения, красочный модный каталог.

Благодатная тишина, наступавшая в Доме моделей в этот поздний час, убаюкивала. Переночевать, что ли здесь, как уже не раз случалось ему в суматошные деньки прогонов коллекции... Виктор сладко зевнул, поудобнее примостил голову на согнутом локте и вдруг увидел сквозь ресничную завесу какое-то черное пятно. Оно все время двигалось, скользило по гляncу каталога, нельзя было разглядеть его неясные очертания. Ну вот, испуганно подумал Виктор, доработался до фантомов... это в двадцать пять лет, что же дальше-то будет? Такого, наверняка, не случалось ни со Славой Зайцевым, ни с Пьером Карденом!

Пятно, тем временем, не исчезало. Приподнявший голову и про-теревший глаза Самохвалов, наконец, разглядел в нем полупрозрачный женский силуэт в изящном черном пальто и туфельках-лодочках на точеных ножках. В росте легкая фигурка не превышала самохваловского мизинца и все время забавно пританцовывала. Приунывший было модельер невольно рассмеялся, отчего она заколебалась сильнее и едва не слетела со страницы. Виктор заметил странную особенность: фигурка неизменно поворачивалась к нему вполборота или спиной, так что лицо ее оставалось невидимым. Он попробовал схватить фигурку двумя пальцами и повернуть лицом, но она выскользнула и снова повернулась затылком. Пальцы же не ощутили никакой плоти, как будто Самохвалов ловил солнечного зайчика.

Модельер механически перевернул каталожную страницу, и фигурка, пританцовывая на бестелесных ножках, мягко перепрыгнула на следующую. Он листнул другую, фигурка вновь бабочкой спорхнула с нее.

— Пора, пора на боковую, — пробормотал Самохвалов и отодвинул от себя журнал, — а то и вправду свихнешься с этими предновогодними показами...

— И мыслями о том, чтобы любой ценой затмить коллег, в которых видишь только своих ярких конкурентов. Подобные мысли вызывают несварение желудка, — тихо прошелестел в ответ голосок, кажется, доносившийся с глянцевого страницы.

Виктор застыл и напряженно уставился на фигурку. «Ты? — спросил он мысленно, не решаясь вслух разговаривать с фантастическим пятном. Это выглядело бы уже полным абсурдом.



— Я, именно я, наконец-то, ты меня услышал, — фигурка часто закивала повернутой в сторону головкой, обрамленной блестящей шапочкой черных волос. Затанцевала, запрыгала, словно выражала признательность.

Это коллеги пытаются меня затереть, мысленно возразил он на меткое замечание загадочного существа, а я лишь участвую в свободной конкуренции.

— А зачем же ты на днях сказал на закрытом худсовете, что Зинаида Петровна, ведущий модельер, заимствует фасоны у известных кутюрье? — снова прочла его мысли нечаянная собеседница и ткнула крошечным пальчиком в каталог. — Сам-то ты чем занимаешься?

— Я не компилирую, а изучаю современные модные тенденции, — пробурчал вконец обескураженный Самохвалов вслух и указал на лежавший перед ним лист бумаги с очерченной фломастером женской фигурой. Вокруг нее было нанесено множество повторявших ее изгибы линий. — Я ищу новые линии — и вписываю в общее модное направление, если хочешь, прогнозирую моду.

— Ах, как это похоже на тебя, Виктор Самохвалов, — отдаленным эхом воскликнула фигурка и всплеснула крошечными ручками. — Ты такой гигант в собственных глазах, а все остальные — букашки вроде меня!

— Да ты и есть букашка-таракашка, мультяшка несчастная, привидение моего бедного, перегруженного работой сознания, кто же еще!

Фигурка остановилась, по-прежнему отворачивая личико, потом танцующими шажками добралась до края страницы, присела и свесила ножки.

— Ах, Витя, Витя, погубит тебя твое тщеславие, — прошелестела она со вздохом. — Ведь, если задуматься, чего ты, собственно, достиг? Сколько вещей продано из твоей прошлогодней коллекции в филиале у речного вокзала? Одна... Безусловно, модели выполнены превосходно, но вот цены! Ты для кого работаешь, для жен скороспелых олигархов? Обычно это бесформенные клуши, — добавила она с ехидцей, — а вот скромной и стройной девушке-труженице твои вещицы не по карману.

— Слишком ты строга, несмотря на малый рост, — раздраженно ввернул Самохвалов. — Порхаешь тут и критикуешь! Посмотрел бы я на тебя, если бы побегала с описанием модели между пошивочным и раскройным, а потом еще заглянула и в производственный отдел... В конце концов, за стоимость изделия отвечаю не только я.

— Вот и получается, любезный Витя, что все твои авангардные поиски дают пока что нулевой результат. Далеко еще тебе до твоего любимого Зайцева, тем более, до Кардена. Тешишься тем, что не имеешь собственной квартиры, как не имел ее в молодости Зайцев. И в том только твое с ним сходство? Да покупателя несколько не волнуют жилищные и прочие личные проблемы модельера. Для него, покупателя, важно, чтобы одежда была удобной, красивой и, самое существенное, чтобы он мог без надрыва своего бюджета ее приобрести.

— А ты откуда знаешь, что Зайцев — мой кумир? — озадаченно поинтересовался Самохвалов после продолжительной паузы, во время которой пронизательно смотрел в затылок фигурке. — Что-то ты подозрительно много знаешь... Кто же такая, а?



— А ты догадайся, — лукаво прошелестела та и кокетливо тряхнула головкой. Потом невозмутимо продолжила:

— Разве ты не знаешь, что Пьер Карден работал не столько для подиума, сколько для человека из толпы? И сумел одеть добрую половину цивилизованного мира, причем одеть качественно, элегантно и по вполне доступной цене. Одеждой и парфюмерии от Кардена пользуются даже совсем малоимущие. Например, духи «Бедный Патрик» можно приобрести на мелочную сдачу от повседневной покупки. Запах замечательный, хотя, конечно, нестойкий. Пьер Карден позаботился о бедном человеке. Не о божже, не выпивохе каком-нибудь, просто о бедняке, — мини-гостья раздумчиво покачала головкой. — Один беден потому, что здоровье плохое, другой — из многодетной семьи, всякие бывают люди. Но у честного человека, даже если он беден, есть достоинство, и ему тоже хочется чувствовать себя комфортно... Да где уж тебе, Витя, тягаться с Карденом, — решительно подытожила она, — если ты работаешь такими лекалами, которые славный кутюрье выбросил бы на помойку!

— Ты еще и о лекалах знаешь, — завопил до предела уязвленный Самохвалов и привскочил со стула, — да кто же ты, наконец, такая?! — Он тут же спохватился, приоткрыл дверь в коридор: нет ли поблизости охранника? Услышит, наверняка подумает, что Самохвалов рехнулся — сам о собой разговаривает да еще и орет как зарезанный. Медленно вернулся к столу, протянул ладонь к загадочной фигурке, и та легонько на нее порхнула.

— Да кто же ты, кто, — повторил он тихо и печально, предчувствуя, что невероятное существо вот-вот исчезнет. Оставит наедине с ненасытным, бессильным тщеславием. — Ты так много обо мне знаешь, так верно обо всем рассуждаешь, назови себя на прощанье!

— Мы встречаемся едва ли не каждый день, но ты меня не замечаешь, — в свою очередь вздохнула гостья, — должно быть, такие важные птицы как ты никого, кроме себя, не принимают всерьез.

С этими словами она порхнула о модельеровой ладони в переплетную щель каталога и пропала. Самохвалов охватил каталог, долго тряс, перелистывал шелестевшие страницы, но напрасно... Он глянул на часы, рывком набросил куртку, выбежал на улицу... и едва успел вскочить в вагон последней подземной электрички.

Утром проспавший, изрядно опоздавший Самохвалов медленно брел коридорами Дома моделей и украдкой вглядывался в лица попадавшихся навстречу сослуживцев. Впрочем, о кем можно обсудить вчерашнее, не рискуя вызвать поток насмешек и пересудов...

Проходя мимо раскройного цеха, Виктор вспомнил о забытой там папке с технологическим описанием модели. Вошел, прогулялся между столами, высматривал знакомый синий коленкор. В дальнем углу цеха, за деревянной перегородкой негромко разговаривали по телефону...

— ... снилось, да, отчетливо как наяву. Будто беседую я с нашим авангардистом, Самохваловым у него в мастерской... причем стала этакой Дюймовочкой и свободно помещаюсь у него на ладони. Зато каким тоном говорю,



Валя, поучаю, стыжу за амбиции, при этом все время отворачиваюсь и отчаянно кокетничаю! Ужасно бестактно, ничего подобного живому Самохвалову я бы высказать не решилась, да он и слушать бы меня не стал... Как ты сказала: душа моя с ним во сне разговаривала? Вообще-то, он способный, мыслящий, если бы еще поменьше о себе воображал... Да ну, тебя. Валя, опять ты на свою излюбленную тему «он и она», а мне теперь неловко будет, если встретимся невзначай...

Самохвалов попятился, вышел в коридор и неслышно прикрыл за собой дверь. Через несколько минут из нее вышла стройная девушка в черном пальто. Бледное, очень серьезное лицо, черные блестящие волосы, стриженные наподобие шлема, необычайно красивые ноги...

Да ведь это же Лена! Ну да, Лена, конструктор верхней одежды, о которой он разрабатывал прошлогоднюю коллекцию демисезонных пальто. Как часто Виктор советовался о ней в те кипучие месяцы примерок, прогонов, показов, сколько интересных идей они вдвоем воплотили... Умная девушка, что и говорить, классный специалист. Самохвалов, помнится, все время звучал, развивал перед ней свои глобальные творческие концепции, а она больше молчала, слушала. А однажды пришла в новом пальто, которое сшила сама, и попросила, чтобы он оценил. И Самохвалов придирчиво сощурился, долго разглядывал обнову со всех сторон и резонно заключил: «Чистой воды Карден!»

Та самая Лена... Прическу только изменила. А серьезность на бледном лице все та же. И пальто то же самое, черное, безукоризненно облегающее, с одной единственной пуговицей у ворота.. Как же он не узнал его на вчерашней призрачной гостье! А саму Лену разглядел только сейчас... Оказывается, у запаренных текучкой конструкторов одежды бывают фигуры, о которых долговязые нескладехи-манекенщицы могут только мечтать.

И этой импозантной умнице Лене он, Самохвалов, снится по ночам...

Он рывком пригладил короткий /под Зайцева/ ежик волос, вышел из укрытия на лестничной клетке и шагнул навстречу девушке:

— Лена, привет, давненько не видались, — выговорил как можно более легко и непринужденно, — все хочу к тебе заглянуть, да замотался и не знаю, в какой ты сейчас мастерской...

— Здравствуй, Витя, — она смутилась, отвела глаза. Но потом пересилила себя и задумчиво проговорила, — конечно, тебе некогда, ты ведь теперь знаменитость: интервью для прессы, закрытые показы...

— Да, я очень занят и жалею, что так давно не видел тебя, — веско внес ясность Самохвалов, — тебя, такую сногшибательную в твоём улетном пальтишке от Кардена! Если не возражаешь, можем вместе отпраздновать Новый год.

— Не возражаю, — после минутного раздумья кивнула Лена, не ведавшая о самохваловских прозрениях. Она улыбнулась, впервые за все время их знакомства. И мгновенно стала другой. Задорно-кокетливой, удивительно похожей на вчерашнюю гостью...



ДАРЬЯ БУЛАТНИКОВА

БЕЛЯК

Б

ЕЛЯК, СВОЛОЧЬ, ОПЯТЬ ПРИШЕЛ НОЧЬЮ СО СВОИМ ОБЫЧНЫМ.

— Отдай ноги, — требовал он, — отдай мои ноги...

Павлушка проснулся в поту. Сквозь дыру в брезенте палатки светили три звезды, храпели и что-то бормотали во сне красноармейцы, пахло потными, давно немытыми телами, портянками и дегтем. Стараясь ни на кого не наступить, он выбрался наружу, сел в траву, чувствуя босыми ногами листья и стебли, глубоко вдохнул. Теперь запахи были — полынь, чабрец и дым от почти потухшего костра. Около углей кемарил часовой Вакулин, тощий парнишка, любитель жевать сосновую смолу. Как где сосенка встретится, Вакулин тут же лезет искать желтые потеки и — в рот их. Говорит — полезно. Павлушка однажды попробовал, больше не стал — горькая.

Обратно к своим не хотелось, тем более что вот-вот опять должно начаться, накатить. И что лучше — лечь навзничь или обхватить колени и уткнуться в них носом? Додумать красноармеец Пеструхин не успел — опрокинулось на него степное звездное небо, придавило. Крошечной пушинкой закружился Павлушка в бесконечности и открыл глаза уже в знакомом серебристом мареве.

Из него проступил сияющий огнями и белизной колонн зал, замелькали танцующие пары, заиграла музыка. Дядька, похожий на запечного сверчка, лихо размахивал палочкой, поглядывая через плечо. Ну вот, на этот раз... бал. Пришедшее из ниоткуда чужое слово.

— Что же вы, Мишель, замерли? — послышался насмешливый голос, и из-за его плеча появилась темноволосая головка. Павлушка четко и близко увидел розовый пробор, завитки на шее и крошечную коричневую родинку под ними — на округлом розовом позвонке. Пахнуло теплым ароматом, словно с летнего луга.

— Мари, — сказал он. — Простите, милая, что-то... мне не по себе.

Девушка обернулась встревоженно. И опять — близко — глаза-вишенки и озабоченно нахмуренные брови. Сердце сладко дрогнуло.

— Пойдемте, пойдемте же, — уже безо всякой насмешки произнесла она и потянула его к обитым блестящей тканью табуреткам. — Вот, на банкетку садитесь. Ох, Мишель, вы все чаще меня пугаете. Надо бы вас к доктору Шварцу отвести, сами ведь не пойдете. Не пойдете?

— Не пойду, — качнул головой Павлушка.

За некоторое время, прошедшее с первого наваждения, он уже как-то пообвыкся. А в первый-то раз — ох и испугался. Тогда это днем приключилось, думал солнце в голову ударило. Особенно непривычно было



к большему телу привыкать, свое-то коренастое, невысокое. А тут — словно на приступочке стоишь, того и гляди свалишься. Но потом ничего, приспособился, в зеркалах обличье разглядел и понял — тот самый беляк, чьи сапоги ему достались. Он тогда успел лицо убитого увидеть, когда с оторванных снарядом ног хромовую обувь стаскивал. Они так и лежали — беляк отдельно, а ноги, в припорошенных пылью сапогах — отдельно. Взводный кивнул: бери, мол, красноармеец Пеструхин, хватит в худых ботинках с обмотками щеголять.

А теперь Павлушка и сам уже не знал, может, стоило после того, первого раза выкинуть те лишайные сапоги или поменять на новые ботинки. Стоило или нет? Но если бы он сделал это, то больше никогда не увидел Мари.

— Мари, — произнес он. — Мари...

Поначалу трудно ему давалось это имя — чужое, непривычное. Сейчас же само с губ слетает.

— Да, Мишель? — склонилась к нему гибкая тонкая фигура в белом.

Только сейчас он обратил внимание на то, что все вокруг были в белых нарядах. Белые платья на женщинах, белые штаны и пиджаки на мужчинах. И что за прихоть такая у бар — то одно, то другое учудят. А ещё кое-кто был в масках — тоже белых, да ещё с перьями и бусинами. Только музыканты в черном, словно черти посреди рая.

Павлушка глянул на свой рукав — белый обшлаг с блестящим отворотом. И вроде бы, за него бумажка какая-то засунута. Дождавшись, пока девушка рядом на что-то отвлечется, он достал бумажку и с трудом прочел крупные буквы: «Ах ты, сволочь!». Было непонятно, то ли прознал этот самый Мишель, что кто-то его телом пользуется, и таким вот макаром дал об этом знать, то ли писали ещё кому-то... Может, Мишелью?

Подумать над этим ему не удалось.

— Князь, князь! — подлетела к ним дамочка в белых буклях, с которых сыпалась сверкающая мука: — Как вы, князь? Говорят, с вами обморок в Английском клубе случился? Вот, специально для вас.

— Что это? — изумился Павлушка, разглядывая хрустальный пузырек.

— Пустяк — нюхательная соль. Как закружится в следующий раз голова, так вы пробочку отверните и понюхайте, мон шер. Ах, ах, бедняжка... И не вздумайте вставать, — она легонько прихватила его за плечо, хотя Павлушка вставать и не собирался.

— Бледность вам, право, к лицу, — восхитилась дамочка и порхнула прочь, провожаемая злым взглядом Мари.

— Ну что за назойливость, — топнула ногой в белой туфельке девушка. — Нельзя же, право слово, так откровенно на шею вешаться.

Павлушка улыбнулся — так приятно была её ревность.

Потом поднялся и взял Мари под локоток.



— Будем танцевать? — сразу встрепенулась она. Но красноармеец Пеструхин танцевать не рискнул. Чужие ноги все ещё плохо слушались его, не хотели подчиняться. Хотя, казалось бы, что за ерунда — знай себе, переступай, кружись. Ишь, как ловко все вокруг пляшут.

Машинально он отвинтил пробочку с пузырька и поднес его к носу.

Запах был резкий и горький, словно от сосновой живицы. На мгновение показалось, что вновь вернулся в ночную степь, дымом пахло, закружило. Но нет. Когда открыл глаза — вокруг вертелись все те же белые фигуры.

— Мари, нет ли тут укромного уголка? Что-то мне не по себе.

Девушка, не глядя на него, кивнула.

Он шел за ней и думал, за что это ему. И в наказание или наоборот? Вообще — почему и за что?..

— Я люблю тебя, — шептала она истово, — люблю, люблю... Почему мы не можем быть вместе, скажи?

— Я не знаю, — честно признался Павлушка и, чтобы больше не говорить на эту тему тоже целовал её губы, шею, глаза. Вокруг колыхались огромные нелепые листья — Мари затащила его в комнату, всю заполненную кадками с комнатными растениями. Он сжал её в объятиях слишком сильно, не рассчитал, что Мишель был крупнее. Сжал так, что она глухо вскрикнула, но только прижалась к нему с ещё большим пылом.

«Ах-х ты сволоч-чь...» — шипение в ушах, и на этот раз он удержаться не смог — мягко обрушились на него разлапистые растения, залепили лицо.

Очнулся Павлушка лежа ничком в траве. Над ним стоял обозный фельдшер Розанов.

— Контузия была? — сурово спросил он.

— Н-нет... — потряс головой ошалелый красноармеец.

— Тогда голодный обморок, — в голосе фельдшера слышалось сомнение.

— Пеструхин, ты чего? — Ротный на фоне разгорающейся зари выглядел серым неприятным силуэтом. — Припадочный, что ли?

— Я просто уснул, — попытался оправдаться Павлушка. — В палатке душно, вот я... тут лег.

— Это ты так во сне орал? — ротный почесал за ухом, отчего с его лысой головы немедленно свалилась буденовка. Он поднял её и отряхнул о колено.

— Ну да, во сне...

— Он всегда причитает, — слышался недовольный голос от палаток. — А сегодня так это, от души, чуть не плакал: «Не отдам, мол, сапоги...»

— Да кому они нужны, твои сапоги! — ротный с досады сплюнул желтой махорочной слюной. — Обтёрхал уже все. Угомонился бы с обувкой



этой. А вы прекратите парня подначивать! — цыкнул он на скалящих зубы красноармейцев. — Может, он краше этих клятых сапог в жизни и не видел ничего.

«А вот и видел! — обиженно подумал Павлушка. — Я нынче на балу в белом пиджаке прекрасную Мари целовал!»

Да разве ж кому об этом расскажешь? Решат, что совсем сдурел. Он независимо вздернул подбородок и сунул руки в карманы криво зала-танных галифе. И пальцы немедленно нащупали там что-то жесткое и чужеродное. Некоторое время Павлуша изумленно тарачился на свер-кающий в лучах утреннего солнца хрусталь.

— Эй, чавой-то у тебя за цацка? — просипел над ухом недавно конту-женный Курносов. — Ну-ка, дай глянуть!

И заскорузлые пальцы цапнули крошечную склянку.

— Ишь ты... — заинтересовался и ротный. — Солонка, что ли? Я та-кие в двенадцатом году видел в одном богатом трактире в Самаре...

— Отдай! — дернулся Павлушка, но Курносов отмахнулся от него, неловко свинтил с пузырька круглую пробку, вытряхнул на ладонь мутные кристаллики и лизнул их. А в следующую минуту ещё полусон-ный лагерь огласился ревом и отборными матюками. Курносов плевал-ся и топал ногами.

— Фершал! — заорал ротный и поднял из травы склянку. — А ну оп-редели, что за отраву нам красноармеец Пеструхин подсунул?

Поглядев пузырек на просвет и осторожно понюхав его содержимое, Розанов поморщился.

— И откуда у тебя это? Ты что, нервная барышня? — спросил он у Павлушки. А ротному пояснил: — Соль это. Только нюхательная. Вро-де нашатырного спирта, чтобы после обморока в чувства приводить. Слушай, ты бы своих пропесочил, что ли... Чтобы всякую дрянь у уби-того офицера не тащили.

— Да я... да никогда... — задохнулся от обиды Павлушка, но тут же сник. Не объяснять же всем, что получил склянку на балу. Где Мари... и вообще.

Но объяснять уже было некогда. «Беяки-и-и!» — разнеслось над ла-герем.

— В ружье! — взвился ротный.

— От солнца наступают! — выругался Вакулин, выхватывая трехли-нейку из пирамиды и падая за поросший кашкой холмик. — Ну, твари, держись!

Следующие полчаса превратились в ад. Рвались гранаты, шелкали, зарываясь в землю пули, кто-то, подвывая, звал фельдшера, а тот лежал неподвижно, с дыркой около уха.

Павлушка ужом переползал с одного места на другое, старательно выцеливая конные и пешие фигурки с тусклыми от пыли погонами на плечах. Их становилось все меньше, но и выстрелы от своих слышались



все реже. И ротный уже не приказывал, просил: «Держись, братушки, коси белую сволочь!»

«С-сволочь...» — пропела пуля, ужалив в лоб. Павлушка уткнулся в нетронутую пахотой землю и над ним закружилась белая потолочная лепнина, встревоженные лица, машущий белый веер. «Что с вами, князь?»

— Да где же, где же? — шарил Мари в его карманах. — Ведь были же соли.... Мишель, очнитесь! Очнитесь-сь...

Её голос затерялся в шипении и стал ничем. Последней померкла хрустальная люстра с висюльками и наступила вечная непроглядная серость.

— Прости, товарищ Пеструхин, — буркнул Вакулин, стаскивая с Павлушки сапоги. Потом уселся на траву и скovyрнул с ноги обмотанный проволокой драный башмак. Потом размотал портянку и снова принялся наматывать — ловко, старательно. — Тебе они уже ни к чему, а мне ещё за народное дело воевать.

Ротный покосился на него, но промолчал. Белые отступили за хутор и там затаились. Над степью поднималось огромное жаркое солнце, и нужно было спешить, копать могилу для убитых. И уходить к чертям собачьим за пополнением и патронами.

Около лежащего навзничь фельдшера в траве что-то блеснуло. Ротный наклонился и поднял почти пустую склянку, понюхал, пожал плечами и запустил её в распаленное светило.

— Ах, Мишель, как вы меня напугали! — легким щебетом возвращалась к нему жизнь. — И не возражайте, вас должен осмотреть доктор Шварц! А осенью непременно поезжайте в Баден-Баден, там волшебный воздух. Обещаете?

— Обещаю, — с усилием выдохнул он вязкий воздух.

За окнами глухо бухнуло, и ночное небо заискрилось. Начинался фейерверк в честь наступления нового 1914 года.



АННА БЕРЕЗА

НЕЗНАЧИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ

1



А ЗАТРАХАЛИ ВЫ МЕНЯ СВОЕЙ ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИЕЙ! — я старался перекрыть оглушительный джинг-трек, модный в этом сезоне: мучительно-сладострастное сочетание звуков джунглей, большого города и традиционного музыкального вибратора.

— Ты че? Из-за референдума по временам года? Чудило, лето — это супер! — огромный, словно мамонт, бармен то ли убеждал, то ли успокаивал меня.

— Я ненавижу лето. Его еще Пушкин не любил! Понимаешь?

— Он тебе расскажет!

— Кто?

— Пушкин! Сам, небось, тоже за лето проголосовал, — огромный бармен многозначительно мне подмигнул и взболтал в серебристой колбе еще одну порцию водки с торчем. Я схватил его за руку:

— Порцию драга сыпани еще, ага?

Бармен нахмурил жирный в складках лоб:

— Не ага, Дым. Ты мне еще двадцать нетов за прошлый раз должен.

— Завтра. Завтра отдам все. Я завтра валю из Темплума. Перед отъездом все отдам.

Мамонт-бармен осуждающе покачал головой, украдкой от всех подсыпая в коктейль порцию драга:

— Непутевый ты парень, Дым. Темплум — это рай на земле. Здесь все под контролем. Куда тебя несет? Там, за Стеной никто за тебя не в ответе.

— У меня там бабушка живет, — сказал я.

Толстый бармен присвистнул:

— Крутая, должно быть, старушенция. Там же все это, как его...

— Непредсказуемо, — подсказал я, жадно хлебнув коктейль. Зазвенело в ушах. На несколько мгновений вырубил зрение. Вновь став зрячим, я увидел, как пот мерцающими звездочками скатывается по лицу огромного бармена. Его родство с мамонтами стало очевидным. Толстым длинным хоботом он помешивал коктейль... Впервые за весь день мне захотелось улыбаться. Я прикрыл глаза:

— Зато там нет центра климатического управления, которому больше не хрен делать, только устраивать лето круглый год.

— Десять месяцев, — уточнил мамонт.

— Не принципиально, — я попытался погладить толстый в складочку хобот бармена. Это мне не удалось. Но я спугнул стаю огненных бабочек, прятавшихся в складках барменовского хобота как в пещерах.



— У-у...- засмеялся я, наблюдая, как бабочки разлетаются по полутемному залу ресторана. Одна из них, самая большая, залетела в глубокое потное декольте крупногабаритной дамы продвинутого возраста. Я направился к ней. Столы в зале перемещались вместе со мной, пытаюсь сбить меня с верного пути. В итоге я оказался где-то у входа. Дверь распахнулась, оглушив меня свежим воздухом: на пороге появился длинноволосый мужчина средних лет в модном проволочном костюме и по-модному выщипанной левой бровью

— Господин Дымов? — строго уточнил «проволочный», рассматривая меня как диковинного зверя. Может он тоже под кайфом? И ему чудится, что я — носорог.

— За крутым порогом столкнулся с носорогом, — сказал я и зашелся в безудержном хохоте.

— Что? — растеряно спросил «проволочный»

— Ничего, это такие стихи. Не Пушкин, конечно...

— Пушкин? Я спросил: вы Дымов?

— Допустим, — ответил я уклончиво.

— Похож и не похож, — пробормотал незнакомец. — Если вас не затруднит, ваш идентификатор, пожалуйста.

— С какой это стати? Я ничего не должен этой долбаной Системе. И меня с ней ничего не связывает, — ответил я резко.

— Однако вы имеете при себе идентификатор. Иначе бы эта долбаная Система, как вы изволили выразиться, изолировала вас. Неправда ли? — «проволочный» приподнял выщипанную бровь.

Я нахмурился:

— Сами то вы кто?

Незнакомец молча достал из нагрудного кармана маленький блестящий прямоугольник. Я нехотя взглянул: «Синий сектор Правительственного Круга. Клод Жардан. Законник.» Полицейский или адвокат. Скорее всего — адвокат. Слишком гламурен для полицейского. Из кармана поношенных брюк я вынул свой идентификатор и протянул Жардану. Судя по выражению его лица, он прочел на нем то, что ожидал. А именно на карточке значилось: «Предъявитель, гражданин Стиг Дымов, является законным, но незначимым элементом Системы. Писатель»

2

— А теперь объясните мне, какая жесткая необходимость, по вашему, дала вам право вмешиваться в мою альтернативность? Все контролирует мой психоинженер — я сделал вялый жест рукой, чтобы склонившийся в низком поклоне Жардан, наконец, разогнулся.

— Но, отец Рихард, вы, то есть нет... Дымов собрался бежать за Стену, и ваш психоинженер считает, что альтернативность пора сменить.

— И что же Дымову понадобилось за Стеной?

— Он все время повторял, что хочет уехать к бабушке.



— К бабушке? А что говорит психоинженер? Чтобы это могло значить? — я не чувствовал ни малейшего желания менять свою альтернативность. После нескольких дней отпуска в качестве Дымова я чувствовал себя отдохнувшим, полным сил. Какой-то необъяснимой энергией обладал этот психорелаксер.

— Ну, бабушка, в данном контексте, по мнению психоинженера, может означать, что Дымову все надоело, и он готов бежать куда-угодно...ассоциации с «чертовой бабушкой», может быть, — неуверенно промямлил Жардан.

— Бред, — вздохнул я.

— Не меньший бред — считать, будто у психорелаксера может быть бабушка, — осторожно возразил Жардан. Я внимательно посмотрел на него. Жардан вытащил из кармана белоснежный шелковый платок и вытер выступившие на лбу капельки пота.

— Если вы что-то хотите сказать мне Жардан, говорите, — потребовал я.

— Отец Рихард, я видел вашу альтернативность, так сказать, лицом к лицу, и, рискуя навлечь на себя ваш гнев, все-таки возьму на себя смелость высказать мнение...

— Короче, Жардан, — поморщился я. Не люблю длинных предложений. Они созданы для лжи. И этим искусством я владею в совершенстве.

— Дымов опасен. Он- враг...

Я медленно поднялся:

— Вы соображаете, что говорите?

Жардан судорожно сглотнул:

— Но вы...то есть Дымов. Дымов сказал, что ему наплевать на Систему. Он слишком свободен в своих высказываниях. Он — наркоман, в конце концов. Отец Рихард — вы не можете себе позволить этот психорелаксер. Вы — главный идеолог Системы... — Жардан замолчал, втянув голову в плечи.

Законник был прав. Почему, когда кто-то прав, это всегда вызывает раздражение?

— Хорошо, — выдавил я из себя. — На следующей неделе я вызову психоинженера, пусть перекодирует чип, — инстинктивно я дотронулся до правого виска. Где-то там, обычно, я ощущал импульсы переключения на мою альтернативность.

— На следующей неделе? — переспросил Жардан.

— Да, — резко ответил я

3

У меня раскалывалась голова. Развалившись в подвесном кресле, я мрачно наблюдал, как лысая толстозадая женщина сорока с лишним лет проворно и со знанием дела копается в моих вещах. Я тер виски, пытаюсь вспомнить, где подцепил старую шляху, но память оказалась великодушной к моим мазохистским попыткам ее восстановить.



— Вот эту хрень обязательно с собой брать? — поинтересовалась толстозадая.

Не глядя, я пожал плечами.

— Короче, я ее выкину, — тоном не терпящим возражений заключила шлюха.

— Сложи только то, что считаешь нужным. И побыстрее. Через два часа у меня заказан пропуск за Стену, — я не мог представить ни одной вещи в этом мире, без которой не смог бы обойтись.

В дверь постучали и, не дожидаясь приглашения, вошел мой вчерашний знакомец. Кажется, его звали Жардан. Он деловито оглядел дешевый гостиничный номер, в котором я провел последний месяц своей жизни.

— Я уезжаю, — сообщил я на всякий случай.

— Куда? — спросил «проволочный», неодобрительно поглядывая на толстозадую шлюху.

— Вы можете ей заплатить, и она уйдет, — посоветовал я.

Странный знакомец достал из кармана золотой и кинул шлюхе. Шлюха сделала неуклюжий реверанс в мою сторону и удалилась.

— Однако, она не до конца уложила мои вещи, — заметил я, помассировав виски. — Если вас не затруднит...

— Господин Дымов, куда вы уезжаете? — строго уточнил «проволочный», прервав меня на полуслове.

— К бабушке.

— И где живет ваша бабушка? — продолжал занимательный для себя разговор Жардан.

— У меня, наверное, дежа вю, — усмехнулся я. — Но этот диалог мне что-то напоминает.

— Мне не до шуток, господин Дымов. Ваш пропуск за Стену у меня. Но вы его получите только в том случае, если дадите мне адрес, по которому вас можно будет найти.

— Найти зачем?

— Вы с ума сошли, что ли?! — взвился проволочный. — Когда Система предъявляет требования, никто не спрашивает — «зачем»!

— Да пожалуйста, — я пожал плечами и на клочке бумаги написал безумному адвокату адрес бабушки. — Можете даже приехать в гости...

Возле дверей Жардан обернулся:

— Один вопрос, Дымов. Уже лет пятьдесят в Системе никто не читает книг...

— Какой вопрос то? Не понял, — я усмехнулся.

— Вы — бесполезный человек, Дымов, — «проволочный» почему-то злился.

— Нет. Я бесполезный член Системы.

Уходя, господин Жардан хлопнул дверью.

Я достал из-под подушки толстую рукопись, положил в дорожную сумку. Завтра, сидя в старомодных удобных креслах, мы с бабушкой будем



греться возле самого настоящего камина, ведь там, за Стеной сейчас зима. Я буду читать бабушке свой новый роман. Мы не будем торопиться. Мы будем читать не спеша. Обсуждая и споря. «Уже лет пятьдесят в Системе никто не читает книг»...Моя бабушка читает. А за ваши тупые вопросы послала бы вас на хрен, господин Жардан.

4

Я чувствовал себя таким усталым, что чуть не заснул в лифте, поднимаясь на двадцать второй этаж резиденции Религиозного Совета. Но отдыхать было некогда. Сегодня, после доклада в Правительственном Круге, я должен выступить с ежемесячной проповедью по мобильному радио Темплума. Много лет, каждый месяц, я заранее и очень тщательно готовлюсь к этой проповеди. Повторяю ее в эфире слово в слово, не допуская ни малейшей импровизации. Импровизация не допустима, когда не веришь в то, что говоришь. Но по-другому разве можно? В конце концов, проповедь — это не исповедь. Народу нужно вдалбливать идеи Системы. К черту эмоции. Их у толпы навалом. Идеи — вот, что связывало во все времена мыслящую часть человечества и толпу, вежливо именуемую народом. Идеи — мысли интеллектуалов, брошенные народу как кость. Обглоданные и обслюнявленные примитивными инстинктами они становятся тотемами толпы, они возвышают ее в собственных глазах...

Стоп. Неуместные мысли перед выступлением. Не хватало сбиться в прямом эфире. Я открыл файл с текстом проповеди...

«Не меньший бред — считать, будто у психорелаксера может быть бабушка» — эта фраза Жардана вновь и вновь всплывала в моем сознании, не давая сосредоточиться. В моем кармане лежал мятый обрывок бумажки, на котором я, будучи Дымовым, написал адрес бабушки. Завтра. Завтра я поеду туда, чтобы убедиться — все бред, небытие, фантом...И через неделю Дымова не станет. Никуда негодная альтернативность. Асоциальная, выходящая из под контроля...

«Не меньший бред — считать...». Ну а если не бред? Что если она есть? Реальная, с ласковыми морщинистыми руками, голубыми, не поблекшими от старости глазами. Что тогда?

Выстрелы в виске. Перед глазами — калейдоскоп картинок. Непрошенные воспоминания. Бессмысленная жизнь. Но какая яркая. Прости, Дымов. Это ведь твой выбор...

Я вздрогнул. Вытащил из кармана измятый листок, что не давал мне сосредоточиться на проповеди. В верхнем ящике стола нашел зажигалку...



СЕРГЕЙ КАРЛИК

ОТ КАЖДОГО ПО ЖЕЛАНИЮ



ОВЫЙ ДЕНЬ РАЗБУДИЛ МЕНЯ ТЕЛЕФОННЫМ ЗВОНКОМ.

— Вставай, труба зовёт! — мужской голос не скрывал сарказма. — Давай на работу, а то мне уже интересно. Я прям в нетерпении.

Вот нет, чтобы подождать пять минут, как раз будильник зазвонил бы...

Я повернулась к маленьким человечкам, сидящим за столом, и, как можно более вежливо сказала.

— Всем до свидания. Мне пора.

— Но Вилли... — маленькие человечки вскочили, и побежали ко мне, размахивая руками.

Я хотела успокоить их, утешить, объяснить, что я вернусь.

Но в это время и впрямь зазвенел будильник. И я проснулась.

* * *

Блуждая по улицам города, я давно уже поняла, что я здесь лишняя. Я понимаю язык, но осознаю, что он не родной мне. Я вижу лица людей и понимаю, что мы с ними разной породы. Одежда удобна, но в своих снах я ношу совсем другие одеяния.

Вот и сейчас, проходя мимо людей и уже по привычке читая знаки над ними, я остро чувствовала, что мне здесь не место. Но наказание есть наказание.

Снятый за местные деньги офис сиял чистотой. Никаких вам чёрных стен, всё светло-зелёное. Белый стол, белый кожаный диван. Ждёмс.

* * *

Интересно...В своей прошлой жизни, которую мне предстоит вспомнить и в которую нужно вернуться я задумывалась о такой вещи как чистилище? Знала ли вообще про него хоть что-нибудь? Большинство людей вокруг меня даже и не знают, что они в преддверии ада. Те, кто сюда попадает, даже и не подозревают, что им дали ещё один шанс на реализацию. Они рождаются, живут и умирают. И попадают в ад!

Я — другое дело. Я точно знаю, что мне нужно сделать, чтобы вернуть себе свою прошлую жизнь. Нужно добиться чьей-то искренней благодарности. Только и всего. Вот уже десять лет я пытаюсь сделать это с помощью магии, мудрых советов и просто добрых поступков. И ничего не выходит!

* * *

Первый посетитель был одет просто, но дорого. Было видно, что он зашёл сюда просто потешить своё честолюбие. Лишний раз убедиться,



что у него всё в порядке. Он был абсолютно уверен, что не услышит от меня ничего плохого. И он был совершенно не в курсе насчёт чёрного облака над своей головой.

— Ну, чё? — спросил он, валясь в белое кресло. — Чё мы можем?

— Да мы много чего можем. — в тон ему ответила я. — Хошь будущее, хошь любовь до гроба, хошь врагов твоих по именам назову.

— Ну не...Любовь у меня есть, про врагов и так всё знаю...Сколько стоят то услуги твои?

Ну так хочется сказать что от ста баксов, ведь именно этого ответа он и ждёт, но врать нельзя. Всё должно быть чисто.

— Знаете, мне от вас ничего не нужно. Кроме искренней благодарности.

— Да ну?

— Вот да ну! Вы мне должны от всего сердца сказать спасибо.

Мужик минуты две лежит в позе эмбриона. Отдышавшись, выдаёт.

— Давай мне про ближайшее будущее. Если всё сбудется, то я не пожалею времени, приду и поблагодарю.

Ну что ж. Сфера, карты или кофейная гуща? Пусть карты.

Колода карт с тихим хрустом появилась на столе.

— Ух ты! Фокус! — с детской радостью в голосе искренне восхитился мужик.

Может мне в фокусники пойти? Да нет, нужна благодарность взрослого человека. Карты разложились, и я сразу поняла, что от этого мне благодарности не ждать. Но отступать некуда.

— Значит так, слушайте внимательно. Вы выйдете отсюда и поскользнётесь. Сломаете руку. При этом вы не попадёте на важную деловую встречу. Ваши конкуренты, благодаря этому перехватят выгодный заказ, а ваш ближайший помощник, его, кажется, Славой зовут, прикарманит ваши деньги и уедет, так как работать с вами ему надоело. Вечером, когда вы вернётесь домой и узнаете, что разорены, вы скажете об этом жене. Ваша жена, которая уже давно копит на отдельном счету деньги, снимет их со счёта и уйдёт к любовнику. Ночью соседи зальют вашу квартиру и ваша последняя ценность, коллекция картин, к утру не будет стоять ни гроша.

Вот так! Приговор окончательный, обжалованию не подлежит. Мужик к концу моей тирады улыбку с лица убрал, но при этом ни одному моему слову не поверил. Мне потом пришлось ещё минут пять слушать его причитания под моими окнами. По мобиле он вызвал себе скорую и, пока она ехала к нему, он помянул добрым словом и жену, и соседей, и некоего Славика.

Ну и меня...

— Ведьма ху..а, ну неужели права? Убью суку!..

* * *

Попробуйте вылечить увечного. Весь мир его измениться, а привычка жить за чужой счёт останется. И он не будет вам благодарен.



Попробуйте дать денег нищему. Дадите мало — воспримет как должное, дадите много — примет за идиота.

Возьмите нормального человека и регулярно давайте ему деньги. В лучшем случае он сядет вам на шею, в худшем начнёт завидовать и возненавидит.

Только если человек любит вас, он любые ваши действия будет оценивать с оптимистичной точки зрения. Но любовь для меня — это запрещённый приём.

* * *

Следующий клиент был молод, красив, весел. А темный знак в виде рогов над его головой выдавал, что он продал душу дьяволу.

— Я знаю! — с торжеством в голосе заявил он от порога. — Вы ведьма! Настоящая!

— Ну настоящая. — я изо всех сил пыталась скрыть свой страх. Власть таких людей на этой планете практически беспредельна. К счастью, он в основном довольно убогие в плане фантазий.

— Я хочу узнать будущее!

Час от часу не легче! И этот туда же!

— Присаживайтесь.

На этот раз я выбрала хрустальный шар. Прочла нехитрое заклинание и, внутри шара замелькали картинки.

Так. Богатство, дворцы, машины, собственные острова. Так. Женщины, девушки, девочки, мальчики. Так. Слава, толпы кричащих людей, книги миллионным тиражом, памятники. Так. Маленькая ошибка. Так! Это уже интересно! За несоблюдение договора клиент попадает в Ад. Миллионы и миллионы лет Ада! Попытки, смерти, воскрешения и снова смерти. И опять пытки. Клиента унижают, пытаются, насилуют...Блин! А ведь он тоже всё это видит!

Я подняла глаза и поразилась. От красавца ничего не осталось. В хрустальный шар глядел седой старик с жёлтыми глазами. С уголка рта стекала струйка слюны. С трудом, оторвав глаза от шара, он посмотрел мне в глаза, и прохрипел.

— С-с-сука!

Про благодарность я решила не заикаться.

* * *

Объясните мне, почему люди, стремясь к собственному обогащению, не смотрят по сторонам. Если бы каждый стремился в силу своих способностей делать хорошее для каждого, как бы был прекрасен мир. Если бы то время и ресурсы, которые люди тратят на войну, тратили на развитие науки, как бы далеко шагнуло человечество?

* * *

Ланч. Кафе. Чёрный пёс пробежал между столов никем незамеченный и, обернувшись молодым человеком, сел на соседний стул.



- Асмодей, здравствуйте! Что вы здесь делаете?
- Да вот решил зайти, посмотреть как у нас дела.
- Ну и как у нас дела.
- Попыток семь тысяч четыреста сорок две. Результат ноль. Угостите меня ланчем.
- Асмодей! Ну зачем вам эта еда? Вам чего, делать нечего?
- Да не...Дел полно. Просто приятно с вами поболтать. Знаете, я верю, что вы справитесь.
- Вы это о чём? — на столе возник стакан сока и ватрушка, хватит ему, чай сам не бедный.
- Вы найдёте того, кто скажет вам спасибо от всего сердца. После этого вы вспомните, откуда вы, вспомните своё имя и найдете дорогу домой.
- Да конечно, я даже не представляю, откуда я.
- А хотите, подскажу? Но вы должны мне за это организовать молочного поросёнка и бутылку красного вина.
- Асмодей! Это уличное кафе, вы представляете, как будет выглядеть здесь молочный поросёнок.
- Плевать. Жареного с яблочком печёным в зубах.

Чистой воды хулиганство. Но любопытство мой порок. Этот парень знает всё. Его знания мне не помогут, но он может дать мне кусочек головоломки. Я буду бережно хранить его в памяти, зная что это моё. Что это часть моей прошлой жизни.

На указательных пальцах он вырастил по здоровенному когтю и, не обращая внимания на столовые приборы, начал разделявать несчастное животное. Первым делом он вынул яблоко и аккуратно кинул его на асфальт.

— Рассказываю. Жила была далеко отсюда ведьма. Как-то раз она разошлась на другую ведьму. Она наколдовала вихрь. Вихрь поднял деревянный дом. А потом этот дом упал на голову той самой другой ведьме. При этом в том мире был нарушен баланс сил, а граница осталась без прикрытия.

— Какая граница?

— Неважно. — поросёнок исчезал с невероятной быстротой. — А в том доме была маленькая девочка, совсем ребёнок. Ей потом пришлось целый месяц бомжевать в незнакомой стране в компании с таким же, как она, отверженными. Того, кто во всём этом был виноват, наказали. Ну, пока!

— Подожди. А дальше?

Куча костей, пустая бутылка. И никого. Вот так всегда!

* * *

- Я вас умоляю! Отворожите! Денег дам, сколько захотите.
- Ещё один неудачник в буквальном смысле валялся у меня в ногах.
- Я ведь вас предупреждала.
- Да! Я помню! Вы говорили, что это до добра не доведёт. Но вы же можете отворожить. Господи-и-и-и-и-и. Вы не поверите, какая она тупая. И какая она ленивая. А я на неё ору, а она смотрит и улыбается.



Две недели назад я его предупреждала. И уже тогда знала про эту особу всё.

Сейчас придётся огорчить парня ещё больше.

— Нет. Я не могу отворожить.

— Почему? — парень невольно сорвался на крик. — Почему не можете.

— Всё просто. Каждому по желанию в меру разумного, от каждого благодарность в меру возможного.

— Не понял...

Ну вот что тут скажешь...

— Вам не надо...

Имеется в виду понимать не надо. Жалко было смотреть на него.

* * *

Можно лечить людей в деревнях. Можно учить людей в городах. А когда надоест, можно просто давать объявления в интернете.

Например:

Исполню одно разумное желание.

Бесплатно!!!

Запись на собеседование по телефону

6666666.

* * *

— Мне нужно, чтобы он умер.

Молодая девушка, по виду и не скажешь. Однако вот все доказательства.

Фотография, адрес, клочок волос и личная вещь. И даже расписка, написанная кровью. Самое страшное, что эта девушка на самом деле будет мне благодарна. Она молиться будет за меня, если я избавлю её от этого подонка. Она ноги мне будет целовать. Но убийство против правил...

— Извините, — говорю я. — Но я не могу.

Она всё понимает. Она собирает со стола все предметы и уходит в гости к менее щепетильным.

Просто она не видела, что такое Ад.



ТАТЬЯНА ПЛИХНЕВИЧ

КАЗАКИ В ТЕНОЧТИТЛАНЕ, ИЛИ ЖЕ ГЕНИАЛЬНЫЙ РОМАН

И

НАЗЫВАЛИСЬ ОНИ ТАРАСКИ, ПОТОМУ ЧТО БЫЛ У НИХ бог Тарас...»

Молодой писатель с двадцатилетним стажем (по совместительству — преподаватель пятистепенного вуза со стажем отнюдь не меньшим) с сожалением отложил книгу о мифологии индейцев Мезоамерики. Но возникшая в воображении картина — Тарас Бульба, в шароварах, с оселедцем, вещает, потрясая булавой, с вершины многоступенчатой пирамиды — уходить все никак не желала. «А что, идея неплохая», — встрепенулся писатель. — «По-моему, об этом еще никто не сочинял».

С идеями у него было тяжело, со временем — и того хуже. До осенней книжной выставки оставались считанные дни. Выставка — это шанс заявить о себе, пообщаться напрямую с издателями. Неплохо бы потрясти их свежими, оригинальными идеями, желательно — с национальным колоритом. Российских, да и русскоязычных издательств на выставках все меньше год от года. Но вот беда — не ладилось с национальным колоритом. Да и откуда его взять горожанину, чья профессия — иностранные языки, а хобби — доколумбовые цивилизации Мезоамерики?

Кстати, хобби — это хорошо, но время отдыха кончилось. Пора приниматься за дело. До научной лингвистической конференции, на которой предстоит читать доклад, времени — всего ничего. Столько же, сколько до выставки.

И от со вздохом раскрыл папку с ксероксом статьи: «Лінгвопрагматична типологія репрезентуючого компонента у системі форм репродукції чужої мови».

Но Тарас Бульба не хотел оставить сочинителя в покое. Продираясь сквозь лес зубодробительных терминов, он вспоминал индейские легенды о белых богах, фрески со странными персонажами явно не индейской внешности, у которых, если приглядеться, можно различить усы и чубы-оселедцы, статьи в желтой прессе... В голову лезли бредовые идеи о казацких «чайках», унесенных в Атлантику... А что, если и вправду написать об этом? Издателям может понравиться.

Писатель проворочался всю ночь, обдумывая сюжет будущей повести. Сочинял по дороге на работу — в метро, в толпе на остановке, в троллейбусе... Остановить поток сознания не удалось и на лекциях, и он с трудом удерживал себя от искушения прервать речь на полуслове, чтобы записать очередную «гениальную идею».



Итак — Тарас Бульба не сгорел. Его отбили, погрузили в «чайку». Погоня поляков... нет, турок... Нет, все-таки турки потом. Батальная сцена... Потом еще одна. Нападение пиратов. Может, сделать Тараса предводителем флибустеров? Нет, флибустьеры, кажется, жили позже. Да и вообще пора определиться, в каком веке происходят все события. Гоголь, кажется, обмолвился — в пятнадцатом, хотя по реалиям и сюжету больше похоже на семнадцатый. Семнадцатый век нам не подходит — Америка давно уже открыта. Тарас Бульба должен приплыть туда раньше Колумба. Пятнадцатый век — и точка. А еще лучше — четырнадцатый. А существовали ли в те времена казаки? Не важно. Если факты противоречат замыслу — тем хуже для них! Чем больше нелепостей и нестыковок — тем стройней конструкция.

Это была безумная неделя. Днем — пары, нелепые ответы двоечников, бредовые распоряжения начальства. Вечера — работа над докладом. Пробки на подъезде к библиотеке Вернадского, очередь на ксерокс, книги на чужом номере... Смысл очередной архизаумной статьи с трудом доходит до сознания после дневной суеты...

Ночами он отрывался за все. Он тасовал факты, смешивал эпохи, играл абсурдными идеями, вычитанными в трудах псевдоисториков, соединял несочетаемое. Текст повести «Новые похождения Тараса Бульбы, или же Казаки в Теночтитлане» рос как на дрожжах, но воплотить все гениальные идеи и оригинальные повороты сюжета банально не хватало времени.

На пятые сутки сочинитель понял, что, если он хочет успеть в срок (и не завалить при этом доклад), ему пора задуматься о промежуточном финале. Довести повествование до логического конца, поставить многоточие — а там, если повезет, можно будет склепать и вторую, и энную часть сериала.

Но и до промежуточного финала оказалось не так близко.

Последние два дня пришлось работать по двадцать два часа в сутки. Писать на эскалаторе в метро, на пешеходных переходах, в троллейбусе, а то и просто на ходу. Похождения Тараса Бульбы мешались с лингвистическими изысканиями, реальность — с вымыслом. Казалось, что голова вот-вот лопнет, не выдержав чудовищного напряжения.

Но он выдержал. Он успел все. Он совершил невозможное.

В ночь перед конференцией и выставкой спать не пришлось совсем. Зато наутро, раскладывая еще теплые листки с текстом повести и доклада по двум одинаковым папкам, литератор был вправе гордиться собой.

* * *

Конференция тянулась неприлично долго. За окнами смеркалось, а докладчикам не было видно конца. Литератор с тревогой глянул на часы. Еще немного — и на выставку можно уже не спешить. Птица удачи улетает прочь, помахав на прощанье хвостом...

— Как Вы думаете, мы успеем зачитать мой доклад? — обратился он к секретарю секции.



— А Вы сильно этого хотите? Вечер. Люди устали. Но если Вы настаиваете — тогда, конечно...

— Нет, что Вы. Я вам тут оставлю экземпляр, а вы потом в сборнике печатаете.

Секретарь не без радости принял из рук экс-докладчика папку.

* * *

Писатель обходил выставку по третьему кругу. Несмотря на поздний час, народу собралось столько, что к стендам нельзя было протолкнуться. Какой тут разговор лицом к лицу — хоть бы названия издательств разобрать!

Названия и образцы продукции тоже не располагали к оптимизму. На большинстве стендов размещались учебники, научно-популярные брошюры, публицистика... Художественную литературу представляла переизданная классика или же детские книги.

Расстроенный литератор собирался идти домой, но тут толпа у одного из стендов расступилась, и он увидел... Фантастика! Именно то, что надо! И презентация — лишь только что закончилась. Главный редактор на месте.

Он вытащил из сумки заветную папку и дрожащими руками протянул редактору...

* * *

И потянулись унылые дни. Рутинная мелкая забота стирала память об экстазе творчества. Надежда на успех становилась все более призрачной. Еще немного — и горе-писателю станет казаться, что сочинение повести привиделось ему во сне...

И тут зазвонил телефон.

— Наверное, студенты, — раздраженно подумал педагог-литератор, — Почти весь семестр прогуляли, теперь спохватились — хотят рефератом отделиться. Нет, этот номер у вас не пройдет. Пока все темы не сладите — зачет не заработаете!

Спросили по имени-отчеству. Точно — студенты.

— Кто Вы и почему звоните мне на домашний ... — строго начал педагог и ... был наповал сражен ответом.

— Вас беспокоят из издательства.

— Ну... и...

— Великолепно! Потрясающе! Но почему Вы решили, что это фантастика? Это же мейнстрим! Постмодернизм! Нет... Круче! Пост-пост модернизм, если можно так сказать.

Молодой человек, да Вы гений! До Вас так никто не писал. Взять хотя бы этот пассаж:

«Введение нового для данного контекста объекта «собака» осуществляется определенной дескрипцией на том основании, что этот объект являет-



ся, как известно говорящему, единственной собакой, составляющей важнейший в данных условиях признак ситуативно идентифицированной территории, расположенной за воротами».

Или вот это: «У нас нет сложного намерения $i-4$, направленного на распознавание намерения $i-2$, направленного на распознавание намерения $i-1$, направленного на достижения последующего воздействия; в наше намерение не входит вызвать последующую реакцию путем распознавания нашего намерения вызвать эту реакцию, вызванное у слушающего намерение X само должно являться средством повлиять на его позицию или поведение».

Какая трансцендентность мысли! А язык! Позвольте зачитать еще одну цитату: «В координативном типе ДДД коммуникативным фокусом являются ДП ассерции, которые отображают мысль адресанта относительно выраженной пропозиции. Главным средством их реализации является категория эпистемической модальности...» Эпистемическая модальность! Непонятно, что такое — но как звучит!

Итак — завтра я Вас жду для подписания контракта. Записывайте адрес...

Писатель с недоумением положил трубку. Это какое-то недоразумение. Причем тут эпистемическая модальность? Его повесть совсем не об этом. Модальность — лингвистический термин. Так это ведь ... неужели!...

Мысль не успела оформиться — опять зазвонил телефон. Абонент представился редактором научного сборника университета, на базе которого проходила конференция.

— Что-то с моей статьей? — встревожено спросил писатель-педагог, начиная подозревать неладное.

— Да-да, статья. Потрясающая новизна! Прорыв в науке! Но ... почему Вас считали лингвистом? Вы же выдающийся историк! Доказать, что запорожские казаки открыли Америку за сто лет до Колумба — это же открытие всемирной важности! И какие убедительные факты Вы приводите! Годы, как видно, из архивов не вылазили.

Вот только название... Слишком уж оно... легкомысленное... «Похождения Тараса Бульбы»... Для такой серьезной научной концепции нужно что-нибудь посolidнее. Подумайте над этим, хорошо? А так — исследование на докторскую тянет. Кстати, когда защита?

Писателя прошиб холодный пот. Он понял все. Он перепутал папки! Как же... Что же теперь будет?...

А редактор научного сборника не умолкал:

— Кстати, про Тараса Бульбу — это правда?

4. 12. 2008 г.

P.S. Все цитаты подлинные (включая цитату про бога Тараса).



ЭЛИ БАР-ЯЛОМ

ГОЛОВА ПРОФЕССОРА СТОНУЭЛЛА

В

НАЧАЛЕ ПОЯВИЛСЯ СТОН, ХРИПЛЫЙ, МЕРЗКИЙ И СОВЕРШЕННО НЕДОПУСТИМЫЙ в приличном обществе; затем — скачком, как включают свет — пришло озарение, что стонет он сам, Ричард Стонуэлл. Своих голосовых связок у него давно уже не было, поэтому за него стонал синтезатор речи — мерзкое изобретение, за бешеные деньги подключённое напрямую к нервным клеткам речевого центра, прямо к периферии полуразвалившегося, умирающего мозга. Покрытые катарактами глаза разобрали, наконец, что во внешнем мире светло, и Стонуэлл понял, что его опять оживили.

— Доброе утро, профессор! — проскрежетал внешний мир голосом дежурной врачихи Смит. — С Вами хотят поговорить Ваши верные поклонники.

Господи, подумал Стонуэлл. Господи — и мысль была настолько вербализована, что синтезатор уловил её и простонал вслух: — Г-го-о...

Внешний мир задвигался. Они усаживаются к микрофону, понял он.

— Здравствуйте, профессор Стонуэлл! — произнёс бодрый голос молодого и здорового мужчины. — Меня зовут Марти Неметц, я председатель Балтиморского Клуба Стонуэллистов. Сегодня мне выпала честь...

По бумажке, что ли, читает?

—...с Вами от имени всех тех, кому дорог мир Каррэйн, кто читал Вашу «Мозаику» в английском оригинале или на одном из шестидесяти восьми...

В прошлый раз было шестьдесят семь. На зулусский, что ли, перевели?

—...и задать Вам вопросы, которые так волнуют наш фэндом, насчитывающий ныне...

Так-так. Ого.

—...с половиной миллиона читателей. Готовы ли Вы?

Готов ли я? Стонуэлл напрягся и произнёс синтезатором речи:

— Слушайте, если вы меня так любите, почему вы меня не отпускаете?

Каким-то слегка обиженным, но всё равно бодрым голосом провозгласил в ответ Марти Неметц:

— Профессор, Вы несправедливы к нам. Мы очарованы Вашими книгами. Мы собираем ежемесячно девятьсот семьдесят тысяч долларов на Ваше содержание здесь, на уникальные приборы, сохраняющие Вам жизнь. Мы развиваем Ваше литературное наследие бережно и не хотим вносить в Мозаику Каррэйна ничего постороннего, поэтому все вопросы, на которые Вы не успели ответить при жиз... то есть когда Вы были более здоровым, чем теперь, мы...

Да чёрт бы вас побрал. Хоть здешний, с рогами, хоть каррэйнский Синий Демон с клешнями, выдуманый мною себе на беду, хоть все черти всех миров, по кусочкам.

— Ладно, — выдавил синтезатор.

— ...и целый месяц мы не беспокоили Вас, чтобы клетки Вашего мозга...

Но у меня-то не было этого месяца. Я прихожу в сознание, когда вы являетесь,



и отключаюсь на мгновение, а тут уже следующий приходит, и -

— Всё, убедили, — провыл синтезатор. — Спрашивайте. Спрашивайте.

— Одну минутку, сейчас. — Марти Неметц завозился, наверное, поправляя своё самолюбие. И бумажку с вопросами достаёт, судя по всему, она у него где-то в нижнем белье. В прошлый раз приходил гражданин из Эдмонтона, у него вопросы на карманном компьютере были. Отстаёт Балтимор по части техники.

— Профессор, первый вопрос: как звали седьмого сына Валусиркайна?

Конечно же, эти вопросы всегда идут в начале. Их авторов он давно прозвал про себя «буквалистами». Ещё при жиз... да ладно, так оно и называется. При жизни. Отвечай, покойник, на первый вопрос.

— Седьмого сына звали Зерга.

— Зер-га. Значит, на заполярном — Зирк'а?

Вот что ему всегда нравилось — это когда другие люди изучают *его* языки. Язык заполярных силффов он придумывал, помнится, лет в двенадцать, ещё в Атланте. Думал — просто игра, оказалось — на всю жизнь.

Ах да, он же ждёт.

— Совершенно верно, мистер Неметц. Зирк'а.

— Большое спасибо, профессор. И ещё лингвистический вопрос: как в заполярном спрягаются глаголы состояния в настоящем времени?

Они, наверное, удивляются, как он всё помнит без записей, без блокнотов. Они думают, что Мозаика — просто литературный оборот. А она живая, она всегда перед его глазами. Камешек цепляется за камешек, выемки обнимают выступы: горы, реки, города, войны, языки, дружба, любовь, магия, ненависть, надежда, горы, реки... С тех пор, как когда-то он смотрел на деревья в парке и впервые представил, что за ними прячутся силфы.

— Вы наверняка помните глагол «акиннау», мистер Неметц. Так вот, дж'акиннам — я люблю, дж'акиннап — ты любишь, ну и так далее.

Для чего им понадобились глаголы состояния?

— Кого вы переводите на заполярный, мистер Неметц? Библию? Шекспира?

— Вас, профессор, — ответил Неметц. — Вашу «Мозаику».

Ах, шельмы. Ах, сволочи... дорогие, родные сволочи, Синий Демон вас. Я столько лет мечтал... Что ж, вы почти заслужили право меня мучать. Да что я? Заслужили сполна. Это я не заслужил.

— Спасибо, — пробормотал синтезатор речи.

— Н-не за что, — могучий Неметц споткнулся на первом слове, наверное, тоже расчувствовался. — Следующий вопрос: когда Йори встречает Грюма, тот говорит ему: «Я Грюм с острова Ригван». Дальше остров Ригван нигде не упоминается. Что это за остров такой?

Конечно, не упоминается. Вся прелесть в том, что автор знает о мире больше, чем его читатели, не говоря уже о героях.

— На карте Западных земель, мистер Неметц, в устье реки Лиондари нарисованы два маленьких безымянных островка. Один из них — Ригван.

— Замечательно. Какой именно?

Господи.

— Тот, что слева. Правый называется Шурскольт. Там живут...

Кого бы там поселить?



— Там, мистер Неметц, живут разумные еноты, о которых практически ничего не известно из-за присущей им скрытности.

Так-то.

— Профессор, Ваши ответы осчастливят мир.

Прям-таки. Кстати, неужели до сих пор не началась какая-нибудь мировая война? Что там, вообще, за стенами?

— Что там...

Стоп. А интересует ли это меня? Мне что-то нужно от *этого* мира?

— Что там... у вас ещё в списке?

— Следующий вопрос, профессор. Если заговор четырёх королей был окружён Завесой Тайны, как о нём узнал Синий Демон? Ведь он говорит Йори: «в эту самую минуту твои правители замышляют против меня»?

Молодцы. Вот вы и нашли в моей мозаике отверстие, которое я сам не заметил. Как быть? И... интересует ли это меня? Глухой вопрос.

— Умный вопрос, мистер Неметц, — сказал синтезатор речи. — Помните, один из королей был слепым?

— Конечно, профессор. Король Ниэльг.

Выемки обнимают выступы...

— У Ниэльга был поводырь, Планцидра. Считалось, что он из Малоразумных, поэтому от него не таились. Но когда-то...

Камешек цепляется за камешек...

— Когда-то Планцидра играл в азартные игры. Я не успел при жизни рассказать об играх, в которые играют силфы. Одна из них...

кровь бежит по сосудам, оживляя клетки -

— ...называлась «Две стрелы». Тот, кто расщепит стрелу другого, может потребовать у соперника исполнения любого желания. И вот однажды...

сосуды наполняются кровью, как весенние ручьи, как река Лиондари, которую переполняет тёплый дождь, и она -

— ...Однажды Планцидра встретил незнакомца в синих латах, который предложил ему сыграть в «Две стрелы». Уверенный в своей непобедимости, он...

она выходит из берегов и затопляет прибрежный лес, смывая грязь, накопившуюся за зиму, унося -

— ...он согласился. Они отходили всё на большее число шагов, и каждый раз... стирая границы между водой и сушией вот уже кровь размывает хрупкие обветшалые трубки и разливается прекрасным весенним очищая — освещая — осящая — о

— Доктор Смит, срочно! Что с ним?

щая все пределы вокруг от всей гряды

смит: — ...злияние в мо

неметц: — ...но фэндом пла

унося от всего навсегда

спокойно йори

спокойно

ты дома

отдохни

ОЛЕГ ДУДИН
СОВЕТ

МАРКУС, ЗАДРАВ ГОЛОВУ, С ВОСХИЩЕНИЕМ СМОТРЕЛ на возвышающуюся перед ним гору. Это была самая высокая гора, известная людям, и звалась она — Облачная. Потому что большая часть её склона была скрыта за облаками, и мало кто видел вершину Облачной.

Точно было известно, что вершину видел дракон, живущий в этой горе. Маркусу тоже хотелось бы посмотреть на вершину хотя бы одним глазком, но он пришёл сюда не за этим.

С детства Маркус любил слушать истории про сокровища драконов. Каждый сказитель преувеличивал число и без того несметных богатств крылатых повелителей небес вдвое, а то и втрое. А уж как описывались подвиги тех счастливицков, которым удалось победить дракона и завладеть его сокровищем! Правда, никто никогда не говорил о сотнях алчущих, убитых драконами.

Один из сказителей как-то мимоходом обмолвился, что в одной из пещер горы Облачной тоже живёт дракон. И, разумеется, у него тоже должны быть сокровища, потому что дракон без золота — это уже не дракон, а так, одно название. С тех пор не один десяток смельчаков ушёл к горе за своим счастьем. Судя по тому, что они не вернулись, они нашли нечто похуже.

Впрочем, это не убавило решимости Маркусу, который начал тренироваться с воинами и постигать азы владения оружием, чтобы в будущем победить дракона и завладеть его богатствами. Он с нетерпением ждал поры взросления, чтобы на правах мужчины победить дракона (о том, что может быть иначе, Маркус даже не подумал) — ведь что может сравниться с таким подвигом?

И вот, достигнув восемнадцати лет и став достаточно опытным меченосцем (хотя откуда взяться опыту, если парень до сих пор сражался только на тренировках?), Маркус отправился добывать своё счастье. Напрасно мать отговаривала его, пытаясь внушить, что счастье не только в деньгах — парень был несгибаем.

Пожалуй, только сила воли и ярая жажда славы и богатства и отличала Маркуса от сверстников. Впрочем, именно эти его достоинства и пороки привели к тому, что провожать Маркуса в путь вышла только любящая мать.

Итак, вот она — Облачная гора. Осталось только вскарабкаться на неё и найти пещеру дракона. Другой бы испугался — ведь склон горы был крут и невероятно высок. Но Маркус был не из трусливых. К тому же теперь он просто не мог отступить: возвращаться в деревню без сокровищ и доказательств убийства дракона значило покрыть себя несмываемым позором на всю оставшуюся жизнь.

Восхождение по склону Облачной, вопреки ожиданиям Маркуса, оказалось не сложным (всегда под рукой был выступ, за который можно было ух-



ватиться), да к тому же коротким. Юный воитель даже не успел добраться до первых облаков, когда обнаружил за очередным выступом большую площадку перед не менее огромным входом в пещеру.

Из чёрного провала веяло холодом и ужасом, но Маркус был слишком воодушевлён предстоящим поединком, чтобы обратить на это внимание.

Драконья пещера оказалась поистине безразмерной — Маркус прошёл уже не меньше тысячи шагов, а впереди всё ещё не было ни единого признака местного обитателя. По убеждению охотника за сокровищами такой большой зверь просто не может обходиться без шума. Должны быть слышны звуки шагов и тяжёлого дыхания, но их не было. Слышно было только пыхтение самого Маркуса и то, как он ежеминутно запинался за камни.

Наконец пятно света позади исчезло полностью, и воин оказался в крошечной тьме. И сразу услышал присутствие дракона — то самое тяжёлое дыхание, о котором он уже думал.

Тотчас обнаружился поворот, за которым предстала во всей красе пещера дракона.

Она была поистине безразмерна: переливающиеся всеми цветами радуги груды самоцветов давали возможность в этом убедиться.

Алчный взгляд Маркуса буквально прилип к этим несметным богатствам, так что сам дракон остался незамеченным.

До тех пор, пока он деликатно не кашлянул.

Маркус чуть не рухнул под ударом шквального «ветра», но всё-таки устоял. И, наконец, разглядел хозяина пещеры.

Дракон и в самом деле оказался гигантом: его голова, украшенная венцом рогов, почти упиралась в потолок, а ведь шея исполина даже не распрямилась как следует! От блеска его чешуи слезились глаза — приняв сей блеск за сияние самоцветом, Маркус и «проглядел» дракона. Ещё стоило упомянуть о мощных когтистых лапах и длинном, обёрнутом вокруг тела хвосте — без этих внушительных «деталей» портрет дракона был бы неполным.

Впрочем, Маркус не собирался любоваться драконом — у него были другие планы.

Но и у хозяина пещеры — тоже.

Не успел воин извлечь из ножен меч, как дракон заговорил.

— Кто ты? — спросил ящер глубоким басом, не лишённым бархатистых ноток.

— Я? — смутился вдруг Маркус. Он ведь даже не собирался беседовать с драконом. — Я — человек.

— Как же твоё имя, человек? Чтобы не произошло недоразумений, я представлюсь первым: я Компущий.

— Меня зовут Маркус, и я..

— И ты пришёл убить меня. Я прав? — Дракон прищурил свои чёрные, словно безлунная ночь глаза, в которых вертикальной щёлкой зрачка плясал огонь.

— Да.



— Прежде чем ты сделаешь это, позволь спросить. Зачем ты хочешь меня убить?

Ответ у Маркуса уже был готов:

— Я хочу прославиться и разбогатеть!

— Ещё один вопрос, человек Маркус. Зачем ты хочешь прославиться и разбогатеть?

— Ну как же... Слава даст мне почёт и уважение, а золото и самоцветы помогут добиться высокого места в обществе.

— И ты готов ради этого убивать? — Маркус кивнул. — А если бы на моём месте был другой человек? Ты бы тоже попытался убить его и завладеть его сокровищами? — продолжал спрашивать Компущий. — Это бы тоже принесло тебе славу и уважение?

— Нет... Но...

— Правильно, ведь я же не человек! Я всего лишь ящерица-переросток! По вашему я — никто, а значит, меня можно убить, если очень захотелось.

— Все так делают... — начал оправдываться Маркус.

— Значит, все люди — убийцы?

— Нет, конечно!

— Но ты сам только что это сказал! — воскликнул дракон. — Я и сам прекрасно знаю, что убийство у вас в крови: вы жаждете крови, и вы утоляете эту жажду, уничтожая всех, кто не похож на вас, прикрываясь при этом глупыми и бессмысленными рассказами о подвигах и славе!

Маркус растерянно отступил — он был совершенно не готов к такому повороту событий.

— Я дам тебе совет, — устало произнёс Компущий. — Будь добрее к окружающим и не причиняй им зла. Если каждый будет так делать, мир станет чуточку лучше. А теперь выбери себе любой драгоценный камень и уходи.

— С меня хватит! — закричал Маркус...

...Срывая с головы виртуальный шлем.

— В чём дело? — заглянул в комнату техник Вадим.

— Этот идиотский компьютерный симулятор опять накрылся! — продолжал бушевать Марк. — Вместо того чтобы драться с драконом, мне пришлось слушать его нотации!

— Не волнуйся, я почию его за пять минут — и ты сможешь продолжить.

— Иди ты со своим драконом! — уже спокойнее буркнул недавний «искатель приключений». — Я лучше пойду на «Космические гонки».

Он ушёл, а Вадим снял крышку с процессора симулятора и принялся что-то там откручивать, приговаривая:

— Прости, Компущий, опять у нас ничего не вышло — и этот так ничего и не понял...

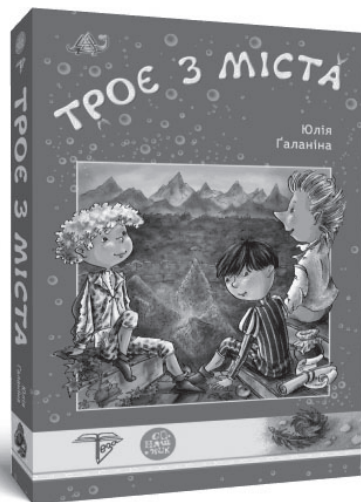
4 — 12 марта 2008

ФАНТАСТИЧНО ЦІКАВІ КНИЖКИ!

лауреати конкурсу “Дитячий портал”

знижка для членів «hi-Tech клубу» на сайті видавництва

Юлія Галаніна
Троє з міста



Ірен Роздобудько
Пригоди
на невідомому
острові

Збережи час — купи на www.teza.in.ua та отримай поштою.

Купуйте в київських книгарнях «Знання», «Сяйво», «Книгарня “Е”».

Купуйте на ринку «Петрівка»: 40-й ряд 1-ше місце, 54-й ряд 9-10-те місця.

Купуйте в мережах «КС — Книжковий Супермаркет», «Літера».



Главный редактор: Ираклий Вахтангшвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Эллен Дэтлоу (г. Нью-Йорк, США)
Атанас Славов (г. София, Болгария)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)

Консультанты редакционного совета: Марина и Сергей Дяченко

Журнал «Реальность фантастики»

№01-02 (65-66), 2009.

Тираж: 5 400. Цена договорная
Рег. свидетельство: КВ №7600 от 22.07.2003.

Подписной индекс

в каталоге «Укрпочта»: 08219
<http://www.rf.com.ua>, e-mail: info@rf.com.ua

Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель.

Перепечатка материалов
только с разрешения редакции.

© «Реальность фантастики», 2008.

Издатели: Эллина Шнурко-Табакова,
Михаил Литвинюк

Издатель: ООО СофтПресс

Киев, ул. Героев Севастополя, 10

Редакционный директор: Владимир Табаков

Шеф-редактор: Татьяна Кохановская

Редакция: Киев, ул. Героев Севастополя, 10
тел. (044) 585-8282

Для писем: 03126, Киев-126, а/я 570/8

Редактор отдела иностранной литературы:

Борис Сидюк

Редактор отдела новостей:

Мария Комиссаренко

Редактор отдела рукописей:

Сергей Пальцун

Логотип, дизайн: ©Николай Литвиненко,
2003, J.K.® Design Studio, <http://www.jk.ua>.

Художественный редактор:

Федор Сергеев

Корректор: Аллан Кармин

Верстка: Дмитрий Василенко

Руководитель отдела маркетинга:

Ирина Савиченко

Руководитель отдела рекламы:

Нина Вертебная

Представители Издательского дома:

Днепропетровск: Игорь Малахов,

тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,

e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,

тел.: (062) 345-06-25, 345-06-26,

e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич, тел.: (0322) 95-41-82,

e-mail: mandych@hi-tech.ua

Харьков: Вячеслав Белов (viacheslavb@ua.fm)

Печать: ООО «Имидж Принт» г. Киев



Подписной индекс 08219